

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

ГЕНРИХ IV

ГЕНРИХ V

ГЕНРИХ VI

ВІЛЬЯМ
ШЕКСПІР

WILLIAME SHAKESPEARE

complete works
in 14 volumes

HENRY IV

HENRY V

HENRY VI

МОСКВА
«ТЕППА» — «TERRA»
1992

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 2

ГЕНРИХ IV
часть 2

ГЕНРИХ V

ГЕНРИХ VI
часть 1

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1992

ББК 84.4(Вл)

—Ш41—

**Внешнее оформление художника
*А. Машезерской***

**В оформлении издания использованы рисунки:
Фрэнсиса Ф. Уитли (Fr. Weytley), 1747-1801,
Х. Силуза (G. Selous), 1812-1909,
Ф. Пехта (F. Pecht), р. 1814,
Джон Джильберта (J. Gilbert), р. 1817,
а также неизвестных художников
конца XV — начала XVI века.**

**Издание подготовлено издательством
«Золотой Век» (Санкт-Петербург)
при участии АО «ИКС» (Санкт-Петербург)**

**Ш 4703010300-082 Подписное
А30(03)-92**

ББК 84.4(Вл)

**ISBN 5-85255-194-5 (т. 2)
ISBN 5-85255-192-9**

© Издательский центр «ТЕРРА», 1992

Вильям Шекспир

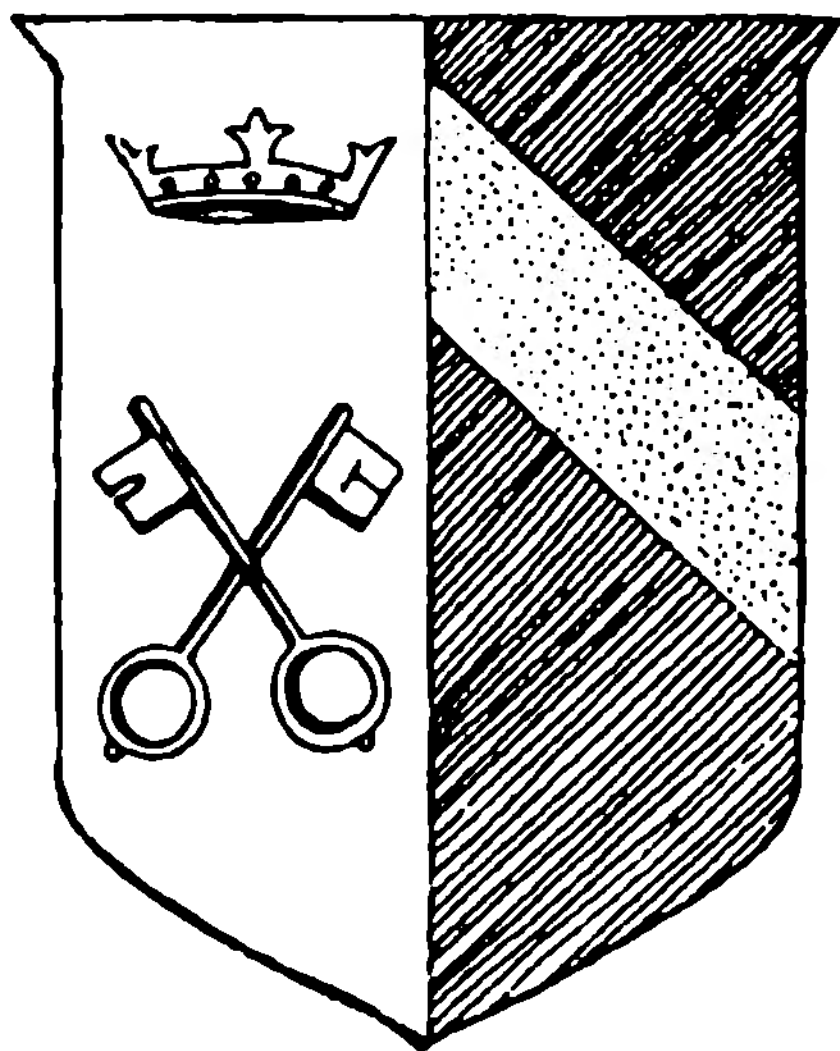
Генрих IV

историческая хроника

в V актах

часть II

Перевод Б.Пастернака

Действующие лица

Король Генрих IV.

Генрих, принц Уэльский,
в последствии король Генрих V

Томас, герцог Кларенс

Джон, принц Ланкастерский

Принц Гемфри Глостер

Граф Уорик

Граф Уэстморленд

Граф Соррей

Гауэр

Гаркорт

Блент

Лорд Верховный судья.

Его помощник.

Граф Нортумберленд.

Скруп, архиепископ Йоркский.

Лорд Моубрей

Лорд Гастингс

Лорд Бардольф

Сэр Джон Кольвиль

Треверс | слуги

Мортон | Нортумберленда.

Сэр Джон Фальстаф.

Паж Фальстафа.

Бардольф.

Пистоль.

Пойнс.

Пето.

Шеллоу | мировые

Сайленс | судьи.

его
сыновья.

сторонники
короля.

противники
короля.

Д е в и, слуга Шеллоу.

Г р и б о к

О б л а к о

Л и ш а й

Н е м о ч ь

Т е л о к

К л е щ

К о г о т ь

Л е д и Н о р т у м б е р л е н д.

Л е д и П е р с и.

М и с т р и с К у и к л и, трактирщица в Истчипе.

Д о л ь Т е р ш и т.

рекруты.

полицейские.

Лорды, офицеры, солдаты, пажи, горожане,
привратник, гонцы, два судебных пристава,
трактирные слуги, полицейские,
слуги и свита.

Олицетворение Молвы - в прологе.

Танцор, читающий эпилог.

Место действия — Англия начала XV века

ПРОЛОГ

Уоркуорт. Площадка перед замком.

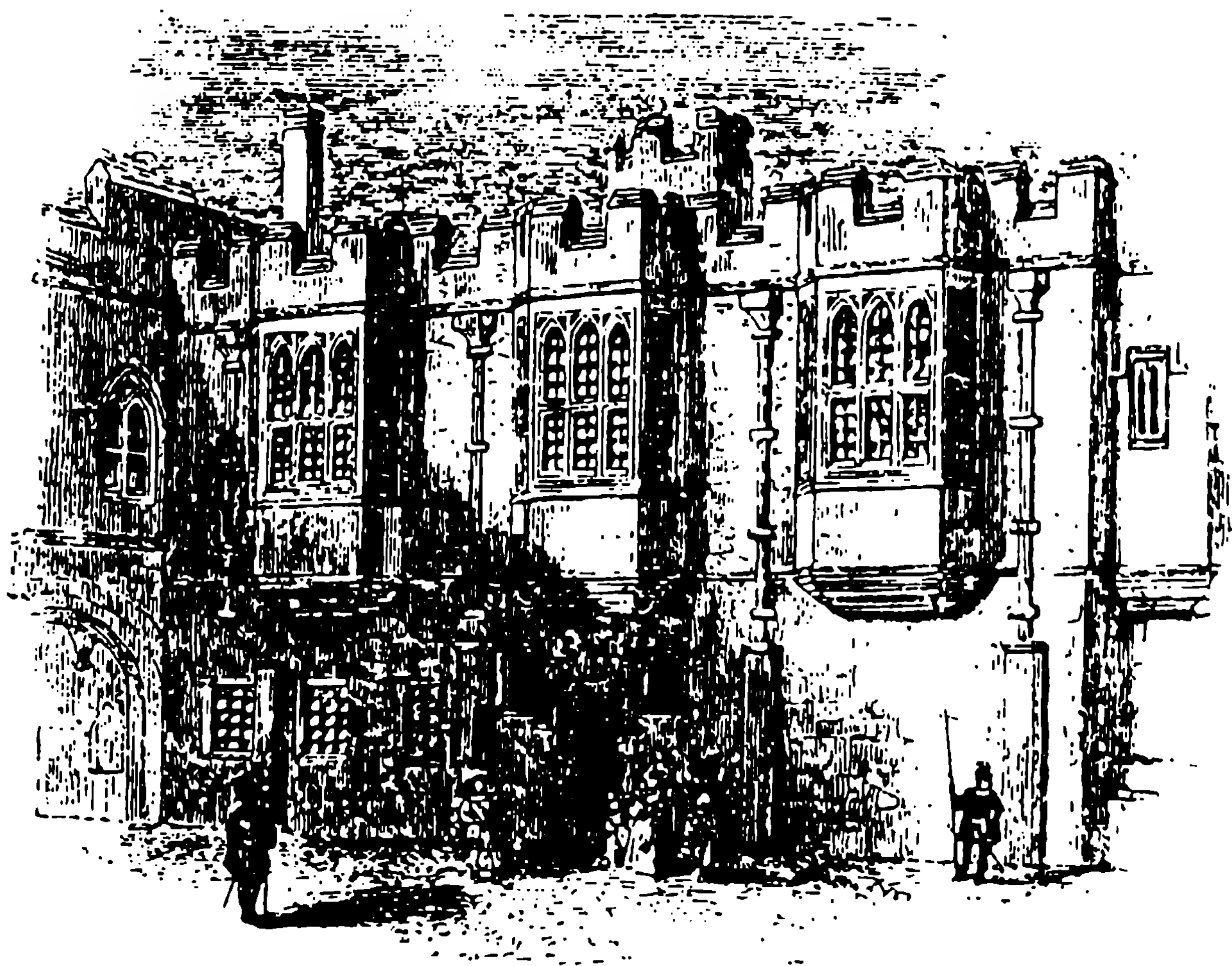
Входит Олицетворение Молвы
в платье, расписанном языками.

Олицетворение Молвы

Развесьте уши. К вам пришла Молва.
А кто из вас не ловит жадно слухов?
Я быстро мчусь с востока на закат,
И лошадью в пути мне служит ветер.
Во все концы земли я разношу
Известья о делах земного шара.
Я сшила плащ себе из языков,
Чтоб ими лгать на всех наречьях мира.
Нет выдумки такой и клеветы,
Которой я б ушей не засорила.
Я говорю про мир в канун войны,
И я вооруженьями пугаю
В дни тишины, когда земля полна
Какой-нибудь совсем другой заботы.
Молва — свирель. На ней играет страх,
Догадка, недоверчивость и зависть.

Свистеть на этой дудке так легко,
Что ею управляется всех лучше
Многоголовый великан — толпа.
Но это вам разжевывать излишне.
Мы с вами тут как бы одна семья
И знаем слишком хорошо друг друга.
Скажу, зачем я здесь. Сюда летит
Весть о победе Генриха. Мне надо
Неправдой эту правду предварить.
Под Шрусбери разбито войско Перси,

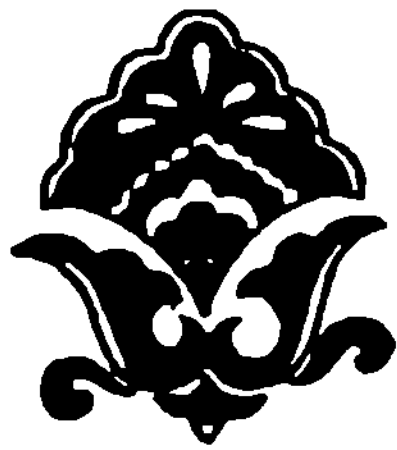

Замок в Уоркурте

В крови бунтовщиков потоплен бунт,
 Но я не выдам истинных событий.
 Наоборот, я здесь, чтоб раззвонить,
 Что жертвой Готспера пал Гарри Монмут,
 А Дуглас обезглавил короля.
 Вот я какие бредни распускала
 По мелким придорожным городкам,
 Лежащим между Шрусберийским полем
 И этой грозной каменной стеной,
 Источенной червями, за которой
 Родитель Готспера, Нортумберленд,
 Скрывается в притворном нездоровье.
 Гонцы сюда привозят только то,
 Что от меня узнали по дороге,
 Но лучше б он с надеждою расстался
 И ложною мечтой не обольщался.

(Уходит.)

АКТ I

Сцена 1

Там же.

Входит лорд Бардольф.

Лорд Бардольф

Привратник!

Привратник отворяет ворота.

Дома граф?

Привратник

Как доложить?

Лорд Бардольф

Скажи, лорд Бардольф у ворот ждет графа.

Привратник

Его сиятельство сейчас в саду.

Благоволите постучать в калитку.

Входит Нортумберленд.

Л о р д Б а р д о л ь ф

А вот он неожиданно и сам.

П р и в р а т н и к у х о д и т .

Н о р т у м б е р л е н д

Что нового, лорд Бардольф? Каждый миг —
Какой-нибудь нежданный слух. Событья,
Порвав узду, как норовистый конь,
Несут, ломая пред собой преграды.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Граф, я с известьями из Шрусбери.

Н о р т у м б е р л е н д

О, если бы с хорошими!

Л о р д Б а р д о л ь ф

С такими,

Какие сердце может пожелать.
Король смертельно ранен. Принца Гарри
Убил ваш сын, а Дуглас зарубил
Обоих Блентов. Молодой Ланкастер,
Принц Джон, лорд Стефффорд и Уэстморленд
Бежали. Монмутов ленивый боров
Фальстаф — у сына вашего в плену.

Не правда ли, великая победа?
Что Цезаря триумфы перед ней!

Н о р т у м б е р л е н д

Откуда сведенья вы почерпнули?
Вы были в Шрусбери? Сражались там?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Я говорил с приехавшим оттуда.
Он это все мне клятвой подтвердил.

Н о р т у м б е р л е н д

Ах, очень кстати! Вот слуга мой Треверс,
Он на разведку ездил от меня.

Входит Т р е в е р с.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Милорд, я обогнал его дорогой.
Он знает только все со слов моих.

Н о р т у м б е р л е н д

Что нового на свете слышно, Треверс?

Т р е в е р с

От встречного узнав про наш успех,
Я с лордом повернул домой обратно,

Но лордов конь резвей, и я отстал.
 Когда он скрылся, сзади показался
 Другой наездник и, на всем скаку
 Сдержав коня, спросил дорогу в Честер.
 Я показал дорогу и спросил,
 Что в Шрусбери. На это он ответил,
 Что Перси счастья в битве не имел,
 Что “шпора пылкая” его остыла,
 И, больше ничего не говоря,
 Взвил на дыбы измученную лошадь
 И, горяча ее, пустился вскачь,
 Как будто в беге пожирал пространство.

Н о р т у м б е р л е н д

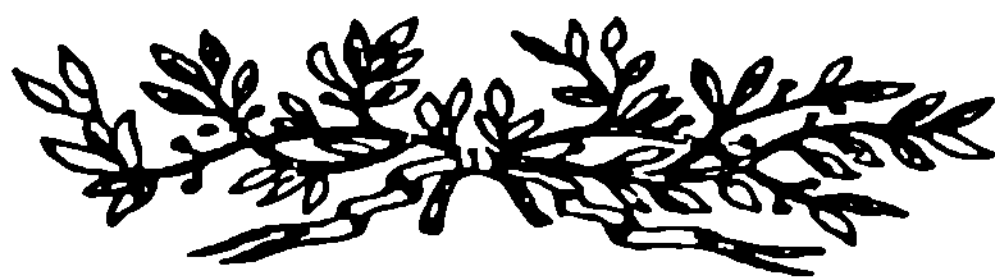
Что ты сказал? Постой-ка. Повтори.
 Что охладела Готсперова шпора
 И не было удачи мятежу?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Оставьте. Если Гарри ваш сегодня
 Не выиграл сраженья, отдаю
 За шелковый лоскут свое баронство.
 Он победил. Не спорьте. Это — вздор.

Н о р т у м б е р л е н д

Откуда ж мог представить столько данных
 Проезжий этот?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Это — мародер,
Укрававший лошадь, на которой ехал.
Он говорил, что в голову взбредет.
Но вот другой слуга ваш с новостями.

Входит М о р т о н.

Н о р т у м б е р л е н д

Взгляните на него. Его лицо
Как извещение с траурной каймою.
Такой бывает вид у берегов,
Опустошенных бурей прилива.
Ты в Шрусбери был, Мортон?

М о р т о н

Я бегом
Бежал, милорд, без памяти оттуда.
Все, что есть в смерти страшного, на нас
Свалилось разом там.

Н о р т у м б е р л е н д

Что сын и брат мой?
Но ты дрожишь, и бледность щек твоих
Все выдает мне раньше, чем твой голос.
Так, верно, именно пришел гонец
Сказать Приаму о пожаре Трои,

Так бледен был, растерян и убит.
Но прежде чем он выговорил слово,
Из-за откинутой полы шатра
Приам увидел сам огонь пожара.
Так точно гибель Перси я прочел
В твоих глазах. Ты поведешь, наверно,
Издаля: “Вот что свершил ваш сын.
А вот что — брат. А вот что сделал
Дуглас”.

Ты подготовишь, чтобы оглушить
Потом известьем, что они убиты.

М о р т о н

Нет, Дуглас жив и жив еще ваш брат,
Однако сын ваш...

Н о р т у м б е р л е н д

Сын мой умер? Умер?
Как я предвидел! Как подозревал!
Беду мы чуем с первого же взгляда
И лишь боимся подтвержденья
вслух.

Но если можешь, высмей опасенья.
Скажи, что граф твой баба и дурак.
Я с наслажденьем проглочу обиду
И, если нагрубишь мне, награжу.

Мортон

Как возражать вам? Глаз у вас хороший.
Вы — умный, дальновидный человек.

Нортумберленд

Ты признаешься, что его убили?
Зачем же ты качаешь головой,
Как будто отрицаешь эту гибель?
Ведь только клеветать на мертвых грех,
А разве клевета, что мертвый умер?
Конечно, тяжело сообщать про смерть,
И голос тех, кто носит эти вести,
Отталкивает нас потом всю жизнь,
Как колокол, звонивший по усопшим.

Лорд Бардольф

Не верю я, чтоб сын ваш был убит.

Мортон

Разуверять вас было б мне приятней.
Но я видал без памяти, в крови
Пред Монмутом поверженного Перси,
Который, павши, больше не вставал.
Он даже трусов зажигал отвагой.
Когда ж разнесся слух, что он убит,
Не стало храбрых. Все упали духом.

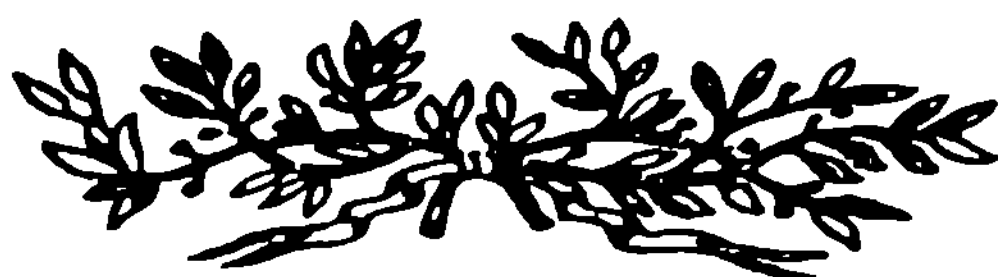

Он все скреплял. Лишь им держался бунт,
А без него распалось все на части.
Людей ошеломила эта смерть
И обратила всех в слепое бегство.
Тогда брат Вустер ваш и сдался в плен,
И был захвачен Дуглас, перед этим
В трех встречах перебивший подставных,
Одетых королем. Но вдруг он струсил,
Пустился наутек и тут был взят,
Разбившись вместе с лошадьёю с разбега.
Итак, сражение выиграл король
И выслал войско против вас, которым
Командует принц Джон и Уэстморленд.
Вот, кажется, и все.

Н о р т у м б е р л е н д

Слезам и скорби

Предамся после. Но спасибо им.
В их горечи содержится лекарство.
Когда б я перед этим был здоров,
Я заболел бы от таких известий.
Но я хворал, и вот я исцелен.
Как в новом пароксизме лихорадки
Из рук сиделки рвется вон больной,
Пластом без сил лежавший перед этим,
Я ослабел от горя, но зато
Мне ярость удесятеряет силы.

Стать на ноги! Долой костыль! Стянуть
Железной рукавицей эту руку!
Повязку с головы! Она не шлем
И не защита от верховной власти
Пришедшей в возбуждение от побед.
Нет, шлем сюда! И до бровей надвинуть!
И бросить вызов самым худшим дням
Из всех, назначенных Нортумберленду!
Пусть небеса разверзнут хляби вод.
Пусть хлынут волны нового потопа.
Пускай умрет порядок. Пусть во всех
Проснется Каин, и в потоках крови
Окончится существованья фарс,
И сумрак ночи похоронит мертвых.

Т р е в е р с

Сдержитесь. Волноваться вам нельзя.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Не отдавайтесь так во власть страданья.

М о р т о н

От вашей бодрости зависит жизнь
Сообщников. У вас в руках их счастье.
Вы и себя должны держать в руках.
Наверное, пред тем как взбунтоваться,
Вы перебрали мысленно в уме

Возможные последствия. Вы знали,
 Что в этой страшной сече часть мечей
 Подъята будет и над вашим сыном,
 Что он привык опасностью шутить
 И может в пропасть с крутизны свалиться,
 Что смертен он, как все, и уязвим.
 Вы знали, что в своем слепом бесстрашье
 Он рвется вглубь, где гуще льется
 кровь.

Вы это понимали, и, однако,
 Ему вы приказали выступать
 И ведь не отменили приказанья.
 Так что же нового произошло
 В исходе первой дерзновенной схватки,
 Чего бы вы предвидеть не могли?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Нас всех печалит это поражение,
 Но разве кто-нибудь из нас не знал
 Всей шаткости расчетов на удачу?
 Но цель манила, мы пустились вплавь,
 Нас не смутила вероятность бури.
 Так надо поступать нам и теперь.
 Нужна решимость и готовность
 к жертвам.
 Все на алтарь: имущество и жизнь!

Мортон

Как я слышал, архиепископ Йоркский
Вооружился. Он связал людей
Сильнейшею порукою, чем Перси.
Ваш сын, увы, командовал в бою
Не душами людей, а их телами.
Всех в кукол превращало слово “бунт”
И мучило сознание беззаконья.
Казалось, что на нашей стороне
Одни мечи, а что сердца и руки
Сковал мороз, как рыб зимой в пруду.
А тут мятеж возводят в символ веры.
Епископ почитается святым.
Все вверились ему душой и телом.
Кровь короля Ричарда соскоблив
С Помфретских плит, над этою святыней
Он говорит, что послан оградить
Несчастный край от козней
Болинброка.
И стар и мал стекаются к нему.

Нортумберленд

Да, я слышал, но под влияньем горя
Не стал расспрашивать вас в первый миг.
Пойдемте в замок. Надобно обдумать,
Как действовать и лучше отомстить.

Мы одиноки. Нам нужна подмога.
Друзей ценить нам надо. Их немного.

Уходят.

Сцена 2

Лондон. Улица.

Входит Фальстаф, следом за которым мальчик-паж
несет его меч и щит.

Фальстаф. Ну, ты, великан, что сказал доктор про мою мочу?

Паж. Доктор сказал, что моча сама по себе хорошая, но что больной, от которого она взята, может быть очень плох.

Фальстаф. Каждый считает своим долгом изощрять на мой счет остроумие, точно на свете нет другого развлечения. Я не только каламбурю все время сам, но даю еще пищу чужим шуткам. Эй, карапуз, гляжу я на нас с тобой, когда ты таскаешься за мной вот таким манером, и знаешь, похоже, точно я опоросившаяся свинья, которая съела всех своих поросят, кроме одного, и вот он все шляется за нею сзади. Либо я ничего не смыслю в таких вещах, либо принц нарочно приставил тебя ко мне, чтобы оттенить мой рост. Конечно, лучше бы он просто подарил мне тебя вместо пера на шляпу, пигалица ты этакая. Но я не люблю драгоценных безделушек и не буду оправлять тебя в золото, а отправлю назад к принцу, который преподнес мне тебя. Он такой же молокосос, как ты, и скорее у меня вырастет борода на ладони, чем у него пробьется когда-нибудь пух на подбородке. Ну, что ты узнал

у Домбльтона, малютка? Поставит он мне атлас на штаны и накидку?

П а ж. Бардольф для него не поручитель. Он просит другого. Ваших закладных он не признает.

Фальстаф и паж. Силуэты П.Коневки

Ф а л ь с т а ф. Пусть сгорит он в таком случае от жажды, как богач в притче. Что за баснословный подлец! Водить честного человека за нос с такой корыстной целью! Пуританские святоши! У портного ничего нельзя взять в кредит без этих глупых толков о поручительстве! Я лучше соглашусь, чтобы рот мне набили крысиной отравой, чем слушать этот вздор о поручительстве. Ну хорошо. Черт с ним. Пусть спит спокойно. Он боится, как бы я его не обманул без поручительства, и не замечает, как его надувает его собственная жена. Где Бардольф?

П а ж. Он отправился в Смитфилд купить вам лошадь.

Ф а л ь с т а ф. Есть поговорка: “Не нанимай слуги с паперти, не покупай лошадей в Смитфилде и не женись на первой встречной”. С Бардольфом я познакомился в соборе святого Павла, а лошадь он мне покупает в Смитфилде. Для полноты картины мне остается жениться на прохожей, и все будет в порядке.

П а ж. Сэр, вон должностное лицо, которое посадило принца в тюрьму за то, что тот набросился на него с кулаками, заступаясь за Бардольфа.

Ф а л ь с т а ф. Идем вперед без оглядки. Я не желаю его видеть. *(Отходит в глубину сцены, взяв меч и щит у пажа.)*

Входит верховный судья с помощником.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Кто это впереди?

П о м о щ н и к. Это Фальстаф, милорд.

В е р х о в н ы й с у д ь я. А, это тот, который привлекался к суду за ограбление?

П о м о щ н и к. Да, милорд. Но потом он показал себя с хорошей стороны. Он был под Шрусбери, и теперь, как я слышал, его посылают с поручением в армию герцога Ланкастерского.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Вот как? В Йорк? Позовите его.

П о м о щ н и к (*нагоняя Фальстафа*). Сэр Джон Фальстаф!

Ф а л ь с т а ф (*не оглядываясь, нажу*). Скажи ему, что я глухой.

П а ж. Говорите громче. Мой хозяин глух, не слышит.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Разумеется, глух. В особенности ко всему хорошему. Дерните его за рукав. Мне надо поговорить с ним.

П о м о щ н и к (*трогая Фальстафа за локоть*). Сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф. Как? Такой здоровенный малый и просит милостыню? И это в военное время? Разве в стране нет дела? Разве королю не требуются сильные руки, а мятежникам — солдаты? Конечно, принять сторону изменников — последнее дело, но просить милостыню — еще хуже, чем служить на стороне изменников.

П о м о щ н и к. Вы принимаете меня за кого-то другого.

Ф а л ь с т а ф. Разве я отнес вас к порядочным людям? Тогда извините. Я позволил себе грубую ошибку.

Помощник. Позволяйте себе ее и дальше. Относиться к себе иначе, чем как к порядочному человеку, я не позволю.

Фальстаф. “Позволяйте”, “позволю”? Позвольте, что за тарабарщина? Прочь, сатана! Сгинь, рассыпья!

Помощник. Сэр, милорд желает что-то сказать вам.

Верховный судья. Сэр Джон Фальстаф, на минутку.

Фальстаф. Ваша милость! Дай вам бог здоровья. Рад видеть вашу милость в добром здоровье. Я слышал, ваша милость были нездоровы. Как бы не повредил вам свежий воздух. Хотя ваша милость полны еще юношеской силы, но вместе с тем время не пощадило вас. Ваша милость! Смотрите за своим здоровьем, умоляю вас.

Верховный судья. Отчего вы не пришли, сэр Джон, когда я требовал вас к себе перед вашим отъездом в Шрусбери?

Фальстаф. Я слышал, его величество король вернулся из Уэльса немного расстроенным. Правда ли это, ваша милость?

Верховный судья. Речь не о его величестве. Я спрашиваю, отчего вы не пришли, когда я звал вас?

Фальстаф. Я слышал, будто нашего обожаемого монарха опять хватил этот чертов удар. Вы подумайте, какое несчастье!

Верховный судья. Помоги бог его величеству. Но речь о вас. Поговорим, не отвлекаясь.

Фальстаф. Я считаю, что этот удар есть некоторый род апоплексии, то есть, с позволения сказать, этакая летар-

гия или, так сказать, застой крови. Вы подумайте, что за наваждение!

Верховный судья. Это к делу не относится. Я уже вам сказал, что суть не в этом.

Фальстаф. Я думаю, апоплексия эта — от огорчений, неумеренных занятий и переутомления мозга. Я читал об этом где-то у Галена. Я думаю, это род развивающейся глухоты.

Верховный судья. По-видимому, вы также больны ею: от вас не добьешься толку.

Фальстаф. Совершенно верно, милорд. Однако у меня это скорее припадки невнимания и острого неповиновения, застарелая болезнь, которою страдают мои уши.

Верховный судья. Несколько палочных ударов по пяткам выбили бы у вас из ушей эту болезнь. И я ни перед чем не постою, чтобы вас вылечить.

Фальстаф. Я так же беден, как Иов многострадальный, но не так многотерпелив. Лекарства в большом количестве мне не по средствам. Если вы мне пропишете тюремное заключение, то только в дозах, доступных моему состоянию.

Верховный судья. Я посылал за вами. Против вас имелось уголовное обвинение. Я хотел поговорить с вами.

Фальстаф. Я предпочел не явиться по совету моего адвоката.

Верховный судья. Нельзя отрицать, сэр Джон, что вы живете в большой распущенности.

Ф а л ь с т а ф. Мои размеры не позволяют мне довольствоваться малым.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Доходов у вас никаких, а живете вы на широкую ногу.

Ф а л ь с т а ф. Увы, я первый хотел бы, чтобы в отношении доходов было наоборот.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Вы совратили принца с пути. Вы для него плохой нравственный пример.

Ф а л ь с т а ф. Напротив, он погубил меня. Вследствии толщины мне трудно ходить. Я не гожусь в поводыри и руководители.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Хорошо. Не будем беречь старой раны. Своим поведением под Шрусбери вы немного загладили свои подвиги на Гедских холмах. Благодарите беспокойное время за то, что все обошлось для вас так спокойно, но не повторяйте больше таких проделок. Вспомните о своем возрасте. Вы уже старик, а позволяете себе вещи, непростительные мальчишке. В самом деле, посмотрите на себя. Разве у вас не слезятся глаза, не высохли руки, не побелела борода, не желтеют щеки? Подбородок у вас двойной, а смысла стало вдвое меньше. Зачем вы напускаете на себя эту резвость? Стыдитесь, стыдитесь, сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф. Милорд, уверяю вас, эти признаки обманчивы. Они у меня с рождения. Я еще совершенный юноша. Я родился в три часа пополудни с седой головой и немного круглым животом. Что же дальше? Голос у меня хриплый по причине благочестия. Я надорвал его пением на клиросе. Ка-

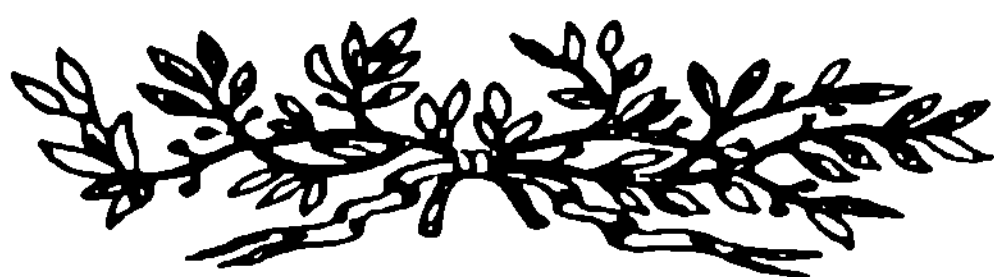
кие привести вам доказательства того, как я еще молод? Правда, сужу я и разбираюсь во всем, как старик, но эта рассудительность у меня с младенчества.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Все же пошли господь принцу более подходящего товарища.

Ф а л ь с т а ф. И опять вы не правы. Дай мне бог более подходящего принца. Я тягочусь таким товарищем.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Вот и кстати, что король решил разлучить вас. Передают, что вас посылают в действующую армию против архиепископа и графа Нортумберленда, к герцогу Ланкастерскому?

Ф а л ь с т а ф. Вероятно, я вам обязан этим лестным назначением. Тем больший долг вас всех, остающихся в мирном тылу, молиться, чтобы мы не попали в слишком жаркое дело. Клянусь богом, я беру в дорогу только две рубашки и не хотел бы потеть свыше моих сил. Кроме того, если в горячую минуту я способен размахивать каким-либо другим оружием, кроме винных бутылок, пусть я лишусь слюны и навеки разучусь плевать. Удивительное дело! Стоит появиться где-нибудь опасности, как туда сейчас же посылают меня. Понятная необходимость: мое имя наводит ужас на неприятеля. Но тогда и берегите такое средство и обращайтесь к нему только в крайности. Однако у нас, англичан, есть одно несчастное свойство. Всякую чрезвычайность мы спешим превратить в правило. Вы сейчас сказали, что я старик. Что же мне не дадут увольнительного свидетельства?

Вы думаете, я обижусь, если останусь в стороне от тревог действующей армии?

В е р х о в н ы й с у д ь я. Поступайте честно, поступайте честно, и бог да благословит ваши начинания.

Ф а л ь с т а ф. Не одолжит ли мне ваша милость тысячу фунтов на первое обзаведение?

В е р х о в н ы й с у д ь я. Нет, ни одного пенни. Вы слишком скоры. Вы еще ничего не сделали, а требуете уже признания. Счастливой дороги! Кланяйтесь от меня лорду Уэстморленду, с которым я в родстве.

Верховный судья и помощник уходят.

Ф а л ь с т а ф. Как же, очень нужно! Размозжите меня плющильной машиной, если я передам этот поклон. Видно, скупость так же неотделима от старости, как веселый образ жизни от молодости. Эй, мальчик!

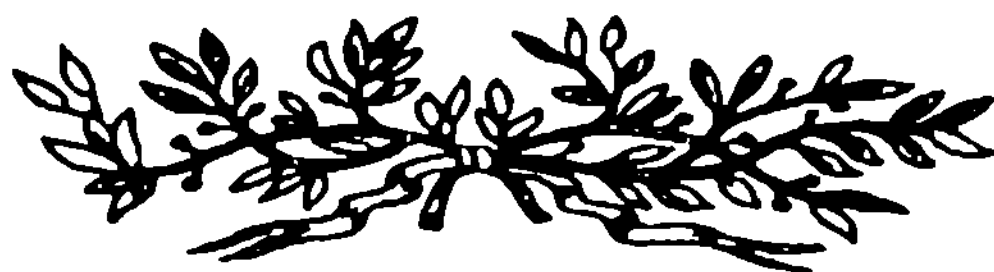
П а ж. Что изволите, сэр?

Ф а л ь с т а ф. Сколько денег в нашей кассе?

П а ж. Семь серебряных монет и два пенса.

Ф а л ь с т а ф. Чем лечить эту карманную чахотку? Займы только затягивают ее, а сама болезнь неизлечима. Снеси это письмо милорду Ланкастеру, а это — принцу Генриху. Это передай графу Уэстморленду, а это госпоже Урсуле. Я каждую неделю клянусь жениться на этой старухе, с тех пор как заметил у себя первый седой волос. Ну, марш. Ты знаешь, где потом найти меня.

П а ж уходит.

Ах, черт побери, опять эта подагра! А впрочем, наплевать. Это даже к лучшему, что я хромаю. Свалю на войну и буду просить перевода на пенсию. Умный человек никогда не пропадет и даже из болезни сумеет извлечь для себя пользу. (Уходит.)

Сцена 3

Йорк. Дворец архиепископа.

Сидят с непокрытой головой архиепископ, лорды
Гастингс, Моубрей, Бардольф и другие.

А р х и е п и с к о п

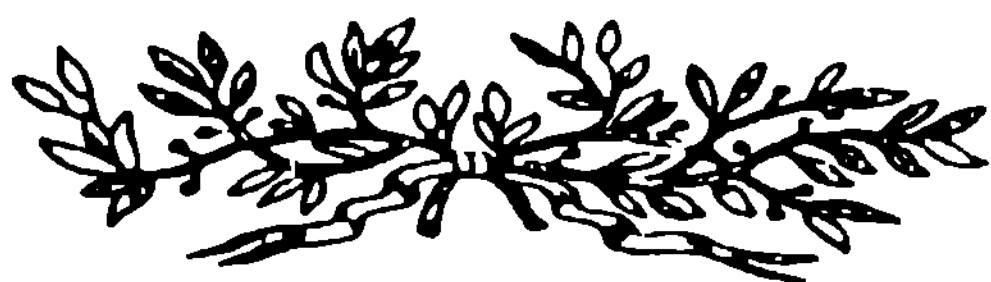
Теперь, обрисовав вам положение,
Прошу вас высказаться сообща,
Какого мнения вы о наших силах
И каковы надежды на успех,
И первым говорите вы, лорд-маршал.

М о у б р е й

Хотя мне близки цели мятежа,
Мы слишком малочисленны, считаю,
И нам нельзя смотреть на короля
Уверенно, с сознанием превосходства.

Г а с т и н г с

У нас, по точным сведениям, в строю
До двадцати пяти неполных тысяч.

В придачу к ним мы вправе ожидать
Большой поддержки от Нортумберленда.
Он в ярости теперь и рвется в бой.

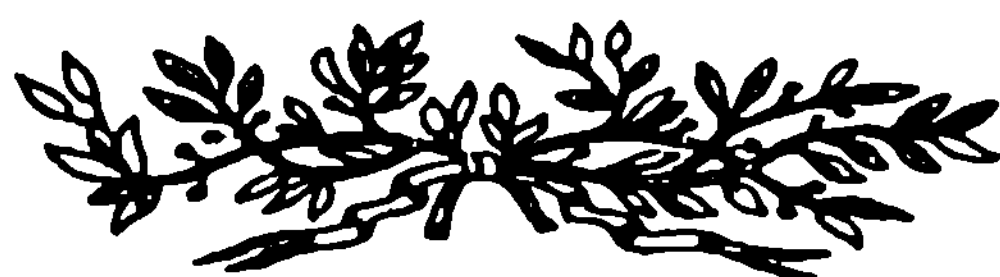
Мужской костюм XVI века

Лорд Бардольф

Скажите, как вы думаете, Гастингс,
А хватит ли нам двадцати пяти
Неполных этих тысяч для отпора?

Г а с т и н г с

С Нортумберлендом хватит.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Ну так вот.

Ввиду того, что без него нас мало,
Мне кажется, нам надо подождать,
Пока он сам прибудет с подкрепленьем.
В рискованных делах, где льется кровь,
Предположенья ничего не стоят.

А р х и е п и с к о п

Вот именно. По их вине погиб
На Шрусберийском поле юный Готспер.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Он льстил себя несбыточной мечтой
И полагался так на обещанья,
Что очутился с армией в беде
И в пропасть ринулся, глаза зажмуря.

Г а с т и н г с

Однако разве можно перестать
Загадывать и делать допущенья?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Не на войне, как эта. Каждый шаг —
Сплошная неожиданность, внезапность.
Смешно тут жить надеждой, как смешно

По первым зеленым судить о жатве.
Полезней ждать, что их побьет мороз,
Чем видеть впереди одну удачу.
Пред тем как мы возьмемся строить дом,
Мы тщательно осматриваем место,
Готовим смету, составляем план
И, увидав, что стоимостъ постройки
Нам не по средствам, строимся
скромней,
А то и вовсе ничего не строим.
Все надо делать осмотрясь. А нам
Еще необходимей осторожность.
Мы королевство сносим, а не дом,
И выстроить задумали другое.
Пред общей ломкой пересмотрим цель,
Договоримся вновь об основаньях,
Проверим силы, спросим
знатоков,
А то нас много только на бумаге
Людскими списками, а не людьми,
И замысел наш может
провалиться,
Как валится недовершенный дом,
Который без оконных рам и крыши
Строитель прогоревший отдает
На милость облакам, снегам и ветрам.

Г а с т и н г с

Имеющиеся у нас полки
И без Нортумберлендовых сумеют
Помериться с войсками короля.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Как? Королевских двадцать пять лишь тысяч?

Г а с т и н г с

Не больше. В выставленных против нас,
Пожалуй, даже меньше. Ведь ему
Приходится бороться на три фронта.
Треть войска против нас,
а две других —
Заслоном от Глендаура и французов.
Раздробленная армия слаба,
И в казначействе мерзость запустенья.

А р х и е п и с к о п

Не думаю, чтоб он на нас напал
Своей сосредоточенною мощью.

Г а с т и н г с

О, никогда. А то он обнажит
Глендауру тыл, а правый фланг французам.

Л о р д Б а р д о л ь ф

На нашем направленьи Джон Ланкастер
С Уэстморлендом. Сам король и принц
Командуют отрядами в Уэльсе,
А кто против французов, не слышал.

А р х и е п и с к о п

Что ж, в добрый час. Объявим всенародно
Причину мятежа. Страна сыта
Своим любимцем. Шаткое жилище —
Людское сердце и его любовь!
Слепая чернь, давно ль ты Болинброку
Приветствиями оглашала даль?
Теперь, когда он там, где ты желала,
И царствует, вини сама себя.
Ты им полна и хочешь вон извергнуть,
Как ты имела случай изо рта
Уже извергнуть Ричарда,
О чем теперь жалеешь. Ты, как пес:
Что отрыгнешь, то после подъедаешь.
Непостижимы наши времена!
Тем самым, кто желал Ричарду смерти,
Теперь вдруг стал любезным этот прах!
Давно ли вы в него бросали грязью,
Когда он шел с поникшей головой
По Лондону, стыдись, за Болинброком?

Не мимо ваших ли рядов он шел?
Что ж с той же силой вы теперь кричите:
“Не надо нам живого короля,
Отдайте нам покойника обратно!”
На окружающее мы брюзжим
И лишь отсутствующим дорожим.

М о у б р е й

Устроим смотр и выступим в поход.

Г а с т и н г с

Пора, конечно. Время ведь не ждет.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Лондон. Улица.

Входят трактирщица, Клещ и Коготь.

Трактирщица. Мистер Клещ, вы направили дело ко взысканью?

Клещ. Направил.

Трактирщица. А где ваш судебный исполнитель? Это человек распорядительный? Он не струсит?

Клещ. Черт возьми! (Зовет.) Эй, где вы там, Коготь?

Трактирщица. Ах, вот кто с исполнительным листом? Миленький мистер Коготь?

Коготь. Я здесь.

Клещ. Коготь, надо арестовать сэра Джона Фальстафа.

Трактирщица. Да, дорогой Коготь. Я подала на него.

Коготь. Гм. Хорошо. Это может нам стоить жизни. Чего доброго, ткнет еще шпагой.

Трактирщица. Помилуй бог, берегитесь его. Он час-тенько бивал меня в моем собственном доме. Вы подумайте, какая скотина! Ведь он ни на что не смотрит, как схватится

за шпагу. Махнет — и пошла! Ему тогда все равно, что мужчина, что женщина, что ребенок.

К л е щ. Только бы он мне попался, а там посмотрим!

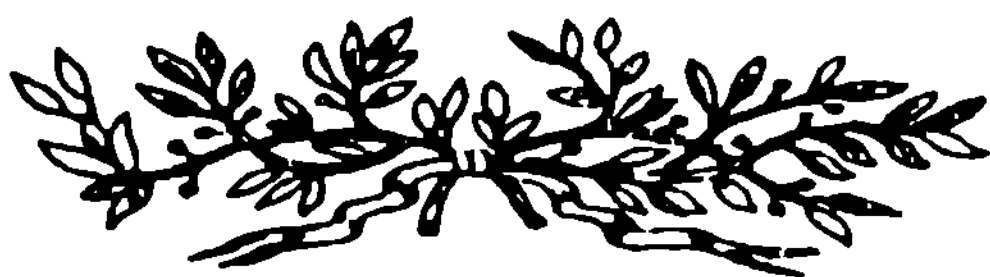
Т р а к т и р щ и ц а. Не оскандайтесь! Я вас не оставлю.

К л е щ. Только бы мне до него добратся! Только бы мне сцепиться с ним!

Т р а к т и р щ и ц а. Если вы его упустите, я пропала. Долгу за ним сущая гибель, истинное разоренье. Схватите его, миленький мистер Клещ! Миленький мистер Коготь, смотрите, как бы он не удрал. Сейчас доложу я вам, направился он за седлом в Пирожный ряд, а потом, я знаю, пойдет обедать к мистеру Смусу, торговцу шелком. Вот удобный случай задержать его. Войдите в мое положение, поймайте его! Шестьдесят фунтов стерлингов — не шутка для бедной женщины. Уж я терпела-терпела, терпела-терпела, а у него что ни день, то “завтра”, что ни день, то “завтра”, и все новые оттяжки и отговорки. Надо знать меру, этак под конец ведь лопнет и терпение! Да что я осел какой-нибудь или какая-нибудь вьючная тварь — молча носить все, что положат? Господи, твоя воля, вот он идет! И с ним этот проклятый черт с сизым носом, этот Бардольф! Миленькие, не осрамитесь! Миленькие, не осрамитесь! Миленькие, не осрамитесь! Мистер Клещ, мистер Коготь, держите его, держите его!

Входят Ф а л ь с т а ф, Б а р д о л ь ф и п а ж.

Ф а л ь с т а ф. Ну как? Чья кобыла подохла? По какому поводу шум?

К л е щ (хватая Фальстафа за плечо). Сэр Джон, я вас арестую по иску госпожи Куикли.

Ф а л ь с т а ф. Прочь, негодяи! Вынимай меч, Бардольф! (Выталкивает Бардольфа вперед между собой и

Клещ и Коготь. Силуэты П.Коневки

Клещом.) Долой голову с этого негодяя, а эту красавицу — в канаву!

Трактирщица. Меня в канаву! Я тебе покажу канаву! Ишь ты, что выдумал! Ишь ты, что выдумал! Дрянная паршивая, — в канаву! Караул, режут! Ах ты, злодей ты этакий, на кого ты замахиваешься? На богом и королем поставленное начальство? Ах ты, лиходея ты этакий, душегуб и смертоубивец!

Фальстаф. Вали их наземь, Бардольф.

Клещ. Помогите! Помогите!

Трактирщица. Караул, люди добрые, обижают, заступитесь! Вот сбегутся сейчас, покажут тебе! Ага, не нравится? Ну что, взял? Ну что, взял, злодей ты этакий и головорез?

Фальстаф. Не подходи, чумичка! Проваливай отсюда, трепанный подол, а то от тебя один пух полетит!

Входит верховный судья со стражей.

Верховный судья. Что тут такое? Прекратить безобразие!

Бардольф и паж сторонятся. Клещ и Коготь хватают Фальстафа.

Трактирщица. Смилуйтесь, милорд! Заступитесь за бедную женщину!

Верховный судья

Вы снова здесь буяните, сэр Джон?
На то ли вам даны чины и званье?
Где же ваш Йорк? Я думал, вы в пути.

(Клещу и Когтю.)

Что это вы в него вцепились, право?

Т р а к т и р щ и ц а. Достопочтенный лорд, я бедная вдова из Истчипа. Он арестован по моему иску.

В е р х о в н ы й с у дья. На какую сумму?

Т р а к т и р щ и ц а. Не на сумму, ваша милость, а на все, что у меня было. Он съел меня, проклятый, всю с внутренностями и все мое имущество упрятал в свое жирное брюхо. Этого уже не воротить, да пусть отдаст хоть часть, а то я его замучаю в ночных кошмарах.

Ф а л ь с т а ф. Это пугало правда может привидеться ночью. Но кто сказал, что я не могу присниться еще страшнее?

В е р х о в н ы й с у дья. Как вам не стыдно! Фу, сэр Джон! Какой человек с совестью мог бы оставаться безучастным к таким жалобам? Долго ли вы будете безнаказанно издеваться над ее правом?

Ф а л ь с т а ф. Сколько на круг я тебе должен?

Т р а к т и р щ и ц а. Ах, господи, если бы ты был честным человеком, ты бы вспомнил, что, кроме денег, ты задолжал еще мне самого себя. Помнишь, ты в Троицын день сидел в моей дельфиновой комнате за круглым столом у камина? Принц расшиб тебе голову. Ты сказал, что его отец напоминает одного певчего в Виндзоре, и принц обиделся. Я отмывала с тебя кровь, и ты на моем кубке с позолотой поклялся, что вступишь со мной в законный брак. Неужели ты от этого отречешься? Вошла мясничиха Кич, соседка, и говорит: “Ку-

мушка Куикли, одолжите мне, говорит, уксусу, у меня креветки к ужину". Тебе тоже захотелось креветок, а я говорю: "Нет, говорю, когда свежая рана, креветки — вредно". Или, может быть, я все это выдумала? И только эта Кич за дверь, ты мне и говоришь: "Не очень, мол, рассыпайся перед этим народом. Скоро ты будешь моею женой — дворянкой и им не чета". Помнишь? И еще поцеловал меня и попросил займы тридцать шиллингов. Или, может быть, я все это выдумала?

Ф а л ь с т а ф. Милорд, это бедная сумасшедшая. Она принимает вас за своего старшего сына и слоняется по всему городу с этой басней. В молодости она была богата. Разорение помутило ее рассудок. А что касается этих глупых полицейских, я требую возмещения за их ошибку.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Сэр Джон, сэр Джон, ваша способность называть белое черным мне хорошо известна. Я не так глуп, чтобы поток ваших наглых и самоуверенных слов мог обмануть меня. Вы своекорыстно пользовались легковерием и уступчивостью этой женщины.

Т р а к т и р щ и ц а. Истинная правда, милорд.

В е р х о в н ы й с у д ь я. погоди, не перебивай. Уплатите ей долг и искупите свою вину перед ней. Первое надо сделать наличными, второе — искренним раскаянием.

Ф а л ь с т а ф. Милорд, вы думаете, что вы мне утерли нос и я не отвечу? Когда человек прям и ему нечего бояться, вы находите его наглым и самоуверенным, а когда ему нечего сказать и он только расшаркивается, то, по-вашему, это чистая совесть? Нет, милорд, с этим я никогда не соглашусь.

А эти полицейские пусть от меня отвяжутся, потому что я служу в королевской армии и тороплюсь.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Не разговаривайте так, точно у вас есть право угрожать, но сначала удовлетворите требования этой бедной женщины, как подобает офицеру.

Ф а л ь с т а ф. Поди сюда, трактирщица. (*Отводит ее в сторону и шепчется с ней.*)

Входит Гауэр с письмами.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Что слышно, мистер Гауэр?

Гауэр

Милорд, король и Генрих, принц Уэльский, Поблизости. Дальнейшее в письме.

Ф а л ь с т а ф (*в сторону, трактирщице*). Слово дворянина.

Т р а к т и р щ и ц а. Вы всегда так говорили.

Ф а л ь с т а ф. Слово дворянина, говорят тебе, и баста!

Т р а к т и р щ и ц а. Но для этого придется заложить серебро и ковры из кабинетов, чтоб мне с места не сойти.

Ф а л ь с т а ф. Ну и что же? Хватит с тебя стеклянной посуды, а две-три картинки на стене, блудный сын там какой-нибудь или немецкое изображение охоты в тысячу раз лучше этих пыльных ковров и блошиных драпировок. Хорошо, если бы достать десять фунтов. Постарайся. Ей-богу, когда бы не твоя вспыльчивость, не было бы лучшей бабы в целой Англии. Ну ладно. Ступай, умойся, плакса, и возьми назад свою

жалобу. (*Задабривая ее.*) Подумай, правда, к чему эти выходы? Точно ты меня не знаешь. Ну, поладили? Поладили? Я знаю, это не ты сама, тебя подговорили.

Т р а к т и р щ и ц а. Шесть фунтов стерлингов это бы еще куда ни шло. Не запрашивайте, сэр Джон. Смерть неохота мне закладывать серебро, ей-богу.

Ф а л ь с т а ф. Ну не надо. Я устроюсь по-другому. (*Отходит от нее.*) Дура ты была, дура и есть.

Т р а к т и р щ и ц а. Ладно, достану, хоть бы мне пришлось снять с себя последнее платье. К ужину небось придете? Скажите, вы правда потом вернете все сразу?

Ф а л ь с т а ф. Ведь я клялся жизнью. Что же, может быть, я жить не хочу? (*Бардольфу.*) Ступай за ней и не зевай.

Т р а к т и р щ и ц а. Пригласить к ужину Долли Тершит?

Ф а л ь с т а ф. Твое дело. Как хочешь. Пригласи.

Т р а к т и р щ и ц а, Б а р д о л ь ф, К л е щ, К о г о т ь
и п а ж уходят.

В е р х о в н ы й с у д ь я (*Гауэру*). Мне сообщили более приятные новости.

Ф а л ь с т а ф (*подходя к нему*). Какие, милорд?

В е р х о в н ы й с у д ь я (*не обращая на Фальстафа внимания*). Где ночевал король?

Г а у э р. Близ Бэсингстока.

Ф а л ь с т а ф. Надеюсь, все благополучно, милорд?

Верховный судья

Поход окончен?

Гауэр

Тысяча пятьсот

Солдат пехоты и пять сотен конных
Ушло к Ланкастеру усилить фронт
Против Йорка и Нортумберленда.

Фальстаф. Разве король возвращается из Уэльса, мой дорогой лорд?

Верховный судья

Сию минуту я вам письма дам.
Пожалуйте со мною, мистер Гауэр.

(Собираясь уходить.)

Фальстаф. Милорд!

Верховный судья *(быстро оборачиваясь)*. Что вам угодно?

Фальстаф *(нарочно отворачиваясь)*. Отобедайте со мною, мистер Гауэр.

Гауэр. Благодарю вас, сэр Джон, но не могу. У нас дела с милордом.

Верховный судья. Сэр Джон, вы слишком долго тут торчите. Вам давно следовало бы отправиться на вербовку солдат по графствам.

Ф а л ь с т а ф (*притворяясь, что не слышит*). В таком случае, вы, может быть, отужинаете со мною, мистер Гауэр?

В е р х о в н ы й с у д ь я. Что за дурацкие повадки! Где вы им научились, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф. Так эти повадки не нравятся вам, мистер Гауэр? Действительно, только дурак мог научить меня им. (*Со смехом оборачивается к судье.*) Я их перенял у вас, ваша милость. Как аукнется, так и откликнется.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Наставь вас господь. Вы невыносимы.

Сцена 2

Лондон. Другая улица.

Входят принц Генрих
и Пойнс.

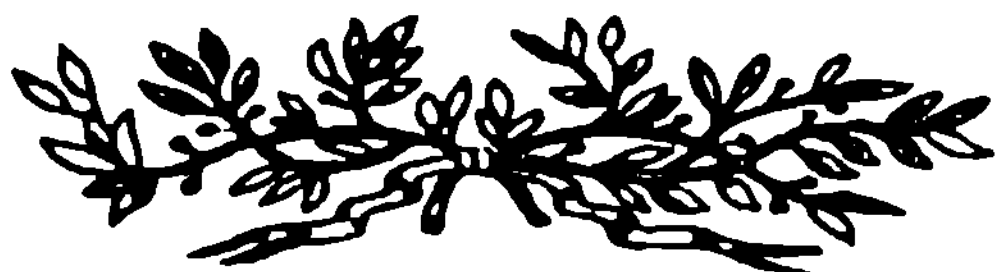
П р и н ц. Веришь ли, я изнемогаю от усталости.

П о й н с. Не может быть! Неужели такое простое чувство знакомо вам, как обыкновенным смертным?

П р и н ц. Представь себе. Может быть, это тоже роняет меня, но мне страшно хочется светлого пива.

П о й н с. Как вы неразборчивы! Неужели у вас могут быть такие желания?

П р и н ц. Очевидно, у меня не королевские вкусы, если такая жалкая сущность, как пиво, может занимать меня. Наверное, вообще моя простота наносит вред моей славе. Чем загромождено мое внимание! Как стыдно, например, что я всегда помню, как твое имя, и при любой встрече узнаю тебя

в лицо! Не позорно ли, что я так досконально знаю твою одежду! Например, кроме шелковых чулок, которые сейчас на тебе, у тебя прежде были другие, персиковые. Или рубашки. Их у тебя две: одна на тебе и еще одна сменная. Впрочем, о состоянии твоего белья еще лучше знает содержатель теннисной площадки, куда ты совершенно перестал являться, стыдясь своих лохмотьев. Неужели у тебя столько детей, что все твое белье изорвали на пеленки!

П о й н с. Вспомните свои недавние подвиги. Как не вяжется с ними ваша нынешняя болтливость! Скажите, какой истинный принц мог бы празднословить в такое время? Ваш отец так опасно болен!

П р и н ц. Сказать тебе что-то, Пойнс?

П о й н с. Пожалуйста. Только что-нибудь путное.

П р и н ц. Ничего, переваришь.

П о й н с. Пожалуйста. Я приготовился.

П р и н ц. Ну так вот. Пойми, не полагается мне выдавать печали, когда отец мой болен, чтобы не возбуждать политического беспокойства. Хотя именно тебе, за неимением лучшего друга, я мог бы открыть, как я удручен.

П о й н с. Едва ли по этому поводу.

П р и н ц. Я вижу, ты меряешь меня на свой аршин и полагаешь, что за свою бесчувственность я записан в книгу дьявола вместе с тобою и Фальстафом. Но вы имеете обо мне превратное представление. Мое сердце обливается кровью при мысли об отце, и я только прячу это в вашем обществе, не рассчитывая на понимание.

П о й н с. Почему же?

П р и н ц. Что бы ты сказал, увидав, что я плачу?

П о й н с. Я бы сказал, что вы большой притворщик.

П р и н ц. Вот видишь? Между прочим, так сказал бы всякий. На твоём примере легко изучать ходячие мнения. Разумеется, всякий решил бы, что я притворщик. Но что заставляет тебя так думать?

П о й н с. Ваш образ жизни и дружба с Фальстафом.

П р и н ц. И с тобою.

П о й н с. Оставьте. Обо мне отзываются гораздо лучше. Мой единственный недостаток то, что я младший сын в семье и вынужден заботиться сам о себе. Мне зевать не полагается. Смотрите, вон Бардольф.

П р и н ц. А также и мальчик, которого я дал в пажи Фальстафу. Он был совершенно нормальным ребенком, а смотри, во что превратился у этой обезьяны.

Входят Бардольф и паж.

Б а р д о л ь ф. Здравствуйте.

П р и н ц. Доброго здоровья, благородный Бардольф.

Б а р д о л ь ф. Видели вы что-нибудь подобное? Вот осел! Опять зарделась эта красная девица! Чего ты стесняешься? Какой же ты после этого солдат? Выдул четыре кружки, и слава богу. И нечего краснеть.

П а ж. Послушайте, как смешно! Зовет он меня из трактира, я все время слышу его голос и не могу понять, где он. Что

же оказалось? Он разговаривал со мною из окна, а я по ошибке принимал его рожу за красную оконную решетку.

П р и н ц. Ну, что ты скажешь? Мальчик развивается..

Б а р д о л ь ф. Пошел вон, ученый ты заяц с барабаном.

П а ж. Пошли вы сами вон! Страшилище! Сон Алтеи.

П р и н ц. Погоди. Почему Алтеи? Не понимаю.

П а ж. Алтее приснилось, будто она произвела на свет горящую головешку. Вот я и зову его сном Алтеи.

П р и н ц. Bravo, мальчик. На тебе крону за остроумие.

П о й н с. Только бы этот цветок не погиб от полного рас-
тления. Вот тебе еще шесть пенсов, мальчик.

Б а р д о л ь ф. Нечего сказать, цветок! По этому цветку плачет виселица.

П р и н ц. Как поживает твой хозяин, Бардольф?

Б а р д о л ь ф. Хорошо, милорд. Он узнал, что вы приехали. Вот вам письмо.

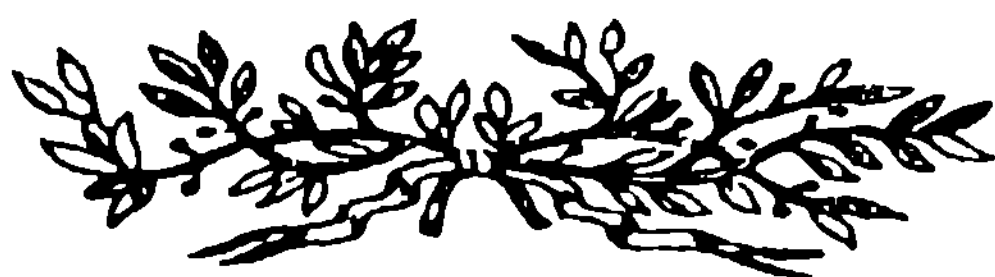
П о й н с. Препровождено с подобающей церемонией. Ну а все-таки: что поделывает их молодящаяся старость?

Б а р д о л ь ф. Пребывает в телесном здравии, сэр.

П о й н с. Тем более нуждается во враче его духовное здоровье. Но это его не печалит. Как ни больна его бессмертная часть, она не умрет.

П р и н ц. Я позволяю этой кубышке вольничать со мною, как своей комнатной собаке. Он этим пользуется. Смотри, что он мне пишет.

П о й н с (*читает*). “Джон Фальстаф, рыцарь”, — он не пропустит случая, чтобы не напомнить об этом. Так люди

приходящиеся седьмой водой на киселе королевскому дому, не уколут пальца, чтобы не сказать при этом случае: “Вот пролилась капля королевской крови”. — “Каким это образом?”, — делают вид, что не понимают другие. И начинается перебирание родословной чуть ли не от Яфета.

П р и н ц. Очень наблюдательно. Однако читай дальше.

П о й н с (*читает*). “Джон Фальстаф, рыцарь, сыну и наследнику короля. Генриху, принцу Уэльскому, с приветом”. Кажется это не письмо, а удостоверение.

П р и н ц. Читай дальше.

П о й н с. “Подражаю в краткости знаменитому римлянину”. Он имеет в виду укороченность своего дыхания. “Приветствую, прощаюсь и уезжаю. Не доверяй Пойнсу. Он относится небрежно к твоей дружбе и уверяет, будто ты хочешь жениться на его сестре Нелли. Исправься и раскайся на досуге, а затем прощай. Твой и не твой, в зависимости от обращения, Фальстаф. Джек — для близких. Джон — для братьев и сестер и сэр Джон — для всей остальной Европы”. Милорд, я вымочу это письмо в хересе и заставлю Фальстафа съесть его.

П р и н ц. Это заставит его взять штук двадцать своих слов обратно. Но на что это похоже, Нед? Разве я собираюсь жениться на твоей сестре?

П о й н с. Я бы ее с этим поздравил. Но я не говорил ему ничего подобного.

П р и н ц. Ну хорошо. Пока мы тут развлекаемся, души мертвецов смотрят на нас с облаков и смеются. (Бардольфу.) Твой хозяин в Лондоне?

Б а р д о л ь ф. Да, милорд.

П р и н ц. А где ужинает старый боров? По обыкновению, в старом хлеве?

Б а р д о л ь ф. Да, на том же месте. В Истчипе, милорд.

П р и н ц. А в каком обществе?

П а ж. С единовверцами старого толка, милорд.

П р и н ц. Дамы присутствуют?

П а ж. Ни одной, кроме госпожи Куикли и госпожи Долли Тершит.

П р и н ц. Это что еще за птица?

П а ж. Очень благовоспитанная барышня и родственница моего господина.

П р и н ц. Могу себе представить! Накроем их нечаянно за ужином, Нед.

П о й н с. Я — ваша тень, принц. Куда вы, туда и я.

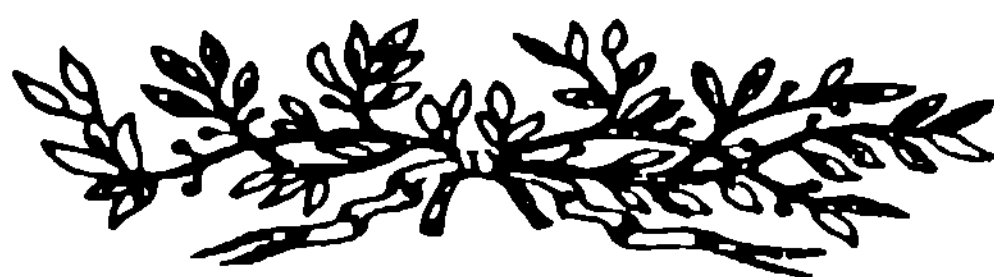
П р и н ц. Слушай, сорванец, и ты Бардольф. Ни слова вашему господину про то, что я в Лондоне. Нате вам денег за молчание.

Б а р д о л ь ф. Могила.

П а ж. Прикушу язык, не беспокойтесь.

П р и н ц. Ну, ступайте.

Б а р д о л ь ф и п а ж уходят.

Как бы понаблюдать нам сегодня за Фальстафом так, чтобы он не знал об этом?

П о й н с. Нарядимся трактирными слугами и будем прислуживать ему за столом.

П р и н ц. Великолепно. Идем, Нед.

Уходят.

Сцена 3

Уоркуорт. Площадка перед замком.

Входят Нортумберленд, леди Нортумберленд
и леди Перси.

Нортумберленд

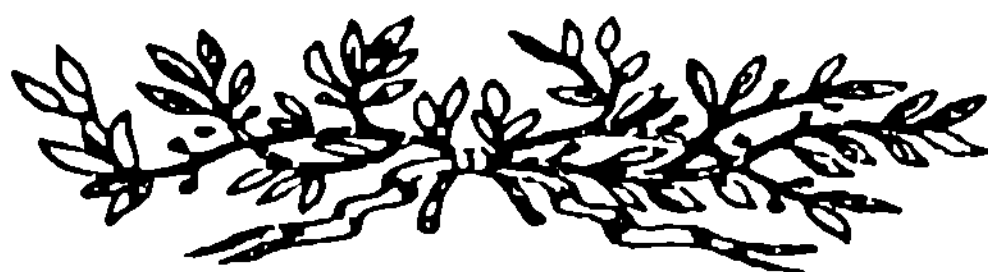
Я вас прошу, жена моя и дочь,
Не вмешивайтесь в дел моих течение.
Смотрите веселей на них. И так
Мне тяжело на душе и беспокойно.

Леди Нортумберленд

Смолкаю. Бесполезно говорить.
Решай, как знаешь. Делай все, что хочешь.

Нортумберленд

Я слово дал, что в этот раз явлюсь,
И опозорюсь, если не поеду.

Л е д и П е р с и

Не впутывайтесь лучше в этот спор.
 Хватило ж сил у вас нарушить слово, —
 А случай требовал его сдержать,
 Когда ваш Перси, муж мой незабвенный,
 Весь день бросал в тоске на север взор,
 Не явится ль отец к нему с подмогой,
 И ждал напрасно. Кто вас убедил
 В тот день остаться дома? Этим были
 Потеряны две чести: ваша честь
 И Готсперова. Что до вашей, бог с ней,
 А Готспера сияла в высоте,
 Как солнца свет на сером небосводе,
 И этот блеск на подвиги толкал
 Английских рыцарей своим примером.
 По Готсперу равнялась молодежь.
 Кто не как он ступал, слыл за хромого.
 Отрывистая речь — его порок —
 Для многих стала признаком отваги,
 Так что и те, кто гладко говорил,
 Из хвастовства старались заикаться.
 Характер поворота головы,
 Походка, взгляд, манера выражаться —
 Все становилось модой, образцом,
 Которому усердно подражали.
 И этот-то прообраз совершенств,
 И этот идеал, и это чудо

Вы бросили без помощи в беде,
Среди ужасной сечи, в обстановке,
Где только имя Готспера одно
Еще казалось знаменем спасенья.

Женский придворный костюм XVI века

О, я вас заклинаю, никогда
Не будьте благороднее с другими,
Чем были с ним, и памяти его
Не оскорбляйте этим предпочтеньем.
Оставьте их. Лорд-маршал и без вас
С епископом — достаточная сила,
И будь у Гарри доля этих войск,

Я б слушала, обнявши крепко мужа,
О смерти принца Уэльского теперь.

Н о р т у м б е р л е н д

О дочь моя, сдержи свои упреки,
Былых ошибок не напоминай!
Я выхожу опасности навстречу,
Чтоб не подвергнуться ей как-нибудь,
Когда я буду меньше подготовлен.

Л е д и Н о р т у м б е р л е н д

Беги в Шотландию, пока дела
Восставших не получают перевеса.

Л е д и П е р с и

А только лишь настанет перелом,
Примкните к ним, чтоб приумножить силы.
До тех же пор держитесь в стороне
Во имя нас, во имя ваших близких.
Пусть борются мятежники одни,
Как это допустили с вашим сыном.
Он брошен был. Так стала я вдовой.
Так сохну я, и жизни мне не хватит
Все слезы сердца выплакать по нем,
Чтоб вырастить о нем живую память
Превыше гор, до неба от земли.

Н о р т у м б е р л е н д

Пойдемте в дом. От чувств переполнения
Мысль замерла, как океан в прилив.
Я б с радостью отправился к восставшим,
Но мне мешает тысяча причин.
Найду себе в Шотландии прикрытие,
Пока домой не вызовут событья.

Сцена 4

Лондон. Трактир “Кабанья голова” в Истчипе.

Входят два служителя.

П е р в ы й с л у ж и т е л ь. Какого черта подал ты этот сорт яблок? Они называются “Сэр Джон”. Сэр Джон не может видеть этого сорта.

В т о р о й с л у ж и т е л ь. Ах ты боже мой, а ведь и правда! Помнишь, принц поставил как-то перед ним тарелку этих яблок, снял шляпу и говорит: “А вот еще пять старых, кислых, жестких, несъедобных сэров Джонов. Позволяю себе распроститься со всеми шестерыми”. И отвесил им поклон. Фальстафу это очень не понравилось. Но, по-моему, он об этом забыл.

П е р в ы й с л у ж и т е л ь. Ну что ж, тогда оставь их на столе и пойдя за господином Пролазой и музыкантами. Мис-трис Тершит заказала музыку.

В т о р о й с л у ж и т е л ь. Ой, смехота! Сейчас придут принц и мистер Пойнс. Они наденут наши куртки и передни-

ки, а сэру Джону этого не скажут. Сейчас я это узнал от Бардольфа.

Первый служитель. Это ловко задумано. Это будет потеха.

Второй служитель. Пойду-ка за Пролазой. (Уходит.)

Входят трактирщица и Доль Тершит.

Трактирщица. Ах вы, живчик вы мой, я не вру, вы сегодня в совершенном градусе. Температура у вас в полном разгаре, пульс прямо-таки бешеный, а цвет лица просто неописуемый — китайская роза, ей-богу, правда, загляденье! Понятно, вы чуть-чуть через край приложились к канарскому, а это вино забористое, ударяет в голову, глотнул — и кончено. Ну как вы себя чувствуете?

Доль. Мне кажется, я прихожу в себя.

Трактирщица. Ну и прекрасно. Здоровье — первое дело. А вот и сэр Джон.

Входит Фальстаф.

Фальстаф
(напевая)

Когда свой королевский двор
Держал король Артур...

(Служителю.)

Вынеси ночной горшок.

Первый служитель уходит.

Как живем, мистрис Доль?

Т р а к т и р щ и ц а. Только что в обмороке лежала, бедняжка. Угорела, либо от огорчения.

Ф а л ь с т а ф. Женские обмороки! Известное дело. Какая бабам жизнь без угара?

Д о л ь. Ах вы, распухшее животное! Это все, что вы можете сказать мне в успокоенье?

Ф а л ь с т а ф. Сами виноваты, что животные распухают.

Д о л ь. Моя вина? Обжорство и болезни — вот отчего вас разносит.

Ф а л ь с т а ф. Согласитесь, что если в моем обжорстве повинны повара, то чем прикажете болеть мне, как не вами?

Д о л ь. Чтоб вас черт побрал, грязная водяная крыса!

Т р а к т и р щ и ц а. Удивительное дело. Стоит вам сойтись, и цап-царап, и пошли перебранки и трения. Надо уступать друг другу, и первой это надо сделать вам, дорогая Доль.

Д о л ь. Уступить этой бездонной бочке? Да ведь это целое винное предприятие! Видели ли вы когда-нибудь корабль с более полным трюмом? Ну да бог с тобой, Джек. Ты, говорят, собрался на войну? Тогда давай помиримся. Еще, чего доброго, не воротись. Тогда об нас с тобой никто не заплачет. *(Обнимает его.)*

Возвращается первый служитель.

П е р в ы й с л у ж и т е л ь. Вас спрашивает внизу прапорщик Пистоль. Он желает вас видеть, сэр.

Д о л ь. Ну его к черту. Не впускайте его. Это самый отчаянный буян на свете.

Т р а к т и р щ и ц а. Буян? Тогда пусть поворачивает оглобли. Не впускайте его ни в коем случае. Мне надо жить в ладу с соседями. Обойдемся без буянов. Мне мое доброе имя дороже. Ноги его здесь не будет, этого буяна. Не для того жила я столько на свете, чтобы шутить своей доброй славой.

Ф а л ь с т а ф. Послушай, трактирщица...

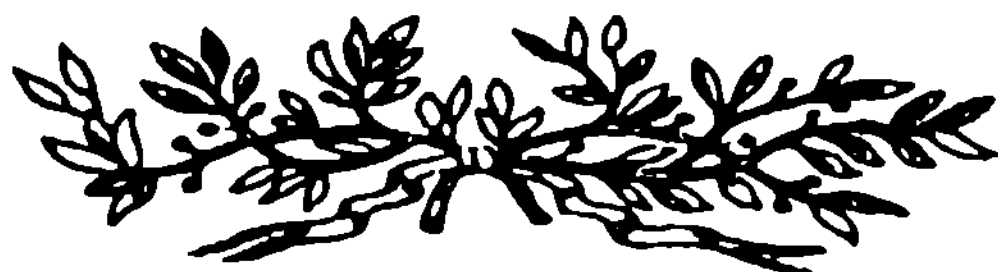
Т р а к т и р щ и ц а. Нечего мне слушать, сэр Джон, про вашего буяна! Духу его здесь не будет.

Ф а л ь с т а ф. Да ведь это мой прапорщик.

Т р а к т и р щ и ц а. Лучше не упрашивайте, сэр Джон. Ничего не поможет. Не впущу я вашего буяна. Да что вы, в самом деле! Приходит намедни мистер Чахотка, наш смотритель, и говорит. Когда ж это было, дай бог памяти? Ну как же, в прошлую среду. Еще отец Немота, священник, был при этом. Да. Хорошо. Входит он, значит, и говорит: "Соседка Куикли, говорит, пускайте к себе только тихую публику, а то, говорит, берегитесь: о вас дурно отзываются". Да. "Будьте, говорит, осторожнее, потому что, говорит, вы порядочная женщина и у всех на хорошем счету". Нет, сэр Джон, уж вы увольте, нам не до буянов.

Ф а л ь с т а ф. Да какой он буян, трактирщица? Это безобиднейшее существо и просто-напросто мелкий жулик. Его можно гладить, как собачку. Покажись, например, индюк, и у него тут же уйдет душа в пятки. Позови его, человек.

Первый служитель уходит.

Т р а к т и р щ и ц а. Ну, это другое дело. Если он мелкий жулик, то пожалуйста, милости просим. Честных людей мы не гоним. А буянов мы по шеям. Я прямо вся дрожу, когда слышу про буянов.

Д о л ь. Вас действительно всю трясет.

Т р а к т и р щ и ц а. Ну да, как осиновый лист. Я не выношу буянов.

Входят Пистоль, Бардольф и паж.

П и с т о л ь. Боже храни вас, сэр Джон.

Ф а л ь с т а ф. Здравствуй, Пистоль. На, прапорщик, пей. Зарядись стаканом. А потом заставим трактирщицу.

Т р а к т и р щ и ц а. Не желаю я заряжаться ни вином, ни вашими пистолетными шутками. Я столько пью, сколько полезно для моего здоровья, и ни капельки больше.

П и с т о л ь. Ну так вы, мистрис Доротея. Заряжайтесь!

Д о л ь. Вот развязность! Подальше отсюда, грязный паршивец! Не видали мы такого сокровища! Марш отсюда, голоштанник! Ты мне не пара, я гуляю с твоим начальником.

П и с т о л ь. Что вы обозлились, мистрис Доротея? Мы ведь старые знакомые.

Д о л ь. Вон отсюда! Я покажу тебе старых знакомых! Клянусь этим стаканом, я полосну тебя столовым ножом по морде, если ты пикнешь еще что-нибудь подобное, чучело ты гороховое, ярмарочный фигляр, пивные подонки! Как ты смел нацепить на себя капитанские шнурки не по чину?

П и с т о л ь. Молчать! Я оборву на тебе кружева за оскорбление моего званья!

Ф а л ь с т а ф. Не смей ее трогать, пистолет! Пульни-ка лучше вон из нашей компании.

Т р а к т и р щ и ц а. Не пуляйте, милый капитан Пистоль, умолю вас, не пуляйте!

Пистоль и хозяйка трактира. Силуэты П.Коневки

Д о л ь. Да какой он капитан? Зачем вы его называете капитаном? Низкий самозванец, и не стыдно тебе воровать чужие звания? Да на месте настоящих капитанов я бы выбила эту дурь из тебя вместе с печенкой! Не за то ли получил ты капитанство, что хочешь оборвать кружева на бедной, беззащитной девушке? Благодарю бога, дохлятина, что выбрасывают объедки из харчевен. Сдох бы ты с голоду, не будь на свете помойных ям и мусорных ящиков.

Б а р д о л ь ф. Уходи до беды, прапорщик. Добром просим тебя.

Ф а л ь с т а ф. Послушай, я что-то скажу тебе, Доля.

П и с т о л ь. Уйти? Никогда! Я разорву ее на части! Мечь! Мечь!

П а ж. Пожалуйста, уходи.

П и с т о л ь. Сейчас вы увидите, что будет! Я уничтожу ее проклятьями! Клянусь этою рукою, она будет низринута в преисподнюю к Плутону, в царство Эреба, на жесточайшие муки!

Сюда, сюда, служители геенны!
Тащите в тартар это чадо тьмы!
Преступница Ирина перед нами!

(Полуобнажает свой меч.)

Т р а к т и р щ и ц а. Добрый капитан Пистоль, успокойтесь. Уже поздно, Надо расходиться. Убедительно прошу вас, не горячитесь.

П и с т о л ь

Куда зашли мы! Ломовые клячи,
О, как себя вы смеее равнять,
В день сделав тридцать миль, со скакунами!
Ничтожества, развалины, одры
Полезли в Цезари и Ганнибалы!
О, как ты терпишь, небо! До чего
Мы дожили! Позор! Проклятье, Цербер!

Т р а к т и р щ и ц а. Какие горькие слова!
Б а р д о л ь ф. Уходи, прапорщик. Далеко ли до драки?

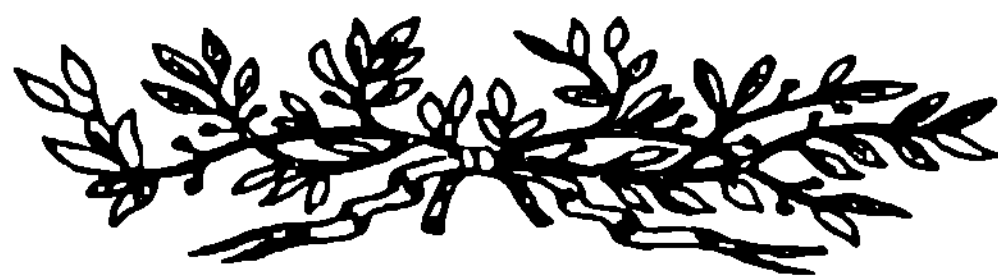
П и с т о л ь

Собачья смерть собакам! Без стеснения
Свергайте царства! Жизни грош цена!
Преступница Ирина перед нами.

Т р а к т и р щ и ц а. Честное слово, капитан, здесь нет та-
кой. Боже правый, неужели вы думаете, я стала бы ее пря-
тать? Ради бога, успокойтесь.

П и с т о л ь

Тогда толстей и жри, Калиполида!
Пожалуйста, мне хереса стакан.
Se fortuna mi tormenta, lo sperare mi contenta.
Бояться ли нам пушек? Пусть палят.
Мне хереса стакан, я повторяю!

Подруга шпага, рядом здесь ложись.

(Кладет на стол свою шпагу.)

Ф а л ь с т а ф *(сидя)*. Ты надоел, Пистоль.

П и с т о л ь. Бесценный рыцарь, дай я облобызаю твой кулак! Сколько ночей созерцали мы вместе с тобой звезды!

Д о л ь. Ради бога, это невыносимо! Спустите его с лестницы! Какой напыщенный болван!

П и с т о л ь. Спустить меня с лестницы? Вот как полагает наша лошадка?

Ф а л ь с т а ф. Поставь-ка его, Бардольф, на ребро, как денежку, и скати вниз по лестнице. Если в словах его нет смысла, пусть не будет тут и его самого.

Б а р д о л ь ф. Проваливай, пожалуйста.

П и с т о л ь

Ужель придется взяться за мечи?

Что видим мы? Неужто кровь прольется?

(Выхватывает меч.)

Тогда дай мне уснуть навеки, смерть!

Нить дней моих прервите, сестры-пряжи!

Где ты, о Атропос! Зову тебя!

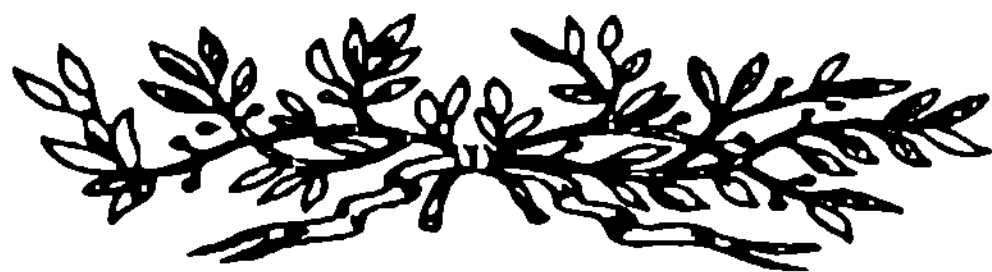
Т р а к т и р щ и ц а. Вот какая штука получается.

Ф а л ь с т а ф. Мой меч, мальчик!

Д о л ь. Не надо, Джек, не надо, прошу тебя!

Ф а л ь с т а ф *(угрожая Пистолю мечом)*. Вон отсюда!

Бардольф и паж выталкивают П и с т о л я.

Т р а к т и р щ и ц а. Вот так история! Лучше бы мне никогда не держать трактира, только бы не глядеть на такие страсти. Они исколют друг друга до смерти, вы увидите! Да вложите вы назад ваши шпаги! Ой батюшки, ой батюшки!

Д о л ь. Прошу тебя, Джек, не расстраивайся. Мерзавца прогнали. А ведь ты у меня богатырь, оказывается, светик ты мой!

Т р а к т и р щ и ц а. Вы не ранены? Словно он ударил вас в живот. Или мне почудилось?

Возвращается Б а р д о л ь ф.

Ф а л ь с т а ф. Что, его выставили?

Б а р д о л ь ф. Да, сэр. Он совсем пьян. Вы оцарапали ему плечо.

Ф а л ь с т а ф. Так ему и надо. Задирать меня!

Д о л ь. Ах ты, карапузик ты мой, хитрая моя бестия! Бедный мой херувимчик, как ты вспотел! Сядь, я оботру тебе лицо, губошлеп несчастный. Смотри, пожалуйста, а ведь я правда люблю тебя. Ты просто какой-то витязь из сказки, ей-богу! И, главное, ничего не боится, противный.

Входят м у з ы к а н т ы.

П а ж. Музыканты пришли, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Пусть играют. Играйте, господа. Сядь ко мне на колени, Доль. Ах этот Пистоль, сволочь паршивая! Покатился прочь от меня, как ртутный шарик.

Д о л ь. А ты за ним вроде церковной колокольни. Ах ты старый мой драчун, когда же ты бросишь, наконец, свои по-

тасовки? Ведь этак ты себе все тело изрешетишь. А тебе скоро перевозить его на небо.

В глубине комнаты появляются п р и н ц и П о й н с,
переодетые трактирными слугами.

Ф а л ь с т а ф. Замолчи, милочка Доль. Не каркай. Не напоминай мне о могиле.

Д о л ь. Ну хорошо, поговорим о другом. Ты хорошо знаешь принца. Что это за человек?

Ф а л ь с т а ф. Славный, но очень пустой малый, из которого вышел бы хороший батрак на ферме или молодец при булочной.

Д о л ь. Зато, говорят, Пойнс умница.

Ф а л ь с т а ф. Это Пойнс-то? Полно, полно, Доль! Это — истукан, у которого мозги тяжелее тьюксберрийской горчицы, а сообразительности меньше, чем в кузнечном молоте.

Д о л ь. Почему же принц так любит его?

Ф а л ь с т а ф. Очень просто. Они оба долговязые. Кроме того, Пойнс великолепно выбивает городки, жрет угрей с укропом и ради удовольствия принца глотает горящие огарки. Почему принц любит Пойнса? Потому что Пойнс играет в чехарду, прыгает через несколько табуреток, составленных вместе, и отборно ругается. Кроме того, он его любит за сапоги, которые у Пойнса блестят как на вывеске, и за то, что Пойнс не способен ни к какой толковой мысли, так что с ним не скучно. Каждый из них так же недалек и непоседлив, как другой, и чистый вес обоих одинаков.

П р и н ц (в сторону, Пойнсу). Надо бы надрать уши этой скотине.

П о й н с (в сторону, принцу). Отколотим его на глазах у его возлюбленной.

П р и н ц (в сторону, Пойнсу). Смотри, она расчесывает ему хохол на темени, как попугаю.

Ф а л ь с т а ф. Поцелуй меня, Доль.

Д о л ь. От всего сердца.

Ф а л ь с т а ф. Я стар, я стар...

Д о л ь. А все-таки я люблю тебя больше этих молодых ветрогонов.

Ф а л ь с т а ф. Какой материи хотелось бы тебе на платье? В четверг у меня будут деньги. Завтра я подарю тебе чепчик. Но, конечно, только я уеду, ты меня забудешь.

Д о л ь. Ей-богу, ты доведешь меня до слез. Посмотрим, взгляну ли я хоть раз на наряды до твоего возвращения.

Ф а л ь с т а ф. Стакан хереса, Френсис!

П р и н ц и П о й н с (выступая вперед). Сейчас, сейчас.

Ф а л ь с т а ф (вглядываясь в них). Кого я вижу? Какой-то внебрачный сын короля? А это? Кто-то из Пойнсовых братьев?

П р и н ц. Ах ты, географический глобус всех земных пороков, постыдился бы ты жизни, которую ты ведешь!

Ф а л ь с т а ф. А все-таки она лучше, чем твоя. Я — дворянин, а ты — слуга в трактире.

П р и н ц. Совершенно верно. И я пришел увести тебя из него.

Принц и Пойнс принимают свой настоящий вид.

Фальстаф встает.

Т р а к т и р щ и ц а. Храни вас бог, ваше высочество. С приездом в Лондон! Какое счастье видеть ваши ясные очи! Господи Иисусе, давно ли вы из Уэльса?

Ф а л ь с т а ф (*положив руку на плечо Доль*). Клянусь этим погибшим созданием, рад тебя приветствовать, мой августейший.

Д о л ь. Убери руку. Я тебя знать не хочу, жирный дурак.

П о й н с. Милорд, он опять заговорит вам зубы, а вы собирались отколотить его за его мнение о нас.

П р и н ц. Да, да. Ах ты, склад свечного сала, как ты смел так гадко отзываться обо мне в присутствии этой тихой, примерной и знатной девицы?

Т р а к т и р щ и ц а. Спаси вас господи, сэр, за ваше доброе сердце. Вы правильно отзываетесь о ней.

Ф а л ь с т а ф. Разве ты слышал, что я говорил?

П р и н ц. Конечно. Будто ты этого не знаешь. Ты ведь видел меня, совершенно так же, как тогда ночью на Гедских холмах. Ты знал, что я стою сзади, и нарочно поносил меня, чтобы испытать мое терпенье!

Ф а л ь с т а ф. Нет, нет, неправда. Я не предполагал, что ты тут и можешь услышать.

П р и н ц. Не увиливай. Я заставлю тебя признаться в нанесении мне оскорбления и накажу тебя.

Ф а л ь с т а ф. Это не оскорбление, Гарри, ей-богу, не оскорбление.

П р и н ц. Назвать меня батраком на ферме, молодцом из булочной и еще черт знает чем — не оскорбление?

Ф а л ь с т а ф. Не оскорбление, Гарри.

П р и н ц. Не оскорбление?

Ф а л ь с т а ф. Нисколько не оскорбление, ей-богу, нет. Я порицал тебя перед этим сбродом, чтобы отшатнуть их от тебя и обезопасить тебя от влияния этого вертепа. Это доказывает мою дружескую заботу о тебе, и твой отец, милый Гарри, должен мне сказать за это спасибо. В этом нет ничего оскорбительного, Гарри. Напротив, какое это оскорбление?

П р и н ц. Вот какое ты трусливое животное! Чтобы подмазаться ко мне, ты готов втоптать в грязь эту достойнейшую даму. Не ее ли разумел ты под сбродом? Или нашу уважаемую трактирщицу? Или своего оруженосца? Или Бардольфа, преданность и усердие которого огнем охватили его нос?

П о й н с. Отвечай, бесплодная смоковница.

Ф а л ь с т а ф. Имел ли я в виду Бардольфа, когда сказал “сброд”? Да, конечно. Бардольф меченый. На нем печать нечистой силы. Его нос — кухня Люцифера, где поджаривают пьяниц. В отношении пажа мнения могут расходиться. У мальчика есть свой ангел-хранитель, но диавол и тут перетянет.

П р и н ц. Ну, а женщины? Тоже сброд?

Ф а л ь с т а ф. Одна из них уже попала в ад и полыхает, бедняжка. Другая дала мне денег в долг. Осуждена ли она за ростовщичество или нет, я не знаю.

Т р а к т и р щ и ц а. Нет, уверяю вас.

Ф а л ь с т а ф. Я тоже думаю, что нет. Этот грех, наверное, тебе простится. А вот что в пост у тебя подают скоромное, за это припекут тебя черти на том свете.

Т р а к т и р щ и ц а. Подумаешь, скоромное! Бараний бок какой-нибудь или пол задней ноги за весь великий пост! Что у других, то и у меня.

П р и н ц. Сударыня!

Д о л ь. Что скажет ваша светлость?

Ф а л ь с т а ф. Его светлость скажет то, от чего отречется потом его темнота.

Громкий стук в дверь.

Т р а к т и р щ и ц а. Кто это стучится так громко? Выгляни, пожалуйста, кто там, Френсис.

Входит П е т о.

П р и н ц. А, здравствуй, Пето. Что нового?

П е т о

Король в Вестминстере. Он принимает
Гонцов. Их двадцать человек без сил
Примчалось с севера. Я также встретил
Не менее двенадцати в пути,
Которые опрашивали встречных
И наводили справки в кабаках,
Не замечал ли кто-нибудь Фальстафа.

П р и н ц

Ей-богу, стыдно, Пойнс, что, как глупцы,
Мы праздно тратим золотое время,
Когда мятеж, как южная гроза,
По нашим головам дубасит градом.
Мой меч и плащ сюда! Прощай Фальстаф.

П р и н ц Г е н р и х, П о й н с, П е т о и Б а р д о л ь ф уходят.

Ф а л ь с т а ф. Теперь поспать бы, а вместо этого изволь
скакать всю ночь сломя голову.

Стук в дверь.

Опять стучат.

Возвращается Б а р д о л ь ф.

Чего тебе? Опять что-нибудь?

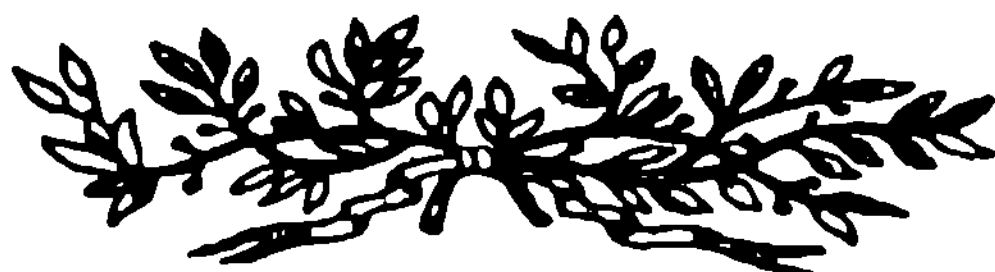
Б а р д о л ь ф. Собирайтесь немедленно ко двору. Вас до-
жидаются внизу двенадцать военных.

Ф а л ь с т а ф (*нажу*). Заплати музыкантам, полосатый
черт. Прощай, трактирщица. Прощай, Доль. Видите, дорогие
бабоньки, люди с заслугами требуются нарасхват. Человек
без достоинства может дрыхнуть сколько угодно, а на людей
дела — неотступный спрос. Прощайте, бабоньки. Если меня
не отправят немедленно, я еще к вам наведуясь.

Д о л ь. Не в силах говорить. У меня сердце разрывается.
Прощай, Джек. Береги себя. (*Обнимает его.*)

Ф а л ь с т а ф. Прощайте, прощайте!

Ф а л ь с т а ф и Б а р д о л ь ф уходят.

Т р а к т и р щ и ц а. Прощай, бог с тобой. Осенью, как поспеет зеленый горошек, будет ровно двадцать девять лет, как мы познакомились. Благородный человек. Верный человек.

Б а р д о л ь ф (за сценой). Мистрис Тершит!

Т р а к т и р щ и ц а. Что тебе?

Б а р д о л ь ф (за сценой). Хозяин зовет мистрис Тершит проститься.

Т р а к т и р щ и ц а. Бегом, Доль, бегом, милочка Доль.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Вестминстер. Комната во дворце.

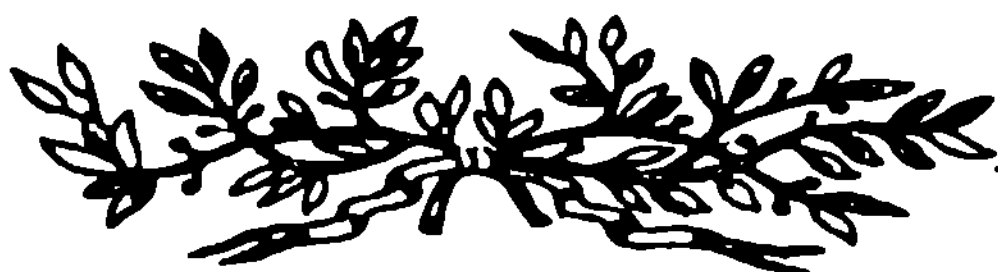
Входят король в ночном платье и паж.

Король

Сходи за графом Уориком и Соррей.
Скажи, чтоб перед тем они прочли
И вникли в эти письма. И не мешкай.

Паж уходит.

О, сколько тысяч подданных моих
Спят в этот час! Сон, благодатный сон,
Чем оттолкнул тебя я, чем обидел,
Что ты мне больше не смыкаешь век
И чувства в забытье не погружаешь?
Сон, отчего, скажи, тебе милей
Моститься с бедняками на соломе
Под неумолчное жужжанье мух,
Чем забираться к богачу под полог,
Где музыка баюкает твой слух

К о р о л ь

Разве утро?

У о р и к

Да, два часа.

К о р о л ь

Так с добрым утром вас.
Вам показали письма? Вы прочли их?

У о р и к

Да, государь

К о р о л ь

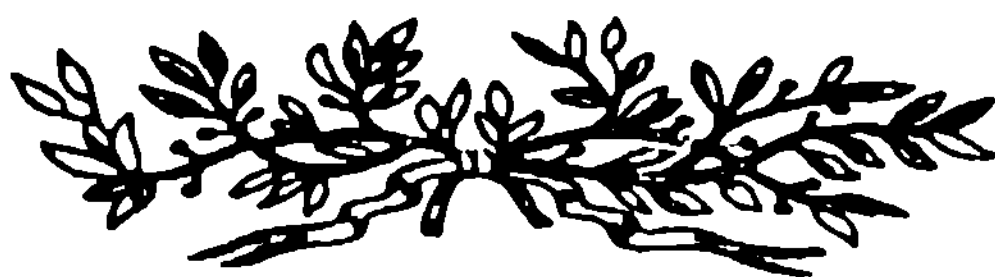
Тогда болезнь страны
Вся перед вами. Вам отлично видно,
Что сердцу края нашего грозит.

У о р и к

Пока недуг народа не опасен
И при уходе умном излечим.
Нортумберленда скоро образумят.

К о р о л ь

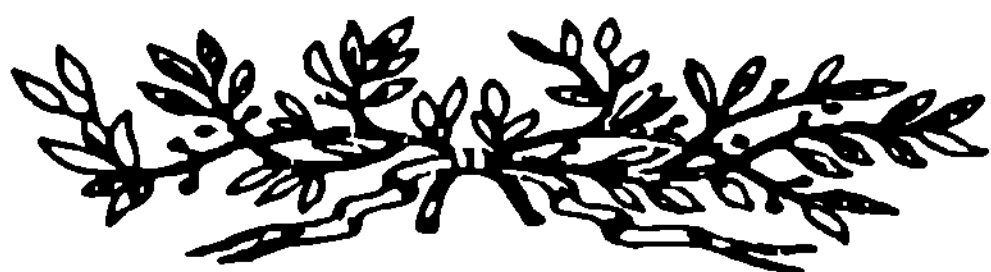
О если б можно было заглянуть
В страницы рока и увидеть ясно,

Какие превращения впереди!
Мы б увидали, как мельчают горы
И море покрывает берега,
Как сызнова мелеют океаны
И суша вновь выходит из воды,
Мы б увидали, как смеется время,
Мешая вина в кубке перемен.
Тогда любой счастливец, прочитавши,
Какие страхи предстоят ему,
С тоской закрыл бы книгу, лег и умер.
Лишь десять лет тому назад Ричард
Пирами чествовал Нортумберленда.
Спустя два года он с ним воевал.
И только восемь лет прошло, не больше,
Как вел мои дела Нортумберленд,
Мне жертвовал, чем мог, и мне в угоду
Ричарду резкости бросал в лицо.

(Уорику.)

Вы, кажется, при этом были, Невиль.
Вы помните, как, весь в слезах, Ричард,
Задетый дерзостью Нортумберленда,
Сказал пророчески свои слова:
“Нортумберленд, ты лестница, посредством
Которой Болинброк взойдет на трон”.
Я был тогда далек от этой мысли,
А он предугадал, что я приму
Корону под давлением обстоятельств.

И он прибавил: “Но пройдут года,
Созреет плод измены и обмана —
И королевство порчей загниет”.
Так предсказал он нынешнюю смуту
И с прежними друзьями мой разрыв.

У о р и к

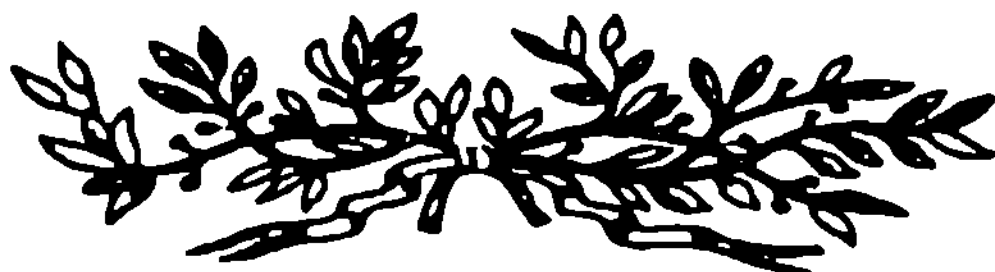
Мы видим жизни постепенный ход,
И это сходство будущего с прошлым
С успехом позволяет говорить
О вероятье будущих событий.
Их и в помине нет еще пока,
Но семена и корни их в наличье.
Благодаря повторности вещей
Король Ричард мог явственно предвидеть,
Что, изменив ему, Нортумберленд
Усовершенствуется так в измене,
Что должен будет изменить и вам.

К о р о л ь

Раз это неизбежно, неизбежно
И то, что надо дать отпор врагу.
В их армии до полусотни тысяч.

У о р и к

Преувеличивают, государь,
И с умыслом удваивают цифру.

Ложитесь спать. Поверьте мне, вполне
Достаточно отправленного войска,
Чтобы совсем разбить бунтовщиков.
Порадуйтесь: Глендаур, писали, умер.
Но вашему величеству нельзя
Работать ночью. Это очень вредно.

К о р о л ь

Вы правы. Постараюсь задремать.
А лишь покончим с мятежом, как снова
Начнем подготавливать поход крестовый.

Уходят.

Сцена 2

Двор перед домом судьи Шеллоу в Глостершире.

С разных сторон входят Шеллоу и Сайленс.
В глубине стоят Грибок, Облако, Лишай, Немочь,
Телок и слуги.

Шеллоу. Сюда, сюда, сюда! Вашу ручку, голубчик, вашу ручку. Раненько вскочили, раненько. Ну, чем порадуете, дружочек Сайленс?

Сайленс. Доброе утро, любезнейший коллега Шеллоу.

Шеллоу. Что поделывает моя кума и ваша благоверная? Как себя чувствует бесценная дочь ваша и моя крестница, прелестная Элен?

Сайленс. Благодарю вас, дичится по-прежнему.

Шеллоу. Как поживает юный друг мой Вильям? Вероятно, стал отменным грамотеем, не правда ли? Он ведь, кажется, до сих пор в Оксфорде?

Сайленс. До сих пор, до сих пор. Весьма убыточное обстоятельство.

Шеллоу. А вы двиньте его по судейской части. В Клементс-колледже по сей день, вероятно, вспоминают сорванца Шеллоу.

Сайленс. Весельчака Шеллоу. Так вас звали, говорят.

Шеллоу. Меня тогда звали по-всякому, и, ей-богу, я был мастер на все руки. Я да маленький Джон Дойт из Стеффордшира, да черномазый Джордж Барнс, да Френсис Пикбон, да Вилли Скуил из Котсола откалывали такое, что теперь задним числом не верится. Мы знали адреса всех вострушек в городе и, можете себе представить, не зевали. Джек Фальстаф, ныне сэр Джон, был тогда мальчиком и служил пажом у Томаса Моубрея, герцога Норфолкского.

Сайленс. Сэр Джон? Это тот, который набирает теперь у нас солдат?

Шеллоу. Тот самый, тот самый. Один раз я стоял у ворот колледжа, а он на моих глазах проломил голову знаменитому Скогену. Сам он был еще тогда невеличкой, от горшка два вершка, а вот поди же ты. В тот же самый день я бился на шпагах с Самсоном Треской, фруктовщиком с той же улицы. Безумное было время! И сколько товарищей недосчитался!

Сайленс. Все там будем, друг мой.

Шеллоу. Бесспорно, бесспорно. Необычайно справедливо. От смерти, как говорит псалмопевец, не увернешься. Все там будем. Почем волы на стемфордской ярмарке, не слышали?

Сайленс. Ей-богу, нет. Не навевывался.

Шеллоу. От смерти не отделаешься, это верно. А что, жив еще старый Дебль, ваш земляк?

Сайленс. Нет, увы, умер, сэра.

Шеллоу. Господи, господи, вы подумайте. Дебль умер! Он превосходно стрелял в цель из лука, и умер. Вы подумайте! Отличный был стрелок! Джон Гонт ставил на него деньги и выигрывал. Он попадал в цель с двухсот сорока шагов, а легкою стрелою и с двухсот восьмидесяти. Одно удовольствие было смотреть на него. А овцы почему?

Сайленс. Смотря какой сорт. Хорошие — по полфунта голова.

Шеллоу. Так старик Дебль умер!

Сайленс. Вот два фальстафовских адъютанта, как мне кажется.

Входят Бардольф и паж.

Бардольф. Доброе утро, многоуважаемые. Извините. Кто тут судья Шеллоу?

Шеллоу. Я — Роберт Шеллоу, сэра. Бедный местный помещик на должности королевского мирового судьи. Что вам угодно?

Б а р д о л ь ф. Вам кланяется мой начальник, сэр. Мой начальник, сэр Джон Фальстаф, должен вам сказать, молодец мужчина и вообще, клянусь небом, боевой малый.

Ш е л л о у. Не сомневаюсь. Ценю его внимание. В былое время он великолепно бился на палках. Как здоровье почтенного рыцаря? Позвольте спросить, как здоровье его достопочтенной супруги?

Б а р д о л ь ф. Извините, он не женат. Нашему брату солдату на холостом положении сподручнее и как-то нормальней.

Ш е л л о у. Прекрасно сказано, ей-богу, сэр, отлично. Нормальнее. Превосходное выражение. Хорошие выражения следует запоминать и повторять, где только возможно. Латинское слово греческого происхождения. Normalis. Превосходное выражение.

Б а р д о л ь ф. Виноват. Вы говорите, выражение? Никогда не соглашусь. Это не выражение, а слово, и притом вполне приличное. Я сам его слышал. Я не допущу, чтобы кто-нибудь называл его выражением, и с оружием в руках буду отстаивать это великолепное солдатское слово. Нормальный. Это говорят, когда кто-нибудь нормальный, и про кого нельзя сказать, что он ненормальный.

Ш е л л о у. Совершенно верно.

Входит Ф а л ь с т а ф.

А вот и сэр Джон, вы видите. Здравствуйте, сэр Джон. Позвольте пожать вашу честную, честную руку. Для своих лет

вы такой же молодец, как бывало! Здравствуйте, милейший сэр Джон.

Ф а л ь с т а ф. Рад вас видеть в добром здоровье, милый мистер Шеллоу. Мистер Шуркард, если не ошибаюсь?

Ш е л л о у. Нет, сэр Джон. Это судья Сайленс, мой приятель.

Ф а л ь с т а ф. От вас так и веет миром, мистер Сайленс. Вам, наверное, хорошо в мировом суде?

С а й л е н с. Большое счастье принимать у себя такую личность.

Ф а л ь с т а ф. Ну и жара, доложу я вам, господа! Ну, как с рекрутами? Припасли вы мне с полдесятка?

Ш е л л о у. Конечно, сэр. Однако присядьте.

Ф а л ь с т а ф. Хорошо. Где они? Покажите их.

Они садятся.

Ш е л л о у. Заглянем в список. Заглянем в список. Где он? А ну-ка. А ну-ка. Вот он, вот он! Так, так, так. Ага, начнем. Ральф, по прозвищу Грибок! Когда я кого-нибудь вызываю, тот, кого я назвал, должен выступить на один шаг вперед. Начнем снова. А ну-ка. А ну-ка, Ральф Грибок! Где Ральф Грибок?

Г р и б о к. Здесь, ваша милость.

Ш е л л о у. Ну, как ваше мнение, сэр Джон? Чем не новобранец? Молод, крепыш и из хорошей семьи.

Ф а л ь с т а ф. Ты — Грибок?

Г р и б о к. Грибок, ваша милость.

Ф а л ь с т а ф. Тем более вредно тебе засиживаться. Надо проветриться.

Шеллоу. Ха-ха-ха! Как остроумно! Действительно, грибок заводится от затхлости. Прекрасно сказано, сэр Джон, истинный господь, необыкновенно хорошо.

Ф а л ь с т а ф. Годен.

Лишай и Немочь. Силуэты П.Коневки

Грибок. Я вам не гожусь, а пригожусь для чего-нибудь другого. Моя старуха пропадет без моей помощи. Не берите меня. Есть много людей более подходящих.

Фальстаф. Полно толковать. Засиделся, брат. Я сказал — пора тебе, Грибок, проветриться.

Грибок. Проветриться!

Шеллоу. Не рассуждать! Стань в сторону. Соображай, где ты находишься.

Бардольф отставляет Грибка в сторону.

Перейдем к следующему, сэр Джон. А ну-ка, а ну-ка. Симон, по прозвищу Облако!

Фальстаф. Где он? Сюда его. Я сяду в его тень в эту жару. Наверное, это будет в высшей степени хладнокровная боевая единица.

Шеллоу. Где Облако?

Облако (*выступая вперед*). Здесь, сэр.

Фальстаф. Чей ты сын, Облако?

Облако. Матушкин, сэр.

Фальстаф. Матушкин? Охотно верю. Сын своей матери и тень на своем отце.

Шеллоу. Как он вам нравится, сэр Джон?

Фальстаф. Недурен. Облако летом пригодится. Годен. У меня в ведомости без Облака одни мнимости и тени.

Бардольф ставит Облако рядом с Грибком.

Шеллоу (*вызывая*). Том, по прозвищу Лишай!

Фальстаф. Где он?

Л и ш а й (*выступая вперед*). Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Твое имя Лишай?

Л и ш а й. Да, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Ты, я вижу, не любишь одиночества. На тебе все кишмя кишит.

Ш е л л о у. Отметить его, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф. Такого вшивого? Зачем его отмечать? Смотрите, как он сам всего себя разметил чесаньем. Сплошная отметина.

Ш е л л о у. Ха-ха-ха! Вечно вы что-нибудь отколете, сэр Джон. Отметина! Ой смех, ой смех! (*Вызывает.*) Следующий! Френсис, по прозвищу Немочь.

Н е м о ч ь. Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Чем занимаешься, Немочь?

Н е м о ч ь. Дамский портной, сэр.

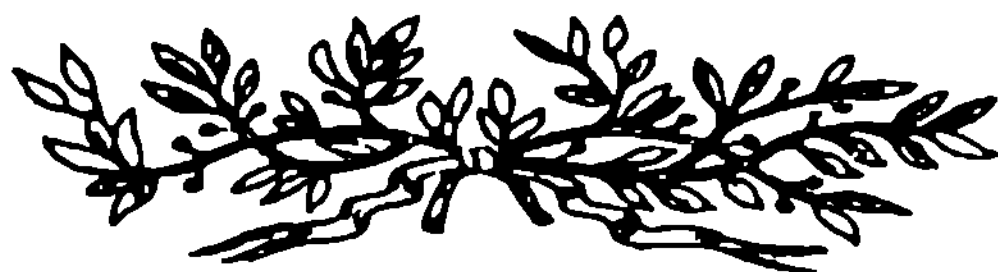
Ф а л ь с т а ф. Ну, Немочь, смотри кроши так же ловко врагов, как ты кроил женские платья.

Н е м о ч ь. Рад стараться, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Похвально, дамский портной. Из тебя получится удалец, лучше не подступайся! Разъяренный голубь какой-нибудь или самоотверженная мышь. Запишите портного, мистер Шеллоу. Крупными буквами.

Н е м о ч ь. Запишите вместе со мной и Лишай.

Ф а л ь с т а ф. Что ты, Немочь! Посмотри на его рубаху. Ведь на нем все движется. Разве можно зачислять в рядовые военачальника, который привел с собой целую тысячу? Не убеждай меня.

Н е м о ч ь. Ладно, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Ну вот, это хорошо. Спасибо, что соглашаешься. А то что бы я поделал?

Бардольф ставит Немочь к остальным.

Кто следующий?

Ш е л л о у. Петр, по прозванию Телок!

Т е л о к. Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Основательный мужчина. Запишите его, пока не замычал.

Т е л о к. Святые угодники! Господин начальник!

Ф а л ь с т а ф. Я говорю — пока не замычал, а ты уже мычишь?

Т е л о к. Святые угодники, сэр! Я — больной.

Ф а л ь с т а ф. Чем же ты болен?

Т е л о к. У меня эта окаянная простуда, сэр, и собачий этот кашель. Он на меня напал на колокольне, когда я звонил в день королевской коронации.

Ф а л ь с т а ф. Ничего. Мы тебя отправим куда-нибудь, где жарче. Твой кашель как рукой снимет. А звонить по тебе мы заставим твоих приятелей.

Бардольф ставит Телка к остальным.

Все?

Ш е л л о у. Все, причем здесь на два человека больше, чем мы обязаны ставить. Ну вот. А теперь отобедайте со мною. Прошу не отказываться.

Встают.

Ф а л ь с т а ф. Ну тогда пропустим по одной, на скорую руку. Обедать мне некогда, я в дороге. Очень рад был опять встретить вас, мистер Шеллоу.

Ш е л л о у. О, сэр Джон, помните поляну в Сент-Джордже и бурную ночь на мельнице?

Ф а л ь с т а ф. И не говорите, милый Шеллоу, и не говорите!

Ш е л л о у. Да, веселая была ночка, черт побери! Ну как она теперь, жива еще, Дженни Найтуорк?

Ф а л ь с т а ф. Жива, мистер Шеллоу, жива.

Ш е л л о у. Она меня терпеть не могла.

Ф а л ь с т а ф. Да, она изрядно-таки вас ненавидела. Помню, она всегда говорила: “Не выношу я этого противного Шеллоу”.

Ш е л л о у. Не правда ли, поразительно? Я доводил ее до иступления. Да, разбитная была бабенка. Ну как она теперь?

Ф а л ь с т а ф. Состарилась, мистер Шеллоу, состарилась.

Ш е л л о у. Ну, конечно, она должна быть стара. Ведь у нее уже был маленький Найтуорк от старика Найтуорка, когда я поступил в школу святого Клементия.

С а й л е н с. Это было пятьдесят пять лет тому назад.

Ш е л л о у. Эх, дружище Сайленс, взглянуть бы вам одним глазком на то, что перевидали мы на своем веку с этим джентльменом! А? Верно я говорю, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф. Навидались всякого.

Шеллоу. Навидались, навидались. Верное слово, сэр Джон, навидались. Боевой у нас клич был: “Не плошать ребята!” Ну, кушать подано. Пожалуйста, пожалуйста. Да, незабвенное было время. Золотое время.

Шеллоу, Фальстаф, Сайленс и паж уходят.

Телок (Бардольфу). Господин капрал, заставьте за себя бога молить. Вот сорок шиллингов французскими монетами. Не побрезгуйте. Ей-богу, сэр, пойти в солдаты просто смерть для меня. Я ведь, главная вещь, не об себе хлопочу. Я что, мне наплевать. Я беспокоюсь о ближних, чтобы мне остаться с земляками. А касается меня, я что, мне наплевать.

Бардольф (берет деньги). Ладно. Становись в сторону.

Грибок. Вот я об том же самом, господин старший генерал-капрал. Явите божескую милость ради моей старухи! Без меня ей ни в жизнь не совладать. Вот вам сорок шиллингов, не погнушайтесь.

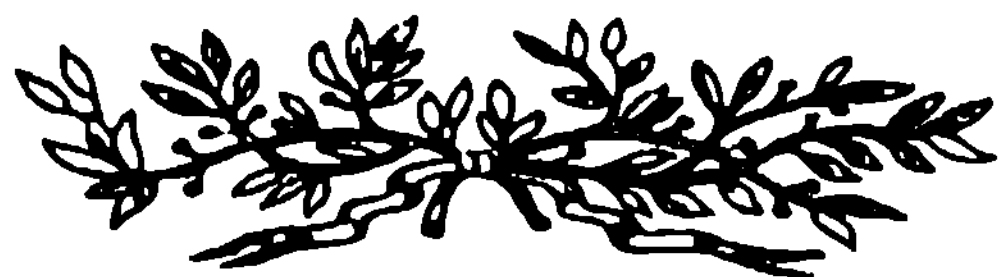
Бардольф. Ладно. Стань в сторону.

Немочь. А вот мне, ей-богу, трын-трава. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Я в штаны не накладу, это будьте покойны. Ежели мне судьба, стало быть, судьба, а ежели не судьба, значит, не судьба. Кого ни возьми, все мы на королевской службе.

Бардольф. Молодец. Вот это правильное рассуждение.

Немочь. Я в штаны не накладу, это будьте покойны.

Возвращаются Фальстаф, Шеллоу, Сайленс и паж.

Ф а л ь с т а ф. Так что же, мистер судья, кого из рекрутов мне взять в солдаты?

Ш е л л о у. Любого. Четверых на выбор.

Б а р д о л ь ф. На два слова, сэр. (*Отводит Фальстафа в сторону.*) Телок и Грибок внесли выкупных три фунта.

Ф а л ь с т а ф. Давай. Посмотрим.

Ш е л л о у. Ну что, кого вы берете на военную службу, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф. А ну выберите. Помогите мне.

Ш е л л о у. Хорошо. Я взял бы Грибка, Телка, Облако и Немочь.

Ф а л ь с т а ф. Сейчас распорядимся. Грибок и Телок, ступайте домой, пока не возмужаете во второй раз. Мне вас не надо.

Ш е л л о у. Сэр Джон, что вы делаете? Это ваши лучшие солдаты.

Ф а л ь с т а ф. Вы еще будете учить меня, мистер Шеллоу, как мне отбирать своих рекрутов? Черта ли мне в их конечностях, мышцах, толщине и росте? Дух — вот в чем дело, мистер Шеллоу! Возьмите, например, Лишай. Ведь он минуты не усидит. На нем каждая жилочка ходит, как пиво при разливке. Вот это я называю живость! Вы представляете себе, как он будет стрелять! Или, например, Облако, эта жердь без второго измерения, по которой не во что целиться неприятелю. Или вы представляете себе, как быстро будут мелькать пятки Немочи, дамского портного, — ценное качество в случае отступления! Нет, уж если на то пошло, пода-

вайте мне одних негодных, а от годных избавьте. Бардольф, дай в руки Лишаю мушкет.

Б а р д о л ь ф. На, держи, Лишай! Шагом марш! Ать-два, ать-два!

Ф а л ь с т а ф. А ну! Покажи-ка нам свои ружейные приемы! Так. Молодец. Еще раз. Молодчина. Ей-богу, молодчина. Нет, ни на кого я этого кривого старого и скрюченного стрелка не променяю. Молодец, Лишай. Служи и дальше так. На тебе шесть пенсов.

Ш е л л о у. Ему еще надо подучиться. У него выходит не так складно. Когда я поступил в Училище правоведения и играл сэра Дагонета в школьном спектакле о короле Артуре, помните вы одного ружейного стрелка на Майленд-Гринском лугу? Вот это была выправка! Возьмет, бывало, ружье, вскинет, приложится, отбежит и зарядит; вскинет, приложится, отбежит и зарядит. А потом лежа! А потом с колена! Вот это было дело! Вот это я понимаю!

Ф а л ь с т а ф. Ну, хорошо. Это — подходящие люди, мистер Шеллоу. Подходящие без лишних слов. Прощайте, мистер Сайленс. Пора мне в путь. Я должен отмахать еще двенадцать миль сегодня. Прощайте, джентльмены. Бардольф, выдай форму новобранцам.

Ш е л л о у. Счастливой дороги, сэр Джон. Желаю вам удачи и скорой победы. Заверните к нам опять на обратном пути. Не давайте загдохнуть былой дружбе. Помогите мне попасть вместе с вами ко двору.

Ф а л ь с т а ф. Приложу все старания, мистер Шеллоу.

Шеллоу. Ну вот. Не смею вас больше задерживать. До свиданья.

Фальстаф. С богом, дорогие!

Шеллоу и Сайленс уходят.

Построй и выведи солдат, Бардольф.

Бардольф, паж и солдаты уходят.

Когда буду ехать назад, я этих сутяг обдеру, как липку. Барана Шеллоу я уже знаю насквозь, как свои пять пальцев. Господи боже мой, до чего враль-народ мы, старики! Уши вянут слушать, как эта старая падаль расписывает свои подвиги на Торнбуль-стрите. Через каждые два слова — это небылицы, отчисляемые более регулярно, чем дань турецкому султану! Когда мы были в училище, это была фигурка вроде тех, которые вырезают за столом из корки сыра, а когда он раздевался, он напоминал двухвостую редьку-раскоряку с пририсованной сверху головой. Это было само истощение, так что близорукие проходили через него, как сквозь воздух, не обратив на него внимания, а приятельницы нашего круга звали эту обезьяну корешком мандрагоры. Он пел им глупости, подслушанные у извозчиков, и уверял, что это романсы его сочинения. А теперь эта чертова перечница — видный помещик в графстве и рассуждает о Джоне Гонте так, как будто век с ним на “ты”. А он никогда не видал Гонта, и тот единственный раз, что сам попался Гонту на глаза, его избили лакеи Гонта палкой за то, что он затесался в их толпу. Тогда он весь, со своими пожитками, умещался в

шкуре угря, и футляр от гобоя был просторным дворцом для него. А теперь он скотовод и знатный помещик. На обратном пути я выколочу из него философский камень, все превращающий в золото. Если щука питается пескарями, эти стряпчие самой природой предназначены мне в пищу. (*Уходит.*)

АКТ IV

Сцена 1

Лес Голтри в Йоркшире.

Передвижения войск. Входят архиепископ Йоркский,
Моубрей, Гастингс и другие в походном
вооружении.

А р х и е п и с к о п

Скажите, как зовется этот лес?

Г а с т и н г с

Лес Голтри, мой отец.

А р х и е п и с к о п

Так станем станом
И подошлем разведчиков узнать,
Какие силы выставил противник.

Г а с т и н г с

Мы их послали.

А р х и е п и с к о п

Очень хорошо.

Теперь я сообщить считаю долгом,
Что мне прислал на днях

Нортумберленд.

Он пишет мне, что недостаток в людях
Ему мешает подоспеть к нам в срок.

Чтобы пополнить этот

недостаток,

В Шотландию он едет, а пока

Желает всем нам остальным успеха.

М о у б р е й

Еще одно крушение надежд!

А как их на него мы возлагали!

Входит разведчик.

Г а с т и н г с

Что ты разведал?

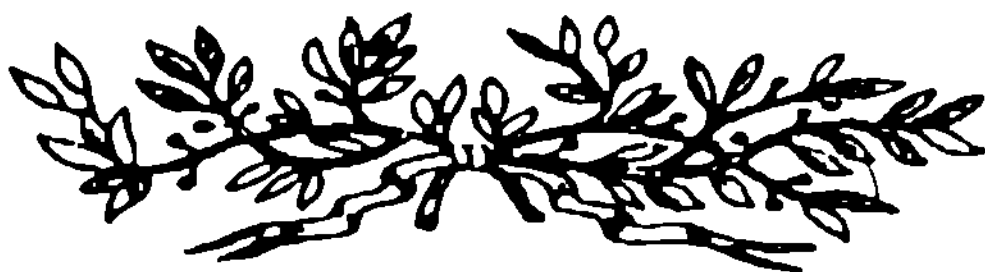
Р а з в е д ч и к

В миле на закат

Отсюда показался неприятель.

По площади, какую он покрыл,

Количество его — за тридцать тысяч.

М о у б р е й

Во столько их число ценили мы.
Нам надо выступить скорей навстречу.

Трубы за сценой.

А р х и е п и с к о п

По-видимому, к нам парламентар.

М о у б р е й

И это Уэстморленд, я полагаю.

Входит Уэстморленд.

У э с т м о р л е н д

Почтенье, господа, вам и привет
От герцога Ланкастерского Джона.

А р х и е п и с к о п

Чем объяснить любезный ваш приход?

У э с т м о р л е н д

Вы — главная причина, ваша светлость.
Мы поняли б любой другой мятеж,
Где кровожадным скопищем подонков
Командовала б кучка сорванцов.
Вас, верно, не было б среди этой черни.
Ни вы, ни лорды б не могли

Покрыть их бунт своими именами.
Действительно, ведь ваш престол — оплот
Спокойствия, и все в вас дышит миром:
Серебряная ваша борода,
И круг занятий ваших, и ученость,
И ваших облачений белизна,
О голубиной кротости гласящих.
Зачем же вы себя перевели
Так неудачно с языка согласия
На грубый, варварский язык войны?
Откуда вместо книг доспехи эти
И льющаяся кровь взамен чернил?
Зачем на пики вы сменили перья,
А проповедь — на барабанный зов трубы?

А р х и е п и с к о п

Сказать зачем? Вот для чего. Во-первых,
Мы все болеем пресыщеньем чувств
И все нуждаемся в кровопусканье.
От этого погиб король Ричард.
Но я себя врачом неставляю,
А только объясняю, Уэстморленд,
Зачем я нахожусь в военном стане.
Я думаю, что временно война —
Оздоровляющее потрясенье
Для тех, кто засорил себе кишки
Безбедной жизнью и объелся счастьем.

Скажу ясней. Пред тем как выступать,
Я взвесил зло, которое мы терпим,
И зло, которое мы причиним,
И чаша с первым злом перетянула.
Я понял, что бездействовать нельзя.
Мы сговорились, и поток событий
Понес нас быстро по реке времен.
Но мы не сразу подняли восстанье.
До этой крайней меры много раз
Мы подавали королю прошенья
С перечисленьем наших недовольств,
Но нам не отвечали на запросы.
Разбором жалоб занимались те,
Кого мы в этих списках обвиняли.
Нам к королю был доступ прегражден.
Под впечатленьем происков и козней
Мы взяли меч не с тем, чтобы срубить
Хотя бы ветку на оливе мира,
Но чтоб, наоборот, упрочить мир
Не только на словах, а и на деле.

У э с т м о р л е н д

Святой отец, в чем знали вы отказ?
Чем обделил король вас и обидел?
Кто при дворе мог так вас обойти,
Чтоб вас толкнуть на грязный путь измены?
Кто надоумил вас скрепить мятеж

Своей святой печатью? Кто заставил
Вас освятить мечи бунтовщиков?

А р х и е п и с к о п

Мой общий брат, все люди в государстве,
И я за них вам предъявляю счет.

У э с т м о р л е н д

Не вижу повода для этих счетов,
Да и не наше дело их сводить.

М о у б р е й

О нет, сведенье счетов — наше дело,
Когда касается так близко нас.
Былые дни и нынешнее время
Равно затрагивают нашу честь.

У э с т м о р л е н д

Попристальней всмотритесь в вещи,
Моубрей,

И вы увидите, что не король,
А время наносило вам обиды.
Но вы-то сами чем уязвлены?
Вам плакаться не вижу я причины.
Иль вы не восстановлены в правах
Отца, блаженной памяти Норфолка?

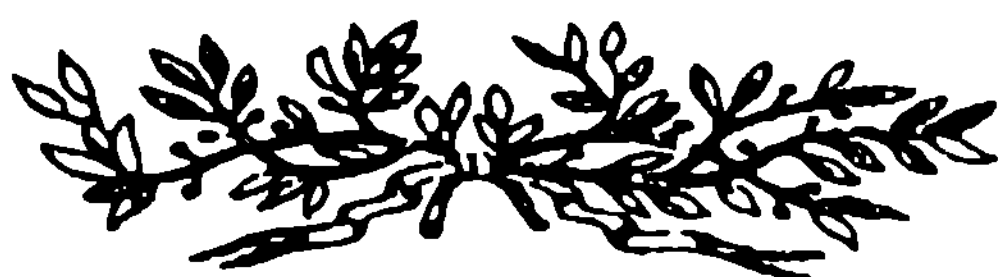

М о у б р е й

А разве мой отец лишился прав?
 Король Ричард был поневоле должен
 Изгнать его, а сам его любил.
 Вы вспоминаете, как было дело
 На поединке? Он и Болинброк
 Уже сидели в седлах, ржали кони
 И, роя землю, грызли удила.
 Готовы были копья для удара,
 И всадников глаза из-под забрал
 Метали искры. Каждую минуту
 Мог божий суд начаться. Чуть герольд
 Дал знак трубою рыцарям съезжаться,
 И уж ничто б на свете не спасло
 Грудь Болинброка от копья отцова.
 Король внезапно бросил сверху жезл,
 И пэры прекратили поединок.
 В тот день он всех на гибель нас обрек,
 Как бы столкнув под лошадь Болинброка,
 Который порознь всех нас растоптал.

У э с т м о р л е н д

Ну, задним-то числом у вас все гладко.
 Вы забываете, что Болинброк
 Всегда был победителем в турнирах.
 Едва ли одолел бы ваш отец,

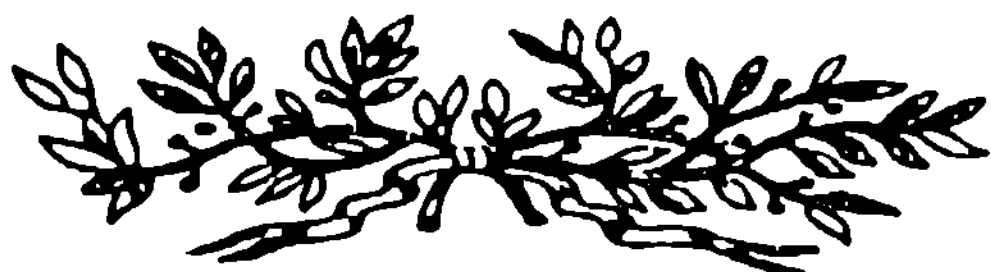
А если б победил, живым не вышел:
Его бы разорвали на куски.
Он был предметом общей неприязни,
А Болинброка каждый обожал.
Но вновь мы удалились от вопроса.
Меня прислал к вам принц, наш командир,
Чтоб расспросить о ваших притязаньях,
Важнейшие он удовлетворит
И обещает позабыть про распрю.

М о у б р е й

Не верю. Это — не свободный шаг,
А силой вынужденная уступка.
Здесь хитрость кроется, а не любовь.

У э с т м о р л е н д

Вы слишком о себе возмнили, Моубрей.
Чем сильны вы, чтоб так нас напугать?
Вон лагерь наш. Пожалуйста, смотрите.
Все войско на виду и чересчур
Уверено в победе, чтоб скрываться.
Имен у наших больше, чем у вас,
У нас гораздо опытней солдаты,
У нас оружие лучше, а в душе
Сознание правоты. Не понимаю.
Что может нас заставить уступить?

М о у б р е й

Нет, мира между нами быть не может.

У э с т м о р л е н д

Как видно, ваша совесть нечиста,
Что вы противитесь переговорам.

Г а с т и н г с

Уполномочивает ли король
На соглашенье с нами принца Джона?
Имеет ли он право обсуждать
И удовлетворять желанья наши!

У э с т м о р л е н д

Он на войне наместник короля.
Меня сомненья ваши удивляют.

А р х и е п и с к о п

Тогда вот наши горести, милорд.
Они изложены в бумаге этой.
И если при дворе по всем статьям
Придут к благоприятному решению
И оправдают пред законом всех,
Участвовавших в этом возмущенье,
А также доказательства дадут,
Что этим обещаньям можно верить,

Тогда и мы вернемся в берсга
Покорности и строгого порядка.

Уэстморленд

Я свиток принцу покажу, и мы
Устроим встречу между лагерями.
Затем мы либо кончим мировой
Иль тут же с двух сторон начнем сражение.

Гастингс. Средневековая миниатюра

А р х и е п и с к о п

Согласен.

У э с т м о р л е н д уходит.

М о у б р е й

Тайный голос изнутри
Меня все время предостерегает,
Что между нами мир недостижим.

Г а с т и н г с

Не бойтесь. Договор мы обеспечим
Ручательством противной
стороны.
На этих обоюдных основаниях
Наш мир незыблем будет, как скала.

М о у б р е й

К нам отношения все же не изменят,
И будут мелочи нам ставить в счет,
Напоминая это возмущенье.
Хоть отдали б мы жизнь за короля,
Нас будут отсевать, как хлеб
в амбаре,
Но на таком жестоком сквозняке,
Когда зерно уносит вместе с сором.

А р х и е п и с к о п

Нет, распри надоели королю.
Он понял: расправляясь смертной казнью
С одним врагом, он наживает двух
В его потомках. Больше по доносам
Людей не будет в списки он вносить.
Он знает, разномыслия не вывести
И всех нельзя всю жизнь подозревать.
Явления перепутались корнями.
Захочешь вырвать недруга — и с ним
Рванешь из почвы и погубишь друга.

Г а с т и н г с

У короля давно истощены
В минувших казнях средства устрашенья.
Он словно старый и беззубый лев,
Хотя по виду страшен, но безвреден.

А р х и е п и с к о п

Согласен с вами. И, поверьте мне,
Лорд-маршал, если мы теперь поладим,
Мир после розни будет лишь прочней,
Как костное сращенье перелома.

М о у б р е й

Дай бог. А вот с ответом Уэстморленд.

Возвращается Уэстморленд.

Уэстморленд

Для встречи выбран пункт посередине
Между двух армий. Там и ждет вас принц.

Моубрей

Так с богом.

Архиепископ

Поезжайте, доложите
О нашем приближенье, Уэстморленд.

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса.

Трубы. Сходятся с одной стороны Моубрей, архиепископ,
Гастингс и другие,
с другой — принц Джон Ланкастерский,
Уэстморленд, офицеры и свита.

Ланкастер

Рад видеть вас, лорд Моубрей. Добрый день,
Отец архиепископ. С доброй встречей,
Лорд Гастингс. Всем вам, господа, привет.
Вам больше шло, святой отец, бывало,
Когда по звону колокола к вам

Стекалась паства слушать слово божье
И проповеди ваши. Не к лицу
Вам нынешний ваш вид бойца в доспехах,
Под барабан собравшего бродяг.
По-моему, некстати променяли
Вы проповедь на меч и жизнь на смерть.
Что получилось? Кто-нибудь, допустим,
Известен как любимец короля.
Как много в жизни может он напортить,
Такою славой злоупотребив?
Вы в этом же повинны. Ваши мненья
На веру принимали. Вы знаток
Священного писанья, наш предстатель.
Пред господом в парламенте небес
И перед нами — отзвук гласа божья.
И вот, его слуга, вы обошлись
Своекорыстно с именем господним,
Как обманул бы чувства короля
Его недобросовестный наместник.
Вы лживым словом подняли народ
И их вооружили против мира
И против власти моего отца,
Законного помазанника божья.

А р х и е п и с к о п

Милорд Ланкастер, вашему отцу
Я вовсе не противник. В эту кучу

Нас сбили непорядки, а не он.
 Мечи мы взяли из самозащиты.
 Я вам отправил список наших нужд,
 Который нам, не удостоив взглядом,
 Вернули перед этим из дворца.
 От этого сыр-бор и разгорелся.
 Переполох уймется, если нам
 Ответят удовлетвореньем жалоб.
 Тогда мы все, восстанье прекратив,
 К стопам его величества повергнем
 Свою любовь.

М о у б р е й

А если нет, пойдем
 Сражаться до последней капли крови.

Г а с т и н г с

Не выиграем мы, готово встать
 Другое войско, а за этим третье,
 И так все время будет, без конца,
 Пока, за поколеньем поколенья
 Не истребится в Англии народ.

Л а н к а с т е р

Вы слишком мелко плаваете, Гастингс,
 Чтоб проникать в такую глубь времен.

Уэстморленд

Принц, не угодно ль будет вам ответить,
Какого мненья вы об их статьях?

Ланкастер

По-моему, все пункты справедливы.
Ручаюсь честью, помыслы отца
Нередко извращали царедворцы.
Все злоупотребленья устранят.
Вас попрошу я распустить по
 графствам
Свои войска, как сделаю и я.
На этом месте между лагерями
Поднимем чаши на виду у всех,
Обнимемся и выпьем друг за друга
В знак возрожденной дружбы и любви.

Входят солдаты с вином и кубками.

Архиепископ

Я полагаюсь, принц, на ваше слово.

Ланкастер
(с кубком вина в руке)

Я слову своему не изменю.
Святой отец, пью за здоровье ваше.

Джон Ланкастер и его свита. Рис. Дж. Джильберта

Г а с т и н г с
(офицеру)

Скорей ступайте в лагерь, капитан,
И объявите эту весть о мире.
Пускай солдат распустят по домам
И выплатят сполна им содержание.

О ф и ц е р уходит.

А р х и е п и с к о п

Пью за здоровье ваше, Уэстморленд.

У э с т м о р л е н д

Я тем же отвечаю, ваша светлость.
А если бы вы знали, сколько мук
Мне стоил этот мир, вы пили
б вдвое.

Однако скоро чувства вам свои
Смогу еще полней я обнаружить.

А р х и е п и с к о п

Не сомневаюсь.

У э с т м о р л е н д

Тронут и польщен.
Здоровье ваше, Моубрей!

М о у б р е й

Это кстати.
Все что-то кошки на сердце скребут.

А р х и е п и с к о п

Вы знаете, считают, что веселость
Всегда к печали, и наоборот.

У э с т м о р л е н д

Так я на вашем месте был бы счастлив.
Я б знал, что кошки на сердце — к добру.

А р х и е п и с к о п

Я чувствую себя великолепно.

М о у б р е й

Тем, значит, хуже. Это скверный
знак.

Радостный шум за сценой.

Л а н к а с т е р

Вот действие объявленного мира.

М о у б р е й

Победа больше б радовала всех.

А р х и е п и с к о п

Мир — это тоже род завоеванья:
Противники покорены добром,
И побежденных нет.

Л а н к а с т е р

Распорядитесь,
Чтоб наши люди тоже разошлись.

У э с т м о р л е н д уходит.

Чтоб дать обеим сторонам понятие,
Какая предстояла нам борьба,
Устроим смотр войскам.

Пускай солдаты
Пройдут в строю, пред тем как
разойтись.

А р х и е п и с к о п

Отдайте, Гастингс, это приказанье.

Г а с т и н г с уходит.

Л а н к а с т е р

Мы этот вечер вместе проведем.

Возвращается У э с т м о р л е н д.

Что в лагере не вижу я движенья?

Уэстморленд

Солдаты расходиться не хотят,
Пока вы не уволите их сами.

Ланкастер

Вот это дисциплина. Молодцы.

Возвращается Гастингс.

Гастингс

Вся армия рассеялась, милорд.
Все врозь бегут, как школьники с занятий
Или как распряженные волы.
У нас нет больше никого.

Уэстморленд

Спасибо

За радостную весть. Я вас беру
Под стражу, Гастингс. Вас, лорд Моубрей,
тоже.

И, лорд-архиепископ, вас. Вы все
Виновны в государственной измене.

Их окружают солдаты и отбирают у них оружие.

Моубрей

Согласен с честью ли такой обман?

Уэстморленд

А разве ваш мятеж согласен с честью?

Архиепископ

И вам не стыдно слово нарушать?

Ланкастер

Я не давал вам никакого слова.
Я устранить изъяны обещал,
Замеченные нами в управление,
И это сделаю, свидетель бог.
А вам, предатели, готова участь
Предателей. Вы яму рыли мне
И очутились сами в западне.
Переловить всех беглых из ватаги!
Не дать уйти ни одному бродяге!
Зачинщики ответят головой.
Взять главных арестантов под конвой!

Уходят.

Сцена 3

Другая часть леса.

Фанфары горнистов. Боевые стычки. Встречаются
Фальстаф и Кольвиль.

Фальстаф. Сэр, ваше имя, званье, откуда родом и так далее?

К о л ь в и л ь. Я — дворянин, сэр. Меня зовут Кольвилем из Котловины.

Ф а л ь с т а ф. Отлично. Вас зовут Кольвилем, вы — дворянского звания, Котловина — место вашего рождения. Вот какие вас ждут перемены: ваше имя останется Кольвиль, преступник будет ваше звание, подземелье в тюрьме — ваше местопребывание. И так как это достаточно глубокое подземелье, то вы по-прежнему будете Кольвилем из Котловины.

К о л ь в и л ь. Вы не Джон Фальстаф, сэр?

Ф а л ь с т а ф. Кто бы я ни был, я, во всяком случае, не хуже его. Вы сдаетесь? Вот что мне надо знать. Или мне придется поработать над вами? Тогда берегитесь! Капли пролитого мною пота будут слезами для ваших родных, и лучше не заставляйте их оплакивать вас.

К о л ь в и л ь. Я надеюсь, что вы — сэр Джон Фальстаф, и с этой мыслью сдаюсь.

Ф а л ь с т а ф. Мне трудно отрицать это при моей толщине. Мой живот с головой выдает меня. Не будь у меня этой части тела, я мог бы скрыться под любым вымышленным именем. Но мое брюхо пользуется слишком громкой известностью. Вот наш полководец.

Входят принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд,
Блент и другие.

Л а н к а с т е р

Довольно порубились, Уэстморленд,
Велите приостановить погоню.

Уэстморленд уходит.

Фальстаф, где вы скрывались до сих пор?
В конце сражений только вас и видно.
Ведь если это дальше так пойдет,
Не кончилось бы виселицей дело.

Ф а л ь с т а ф. Будет удивительно, если это кончится по-другому. Порицание и неблагодарность — обычный удел истинной заслуги. Что я — стрела, ласточка или пуля? Могу ли я, дряхлый старик, носиться с быстротою мысли? Несмотря на это, я истощил пределы человеческих возможностей. По дороге сюда я загнал сто восемьдесят почтовых лошадей и, соскочив с последней, без передышки взял в плен сэра Джона Кольвиля, неустрашимого рыцаря и опасного врага. Прирожденная доблесть не спасла его. Едва он меня увидел, как должен был сдаться. Я тоже могу сказать, как один скромный римлянин: “Пришел, увидел, победил”.

Л а н к а с т е р. Что он так уступчив, не ваша заслуга.

Ф а л ь с т а ф. Смотря как к этому отнестись. Но вот он сдался мне, а я передаю его вам. Не откажите занести это в боевые анналы дня. А то мне придется выпустить об этом отдельную балладу с Кольвилем на обложке, лобызающим мои ноги, и если это издание не заслонит остальных славных происшествий, как затмевает месяц звезды, можете сказать, что слово чести ничего не стоит в устах дворянина.

Л а н к а с т е р

Ты — Кольвиль?

К о л ь в и л ь

Да, милорд.

Л а н к а с т е р

Я слышал, Кольвиль,

Ты — видный бунтовщик.

Ф а л ь с т а ф

И видный сын

Отечества схватил его.

К о л ь в и л ь

Мой герцог,

Я только то, чем мне велели быть.

Когда б я управлял своим начальством,

Мы б вам дались дороже, чем теперь.

Ф а л ь с т а ф. Я не знаю, почем они отдавали себя, но у тебя благородный характер. Ты предложил себя даром, за что я искренне благодарен тебе.

Возвращается Уэстморленд.

Л а н к а с т е р

Прекращена погоня?

У э с т м о р л е н д

Прекратили.

Я лишней бойне положил конец.

Л а н к а с т е р

Препроводите Кольвиля с другими
Преступниками к месту казни в Йорк.
Смотрите, чтоб они не разбежались.

Б л е н т с К о л ь в и л е м и о с т а л ь н ы м и а р е с т о в а н н ы м и
уходят.

Ну, а теперь в Вестминстер, ко двору.
Отец, передают, опасно болен.
Уведомим его, чтоб подбодрить,
О нынешней удавшейся уловке.
Уэстморленд, скачите во всю

прыть,

А я с войсками двинусь вслед за вами.

Ф а л ь с т а ф

Позвольте ехать мне чрез Глостершир
И в общем донесенье об успехах
Не говорите плохо обо мне.

Л а н к а с т е р

Я отзовусь о вас гораздо лучше,
Чем вы заслуживаете, Фальстаф.

Все, кроме Фальстафа, уходят.

Ф а л ь с т а ф. У тебя есть герцогский титул, но не хватает ума. Этот рассудительный малый не любит меня. Никто не видел, чтобы он когда-нибудь смеялся. Это — естественно. Он непьющий. Из этих примерных мальчиков никогда не получается ничего путного. Сырая вода и рыбный стол развивают у них малокровие. В браке у них рождаются только девочки. Обыкновенно это дураки и трусы, что было бы со всеми, когда бы не крепкие напитки. Хороший херес имеет двойное свойство. Во-первых, он бросается в голову и выпаривает из мозгов все лишнее, обволакивающее их в виде мокроты. Ум становится живым и метким, полным огня и изобретательности. Прочищаются язык и глотка, усиливается остроумие. Вторая особенность хорошего хереса в том, что он согревает кровь и разгоняет ее по всему телу. Разгорается лицо, сторожевой костер королевства, называемого человеком. Все в нем берется за оружие и сбегается к сердцу, главному своему военачальнику. Херес — единственный вдохновитель мужества, родник всякой храбрости и отваги. Без него не бывает военного гения, который дремлет необнаруженный и пропадает зря, пока действие этого напитка не пробудит его к жизни. Вот отчего отважен принц Генрих, несмотря на то, что от отца он унаследовал холодную кровь.

Но, как удобряют плохую почву, он ее облагородил большими количествами выпитого хереса и стал доблестным и пылким. Впрочем, о чем толковать? Будь у меня тысяча сыновей, первое, что я вдолбил бы им с детства, это чтобы они избегали воды и побольше налегали на херес.

Входит Бардольф.

Что скажешь, Бардольф?

Бардольф. Войско распущено. Все расходятся.

Фальстаф. Ну что же, бог с ним. А я пушусь через Глостершир. Там я заеду к мистеру Роберту Шеллоу, эсквайру. Я уже имел случай размягчить этого человека, как воск между пальцами, и теперь буду запечатывать им письма. Идем, брат.

Уходят.

Сцена 4

Вестминстер. Дворцовая палата, называемая Иерусалимом.

Входят король, принц Томас Кларенс и Гемфри
Глостер, Уорик и другие.

Король

Милорды, если бог пошлет победу
Над смутою, которая теперь
У нашей двери истекает кровью,
Мы с юношеством за море пойдем
Войною с более высокой целью.

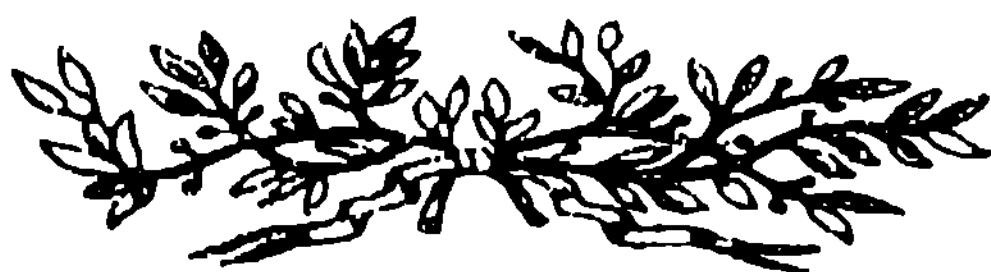
Войска и флот в готовности. Нашлись
Правители на срок отлучки нашей.
Все нужное, по счастью, налицо,

Мужской придворный костюм XVI века
Нам одного здоровья не хватает,
Чтобы отплыть в желаемый поход,
И мы без дела ждем, когда последних
Мятежников в покорность приведут.

У о р и к

И усмирение, и выздоровленье
Не за горами.

К о р о л ь

Гемфри, где твой брат,
Принц Уэльский?

Г л о с т е р

Он в Виндзоре на охоте.
Так говорят.

К о р о л ь

Не знаешь ли, кто с ним?

Г л о с т е р

Не знаю.

К о р о л ь

А не с ним ли Томас Кларенс?

Г л о с т е р

Нет, государь, принц Кларенс с нами здесь.

К л а р е н с

Что вам угодно, государь отец мой?

К о р о л ь

Добра тебе и больше ничего.
Что ж ты не с братом? Он к тебе привязан,

А ты его не ценишь. Относись
Внимательней к его расположенью.
Его любимец ты. Как я умру,
Ты сможешь прочим братьям быть защитой
Перед его величеством. Цени
Его любовь и мнимым небреженьем
Некстати от себя не отчуждай.
Ведь он так добр, его легко растрогать,
Его рука открыта и щедра,
Но в гневе он неумолим, как камень
Или как заморозки по утрам.
Поэтому будь с ним поосторожней.
Не спорь совсем, а если есть о чем,
То только в те часы, когда он в духе.
В минуты ж гнева жди, чтоб, горячась,
Он утомился сам, как кит на суше.
Живи с ним в дружбе, помни, —

и тогда

Оплотом будешь ты друзьям и братьям,
Щитом семье и сохранишь в ней мир,
Какая б посторонняя отравы
Ни проникала издали в ваш круг,
Подтачивая это единенье.

К л а р е н с

Я буду чтить его от всей души.

К о р о л ь

Что ж ты не на охоте с ним в Виндзоре?

К л а р е н с

Он вовсе не в Виндзоре, государь,
А в Лондоне обедает сегодня.

К о р о л ь

Не знаешь, с кем? Не можешь ли сказать?

К л а р е н с

По-видимому, с Пойнсом и другими.

К о р о л ь

Где хороша земля, там и бурьян.
Для сорных трав нет благодарней почвы,
Чем этот мальчик, мой живой портрет.
Тоскливо я вперед бросаю взоры,
Заглядывая с опасеньем в дни,
Когда меня не станет. Вам придется
Еще увидеть эти времена
Дикарства, запустенья и разгула,
Когда средь предков я усну в гробу,
И грех и своеволие сбросят путы,
И будут только слушаться себя,
А в золоте не будет недостатка!

О, на каких стремительных крылах
Он полетит навстречу разрушенью!

У о р и к

По отношению к принцу, государь,
Простите, вы совсем несправедливы.
Он изучает круг своих гуляк,
Как учат языки чужих народов,
При этом натываясь в словаре
Средь лучших слов на самые дурные.
Он должен знать их, чтобы избегать.
Когда пройдет он полный курс науки,
Забросит он всех этих забулдыг,
И этот ранний опыт пригодится
Ему потом для знания людей,
Причем весь вред пойдет ему на пользу.

К о р о л ь

Зло редко уживается с добром,
И пчелы в падали не стоят сотов.

Входит Уэстморленд

Вот как? Уэстморленд?

Уэстморленд

Да, государь.

Еще здоровья б только вам в придачу

К той радости, что я вам сообщу!
Вас сын принц Джон целует вашу руку.
Все: Моубрей, Гастингс и епископ Скруп,
В руках закона. Смуту усмирили.
Все королевство осеняет мир.
Как этого добились, — в донесенье.
Прочтите на досуге, государь.

К о р о л ь

Ты, Уэстморленд, всегда был вешней птицей,
Предвестницею счастья и зари.

Входит Гаркорт

Но вот еще какое-то известье.

Г а р к о р т

Дай бог всегда вам разбивать врагов,
Как пали те, о гибели которых
Приехал известить я, государь!
Нортумберленд, лорд Бардольф, их шотландцы
И шайки бунтовавших англичан
Разбиты вашей армией в Йоркшире.
Подробности сражения — в письме.

К о р о л ь

Как странно! От хорошего известья
Мне стало хуже. Счастья целиком

К л а р е н с

Нет, более в себя он не придет.
Печали и заботы источили
Его вконец, и жизнь стремится вон
Из тонкой, ослабевшей оболочки.

Г л о с т е р

О том же говорит язык примет.
Нередки стали случаи рождений
Чудовищ и уродов без отцов.
Творится что-то с временами года,
И стал неузнаваем календарь.

К л а р е н с

В реке прилив был трижды без отлива,
Как это наблюдалось, говорят,
Давным-давно, пред смертью Эдуарда.

У о р и к

Не говорите громко, господа,
Король в себя приходит.

Г л о с т е р

Он не встанет
От этого удара. Это — смерть.

К о р о л ь

Прошу перенести меня отсюда
В другую комнату и не шуметь.

Уходят.

Сцена 5

Другая комната во дворце.

Король Генрих в постели. Вокруг него Кларенс,
Глостер, Уорик, офицеры, паж и свита.

К о р о л ь

Потише, милые друзья. А впрочем,
Спокойной музыке я был бы рад.
Она б меня немножко усыпила.

У о р и к

Велите рядом где-нибудь играть.

Уходят два пажа.

К о р о л ь

Корону положите на подушку.

К л а р е н с

Ах, как ввалились у него глаза!
Он изменился.

У о р и к

Тише, тише, тише.

Музыка за сценой. Король засыпает.

Входит принц Генрих.

П р и н ц

Вы не видали Кларенса?

К л а р е н с

Я здесь

И в страшном горе.

П р и н ц

За порогом — солнце,
А в доме — слезы, дождь? Что с королем?

Г л о с т е р

Он очень плох.

П р и н ц

Про новости он слышал?
Порадуйте его.

Г л о с т е р

Он их слышал,
И в забытии.

П р и н ц

Ну, если он забылся
От счастья, то проснется без лекарств.

У о р и к

Потише, принц, не говорите громко,
Отец ваш, как мне кажется, уснул.

К л а р е н с

Уйдем из этой комнаты в другую.

У о р и к

Пойдемте, принц.

П р и н ц

Нет, я останусь здесь
И посижу при нем.

В с е, кроме п р и н ц а, уходят. Музыка прекращается.

Зачем корона

Здесь на подушке и мешает спать,
Тревожа близостью своей больного?
Лихая радость! Сладкая печаль!
Родник бессонниц! Сколько раз ночами
Из-за тебя томился он без сна!
В насмешку ли вас рядом положили?

Ты не ночной колпак на голове
Храпящего простого человека.
Владычество, твой ободок на лбу —
Как сталь кольчуги в жаркий летний
полдень,
В которой можно заживо сгореть.
Но чу! Поблизости с его губами
Лежит пушинка. Если б он дышал,
Она бы шевелилась. Он не дышит!

(Становится позади кровати.)
Теперь я вижу сам, мой государь,
Как крепок сон твой. Это сон,
который
Разъединил уж стольких королей
Английских с этой самою короной.
Теперь мой долг перед тобой, отец,
Вздыхать, скорбеть, печалиться и
плакать.

Природа и сыновняя любовь
Полны страданья и не поскупятся.
А долг твой мне — вот этот твой венец.
Попробую надеть.

(Надевает корону.)
Корона впору.
Храни ее на мне, господь. Теперь
Хотя б весь свет простер за нею руки,
Клянусь тебе, отцу и королю,

Я никому ее не уступлю,
Полученного от тебя не кину
И, как святыню, завещаю сыну.

. (Уходит.)

К о р о л ь
(просыпаясь)

Уорик! Глостер! Кларенс!

Уорик, Глостер, Кларенс и другие
возвращаются.

К л а р е н с

Вы нас звали?

У о р и к

Как чувствуете вы себя милорд?
Что вашему величеству угодно?

К о р о л ь

Зачем меня, скажите, одного
Вы в комнате оставили, милорды?

К л а р е н с

Здесь был принц Уэльский. Он нам
обещал,
Когда мы вышли, быть здесь безотлучно.

К о р о л ь

Принц Уэльский? Где он? Пусть он подойдет.
Здесь нет его.

У о р и к

Он вышел. Дверь открыта.

Г л о с т е р

Мы были рядом. Он не проходил.

К о р о л ь

Кто взял мою корону? Где корона?

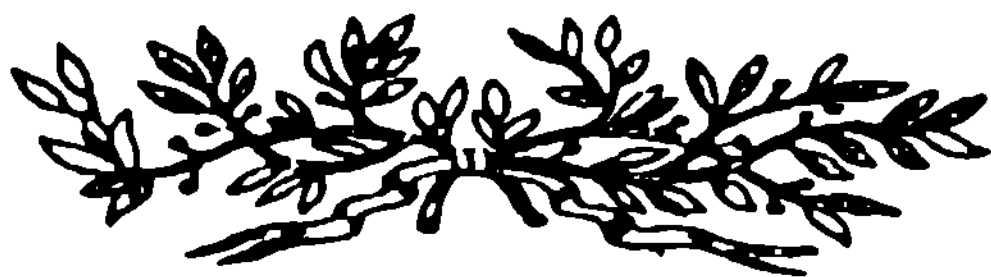
У о р и к

Когда мы выходили, государь,
Она лежала рядом на подушке.

К о р о л ь

Ее взял принц. Найдите мне его.
Он, видно, сон мой принял за кончину.
Какое нетерпенье! Этот шаг
В соединении с моей болезнью
Действительно ускорит мой конец.
Скорей его мне вызовите, Уорик.

У о р и к уходит.

Вот ваша благодарность, сыновья!
 Как быстро умолкает голос сердца,
 Чуть только жадность в вас заговорит!
 Так вот вы для кого, отцы-безумцы,
 Губили сон раздумьями, мозги —
 Заботами и мышцы рук — работой!
 Вот с совестью зачем на сделки шли,
 Копя ценой ужасной состоянья!
 Вот для чего учили сыновей
 Уму, наукам, мужеству, искусствам!
 Бедняги, ваша участь — участь пчел.
 С тяжелым воском в лапках, с медом в рыльцах.
 Торопитесь вы в ульи к молодым,
 Чтоб накормить скорей их и, как пчелы,
 Быть уничтоженными за труды.
 Достойная предсмертная награда
 Детей — кончающемуся отцу!

Возвращается У о р и к.

Итак, где он, наследник деловитый,
 Который в гроб вогнать меня спешит?

У о р и к

Милорд, он оказался рядом в зале.
 Я принца горько плачущим нашел.
 Будь даже я бесчувственным тираном,
 Я б зарыдал при виде этих слез.

К о р о л ь

Зачем он от меня унес корону?

Возвращается принц Генрих.

Вот сам он. Гарри, подойди ко мне.
Оставьте нас вдвоем. Покиньте спальню.

Уорик и другие уходят.

П р и н ц

Не думал я вас больше увидеть.

К о р о л ь

Ты выдал тайное свое желанье,
А я не умер и томлю тебя.
Ты так нетерпелив, что взял корону,
Когда для этого не пробил час!
Глупец, тебя раздавит бремя власти,
А ты так жадно тянешься к нему.
Не торопись. Мой королевский титул
Навис грозой. Довольно ветерка,
Чтоб на тебя нахлынул град сокровищ.
Мой день прошел. Тебе недолго ждать.
Зачем украл ты то, что часом позже
По праву подобало бы тебе?
Зачем ты подтвердил своим поступком,
Что раньше я всегда подозревал:
Что ты меня не любишь и хотел бы,

Чтоб умер я от этой нелюбви.
 Ты отточил о каменное сердце
 Кинжал бесчувствия, чтобы убить
 Меня на полчаса хотя бы раньше.
 Что нажил бы ты в эти полчаса?
 Ну что ж, ступай и вырой мне могилу,
 Назначь веселый колокольный звон
 Не в знак того, что тихо я скончался,
 Но в знак того, что коронован ты.
 Не лей мне слез на гроб. Пусть при венчанье
 Тебе миропомажут ими лоб.
 Предай меня забвенью по заслугам.
 Пусть точит червь родившего тебя.
 Отставь моих судей, топчи законы!
 Всем этим лишним тонкостям конец:
 На королевском троне Генрих Пятый.
 Долой труды! Да здравствует тщета!
 Английский двор открыт вам, дармоеды.
 Сюда, сюда, бездельники всех стран!
 Соседи, избавляйтесь от отбросов!
 Найдись у вас какой-нибудь буян,
 Обжора, вор, пропойца, ругатель,
 Головорез, обманщик, душегуб,
 Который изощрился в преступлениях
 И совершает их на новый лад,
 Вздохните легче! Я вас поздравляю:
 Он больше вам не будет докучать.

Пусть едет в Англию. Он там получит
Почет и должность. Там покроет он
Двойной позор тройною позолотой.
Там Генрих Пятый отдал диким псам
В добычу беззащитную невинность,
И низким вождельням нет преград.
Когда и я не спас своей заботой
Тебе от безначалья, бедный край,
Несчастное, больное королевство,
Что станется с тобою в дни, когда
Твоей заботой станет безначалье?
Ты будешь дикой чащею, как встарь,
Трущобой, населяемой волками.

П р и н ц

Простите, государь. Я б мог давно
Остановить поток упреков ваших.
Они бы не зашли так далеко,
Когда б не эти тягостные слезы,
Которые мешают говорить.
Вот ваш венец. Пусть долго царь небесный
Хранит его на вашей голове.

(Становится на колени.)

Он дорог мне как отблеск вашей славы,
Как память, как частица вас самих,
Я в нем не вижу ничего иного,
А если нет, чтоб мне живым не встать,

Как сжалось сердце у меня при виде
Вас без дыханья, знает только бог!
Пусть он меня накажет, если это
Не так, пусть я ничтожеством умру,
Не отличившись, ничего не сделав.
Так вот, уже не чая вас в живых
И сам едва живой при этой мысли,
Я обратился к'вашему венцу
С такою обвинительною речью:
"Корона, попечение о тебе
Сгубило моего отца здоровье.
О золото червонной чистоты,
Ты хуже золота неполной пробы!
Его дают в растворе пить больным,
А ты возносишь ввысь и убиваешь".
Так я стыдил корону и надел
Ее как образ вражьего начала,
Похитившего у меня отца,
Чтоб продолжать борьбу с ней, как наследник.
Но если торжество зажгло мне кровь
И гордость переполнила мне сердце
И я в короне на единый миг
Увидел средство к вожденной цели,
Пускай меня лишит ее господь
И сделает последним из последних,
Обязанных склоняться в прах пред ней.

К о р о л ь

Тебя господь, наверно, надоумил
Унести ее, чтоб повод получить
Еще сильнее этим оправданьем
Завоевать потом мою любовь.
Встань, Гарри.

Принц поднимается.

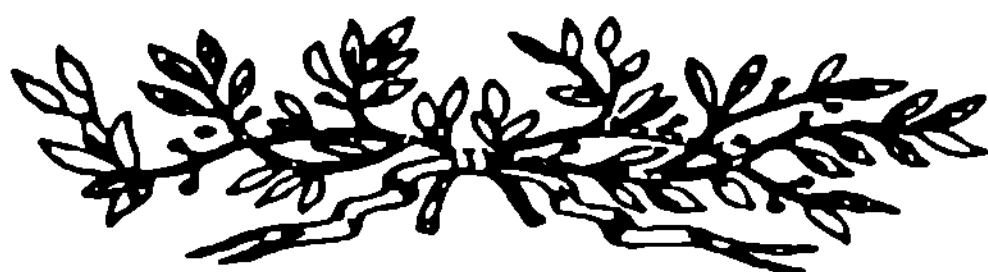
(Обнимает его.)

Сядь поближе у кровати.

Я на прощанье дам тебе совет,
Последний мой совет, наверно, в жизни.

Принц садится возле кровати.

Бог ведает, какими, милый сын,
Извилистыми, темными путями
Достал корону я, как весь мой век
Она мне лоб заботой тяжелила.
К тебе она спокойно перейдет,
Открыто и без споров, с большим правом.
Секрет того, благодаря чему
Я взял ее, я унесу в могилу.
Она казалась на моем челе
Захваченной насильно. То и дело
Напоминал мне после кто-нибудь,
Что и ему венчаньем я обязан.
Такие споры каждый день вели

К междоусобьям и кровопролитью,
И мир в стране был только мнимый мир.
Ты видел, я всегда держался с честью,
Но жизнь моя с начала до конца
Явилась пьесою на эту тему,
И, верно, только смерть моя теперь
Изменит содержание. Стало правом,
Что силой я когда-то захватил.
Ты мой прямой наследник. И однако,
Как твердо б ни стоял ты на ногах,
Шатка тебе оставленная почва.
У всех, кого я в качестве друзей
Тебе препоручаю, лишь недавно
Я вырвал жала и спилил клыки.
Их мятежи мне дали власть. Их бунты
Всегда могли свалить меня. Одних
Я устранил с пути. Других вниманье
Хотел отвлечь войной в святой земле.
Поставь себе за правило, мой Гарри:
Наполни беспокойные умы
Походами, делами за границей,
Отправь подальше шумных непосед
И на чужбине дай им развернуться,
Чтоб прошлое забвеньем поросло.
Я много бы прибавил, но не в силах.
Дышу с трудом. О господи, прости,

Что сделал волей я и поневоле!
Дай сыну мирно править на престоле.

П р и н ц

Венец был ваш, милорд, и освящен
Делами вашими для всех времен.
Как он доныне не был обещен,
Так он и мне для славных дел завещан.

Входит принц Джон Ланкастерский.

К о р о л ь

Смотри, — Ланкастер!

Л а н к а с т е р

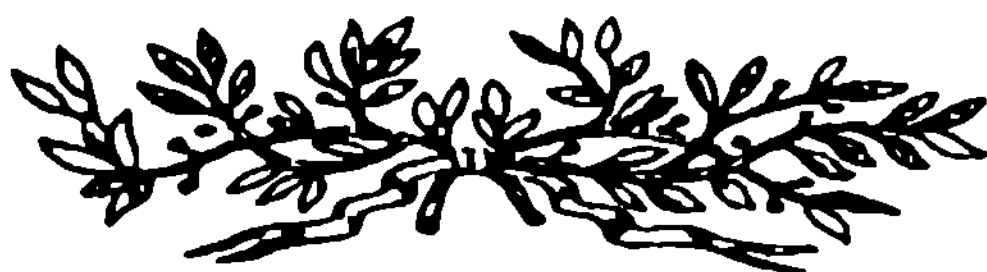
Доброго здоровья
И мира вам и счастья, государь!

К о р о л ь

Сын Джон, ты сам принес мне мир и счастье,
Здоровье ж отлетает от меня.
Мне свидеться с тобой недоставало,
И вот теперь я кончил все дела.
Где лорд Уорик?

П р и н ц

Уорик где?

Входит Уорик и другие.

Король

Скажите,
Как зал зовут, где я лишился чувств?

Уорик

Милорд, его зовут Ерусалимом.

Король

Хваленье небу. Много лет назад
Мне предсказали смерть в Ерусалиме.
Я думал, что умру в Святой земле.
Но все равно. Опять перенесите
Меня туда и положите там.
Хоть это залы монастырской имя,
Я умереть хочу в Ерусалиме.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Глостершир. Комната в доме Шеллоу.

Входят Шеллоу, Фальстаф, Бардольф и паж.

Шеллоу. Никуда вы, сэр, не уедете сегодня. Да отзовешься ли ты, Деви?

Фальстаф. Прошу извинить меня, мистер Шеллоу.

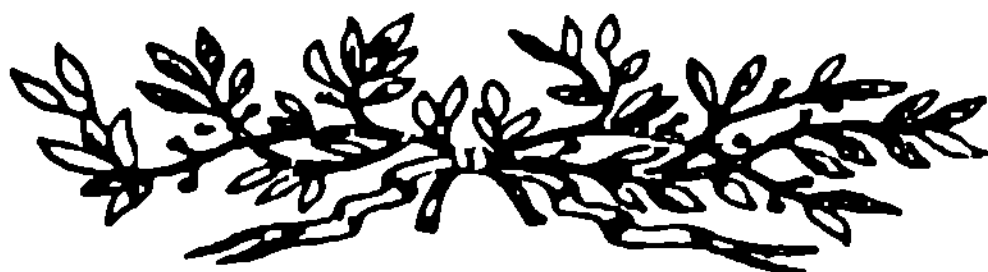
Шеллоу. Не могу и не хочу. Никаких извинений. Извинения не принимаются. Извинения не помогут. Деви, да ответишь ли ты?

Входит Деви с бумагами.

Деви. Что прикажете, сэр?

Шеллоу. Вот что Деви, вот что, дай-ка вспомню. Да, вспомнил, Деви. Повара мне сюда. Позови сюда повара Вильяма, Деви. Нет, нет, сэр Джон, не могу и не желаю извинить.

Деви. Вот такая вещь. Эти акты о взыскании не действительны. А потом насчет полос. Чем мы будем засевать крайнюю пашню? Пшеницей?

Шеллоу. Пшеницей, Деви. Яровою пшеницей. Но перейдем к повару. Как у нас с молодыми голубями?

Деви. Кое-какие наберутся. Вот счет из кузницы. За сошник и подковы.

Шеллоу. Подсчитай и заплати. Нет, сэр Джон, никаких извинений.

Деви. Требуется новая цепь к колодезному ведру. А потом еще вот что. Помните, Вильям потерял мешок на ярмарке? Прикажете вычесть из жалованья?

Шеллоу. Обязательно. Он должен возместить. Стало быть, несколько голубей, Деви, пару курочек-коротконожек, баранью ногу и какого-нибудь гарниру. Вильям сам знает.

Деви. Этот офицер останется ночевать?

Шеллоу. Само собою, Деви. Надо оказать ему гостеприимство. Как говорится, своя рука при дворе лучше своей копейки в кармане. Ублажай его людей, Деви, а то они наябедничают ему и постараются смешать тебя с грязью.

Деви. Точь-в-точь с чем они сами смешаны. Вы посмотрели бы на их нижнее белье!

Шеллоу. Остроумно, остроумно. Однако не теряй времени. За работу, Деви.

Деви. Пожалуйста, сэр, дайте возможность Вайзору из Уинкота выиграть дело, возбужденное против него Клементом Перксом из Хилля.

Шеллоу. Невозможно. На Вайзора тысяча жалоб. Этот Вайзор — отъявленный мошенник.

Д е в и. Конечно, мошенник, ваша милость, никто не спорит. Потому я и прошу за него. Честный человек сам за себя постоит. Неужели нельзя этого сделать ради меня? Я восемь лет служу вам верой и правдой, и вы не можете раза три-четыре в полугодие поддержать ради меня мошенника против честного человека? Что же я тогда для вас значу? Этот мерзавец — мой близкий друг. Сделайте одолжение, оправдайте его.

Ш е л л о у. Успокойся. Ему не будет худо. Займись поручениями, Деви.

Д е в и уходит.

Где вы, сэр Джон? Так, так, так, так. Долой сапоги. Устраивайтесь полегче. Вашу руку, мистер Бардольф.

Б а р д о л ь ф. Большое удовольствие видеть вас, ваша милость.

Ш е л л о у. Благодарю, добрый друг Бардольф. (Пажу.) Здравствуй, великан. Пойдемте, сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф. Сейчас приду, милый мистер Шеллоу.

Ш е л л о у уходит.

Бардольф, посмотри за лошадьми.

Б а р д о л ь ф и п а ж уходят.

Если бы меня распилили на мелкие части, из меня вышло бы сорок восемь жердей с мочалкой, как этот Шеллоу. Бог знает, до чего спелись он и его люди! Каждый из них суетлив и бестолков, как он, а он глуп и угодлив, как его дворня. Эти

люди держатся стаяй, как дикие гуси. Вот что делает постоянное общение. Манеры так же заразительны, как болезни. Если бы у меня было дело в этом суде и я должен был бы перед ними заискивать, я бы всем им льстил тем, что принимал бы их одного за другого. Этого Шеллоу хватит мне на увеселение принца Генриха в продолжение шести зим, что равняется четырем вексельным срокам и двум годам сиденья по ним в долговой тюрьме. Он будет хохотать без перерыва до тех пор, пока его лицо не сморщится, как мятый дождевой плащ.

Шеллоу (за сценой). Сэр Джон!

Фальстаф. Иду, иду, мистер Шеллоу. (Уходит.)

Сцена 2

Вестминстер. Комната во дворце.

С разных сторон входят Уорик и верховный судья.

Уорик

Куда, милорд судья?

Верховный судья

Как королю?

Уорик

Гораздо легче. Кончились заботы.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Надеюсь, он не умер?

У о р и к

Он ушел

Путиями плоти. Больше он не с нами.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Зачем его величество не взял
Меня с собою! Неподкупной службой
В его правленье нажил я врагов.
Мне будут мстить.

У о р и к

Вас, кажется, не любит
Теперешний король.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Да, говорят.

Я подготовлен к худшему на свете,
И жизнь моя не будет тяжелей,
Чем я ее в воображенье вижу!

У о р и к

Вот Генриха умершего три сына.
Когда бы новый Генрих чем-нибудь

Был с ними схож, как много прежней знати
Осталось бы на должности! А так
Она уступит место всякой рвани.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Боюсь, что нам не миновать беды.

Входят Ланкастер, Кларенс, Глостер,
Уэстморленд и другие.

Л а н к а с т е р

Лорд Уорик, с добрым утром.

Г л о с т е р и К л а р е н с

С добрым утром.

Л а н к а с т е р

От слез мы разучились говорить.

У о р и к

Или умеем, но предмет беседы
Так горек, что понятен всем без слов.

Л а н к а с т е р

Так царствие небесное тому,
О ком мы так горюем.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Не пришлось бы
Со временем нам горевать сильнее.

Г л о с т е р

Вы потеряли истинного друга.
Скорбь ваша велика, милорд судья.

Л а н к а с т е р

Хотя, что будет завтра с нами всеми,
Неведомо и нам, милорд судья,
У вас мрачней на будущее виды.

К л а р е н с

Теперь придется вам Фальстафу льстить,
А это не в природе вашей, сударь.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Я, дорогие принцы, поступал
Всегда, как мне подсказывала совесть.
Ни перед кем не буду шеи гнуть,
Чтобы виниться в том, в чем я невинен.
А если честность пагубна теперь,
Отправляюсь за покойным государем
И расскажу, кем послан вслед за ним.

У о р и к

Вот государь.

Входит король Генрих Пятый со свитой.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Да здравствует король!
Бог вашему величеству на помощь.

К о р о л ь

“Величество” хоть дорогой убор,
Но с непривычки очень неудобный.
Но, братья, отчего у вас в глазах
Помимо скорби страх? Наш двор — английский,
А не турецкий двор. Не Амурат
Вступает на престол за Амуратом,
А Генрих вслед за Генрихом. Пускай
Печаль мрачит ваш взор. Она прилична.
Как не скорбеть мне тоже об отце?
Но это общий траур. Огорчаться
В отдельности у вас причины нет.
Клянусь, я буду вам отцом и братом.
Платите мне любовью, а взамен
Вам обеспечена моя забота.
Мы слезы льем о том, что Генрих умер,
Но Генрих жив, который их утрет
И превратит унынье в ликование.

П р и н ц

От вас другого не могли мы ждать.

К о р о л ь

И все же вы глядите как-то странно.
И, верно, вы, милорд, убеждены
В моем особом нерасположенье?

В е р х о в н ы й с у д ь я

Уверен, хоть его не заслужил,
Когда меня судить нелицемерно.

К о р о л ь

А дерзость ваших выходов со мной
Пройдет для вас, вы думаете, даром?
Бранить, порочить и сажать в тюрьму
Наследника английского престола?
Легко ль мне было это перенести?
И вы моей вражды не заслужили?

В е р х о в н ы й с у д ь я

Тогда в своем лице я представлял
Особу вашего отца, подобье
Его величества. На мне лежал
Монаршей власти отблеск. В это время,
Когда я был на должностном посту

И воплощал законность и порядок,
Милорд, угодно было вам забыть
Приличье, святость места, государя,
Которого я олицетворял,
И действием нанести мне оскорбление.
Тогда я приказал вас задержать
На основанье данного мне права
За оскорбление вашего отца,
И если был не прав, перенесите
Все выводы отсюда на себя.
Готовы будьте радоваться сыну,
Который будет обращать в ничто
Установленья ваши, издеваться
Над святостью судилищ и судей
И притуплять суровый меч закона, —
Нет, — обливать презреньем вас самих
В чужом лице. На миг себя поставьте
На это место. Как бы отнеслись
Ко мне вы сами, если бы при виде
Неуваженья к власти, глухоты
К закону и забвенью чувств сыновних
Я, сторож ваших королевских прав,
Тихонько бы пробрал такого сына
И несколько его бы обуздал?
Взгляните хладнокровно и скажите,
Что я в тот раз такого совершил,

Что мне как подданному не пристало
Или не подобало как судье?

К о р о л ь

Вы были правы, лорд судья. Вы честно
Вели себя. Держите впредь в руках
Весы и меч. Дай бог нам дни увидеть,
Когда мой сын обидит вас, как я,
И тоже должен будет подчиниться.
Тогда я повторю слова отца:
“Я рад иметь судью, который судит
Бесстрашно сына моего. Я рад
Тому, что сын мой, несмотря
на титул,
Себя закону в руки отдает”.
Меня вы к заключенью присудили,
А я вам присуждаю меч судьи,
Который вы носили так достойно.
Пускай и дальше отличают вас
Правдивость, беспристрастие и
смелость,
Доказанные случаем со мной.
Вот вам моя рука. Пока я молод,
Судья, прошу вас, будьте мне отцом.
Да будет мне наставником ваш голос,
А я вас буду слушаться во всем.
Еще скажу: с отцом в могилу, принцы,

Зарыл я прошлые свои грехи.
 Отец лежит в их буйном окруженье,
 А мне оставил свой спокойный ум.
 Наперекор молве и предсказаньям
 Гадальщиков, судивших обо мне
 По внешности, я изменился в корне.
 Кровь поднималась до сих пор во мне
 С надменностью реки в часы

прилива,

Но вот настал отлив. Она идет
 На убыль, и теперь ее поверхность
 Сольется с должным уровнем вокруг.
 Мы созовем парламент. Изберемте
 Таких людей, чтобы с успехом стать
 По образу правленья средь

народов

Всех лучше управляемых, чтоб нас
 Война и мир врасплох не заставляли.

(Верховному судье.)

Вы будете в совете старшиной.
 Как я сказал, мы соберем палаты
 Вслед за коронованьем. Заживем
 Так, чтобы сообща у всех в веселье
 Дни долго-долго без забот летели.

Уходят.

Сцена 3

Сад судьи Шеллоу.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Сайленс, Деви,
Бардольф и паж.

Шеллоу. Нет, куда вы? А мой сад? Вы его еще не вида-
ли. Мы заберемся в беседку. Туда нам подадут пирог с ябло-
ками моей прививки. И так далее, и так далее. Где вы,
Сайленс? А потом на боковую.

Фальстаф. Хорошо у вас, ей-богу. И такое богатство!

Шеллоу. Что вы, бедность, сэр Джон. Нищие мы, ни-
щие. Ну, конечно, простор, воздух, ничего не скажешь. На-
крывай, Деви, на стол, накрывай.

Фальстаф. Этот Деви у вас — настоящая находка. Он
и управляющий, он и слуга.

Шеллоу. Хороший слуга, хороший, ничего не скажешь.
Клянусь богом, я хватил лишнего за ужином, сэр Джон. Хо-
роший слуга. Теперь пожалуйста. Садитесь. Ну-ка, куманек.

Садятся за стол.

Сайленс. Сию минуту, черт меня побери. Сейчас, ей-
богу. (*Поет.*)

Вот те штоф и горя мало,
Вот те хлеба каравай,
Пей и кушай до отвалу,
Веселись, не унывай,

Веселись напропалую,
Наудалую гуляй.

Ф а л ь с т а ф. Вот это я понимаю! Ваше здоровье, Сайленс!

Ш е л л о у. Налейте Бардольфу, Деви.

Д е в и. Садитесь, милейший, присядьте. Сейчас я приду. Садитесь. Мистер паж, милый мистер паж, садитесь.

Бардольф и паж садятся за особый стол.

Кушайте на здоровье. Если закуски и недостаточно, зато вина сколько угодно. Не обессудьте. Чем богаты, тем и рады. (Уходит.)

Ш е л л о у. Веселей, мистер Бардольф! (Пажу.) Веселей, мой маленький солдат!

С а й л е н с
(поет)

Гуляй без жены, веселись без постылой,
Что баба, то ведьма, хоть вон волоки!
Гуляй, веселись без стеснения, кутилы,
И песне подтягивай, весельчаки!

Ф а л ь с т а ф. Вот это я понимаю! Никогда я не думал, что мистер Сайленс такой приткий.

С а й л е н с. Кто, я? Раз или два в жизни я так был весел, что небу было жарко.

Возвращается Д е в и.

Д е в и. Вот тарелка яблок, кушайте, пожалуйста.

Ш е л л о у. Деви!

Д е в и. Сию минуту. (*Бардольфу.*) Сейчас ворочусь. Прикажете налить, сэр?

С а й л е н с
(поет)

За здоровье ненаглядной
И за наш союз
От стакана виноградной
Я не откажусь.

Ф а л ь с т а ф. Ай да мистер Сайленс!

С а й л е н с. Гулять так гулять, господа! Еще ночь впереди.

Ф а л ь с т а ф. Многая лета, мистер Сайленс!

С а й л е н с
(поет)

За дружбу бочки пьют.
За вас, мой друг любезный,
Я б осушил сосуд
Величиною в бездну.

Ш е л л о у. Ваше здоровье, почтеннейший Бардольф! Сами виноваты, если вам не угодили! Зачем молчали? (*Пажу.*) Будь тоже здоров, маленький проказник! Пью за мистера Бардольфа и за всех добрых молодцов города Лондона.

Принц Генрих и Фальстаф. Рис. Дж.Джилберта

Д е в и. Лондон, вот куда бы я хотел попасть хоть раз в жизни!

Б а р д о л ь ф. А я бы хотел с вами встретиться там!

Ш е л л о у. Небось вы бы с ним лицом в грязь не ударили? А, мистер Бардольф, не так ли?

Б а р д о л ь ф. Еще бы. Раздавили бы косушку! Тарарахнули бы за мое почтение!

Ш е л л о у. Имейте в виду, вы Деви не знаете. Этот себя в обиду не даст. Не таков.

Б а р д о л ь ф. Ну, да и мы не лыком шиты.

Ш е л л о у. Крепко королевское слово. Ну, кушайте, ни в чем не отказывайте себе.

Стук в дверь.

Погляди, кто это, Деви.

Д е в и уходит.

Ф а л ь с т а ф (*Сайленсу, выпившему перед тем большой кубок*). Ну, спасибо. Теперь мы квиты.

С а й л е н с. Тогда, как в песне. (*Поет.*)

Меня в магистры винопитья
При всем синклите посвятите!

Так, кажется?

Ф а л ь с т а ф. В точности так.

С а й л е н с. После этого говорите, что старики ничего не стоят!

Возвращается Д е в и.

Д е в и. Ваша милость, приехал некий Пистоль с новостями из дворца.

Ф а л ь с т а ф. С новостями из дворца?

Все встают.

Впусти его.

Входит П и с т о л ь.

Здорово, Пистоль!

П и с т о л ь. Храни вас бог, сэр Джон.

Ф а л ь с т а ф. Какой ветер занес тебя сюда, Пистоль?

П и с т о л ь. Из тех, которые дуют к добру. Дорогой рыцарь, вы у нас теперь одна из величайших фигур в королевстве.

С а й л е н с. Кроме фигуры великана Пуфа из Барсона. Тот крупнее.

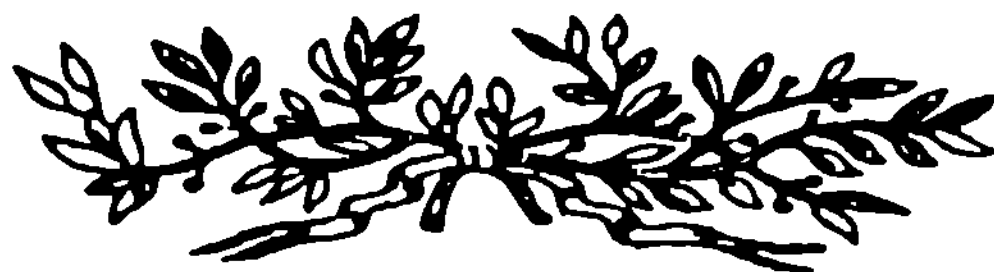
П и с т о л ь. Пуф?

Пошли вы лучше с вашим Пуфом к черту!
Сэр Джон, я — Пистоль, я ваш друг и брат.
Я голову сломя сюда к вам мчался.
Я новости, я радости привез,
Молву о счастье, золотые вести!

Ф а л ь с т а ф. Скажи это по-человечески.

П и с т о л ь

Долой земное! Прочь земную прозу!
Я полон целой Африки чудес!

Ф а л ь с т а ф

Ну тогда смотри не прогневайся:
Почто молчишь, презренный ассириец?
Ответствуй королю Кофетуа.

С а й л е н с
(поет)

И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет...

П и с т о л ь

Что слышу я? С навозной кучи пес
Певцу небес свой вздор горланить смеет?
Тогда на помощь, фурии, ко мне!

С а й л е н с. Виноват, милостивый государь, я не знаю вашего званья.

П и с т о л ь. Так плачь и на себя пеняй, несчастный!

Ш е л л о у. Извините, сэр. Если вы с новостями от двора, то, по-моему, одно из двух: либо вы их хотите рассказать, либо нет. А так как, в некотором роде, я — судья, получивший от короля...

П и с т о л ь

От короля? Какого короля?
Сознайся иль умри, богоотступник!

Шеллоу

От Генриха.

Пистоль

Какого, говори!
Четвертого иль Пятого? Какого?

Шеллоу

Четвертого.

Пистоль

Так грош тебе цена!
Сэр Джон, король теперь — ваш
кроткий агнец.
На троне Генрих Пятый. Если вру,
Так съесть мне шиш, как говорят испанцы.

Фальстаф. Что ты говоришь? Старый король умер?

Пистоль

Он умер, и теперь он — хладный труп.

Фальстаф. Бардольф! В путь! Седлай лошадей. Мистер Шеллоу, выбирайте любую должность, она ваша. Пистоль, я осыплю тебя почестями.

Бардольф. Вот это действительно, что называется, денечек! Пожалуют меня дворянством, я скажу — мало.

Пистоль. Ну что, сэр Джон, довольны вы вестями?

Сайленс падает со стула.

Ф а л ь с т а ф. Уложите мистера Сайленса спать.

С а й л е н с а уносят.

Мистер Шеллоу, милорд Шеллоу, все пути вам теперь открыты. Отныне я — распорядитель вашей судьбы. Где ваши сапоги? Одевайтесь живей. Нам предстоит скакать всю ночь. Живее, Бардольф.

Б а р д о л ь ф уходит.

Душка Пистоль, расскажи мне что-нибудь еще. Выбери себе какую хочешь награду. А вы все еще без сапог, Шеллоу? Живей, живей. Молодой король, наверное, сгорит от нетерпения меня увидеть. Требуйте лошадей у кого угодно. Все законы Англии к моим услугам. Блаженны все, дружившие со мной, и горе лорду верховному судье. Этому несдобровать.

П и с т о л ь

Пусть коршуны клюют ему кишки.

“Куда ушли вы, дни мои златые?” —

Так спросит он, а мы ему в ответ:

“На нашей улице отныне праздник”.

Уходят.

Сцена 4

Лондон. Улица.

Полицейские тащат трактирщицу
и Доль Тершит.

Трактирщица. Потише. Не пихайся, невежа. Вот я розорвусь от злобы на тебя, и тебя повесят. То-то я буду рада. Ты плечо мне вывихнул, грубиян!

Первый полицейский. Так нам приказало начальство. Ничего не поделаешь, придется ей всыпать. По ее милости человека убили или двух. И чтобы все вам с рук сходило?

Доль. Врешь, врешь, вислоухий. Ну, погоди! Если я выкину ребенка, которым беременна, лучше было бы тебе, долговязый, побить родную мать, чем дотронуться до меня.

Трактирщица. Если она выкинет, вы будете иметь дело с сэром Джоном. Он на вас места живого не оставит!

Первый полицейский. Если она выкинет, вам в спальню к одиннадцати подушкам вернется недостающая двенадцатая, которая у ней подложена на животе. Ну, пошевеливайтесь! Забили с Пистолем до смерти человека, и все это будет сходиться вам с рук?

Доль. Ну, погоди, висляй ты этакий, оглобля, не миновать тебе болтаться по-другому! Вздернут тебя за мои страдания, вздернут, помяни мое слово. Вздернут, анафема, моща посинелая, исправитель нравов! А не вздернут, не носить мне больше передников с оборками!

Первый полицейский. Ну, ну, шагом марш, удалая богатырша!

Трактирщица. Батюшки, батюшки! И терпеть такое надругательство! Нет, нет, отольются кошке мышиные слезки.

Доль. Ну, хорошо, разбойник. Веди меня сейчас же к судье, и чтобы меня немедленно выслушали.

Трактирщица. Ищейка паршивая!

Доль. Что же ты стоишь, вешалка!

Трактирщица. Сущий стилет у аптекаря!

Доль. Пошли, костяная нога, двигайся.

Первый полицейский. Да пойдете же!

Уходят.

Сцена 5

Площадь близ Вестминстерского аббатства.

Стечение народа. Два служителя разбрасывают по площади камыш.

Первый служитель. Мало. Надо еще.

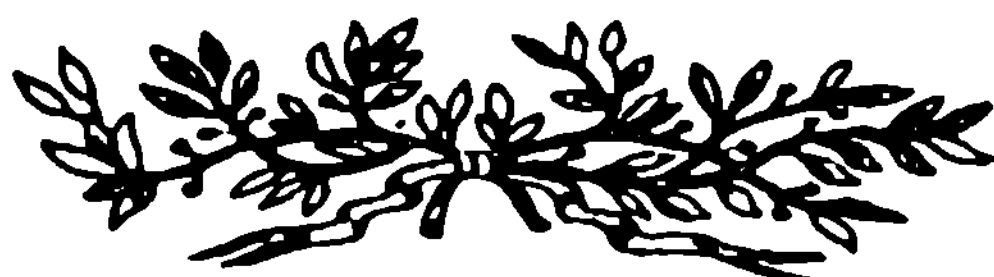
Второй служитель. Уже два раза трубили.

Первый служитель. Хотя они выйдут с коронации не раньше двух часов, надо торопиться.

Уходят.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Пистоль, Бардольф
и паж.

Фальстаф. Стойте возле меня, мистер Роберт Шеллоу. Я представлю вас королю, когда он пройдет мимо. Я ему под-

мигну, а вы обратите внимание, какое лицо он скорчит мне в ответ.

П и с т о л ь. Пошли вам бог всяких благ, добрый рыцарь!

Ф а л ь с т а ф. Поди сюда, Пистоль. Стань позади меня. *(Обращается к Шеллоу.)* Ах, все случилось так скоро! Если бы у меня было время, я бы заказал своим людям новые ливреи на ту тысячу, которую у вас занял. Впрочем, не важно. Не правда ли, наш скромный вид еще больше доказывает мое нетерпение его увидеть.

Ш е л л о у. Конечно.

Ф а л ь с т а ф. Мою преданность.

Ш е л л о у. Конечно.

Ф а л ь с т а ф. Мою привязанность.

Ш е л л о у. Конечно, конечно.

Ф а л ь с т а ф. Человек скачет, так сказать, день и ночь, ни о чем не думая, ничего не помня. Он не имеет времени переодеться.

Ш е л л о у. Совершенно верно.

Ф а л ь с т а ф. И вот он стоит в брызгах дорожной грязи в толпе на улице, сгорая от желания его увидеть. И только об этом думает, и только это и знает, как будто бы не было ничего другого в мире.

П и с т о л ь. Это — преданность, равной которой нет и не было на свете.

Ш е л л о у. Верно, Пистоль.

П и с т о л ь

Ну, а теперь, мой благородный рыцарь,
Я бешенством тебя воспламеню!
Елена грез твоих прекрасных, Долли,
Заточена в вонючую тюрьму.
Бездушной стражи дерзостные руки
Ее туда насильно волокли.
Явись из мрака бездн, змея Алекто,
За Долли мстить! Поручой Пистоль в том.

Ф а л ь с т а ф. Я освобожу ее.

Трубы и крики за сценой.

П и с т о л ь

Я слышу моря шум и рокот труб.

Входят король Генрих V, принцы, граф Уэстморленд,
верховный судья и остальные члены
королевской свиты.

Ф а л ь с т а ф

Да здравствует мой Гарри, мой король!

П и с т о л ь

Да здравствует венчанный отпрыск славы!

Ф а л ь с т а ф

Счастливо царствуй, милый мальчуган!

В е р х о в н ы й с у д ь я

Вы очумели? Сознаете ль вы,
Что мелете?

Ф а л ь с т а ф

Король мой! Мой Юпитер!
Я говорю с тобой, любимец мой!

К о р о л ь

Прохожий, кто ты? Я тебя не знаю.
Молись усердней, старый человек.
Седые волосы, а сам как дурень.
Такой же долго снился мне старик,
Как ты, беспутный, спившийся и толстый.
Я позабыть стараюсь этот сон.
Прибавь ума и сбавь немного жиру.
Оставь обжорство. Помни, что тебя
Ждет втрое шире, чем других могила.
Не думай отшутиться, как всегда.
Знай, я не то, что был, и свет увидит,
Что как отверг я прежнего себя,
Так от знакомцев прежних отвернулся.
Когда тебе расскажут, что опять
Я опустился, можешь возвратиться
И снова быть беспутству вожаком,
А до тех пор тебя я изгоняю

Под страхом смерти прочь на десять миль
И всех, кто совращал меня с тобою.
Чтоб вас на преступленье не толкать,
Я обеспечу вам существованье.
Кто к лучшему изменится, найдет
Работу по способностям и силам.
Распорядитесь, господин судья,
О точном исполнении приказа.

Король со свитой уходит.

Фальстаф. Мистер Шеллоу, я вам должен тысячу фунтов.

Шеллоу. Совершенно верно, сэр Джон. Я еду сейчас домой и прошу вернуть их.

Фальстаф. Это невозможно, мистер Шеллоу. Но не огорчайтесь. Он тайно пришлет за мной. Поймите, таким он должен казаться перед другими. Не отчаивайтесь относительно своего будущего. С моей помощью вы станете личностью с весом.

Шеллоу. Не вижу средства. Разве что вы уступите мне свой камзол и набьете его соломой. Милый сэр Джон, верните мне из моей тысячи хоть пятьсот фунтов.

Фальстаф. Сэр, я дал вам честное слово. Не бойтесь. То, что вы сейчас видели, одна комедия.

Шеллоу. Как бы эта комедия не затянулась до вашей смерти.

Ф а л ь с т а ф. Это одна комедия. Пойдемте обедать. Пойдемте, лейтенант Пистоль. Пойдем, Бардольф. Вечером меня туда позовут.

Возвращаются принц Джон, лорд верховный судья
и стража.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Ступайте отведите сэра Джона
И собутыльников его в тюрьму.

Ф а л ь с т а ф

Милорд, милорд!

В е р х о в н ы й с у д ь я

Сейчас я очень занят.
Я вызову вас скоро на допрос.
Ведите их.

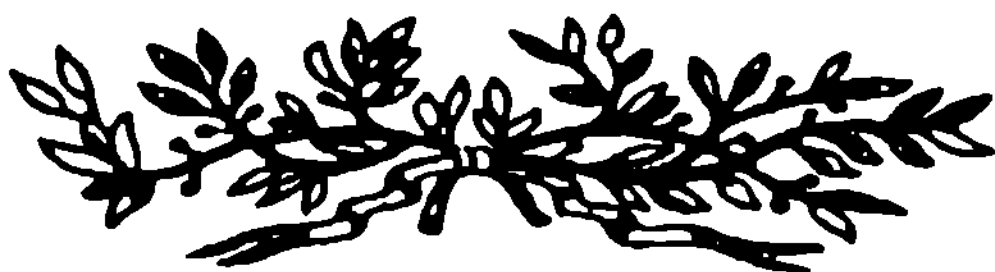
П и с т о л ь

Se fortuna mi tormenta,
Lo sperare mi contenta.

Все, кроме принца Джона и верховного судьи, уходят.

Л а н к а с т е р

Мне нравится решение короля.
Всей шайке он назначил содержание,

Но с глаз своих прогнал до той поры,
Пока они не станут поумнее.

Верховный судья
Решение исполнено.

Ланкастер
Король
Велел созвать парламент.

Верховный судья
Да, я знаю.

Ланкастер
Держу пари, что год не истечет,
Мы снарядим во Францию поход.
С согласия короля про это дело
Мне при дворе недавно птичка пела.
Идемте.

Уходят.

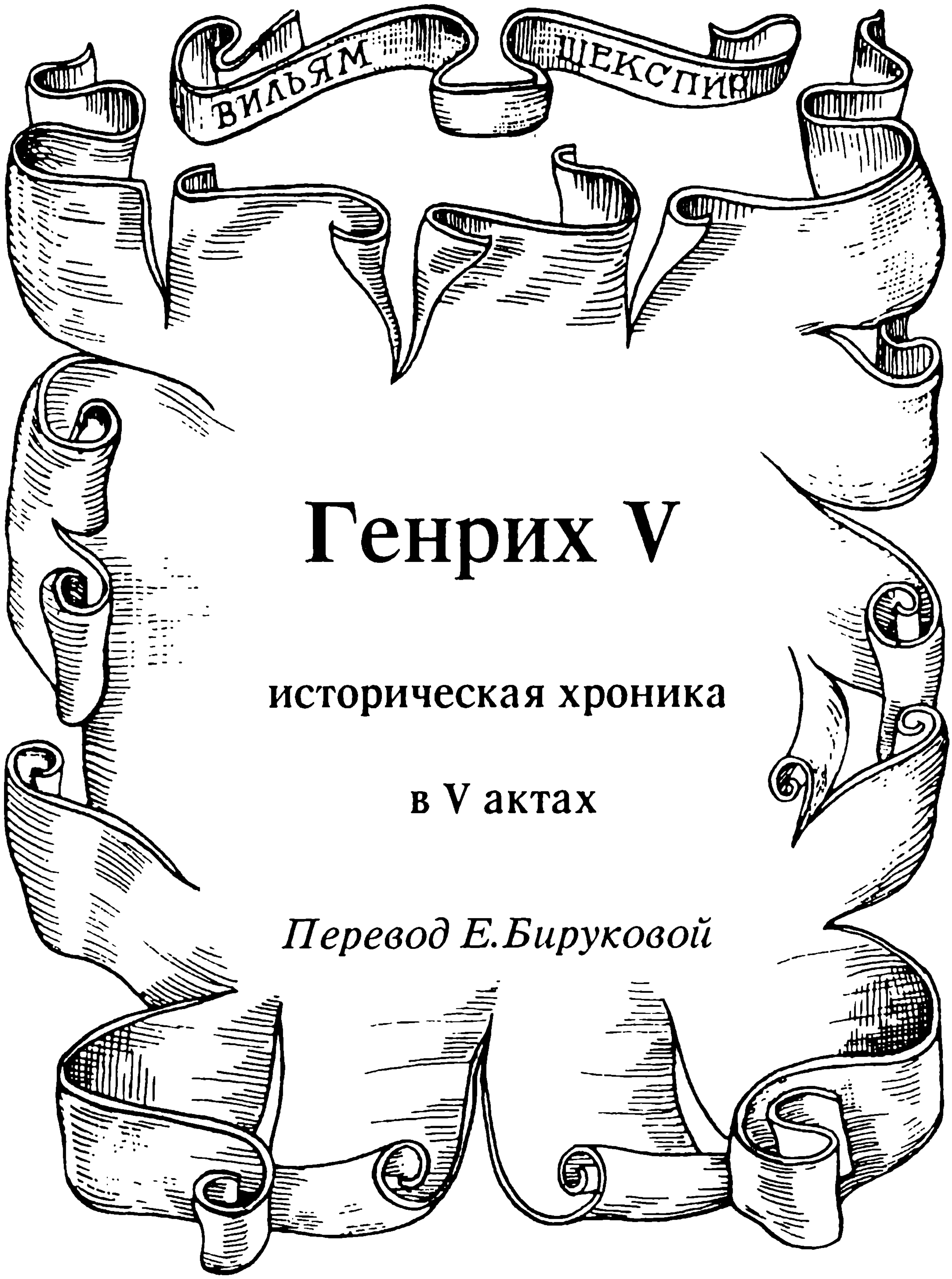
Эпилог, произносимый танцором

Трепещу, низко кланяюсь и прошу слова. Трепещу, ибо на вас не угодишь, низко кланяюсь, ибо получил хорошее воспитание, прошу слова, ибо должен что-то сказать. Однако, если вы думаете услышать хорошую речь, вы жестоко обманетесь и погубите меня. Эта речь — моя собственная, ее не писал автор, и, кроме того, я, наверное, не сумею сказать ничего из того, что хотел бы сказать.

Итак, вот в чем дело. Недавно выступал я тут в конце одной провалившейся пьесы с просьбой простить мне этот провал и обещаньем показать лучшую. Я искренне верил в свои силы, так что если и эта пьеса не годится — это банкротство непредвиденное, и вы, мои кредиторы, страдаете не по моей вине. И опять я стою перед вами, и опять прошу вас рассчитаться со мной по пониженной расценке, и опять, как все должники, готов обещать вам с три короба.

Но, может быть, мой язык не умиловил вас, и вас более убедят мои ноги танцора? Было бы слишком легким выходом сплясать вам что-нибудь в погашение своего театрального долга, но во всех вещах главное дело — совесть, а она чиста у меня.

A decorative border composed of various scrolls and ribbons. At the top, a ribbon contains the text 'Вильям Шекспир'. The border continues with several large, flowing scrolls that frame the central text.

Вильям

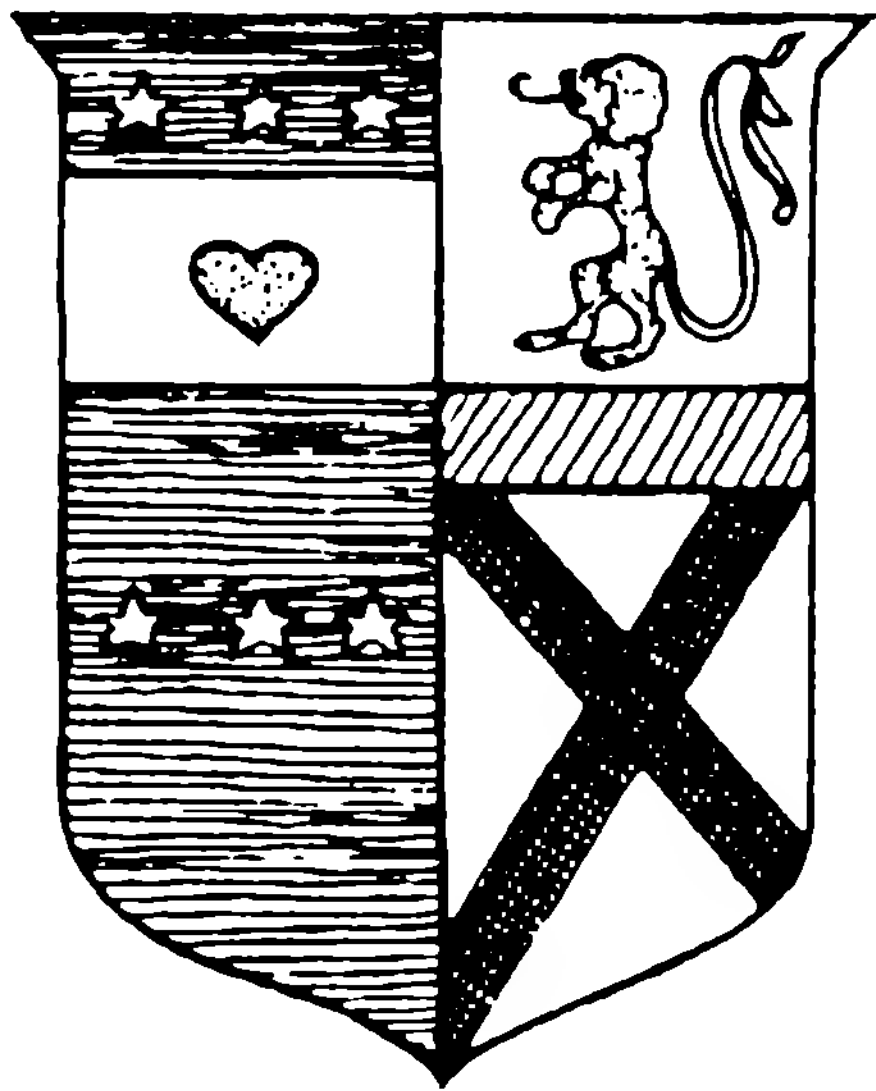
Шекспир

Генрих V

историческая хроника

в V актах

Перевод Е.Бируковой

Действующие лица

Король Генрих V.

Герцог Глостер		братья короля.
Герцог Бедфорд		

Герцог Эксетер, дядя короля.

Герцог Йорский, двоюродный брат короля.

Граф Солсбери.

Граф Уэстморленд.

Граф Уорик.

Архиепископ Кентерберийский.

Лорд Скруп.

Сэр Томас Грей.

Сэр Томас Эрпингем

Гауэр		офицеры армии короля Генриха.
Флюэллен		
Мак - Моррис		
Джеми		

Бетс		солдаты.
Корт		
Уильямс		

Пистоль.

Ним.

Бардольф.

Мальчик.

Герольд.

Карл VI, король французский.

Людовик, дофин.

Герцог Бургундский.

Герцог Орлеанский.

Герцог Бурбонский.

Коннетабль Франции.

Р а м б ю р | французские
Г р а н п р е | вельможи.
К о м е н д а н т Г а р ф л е р а .
М о н ж у а , французский герольд.
Ф р а н ц у з с к и е п о с л ы .
И з а б е л л а , королева французская.
Е к а т е р и н а , дочь Карла и Изабеллы.
А л и с а , придворная дама Екатерины.
Х о з я й к а трактира в Истчипе (бывшая миссис
Куикли, недавно ставшая женой Пистоля).
Х о р .

Лорды, леди, офицеры, солдаты,
горожане, гонцы, слуги.

Место действия — Англия и Франция.

АКТ I

Пролог

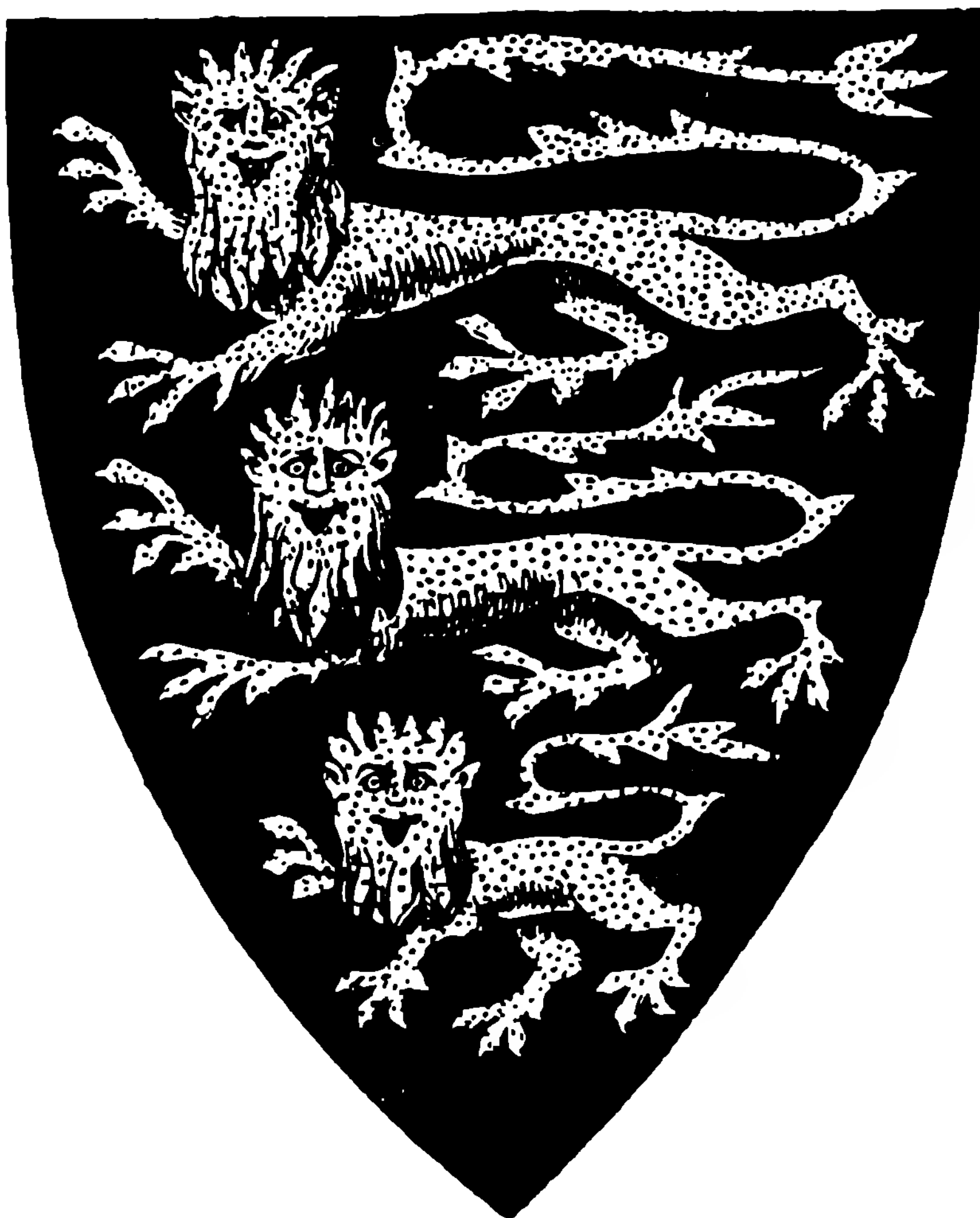
Входит Х о р.

Х о р

О, если б муза вознеслась, пылая,
На яркий небосвод воображенья,
Внушив, что эта сцена — королевство,
Актеры — принцы, зрители — монархи!
Тогда бы Генрих принял образ Марса,
Ему присущий, и у ног его,
Как свора псов, война, пожар и голод
На травлю стали б рваться. Но простите,
Почтенные, что грубый, низкий ум
Дерзнул вам показать с подмостков жалких
Такой предмет высокий. И вместит ли
Помост петуший — Франции поля?
Вместит ли круг из дерева те шлемы,
Что наводили страх под Азинкуром?
Простите! Но значки кривые могут

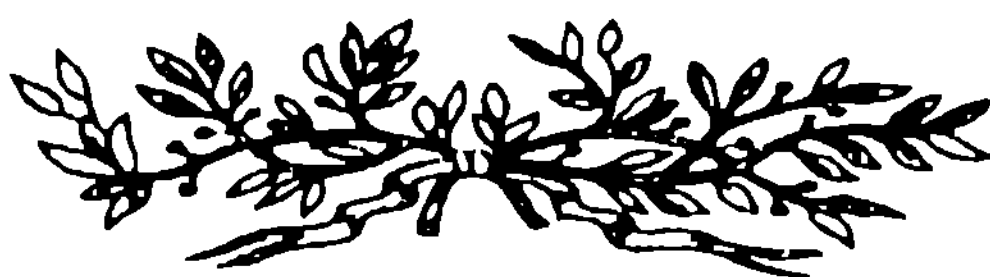

В пространстве малом представлять мильон.
Позвольте ж нам, огромной суммы цифрам,
В вас пробудить воображенья власть.
Представьте, что в ограде этих стен
Заключены два мощных государства,

Щит короля Эдуарда III

Что поднимают гордое чело
Над разделившим их проливом бурным.
Восполните несовершенства наши,
Из одного лица создайте сотни

И силой мысли превратите в рать.
Когда о конях речь мы заведем,
Их поступь гордую вообразите;
Должны вы королей облечь величием,
Переносить их в разные места,
Паря над временем, сгущая годы
В короткий час. Коль помощи хотите,
Мне, Хору, выступить вы разрешите.
Я, как Пролог, прошу у вас терпенья,
Вниманья к пьесе, доброго сужденья!

Уходит.

Сцена 1

Лондон. Передняя в королевском дворце.

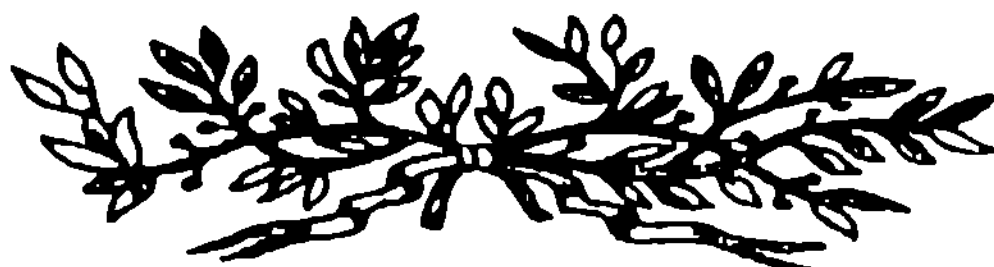
Входят архиепископ Кентерберийский
и епископ Илийский.

Архиепископ Кентерберийский

Милорд, узнайте: вновь грозит нам билль,
Рассмотренный при короле покойном
В одиннадцатый год его правленья;
Лишь смуты и раздоры прекратили
В палате общин прения о нем.

Епископ Илийский

Но как, милорд, сопротивляться нам?

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Обдумать должно. Если билль пройдет,
Утратим мы владений половину:
Все земли, благочестием мирян
Завещанные церкви, отберут;
На их доходы будут содержать
Штат короля: пятнадцать знатных графов,
Пятнадцать сотен рыцарей, а также
Шесть тысяч двести избранных эсквайров;
А для призренья нищих, престарелых,
Убогих, непригодных для трудов
Построят сто прекрасных богаделен;
И каждый год вносить в казну мы будем
Червонцев тысячу — так билль гласит.

Е п и с к о п И л и й с к и й

Глоток изрядный!

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Он осушит чашу.

Е п и с к о п И л и й с к и й

Но что же предпринять?

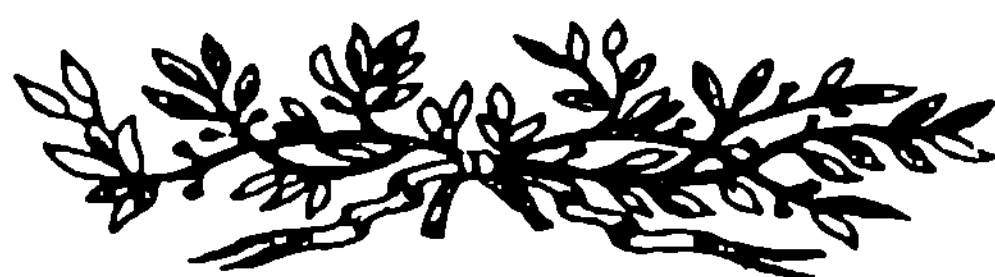
А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Король наш милостив и бдагосклонен.

Архиепископ Кентерберийский и епископ Илийский.
Рис. Дж. Джильберта

Е п и с к о п И л и й с к и й

И чтит он искренне святую церковь.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Он в юности добра не обещал.

Едва отца дыханье отлетело,

Как необузданные страсти в сыне

Внезапно умерли; и в тот же миг,

Как некий ангел, появился разум

И падшего Адама прочь изгнал,

Преображая тело принца в рай,

Обитель чистую небесных духов.

Никто так быстро не обрел ученость

И никогда волна прекрасных чувств

Так бурно не смывала злых пороков,

И гидра своеволия никогда

Так быстро недр души не покидала,

Как в этот раз.

Е п и с к о п И л и й с к и й

Отраднa перемена!

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Послушайте, как судит он о вере, —

И в изумленье станете желать,

Чтобы король наш сделался прелатом.

**Заговорит ли о делах правленья, —
Вы скажете, что в этом он знаток.
Войны ль коснется, будете внимать
Вы грому битвы в музыкальных фразах.
Затроньте с ним политики предмет, —
И узел гордиев быстрее подвязки
Развяжет он. Когда он говорит,
Безмолвен воздух, буйный ветрогон,
И люди, онемев от изумленья,
Дух затая, медвяной речи внемлют.
И кажется, теорию его
Искусство жизни, практика взрастила.
Непостижимо, где обрел он мудрость.
Он склонен был к беспутным
 развлечениям
В компании невежд пустых и грубых;
В пирах, забавах, буйствах дни текли;
К науке рвенья он не проявлял;
Не знал уединенья, не чуждался
Публичных шумных мест, простонародья.**

Епископ Илийский

Растет среди крапивы земляника;
Прекрасно зреют сладкие плоды
Вблизи других, неблагородных ягод.
Так размышленья долго прятал принц
Под маской буйства; без сомненья, разум

В нем возрастал, как травы по ночам,
Незримо, но упорно развиваясь.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Должно быть, так. Пора чудес прошла,
И мы теперь должны искать причину
Всему, что происходит.

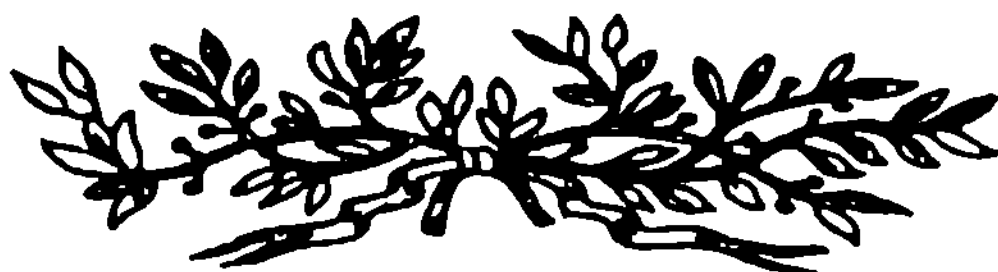
Е п и с к о п И л и й с к и й

Но, милорд,
Что предпринять для устранения билля,
Палатой принятого? Что, король —
За или нет?

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Как будто равнодушен,
Но все ж скорее нас поддержит он,
Чем притязанья стороны
противной.

Его величеству я предложил
От имени церковного собора —
Ввиду французских дел, о чем беседу
Я с государем только что имел, —
Внести ему значительную сумму,
Крупнее, чем когда-либо давало
Его предшественникам духовенство.

Епископ Илийский

Как предложение принял он, милорд?

Архиепископ Кентерберийский

Его величество был благосклонен

И проявил заметный интерес,

Хоть не успел в подробностях дослушать

Обоснованье прав его законных

На герцогства различные и графства

И даже на французскую корону —

Тех прав, что прадед Эдуард оставил.

Епископ Илийский

Что ж помешало королю дослушать?

Архиепископ Кентерберийский

В тот миг посол французский попросил

Аудиенции. Теперь, наверно,

Настал приема час. Четыре било?

Епископ Илийский

Да.

Архиепископ Кентерберийский

Тогда пойдем, чтоб выслушать посла;

Хоть я заранее могу сказать,
О чем француз там будет говорить.

Епископ Илийский

Идем. И я хочу его послушать.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Приемный зал.

Входят король Генрих, Глостер,
Бедфорд, Эксетер, Уорик, Уэстморленд
и свита.

Король Генрих

Где благородный лорд Кентерберийский?

Эксетер

Его здесь нет.

Король Генрих

За ним пошлите, дядя.

Уэстморленд

Послать ли нам посла, мой государь?

К о р о л ь Г е н р и х

Повременим, кузен. Сначала надо
Решить один вопрос, весьма серьезный,
Что Франции касается и нас.

Входят архиепископ Кентерберийский
и епископ Илийский.

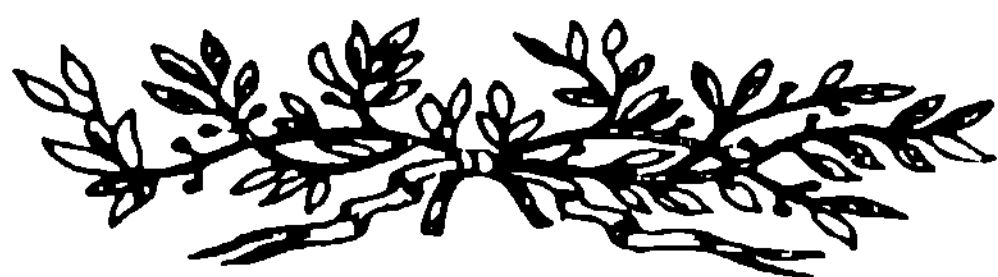
А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Храни господь священный ваш престол
И вас на много лет!

К о р о л ь Г е н р и х

Благодарим.

Ученый лорд, мы просим разъяснить нам,
Согласно праву и воззрениям церкви,
Препятствует ли нашим притязаньям
На Францию Салический закон.
Но сохрани вас бог, мой верный лорд,
Ученость вашу извратить лукавством
И на душу тяжелый грех принять,
Ссылаясь тут на мнимые права,
Противоречащие в корне правде.
Известно богу, сколько унесет
Цветущих жизней роковая распря,
Которую вы пробудить готовы.
Итак, подумайте, на что обречь

Хотите нас, понудив меч поднять.
Во имя бога, будьте осторожны!
При столкновенье двух таких держав
Рекой прольется кровь. А кровь безвинных
Отмщенья жаждет, к небу вопиет,
Кляня того, кто наточил мечи,
Скосившие цветы короткой жизни.
С таким условием прошу начать,
А мы послушаем, всем сердцем веря,
Что совестью омыта ваша речь,
Как первородный грех — крещеньем.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Внимайте же, мой добрый государь,
Внимайте, пэры, призванные жизнь
Отдать престолу. Притязаньям вашим
Преградой служит лишь один закон, —
Его приписывают Фарамонду:
“In terram Salicam mulieres ne succedant” —
“В земле Салийской нет наследниц женщин”.
Ошибочно французы почитают
Ту землю Францией, а Фарамонда —
Создателем запрета женских прав.
Но признают их авторы правдиво,
Что та земля Салийская лежит
В Германии, меж Эльбою и Залой;
Там Карл Великий, покоривший саксов,

На их угодьях франков поселил,
А те, германских женщин презирая
За их распущенное поведение,
Закон установили, что лишил
В земле Салийской женщин прав наследства.
И та земля, меж Эльбою и Залой,
Теперь в Германии зовется Мейссен.
Как видите, Салический закон
Не предназначен для страны французской.
Землей Салийской франки завладели
Спустя четыреста и двадцать лет
По смерти Фарамонда короля,
Которому закон приписан ложно;
Скончался он от рождества Христова
В четыреста двадцать шестом году.
А Карл Великий саксов покорил
И поселил за тою Залой франков
В году восемьсот пятом. Утверждают
Их авторы, что свергший Хильдерика
Пипин Короткий предъявил права
На Франции корону как потомок
Блитхильды, дочери Лотаря законной.
Гуго Капет, похитивший корону
У Карла Лотарингского, что был
Карла Великого прямым потомком, —
Желая тенью права подкрепить
Свой титул, — стал производить свой род

(Хотя неверно в корне) от Лингары —
От Карломана дочери и внучки
Людовика, что сыном был родным
Карла Великого. Вот почему
Покою не было на гордом троне
Потомку узурпатора Капета,
Людовику Десятому, пока он
Не доказал, что род его от бабки,
Прекрасной королевы Изабеллы,
Восходит к королеве Эрменгарде,
Что Карлом Лотарингским рождена.
Чрез брак ее опять взошло потомство
Карла Великого на трон французский.
Итак, нам ясно, как сиянье дня,
Что притязанья короля Пипина,
Капета и Людовика всецело
Основаны на силе женских прав.
Так и теперь во Франции ведется,
Хотя они Салический закон
И ставят вам преградой, государь.
Они барахтаться в своих сетях
Предпочитают, чем лишиться прав,
Похищенных у вас и ваших предков.

К о р о л ь Г е н р и х

Могу я с чистой совестью, по праву
Потребовать, что мне принадлежит?

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Пусть будет грех на мне, мой государь!
Написано в священной Книге Числ,
Что если сын умрет, то переходит
Наследство к дочери. Властитель мой,
Восстаньте, взвейте ваш кровавый стяг!
На мощных предков обратите взор;
И на могиле прадеда-героя,
Вам давшего на Францию права,
Его бесстрашный дух вы призовите
И деда, Принца Черного Эдварда,
Который, разгромив войска французов,
Трагедию на славу разыграл,
В то время как отец его могучий
С холма взирает с улыбкою, как львенок
Ручьями проливал французов кровь.
Тогда хватило нашим храбрецам
Лишь половины силы для победы,
Меж тем как половина войск другая
Стояла праздно и, смеясь, глядела!

Е п и с к о п И л и й с к и й

О, вспомните о славных мертвецах!
Их подвиги для мира воскресите!
Вы унаследовали их престол.
Их кровь геройская и в ваших жилах

Струится. О могучий государь!
Вы на заре весенних дней созрели
Для подвигов и грозных предприятий.

Э к с е т е р

Все братья-короли, земли владыки,
Ждут с нетерпением, чтоб восстали вы,
Подобно львам отважным, вашим предкам.

У э с т м о р л е н д

Все знают, государь, что есть у вас
И сила и права; и ни один
Король английский не имел доселе
Дворян — богаче, подданных — верней.
Здесь, в Англии, теперь лишь их тела,
Сердца же их во Францию стремятся.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Так и телам туда лететь велите,
Чтобы на трон французский
ваше право
Огнем, мечом и кровью подтвердить!
И церковь, чтобы в этом вам помочь,
Готова вам вручить такую сумму,
Какой еще ни разу не давало
Предшественникам вашим духовенство.

К о р о л ь Г е н р и х

Вам предстоит не только снарядить
Войска в поход, но часть оставить дома,
Чтоб дать отпор шотландцам: не замедлят
Они ворваться к нам.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Охрана пограничная должна,
Мой государь, служить стеной защитной,
Путь пресекая хищникам в страну.

К о р о л ь Г е н р и х

Не о грабителях мы речь ведем, —
Страшимся мы набега войск
шотландских.

Шотландец был всегда сосед неверный.
История гласит, что всякий раз,
Как прадед мой во Францию вторгался,
В страну незащищенную шотландцы
Врывались, как поток в разлом
плотины,

Напором буйным полнокровных сил,
Злосчастный край набегами терзали
И осаждали крепости и замки;
Вся Англия, лишенная защиты,
Перед соседом буйным трепетала.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Он причинял скорее страх, чем вред.

Нам родина такой дает пример:

Когда все рыцарство ушло

сражаться

Во Францию, то горькая вдова

Не только защитить себя сумела,

Но захватила короля

шотландцев,

Как зверя, и во Францию послала,

Эдварда новым лавром увенчав

И уподобив хронику свою

Сокровищнице, славою богатой,

Как тинистого моря дно богато

Сокровищами с кораблей погибших.

У э с т м о р л е н д

Старинная пословица права:

“Коль хочешь Францию сломить,

Сумей Шотландию разбить”.

Едва орел английский улетит,

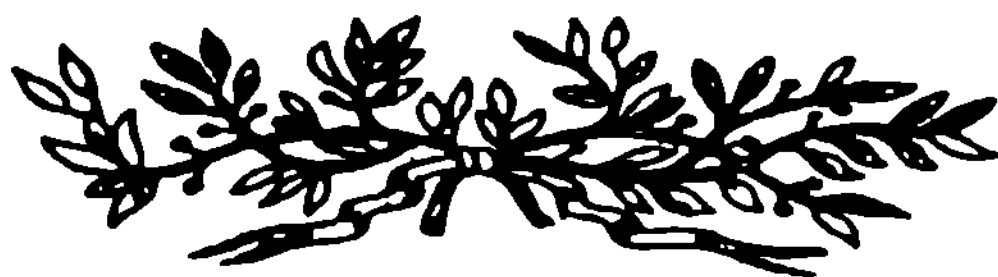
В его гнездо шотландец лаской

хищной

Крадется — царственных яиц вкусить;

И, словно мышь в отсутствие кота,

Не столько съест он, сколько перепортит.

Э к с е т е р

Итак, остаться дома должен кот?
Но в этом нет потребности насущной.
У складов наших прочные замки
И для воришек славные капканы.
Пока рука за рубежом воюет,
Дом головою мудрою храним;
Все члены государства, от крупнейших
До самых мелких, действуют в согласье;
К финалу стройному они стремятся,
Как музыка

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Недаром в государстве
Труды сограждан поделило небо,
Усилья всех в движение привело,
Конечной целью смертным указав
Повиновенье. Так трудятся пчелы,
Создания, что людную страну
Порядку мудрому природы учат.
У них король и разные чины:
Одни, как власти, управляют ульем,
Ведут торговлю вне его другие,
А третьи, с острым жалом, как солдаты,
В набегах грабят пышные цветы,
И весело летят они с добычей

В палату властелина своего;
А он, сосредоточен, величав,
Следит, как рой строителей поющих
Возводит дружно своды золотые.
Заготавливают горожане мед,
И бедняки-носильщики толпятся
С тяжелой ношею в воротах тесных;
Суровое вручает правосудье
С гуденьем грозным бледным палачам
Ленивого, зевающего трутня.
Так вещи, однородные в основе,
Свершаться могут разными путями:
Как стрелы с разных точек в цель летят,
Как ряд путей ведет в единый город,
Как много рек в одно впадает море,
Как в центре круга многих
линий встреча, —
Так тысячи предпринятых шагов
Приводят к одному с успехом полным.
Итак, во Францию, властитель мой!
Вы разделите на четыре части
Весь свой народ. Одну с собой возьмите, —
И Галлия пред вами затрепещет.
И если мы на родине без вас
С тройною силой пса прогнать не сможем, —
Пусть разорвет он нас и пусть навек
Утратим мы былую нашу славу.

К о р о л ь Г е н р и х

Послов дофина позовите к нам.

Н е с к о л ь к о с л у г у х о д я т .

Решились мы, и с помощью господней
И вашей доблестные наши мышцы,
Повергнем францию к своим стопам,
Иль разорвем ее в клочки и станем
На троне Франции строною править
И герцогствами гордыми ее,
Иль прах свой мы в бесславной урне сложим,
И не воздвигнут в память нам гробницы.
Одно из двух: иль славу возгласит
Потомство нам, или могила наша,
Как турок с вырезанным языком,
Немою будет, надписи лишенной.

В х о д я т ф р а н ц у з с к и е п о с л ы .

Теперь готовы мы принять привет,
Что нам дарит дофин, кузен прекрасный;
Ведь им вы посланы, не королем.

П е р в ы й п о с о л

Угодно ль вам, о государь, чтоб мы
Свободно высказали вам посланье,
Иль передать вам в сдержанных словах
Лишь общий смысл послания дофина?

Король мы христианский, не тиран,
И наши страсти разуму подвластны
И скованы, как пленники в тюрьме.
А потому — без страха передайте
Нам речь дофина.

Вкратце вот она.
Вы, государь, через послов недавно
Потребовали некоторых герцогств
Во имя прав великого Эдварда.
В ответ на это принц,
наш повелитель
Вам говорит, что юность бродит в вас;
Он просит вас сказать, что не добьетесь
Вы ничего у нас веселой пляской,
И герцогства вам не добыть разгулом;
Поэтому он посылает вам
Сокровищ бочку, зная ваши вкусы
И требуя взамен, чтоб вы отныне
Про герцогства не заводили речь.

Какой там дар?

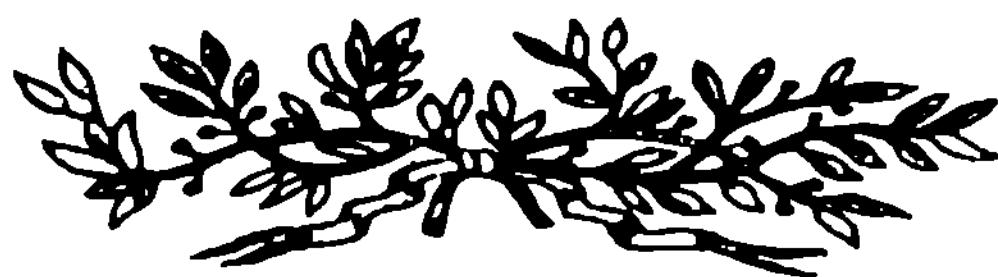

Э к с е т е р
(открыв бочонок)

Для тенниса мячи.

К о р о л ь Г е н р и х

Мы рады, что дофин так мило шутит.
Ему — за дар, вам — за труды спасибо.
Когда ракеты подберем к мячам,
Во Франции мы партию сыграем,
И будет ставкою отцов корона.
Скажите, что затеял он игру
С противником, который устрашит
Все Франции дворы игрой. Мы видим:
На буйства дней былых он намекает,
Не зная, что из них мы извлекли.
Мы не ценили бедный трон английский:
Живя на стороне, мы предавались
Разгулу буйному. Ведь так ведется:
Вдали от дома людям веселей.
Скажите же ему: по-королевски
Я подниму величья паруса,
Когда взойду на мой французский трон;
Для этой цели, отстранив величье,
Трудился и корпел я, как поденщик;
Но я восстану и сияньем славы
Во Франции все взоры ослеплю;

Ослепнет сам дофин, смотря на нас.
Скажите принцу, что мячи насмешкой
Он в ядра пушечные превратил
И тяжким будет для него отмщенье,
Что принесут они; насмешка эта
Разлучит много тысяч жен с мужьями,
С сынами — матерей, разрушит замки, —
И поколения, что в мир придут,
Проклятью шутку принца предадут.
Но это все еще в руках господних;
Я призову его. Во имя бога,
Скажите принцу: скоро я приду,
И отомщу, и праведной рукой
Свое святое дело сотворю.
Идите с миром и скажите принцу,
Что острота его утратит соль,
Когда заплачет от нее народ. —
С охраной проводите их. — Прощайте.

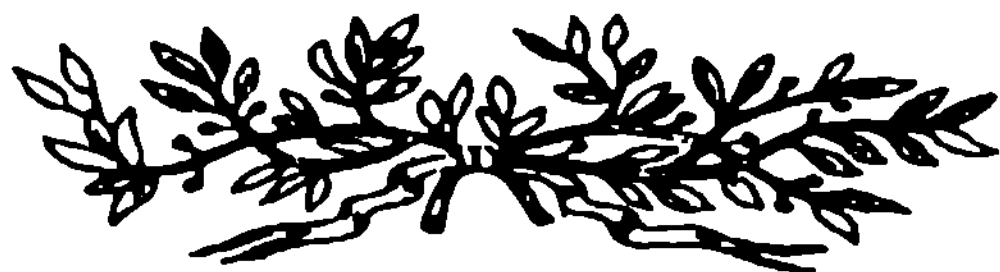
Французские послы уходят.

Эксетер

Веселое посланье!

Король Генрих

Пославшего мы покраснеть заставим.
Итак, не будем времени терять —
Подготовляться мы начнем к походу.

Теперь о Франции все наши мысли
И о творце, который нас ведет.
Поэтому все силы надлежит
Нам для войны собрать и все обдумать,
Что нам поможет быстро окрылить
Наш будущий успех. Во имя бога,
Накажем принца у его порога!
И должен каждый силы приложить,
Чтоб это дело славное свершить.

Трубы.

Уходят.

АКТ II

Пролог

Входит Х о р.

Х о р

Теперь вся наша молодежь в огне;
Наряды шелковые — в сундуках,
И оружейники теперь в почете;
О славе помыслы в груди у всех;
Луга сбывают, чтоб купить коней.
За образцом всех королей стремятся
Меркурьи наши, окрылив пяты.
Над ними реет в вышине Надежда,
И держит меч, который весь унизан
Коронами различных величин —
Для Гарри и сподвижников его.
Из верного источника проведав
Об этих грозных наших снаряженьях
Дрожит француз и хитрою интригой
Разрушить хочет планы англичан.

О Англия! Ты дивный образец
Величия душевного! Геройский
Великий дух таишь ты в малом теле,
Какие подвиги ты б совершила,
Будь все твои сыны тебе верны!
Но вот вина твоя: нашел француз
В тебе гнездо пустых сердец и тщится
Их гнусными червонцами набить.
Три подлеца: один — граф Ричард Кембридж,
Другой — лорд Генри Скруп Мешемский,
третий —
Сэр Томас Грей, нортемберлендский рыцарь,
Продав себя (о, страшная вина!),
Вступили в заговор с врагом трусливым.
Коль сдержит слово яд и преступленье,
От их руки падет краса монархов
В Саутемптоне, до своего отплытья.
Терпенья наберитесь. Мы на сцене
Вам разных мест подобие представим.
Уплачено убийцам. План созрел.
Король покинул Лондон, и теперь,
Почтенные, мы перейдем в Саутемптон;
Там наш театр; там будете и вы.
Оттуда вас во Францию доставим,
Затем назад примчим, для переправы
Смирив пролив. Мы не хотим нимало,
Чтоб вам от нашей пьесы тошно стало.

Но, лишь когда король свой путь пройдет,
В Саутемптон наша сцена перейдет.

(Уходит.)

Сцена 1

Лондон. Улица. Входят капрал Ним и лейтенант
Бардольф.

Бардольф. Здорово, капрал Ним.

Ним. Доброго утра, лейтенант Бардольф.

Бардольф. Что, примирился ты с прапорщиком Пистолем?

Ним. И не думал. Я больше помалкиваю. Но очень может статься, что будет у нас потеха. А впрочем, будь что будет. В драку я не лезу, но ухо держу востро и меч наготове. Он у меня не из важных, но что из того! На нем всегда можно поджарить кусок сыра, да и мороз он выдержит не хуже любого клинка, в этом вся соль.

Бардольф. Вот я угощу вас завтраком, да и примирю, и мы все трое махнем во Францию закадычными друзьями. Не упрямясь, добрый капрал Ним.

Ним. Ей-богу, я буду жить, пока живется, уж это как пить дать. А когда станет жить невмоготу, я уж как-нибудь да вывернусь. Вот тебе и весь мой сказ.

Бардольф. Всем известно, капрал, что он женился на Нелль Куикли. А она, ясное дело, скверно с тобой обошлась: ведь она была с тобой помолвлена.

Н и м. Ничего я не знаю. Будь что будет. Иной раз люди спят, а горло у них в целости; а ведь говорят — у ножей острое лезвие. Уж чему быть, того не миновать. Терпение, хоть и заморенная кляча, а все-таки тащится себе рысцой. Уж чем-нибудь это все да кончится. Ей-богу, ничего я не знаю.

Входят П и с т о л ь и х о з я й к а трактира.

Б а р д о л ь ф . А вот и прапорщик Пистоль со своей женой. Добрый капрал, не горячись. — Ну как дела, хозяин Пистоль?

П и с т о л ь

Хозяин я тебе, прохвост?

Клянусь рукой, мне гнусно это имя!

Не будет Нелль держать жильцов.

Х о з я й к а. Нет, честное слово, я это дело скоро брошу. Вздумай только дать приют и стол каким-нибудь десяти приличным женщинам, которые честно зарабатывают себе на хлеб иглой, и все кругом начнут кричать, что у тебя публичный дом.

Н и м и П и с т о л ь обнажают мечи.

Пресвятая дева! Уж он схватился за оружие! Сейчас мы увидим страшное убийство и к р о в о с м е ш е н и е!

Б а р д о л ь ф . Добрый лейтенант, добрый капрал, не затевайте ссоры!

Н и м. Тьфу!

П и с т о л ь. Тьфу, шавка на тебя. Исландский пес паршивый!

Х о з я й к а. Добрый капрал Ним, докажи свое мужество и вложи меч в ножны.

Н и м. Отвяжись! — Попадись ты мне solus*!

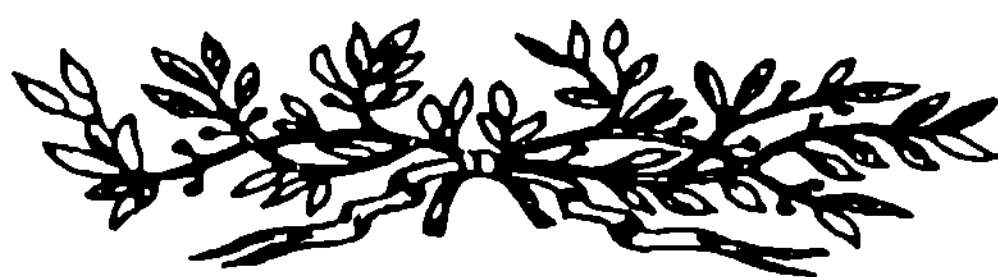
Н и м и П и с т о л ь вкладывают мечи в ножны.

П и с т о л ь

Solus, паршивый пес? Ах ты гадюка!
Тебе я solus в рожу закачу,
Дам в зубы solus, в глотку загоню,
И в легкие поганые, и в брюхо,
И, что похуже, — в пакостную пасть!
Я солуса всажу тебе в кишки.
Палить я мастер; вот нажму курок, —
И вылетит огонь.

Н и м. Я тебе не Барбазон, и от меня не отделаешься заклятьями. У меня руки чешутся поколотить тебя хорошенько. Если ты вздумаешь лаяться, Пистоль, я здорово отделаю тебя своей рапирой; а станешь удирать — выпущу тебе в лучшем виде кишки. В этом вся соль.

* Один (Лат.)

П и с т о л ь

Хвастун проклятый! Бешеная тварь!
Зияет пасть могилы, смерть близка.
Итак, издохни!

П и с т о л ь и Н и м обнажают мечи.

Б а р д о л ь ф. Слушайте, слушайте, что я вам скажу: тому, кто первый ударит, я всажу в грудь меч по самую рукоятку. Клянусь честью солдата! (*Обнажает меч.*)

П и с т о л ь

О, клятва грозная! Она умерит гнев.
(*Ниму.*)

Дай мне кулак, дай лапу мне твою;
Ты мужествен душой.

Н и м. Я тебе в лучшем виде перережу глотку — не сегодня, так завтра. В этом вся соль.

П и с т о л ь

Couple a gorge!¹
Тебя я вызываю вновь на бой!
О критский пес! Ты вздумал подобраться

¹ Выражение, означающие “головорез” (*Франц., искаж.*)

К моей жене? Нет, в госпиталь ступай
И там из бочки смрадного позора
Достань чуму из племени Крессиды,
Долль Тершит имя ей; на ней женись!
А quondam¹ Куикли будет навсегда
Моей супругой. Рауса!² Будет с нас.

Входит мальчик.

М а л ь ч и к. Хозяин Пистоль, идите скорее к моему господину, и вы, хозяйка, тоже. Он совсем расхворался и хочет лечь в постель. Добрый Бардольф, сунь-ка свой нос в его простыни и согрей его вместо грелки. Право, ему очень плохо.

Б а р д о л ь ф. Пошел вон, плут!

Х о з я й к а. Честное слово, не сегодня-завтра он станет колбасой для ворон. Король разбил ему сердце. — Добрый муженек, приходи скорее.

Х о з я й к а и м а л ь ч и к у х о д я т.

Б а р д о л ь ф. Ну как мне вас помирить? Ведь мы должны вместе ехать во Францию, так какого черта мы будем резать друг другу глотку?

1 Некогда (*Лат.*), то есть бывшая, до брака своего с Пистолем, после чего она переменяла фамилию.

2 Мало (*Лат.*), то есть довольно слов.

П и с т о л ь

Разлейтесь бурно, реки! Войте, черти!

Н и м Отдашь ты восемь шиллингов, что проиграл мне,
когда бился об заклад?

Ним и Бардольф. Рис. Дж.Джилберта

П и с т о л ь

Тот подлый раб, кто платит!

Н и м. Сейчас же выкладывай деньги! В этом вся соль.

П и с т о л ь

Пусть мужество решит, кто прав. Держись!

(Обнажает меч.)

Б а р д о л ь ф. Клянусь мечом, я уложу на месте того, кто нанесет первый удар! Клянусь мечом, уложу!

П и с т о л ь

Меч — это клятва. Надо верить клятвам.

Б а р д о л ь ф. Помирись с капралом Нимом; да ну же, помирись. А если не желаешь с ним мириться, то будешь мне врагом. Прошу тебя, брось ты эту ссору.

Н и м. Получу я восемь шиллингов, что ты мне проиграл?

П и с т о л ь

Получишь ты немедля целый нобль;
В придачу водку от меня получишь,
И будет дружба, братство между нами:
Для Нима стану жить, он — для меня.
Так должно быть. При войске маркитантом
Пристроюсь, буду деньги наживать.
Дай руку мне.

Н и м. А получу я свой нобль?

П и с т о л ь

Получишь чистоганом.

Н и м. Ладно, коли так. В этом вся соль.

Входит х о з я й к а.

Х о з я й к а. Ради всего святого, идите скорей к сэру Джо-ну. Ах, бедняжка! Его так трясет ежедневная перемежающаяся лихорадка, что жалко смотреть. Милые мои, идите к нему.

Н и м. Король сорвал свой гнев на рыцаре, — в этом вся соль.

П и с т о л ь

Сказал ты правду, Ним:
В нем сердце треснуло, вконец разбито.

Н и м. Наш король — добрый король; но ничего не поделаешь, на него иной раз находят капризы и причуды.

П и с т о л ь

Утешим рыцаря и будем жить, ягнятки!

Уходят.

Сцена 2

Саутемптон. Зал Совета.

Входят Э к с е т е р, Б е д ф о р д и У э с т м о р л е н д.

Б е д ф о р д

Скажу, как перед богом: наш король
Предателям доверился беспечно.

Э к с е т е р

Должны их скоро всех арестовать.

У э с т м о р л е н д

А с виду так спокойны и смиренны,
Как будто преданность в груди несут,
Увенчанную верностью примерной.

Б е д ф о р д

О заговоре королю известно, —
Их письма удалось перехватить.

Э к с е т е р

Как! Человек, что ложе с ним делил
И милостями был осыпан щедро,
Подкуплен недругами и задумал
Предательски монарха умертвить!

Трубы.

Входят король Генрих, Скруп, Кембридж,
Грей и приближенные.

К о р о л ь Г е н р и х

Попутный ветер дует. Поспешим! —
О лорд мой Кембридж, добрый лорд Мешемский
И вы, о рыцарь, дайте мне совет:
Как думаете, смогут наши силы

Сквозь рать французов проложить свой путь
И совершить великие деянья,
Ради которых мы собрали их?

С к р у п

Да, государь, коль долг исполнит каждый.

К о р о л ь Г е н р и х

Сомнений нет у нас; мы твердо верим,
Что сердце каждого, кто едет с нами,

Король Генрих V

В согласье дружном с нашим сердцем бьется,
А души тех, кто остается дома,
Желают нам успеха и побед.

К е м б р и д ж

О государь, такой любви и страха
Монарх еще доселе не внушал.
Никто не знает скорби и тревог
Под сенью сладостной державы вашей.

Г р е й

И даже вашего отца враги
Сменили желчь на мед
и служат вам,
Исполненные верности и рвенья.

К о р о л ь Г е н р и х

За это мы премного благодарны.
Скорей забудем мы свои заслуги,
Чем по заслугам наградить забудем
И в полной мере каждому воздать.

С к р у п

Стальные мышцы напряжет усердье,
И никому не в тягость будет труд:
Ведь всякий рад служить вам неустанно.

К о р о л ь Г е н р и х

Так мы и мыслим. — Дядя, отпустите
Преступника, что взят вчера в тюрьму
За оскорбление особы нашей;
Мы думаем: вино тому причиной;
Теперь он трезв и мы его прощаем.

С к р у п

Такое милосердие опасно:
Пусть понесет он кару, чтоб других
Не заразил своим дурным примером.

К о р о л ь Г е н р и х

О, дайте проявить нам милосердье!

К е м б р и д ж

Тогда ему смягчите наказанье.

Г р е й

Ему окажете большую милость,
Подвергнув каре и даруя жизнь.

К о р о л ь Г е н р и х

Ах! Вы в своей любви ко мне чрезмерной —
Защитники плохие для бедняги.
Но, если мы пощады не дадим

Вине случайной, как судить мы станем
То преступленье тяжкое, что крепко
Обдуманно, рассчитано, созрело? —
Я все-таки прощу того беднягу,
Хоть Кембридж, Грей и Скруп в своем усердье
И в нежном попечении о нас
Хотели б кары. — К Франции вернемся.
Кто должен полномочья получить?

К е м б р и д ж

Я, государь;
Вы приказали вам о том напомнить.

С к р у п

А также я, мой добрый властелин.

Г р е й

И я, мой повелитель.

К о р о л ь Г е н р и х

Граф Кембриджский, вот полномочье вам;
А также вам даю, лорд Скруп Мешемский,
И вам, сэр Грей, нортемберлендский рыцарь.
Прочтите их. Я знаю цену вам. —
Лорд Уэстморленд, кузен мой, нынче в ночь
Мы отплывем. — Что с вами, господа?

Что увидали вы в бумагах этих?
Вы побледнели? Что за перемена! —
Их лица — как бумага. — Что прочли вы?
Что напугало вас и с ваших лиц
Прогнало кровь?

К е м б р и д ж

Я признаю вину
И отдаю себя на вашу милость.

Г р е й и С к р у п

Мы все взываем к ней!

К о р о л ь Г е н р и х

Она жила в нас час назад; но вы
Убили в нас ее своим советом.
Для вас позор — о милости молить!
Все ваши доводы на вас восстали,
Как на хозяев — псы, терзая вас. —
Смотрите ж, принцы, доблестные пэры,
На этих извергов английских! Вот он —
Лорд Кембридж. Вам известно, мы всегда
В своей любви почетом окружали
Высокий сан его. А он, польстившись
На горсть ничтожных крон, легко вступил
С врагами в заговор, поклявшись им
Здесь, в Хемптоне, меня убить. Поклялся

И этот рыцарь, нашей доброте
Не менее обязанный, чем Кембридж. —
О, что скажут тебе, лорд Скуп, жестокий,
Неблагодарный, дикий человек?
Ты обладал ключами тайн моих;
Ты ведал недра сердца моего;
Ты мог бы, если бы пришло желанье,
Меня перечеканить на червонцы.
Возможно ли, чтоб удалось врагу
Исторгнуть из тебя хоть искру зла,
Способную лишь палец повредить мне?
Хоть правда выступает предо мной,
Как черное на белом, — глаз не верит.
Идут измена и убийство рядом,
Как пара дружных дьяволов в ярме.
Работа их бесхитростна, груба
И не исторгнет крика изумленья;
Но ты, рассудку вопреки, заставил
Убийству и предательству дивиться!
И хитрый дьявол, что тебя толкнул
На это безрассудное деянье,
Отличия добьется в преисподней.
Все дьяволы, внушители измен,
Преступные деянья прикрывают
Заплатами, являющими блеск
И образ добродетели прекрасной;
Но тот, кто соблазнил тебя восстать,

Не дал тебе предлога для измены,
Лишь именем предателя прельстив.
И, если демон, соблазнитель твой,
Весь мир пройдет, как лев, ища добычу, —
Вернувшись в Тартар, скажет он собратьям:
“Ничьей души отныне не пленить
Мне так легко, как этого британца”.
О, как во мне доверье подозреньем
Ты отравил! Мы ценим верных долгу, —
Ты был таким. Мы ценим лиц ученых, —
Ты был таким. Мы ценим родовитых, —
Ты был таким. Мы ценим крепких верой, —
Ты был таким. Мы ценим лиц воздержных,
Свободных от разгула, гнева, страсти,
Душою стойких, неподвластных крови,
Украшенных дарами совершенства,
Приемлющих свидетельства очей
И слуха лишь по зрелом обсужденье, —
Таким возвышенным казался ты.
Падение твое меня заставит
Впредь лучших и достойнейших людей
Подозревать. Ты будешь мной оплакан.
Вторичному грехопаденью равен
Проступок твой. — Виновность их ясна.
Возьмите их, предайте правосудью,
И да простит господь их тяжкий грех.

Э к с е т е р

Я арестую тебя за государственную измену, Ричард,
граф Кембриджский.

Я арестую тебя за государственную измену, Генри,
лорд Скруп Мешемский.

Я арестую тебя за государственную измену, Томас
Грей, рыцарь Нортемберлендский.

С к р у п

Господь раскрыл наш замысел преступный.
Моя вина ужасней мне, чем смерть!
Молю у вас прощенья, государь,
Хоть за измену заплачу я жизнью.

К е м б р и д ж

Не золото врагов меня прельстило:
Я взял его как средство поскорее
Мое намеренье осуществить.
Но план разрушен — господу хвала!
Я стану радоваться в смертных муках,
Моля его и вас простить меня.

Г р е й

Никто не радовался так, встречая
Раскрытие государственной измены,
Как я сейчас ликую, что разрушен

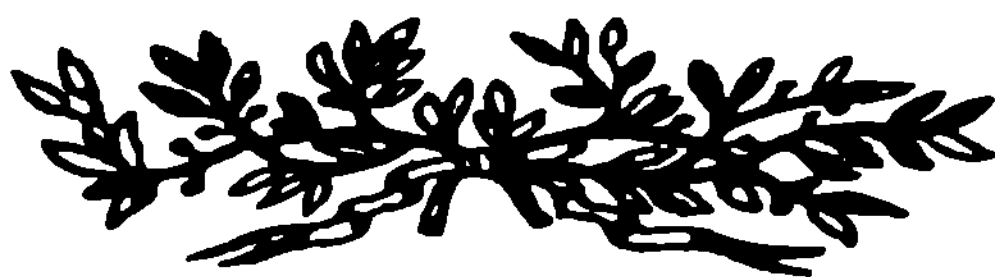
Мой план проклятый. Пусть меня казнят,
Но все ж меня простите повелитель.

К о р о л ь Г е н р и х

Бог да простит вас! Вот вам приговор.
Вы в заговор вступили против нас
С лихим врагом и золото его
Залогом нашей смерти получили:
Вы продали монарха на закланье,
Его вельмож и принцев — на неволю,
Его народ — на рабство и позор,
И всю страну — на горе и разгром.
Не ищем мы отплаты для себя,
Но дорожим спасеньем королевства,
Которое вы погубить хотели, —
И вас закону предаем. Идите,
Несчастные преступники, на смерть.
Пусть милосердный бог вам силу даст
Принять ее достойно, с покаяньем
В проступках ваших. — Уведите их. —

К е м б р и д ж, С к р у п и Г р е й уходят под с т р а ж е й.

Теперь во Францию, милорды! Будет
Поход для нас богатым бранной славой.
Война счастливой будет, я уверен.
Господь по милости своей раскрыл
Измену, что подстерегала нас

В начале предприятия. Нет сомнений,
Преграды все устранены с пути.
За дело земляки! Мы наши силы
Поручим богу и в поход направим.
Садитесь веселей на корабли.
Развернуты знамена боевые.
Пускай лишусь я английского трона,
Коль не надену Франции корону.

Уходят.

Сцена 3

Лондон. Перед трактиром “Кабанья голова” в Истчипе.

Входят П и с т о л ь, х о з я й к а трактира, Н и м, Б а р д о л ь ф
и м а л ь ч и к.

Х о з я й к а. Прошу тебя, сахарный ты мой муженек, по-
зволь мне проводить тебя до Стенса.

П и с т о л ь

Нет, у меня и так в груди тоска. —
Ободришь, Бардольф. — Ним, распетушишь. —
Мужайся, малый. Умер наш Фальстаф —
И мы скорбеть должны.

Б а р д о л ь ф. Хотел бы я быть с ним, где бы он ни был
сейчас, на небесах или в аду.

Х о з я й к а. Нет, уж он-то наверняка не в аду, а в лоне
Артуровом, если только кому удавалось туда попасть. Он так

хорошо отошел, ну, совсем как новорожденный младенец; скончался он между двенадцатью и часом, как раз с наступлением отлива. Вижу я, стал он простыни руками перебирать да играть цветами, потом посмотрел на свои пальцы и усмехнулся. Ну думаю, не жилец он больше на свете. Нос у него заострился, как перо, и начал он бормотать все про какие-то зеленые луга. “Ну как дела, сэр Джон? — говорю я ему. — Не унывайте дружок”. А он как воскликнет: “Боже мой! Боже мой! Боже мой!” — так раза три или четыре подряд. Ну, я, чтобы его утешить, сказала, что ему, мол, незачем думать о боге; мне думалось, что ему еще рано расстраивать себя такими мыслями. Тут он велел мне потеплее закутать ему ноги. Я сунула руку под одеяло и пощупала ему ступни — они были холодные, как камень; потом пощупала колени — то же самое, потом еще выше, еще выше, — все было холодное, как камень.

Н и м. Говорят, он проклинал херес.

Х о з я й к а. Да, проклинал.

Б а р д о л ь ф. И женщин.

Х о з я й к а. Нет, этого не было.

М а л ь ч и к. Как же нет? Он говорил, что они воплощенные дьяволы с мясом и костями.

Х о з я й к а. Вот уж что касается мяса, то он терпеть не мог мясного цвета.

М а л ь ч и к. Он как-то сказал, что попадет к дьяволу в лапы из-за женщин.

Х о з я й к а. Да, случилось, он затрагивал женщин; но ведь он был р е в м а т и к и все толковал о вавилонской блуднице.

М а л ь ч и к. Помните, раз увидел он блоху на носу Бардольфа — и говорит: “Это грешная душа горит в аду”.

Б а р д о л ь ф. Ну, теперь топливу-то пришел конец, нечем поддерживать огонь. Вот и все, что я нажил у него на службе.

Н и м. Не пора ли нам в путь? Король, пожалуй, уже отплыл из Саутемптона.

П и с т о л ь

Идем! — Любовь моя, подставь мне губки.
Оберегай имущество мое;
Разумной будь, тверди: “Пей и плати!” —
И никому не верь.
Ведь совесть — вафля, клятва же — солома.
Замок — вот пес надежный, мой утенок.
Пускай *saveto*¹ будет твой советник.
Ну, осуши хрусталь своих очей! —
Во Францию, собратья по оружию!
Мы из французов высосем всю кровь.

М а л ь ч и к. Говорят это не здоровая пища.

1 Зорко следи (*Лат.*)

П и с т о л ь

Скорей целуй ее в уста. — Идемте!

Б а р д о л ь ф. Прощай, хозяйка. (*Целует ее.*)

Н и м. Я не могу целоваться — в этом вся соль. Однако прощайте.

Костюм простолюдинки

П и с т о л ь

Хозяйкой крепкой будь — вот мой тебе завет.

Х о з я й к а. Счастливого пути. Прощайте.

Уходят.

Сцена 4

Франция. Зал в королевском дворце. Трубы.

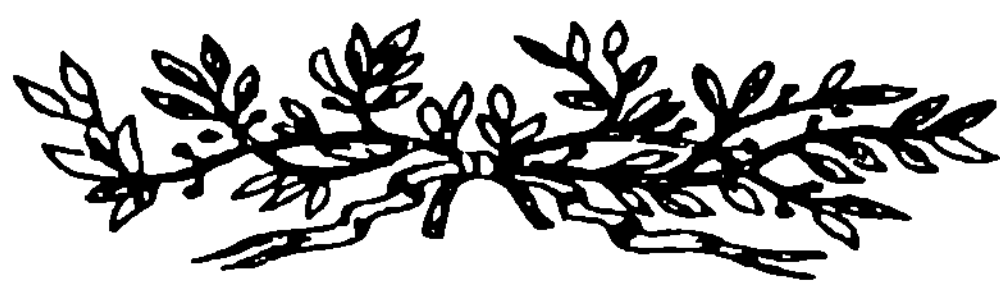
Входят французский король со свитой, дофин,
коннетабль и другие.

Французский король

Вся сила Англии идет на нас,
И приложить должны мы все старанья,
Чтоб царственный отпор пришельцам дать. —
Вы, герцоги Беррийский и Бретонский,
Брабантский, Орлеанский, двиньтесь в путь,
А также вы, дофин, и подготовьте
Все наши крепости к войне, снабдив
Припасами и смелым гарнизоном.
Вперед свирепо рвутся англичане,
Как воды в пасть разверстую пучины.
Должны мы осторожность проявить,
Которой учит нас пример недавний,
Когда на нивах наших англичане,
Столь презираемые нами, страх
На нас нагнали.

Дофин

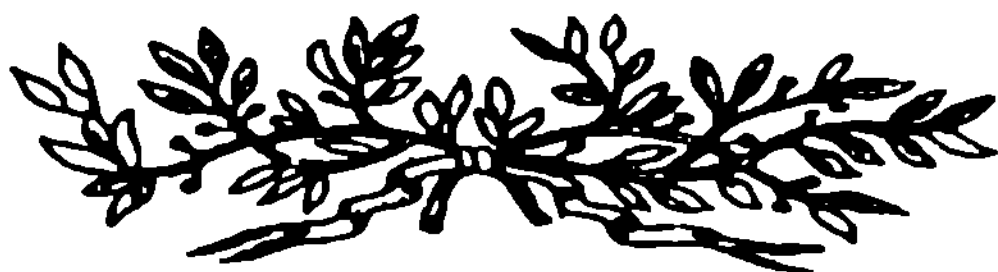
Грозный мой отец,
Вы правы — мы должны вооружиться.
Ведь даже мир не должен усыплять нас,

И, если б не было о битвах речи,
Уместна все-таки была б забота
Об усиление крепостей и войска,
Как если бы грозила нам война.
Итак, немедля двинемся мы в путь,
Осмотрим слабые места страны
Усердно, не выказывая страха,
Как если б собирались англичане
Плясать, как на гулянье в майский день;
Ведь их страною так небрежно правят,
И скиптр ее в руках у сумасброда,
У юноши пустого, вертопраха —
Чего ж бояться?

К о н н е т а б л ь

Тише, принц дофин!
Вы судите о нем совсем превратно.
Спросите, ваша светлость, у послов,
С каким величьем принял он посланье,
Сколь мудрые советники при нем,
Как он в речах был сдержан, а меж тем
Как тверд и грозен в царственном решении, —
И вы поймете: буйство юных дней
Повадкой было римлянина Брута,
Что прикрывал свой ум безумья маской,
Как прикрывает опытный садовник
Навозом корни, что нежней других.

Д о ф и н

Нет, вы не правы, коннетабль почтенный:
Другого мнения мы; но все равно.
При обороне выгоднее думать,
Что враг сильнее, чем на самом деле, —
Тогда вернее защитимся мы.
А слабая и скудная защита
Подобна скряге, что, сукна кусочек
Жалея, портит весь камзол.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Согласен.

Допустим, что силен король английский, —
Так будем же и мы его достойны.
Отведал нашей крови прадед Гарри;
Он — порожденье той семьи кровавой,
Что нас травила на родных дорогах.
Припомним самый черный наш позор —
Проигранную битву при Креси,
Когда все принцы были взяты в плен
Рукой и черным именем Эдварда
Уэльского, что звался Черным Принцем.
А на горе, сам мощный, как гора,
Стоял, увенчанный лучами солнца,
Его отец, с улыбкою любуясь,
Как героический его наследник

Творения природы истреблял,
Губя цвет племени, что двадцать лет
Отцы и бог растили. Генрих — отпрыск
Победной ветви; будем же страшиться
Его природной мощи и судьбы.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

От короля английского послы
К вам просят доступа, мой государь.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Мы примем их сейчас. Введите их.

Гонец и несколько придворных уходят.

Охота горяча. Как рвутся псы!

Д о ф и н

К ним повернитесь — и замрут на месте.
Тогда лишь лают псы, когда добыча
От них бежит. Мой добрый властелин,
Покруче с ними будьте, покажите,
Какого государства вы глава.
Греха в гордыне меньше, чем в смирение.

Входят придворные, с ними — Эксетер
и свита.

Французский король

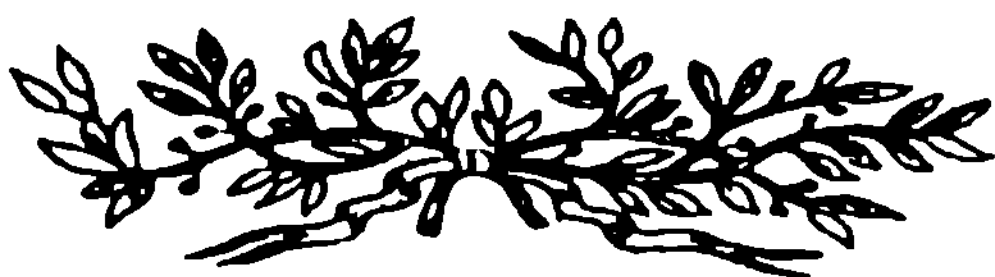
Вы к нам от английского короля?

Эксетер

Да. Он приветствует вас, государь,
И требует во имя всеблагого
Творца, чтоб вы от власти отреклись,
Сложив с себя заемное величье,
Что волей неба и людей законом
Ему с потомками его дано, —
Корону Франции и все права,
И титулы различные, издревле
Присущие короне. Чтоб вы знали,
Что это не пустое притязанье,
Почерпнутое в мусоре веков,
В пыли и прахе ветхого забвенья, —
Он эту родословную вам шлет,

(подает родословную таблицу)

Где ветви все начертаны правдиво,
И просит вас таблицу рассмотреть.
Когда вы убедитесь, что ведет
Свой род он от славнейшего из славных —
Эдварда Третьего, — он предлагает
Вернуть ему корону и страну,
Захваченные вами незаконно,
Поскольку он природный их владыка.

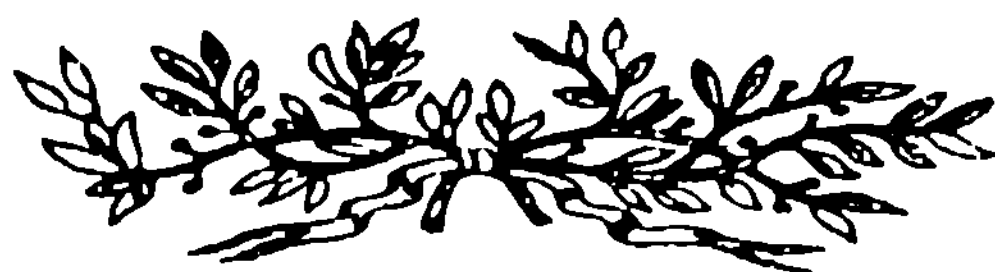

Французский король
А если нет, — что будет?

Эксетер
Кровавая борьба; хотя б корону

Карл IV, король французский

В груди сокрыли вы, ее он вырвет.
Итак, на вас идет он грозной бурей,
В громах, колебля землю, как Юпитер,
Чтоб в случае отказа покорить.
Он закликает вас любовью божьей
Отдать корону, пожалев несчастных,
Которым жадною, разверстой пастью
Грозит война. Он говорит: падут
На вашу голову убитых кровь
И слезы горьких вдов, сирот, невест —
О женихах, супругах и отцах, —
Что будут пролиты в грядущей распре.
Вот что он требует, вот цель посольства.
Но, если здесь присутствует дофин,
Я передам ему привет особый.

Французский король

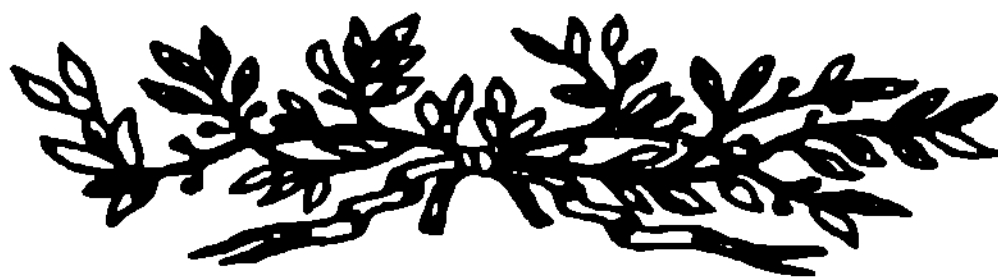
Мы ваше предложение обсудим
И завтра брату-королю ответ
Дадим.

Дофин

А что касается дофина, —
Я за него. Что Англия мне шлет?

Эксетер

Насмешку, ненависть, презрение, вызов

И все, что может мощный властелин
Вам выразить, себя не унижая,
И что считает он достойным вас.
Так молвит он, и, если ваш отец
Насмешки вашей горечь не смягчит
Согласием на требованья наши,
От вас потребуют расплаты жаркой,
И ваша дерзость эхом прогремит
В пещерах Франции и в подземельях
И к вам вернется в грохоте орудий.

Д о ф и н

Скажите, что отец мой даст согласие
Лишь вопреки желанью моему.
Я жажду с Англией борьбы; затем-то,
Как подходящий дар его беспутству,
Я и послал парижские мячи.

Э к с е т е р

Парижский Лувр за это потрясет он,
Будь там хотя бы первый двор Европы.
И разницу, поверьте, вы найдете,
Как подданные все его нашли,
Меж обещаньем юных дней его
И тем, что ныне он дает на троне;
По граммам взвешивает время он, —

Потери ваши это вам докажут,
Когда побудет он у вас подольше.

Французский король
Ответ подробный завтра мы дадим.

Эксетер

Скорей нас отпустите, или Генрих
Придет узнать причину промедленья:
Ведь он во Францию уже вступил.

Французский король
Мы скоро вас отпустим с добрым словом;
Лишь ночь себе дадим мы — срок ничтожный,
Чтобы решить серьезный столь вопрос.

Трубы.

Уходят.

АКТ III

Пролог

Входит Х о р.

Х о р

Так наше действие летит вперед
На крыльях реющих воображенья,
Быстрее дум. Представьте, как садится
Король в доспехах бранных на корабль
В Хемптонской гавани, и гордый флот
В сиянье Феба вымпелами веет.
Взгляните вы фантазии очами,
Как по снастям карабкаются юнги;
Свисток услышите в рокоте нестройном,
Порядок водворяющий; смотрите,
Надул незримый ветер паруса,
Влекущие громады кораблей
Наперекор волнам. Вообразите,
Что с берега вы смотрите на город,
Качающийся на крутых валах, —

Так представляется могучий флот,
В Гарфлер плывущий. Следуйте за ним!
Цепляйтесь мыслью за корму судов;
Покиньте Англию, как ночь, немую,
Которую старухи стерегут
Да старики, утратившие силы,
Или младенцы, что еще в пеленках:
Ведь каждый у кого на подбородке
Хоть волосок пробился, поспешает
Во Францию за рыцарями в след.
Работу дайте мыслям. Перед вами —
Осада города: с лафетов пушки
Разверзли пасти грозно на Гарфлер.
Представьте, что из лагеря французов
Посол, вернувшись, сообщает Гарри,
Что предлагает дочь ему король
И герцогства ничтожные в придачу.
Отвергли предложение. Канонир
Подносит к пушке дьявольский фитиль.

Тревога.

Пушечная пальба.

Все сметено. Игрой воображенья
Прошу восполнить наше представление.

(Уходит.)

Сцена 1

Франция. Перед Гарфлером.

Барабанный бой.

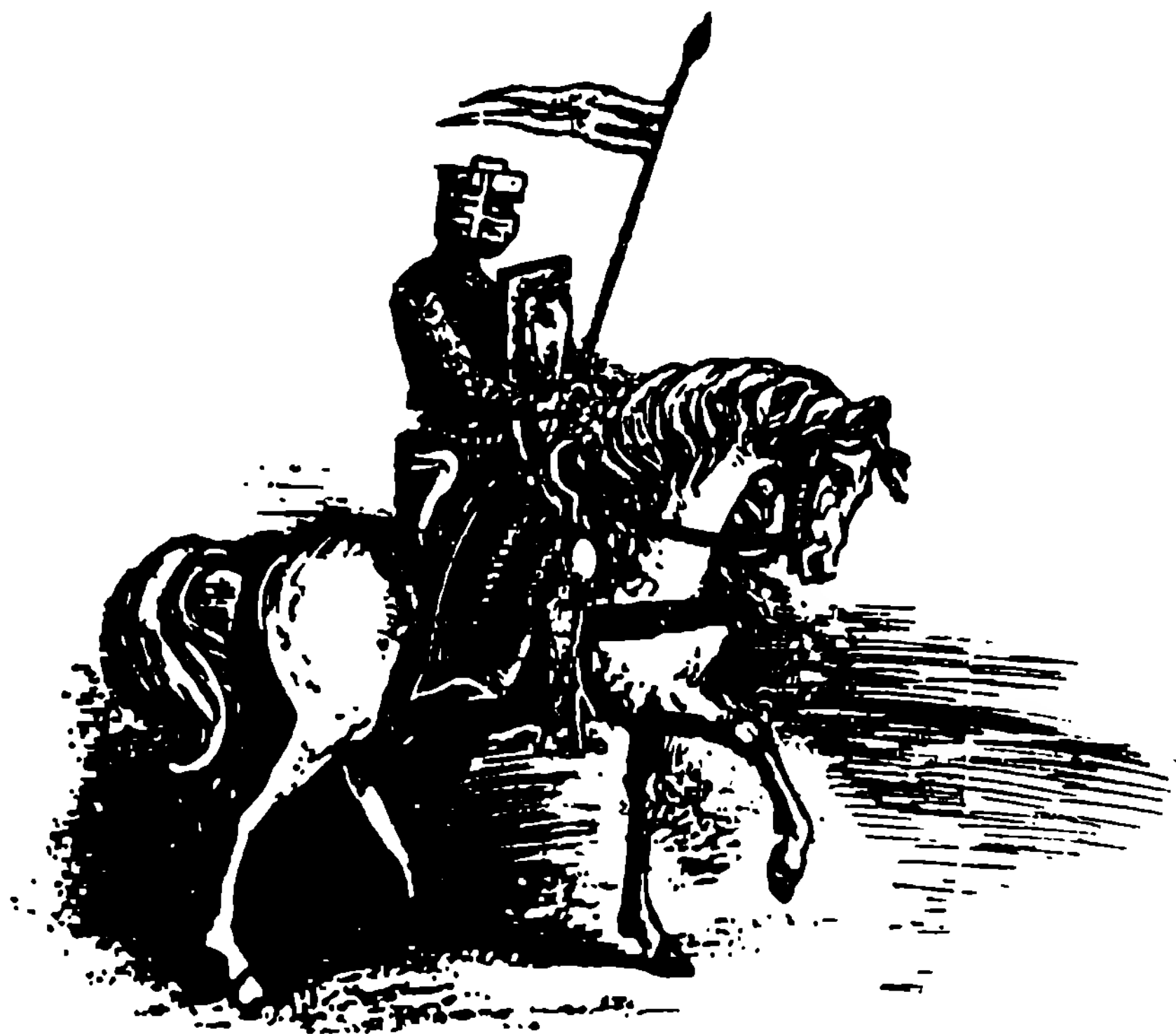
Входят король Генрих, Эксетер, Бедфорд,
Глостер и солдаты, которые несут штурмовые
лестницы.

Король Генрих

Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом,
Иль трупами своих всю брешь завалим!
В дни мира украшают человека
Смирение и тихий, скромный нрав;
Когда ж нагрянет ураган войны,
Должны вы подражать поведению тигра.
Кровь разожгите, напрягите мышцы,
Свой нрав прикройте бешенства личиной!
Глазам предайте разъяренный блеск —
Пускай, как пушки, смотрят из глазниц;
Пускай над ними нависают брови,
Как выщербленный бурями утес
Над основанием своим, что гложет
Свирепый и нещадный океан.
Сцепите зубы и раздуйте ноздри;
Дыханье придержите; словно лук,
Дух напрягите. — Рыцари, вперед!
В вас кровь отцов, испытанных в бою,

Отцов, которые, как Александр,
С утра до ночи здесь упорно бились
И прятали мечи в ножны тогда лишь,
Когда уж нечего рубить им было.
Не опозорьте матерей своих,
Но докажите, что и впрямь родили
Вас те, кого зовете вы отцами.

Пример подайте вы простолюдинам;
Учите их сражаться. — Поселяне!
Вас Англия взрастила, — так теперь
Явите мощь свою, нам показав,
Что вы ее сыны. Я в том уверен;
Ведь нет средь вас столь низких, в чьих бы взорах

Теперь огонь не вспыхнул благородный.
Стойте, вижу, вы, как своры гончих,
На травлю рвущиеся. Поднят зверь.
С отвагой в сердце риньтесь в бой, крича:
“Господь за Гарри и святой Георг!”

Уходят.

Барабанный бой. Пушечная пальба.

Сцена 2

Там же.

Входят Н и м, Бардольф, Пистоль и мальчик.

Бардольф. Вперед, вперед, вперед! К пролому! К пролому!

Н и м. Прошу тебя, капрал, погоди минутку. Уж больно горяча потасовка! А у меня ведь нет про запас лишней жизни. Тут, брат, шутки плохи. Вот какая тут музыка.

Пистоль

Здесь небу жарко, верно ты сказал.

Ударов град; рабы господни гибнут.

Но щит и меч

В кипенье сеч

Стяжают славу нам.

Мальчик. Хотел бы я сейчас сидеть в кабачке в Лондоне. Я готов отдать всю славу на свете за кружку эля и безопасность.

П и с т о л ь. И я тоже.

О, если б было мне дано
Свершить желание одно —
Удрать в кабак родной!

М а л ь ч и к

Не худо: но бежать отсюда
Трудней, чем птице петь.

Входит Ф л ю э л л е н.

Ф л ю э л л е н. К пролону, собаки вы этакие! Вперед, под-
лецы! (*Гонит их.*)

П и с т о л ь

Великий герцог, пощади бедняг!
Умерь свой гнев, свой мужественный гнев.
Умерь свой гнев, великий герцог!
Голубчик, дорогой! Будь милостив, смягчись!

Н и м. Славная шутка! А вот вашей чести не до шуток.

Все, кроме мальчика, уходят.

М а л ь ч и к. Как я ни зелен, а сумел разглядеть этих трех
хвастунов. Я служу всем троим; а вот если бы им пришлось
мне служить, они втроем не сумели бы угодить мне одному:
ведь из трех таких лодырей не выкроить и одного настоящего
человека. Бардольф молодец с лица, а душой овца: хорохо-
рится, а драться не желает. Пистоль на язык лих, а на руку

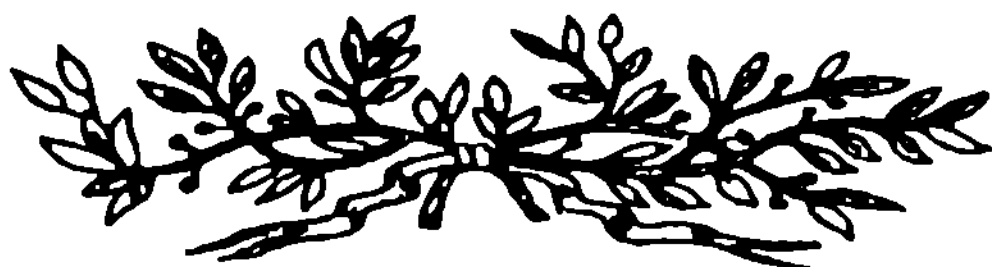

тих: на словах дерется, а за оружие не берется. А Ним где-то слышал, будто молчаливые люди самые храбрые; вот он и боится даже помолиться в слух, чтобы его не сочли за труса. Сквернословил он на своем веку мало, зато мало сделал и хорошего. Никому не разбивал он башки, кроме как самому себе, с пьяных глаз, о столб. Эти молодцы тащат все что угодно и говорят, что все это военная добыча. Бардольф как-то стянул футляр от лютни, протащил его двенадцать миль и продал за полтора пенса. Ним и Бардольф даже побратались, чтобы вместе красть. В Кале они стащили лопатку для углей. Сразу видно: любят ребята жар загребать. Хотелось бы им, чтобы и мои руки, как перчатки и платки, были как дома в чужих карманах, да мне это не по нутру. Если будешь пере-кладывать из чужих карманов в свои, только совесть замара-ешь. Надо мне бросить этих хозяев и поискать другой службы; желудок мой слаб и не переваривает их пакостей; надо изрыгнуть эту дрянь. (*Уходит.*)

Входит Ф л ю э л л е н, за ним Г а у э р.

Г а у э р. Капитан Флюэллен, вас требуют к подкопу: герцог Глостер хочет с вами поговорить.

Ф л ю э л л е н. К подкопу? Скажите герцогу, что к подкопу не следует подходить. Этот подкоп, видите ли, сделан не по всем правилам военного искусства, он недостаточно глубо-бок. Противник, видите ли, подвел контрмину на четыре яр-да глубже, — так и доложите герцогу. Ей-богу, они взорвут всех нас, если не последует лучших распоряжений.

Г а у э р. Осадные работы поручены герцогу Глостеру, а он во всем положился на одного ирландца; кажется, это очень храбрый человек.

Ф л ю э л л е н. Ведь это капитан Мак-Моррис, не правда ли?

Г а у э р. Как будто бы так.

Ф л ю э л л е н. Ей-богу, он осел, каких на свете мало; я готов сказать ему это в лицо. Он смыслит в военном искусстве — я имею в виду римское военное искусство — не больше, чем щенок.

Входят

Мак-Моррис и капитан Джеми.

Г а у э р. Вот он идет, а с ним шотландский капитан Джеми.

Ф л ю э л л е н. Капитан Джеми — на редкость храбрый человек, это всем известно; он полон знаний и отлично изучил древнее военное искусство; это видно по его приказаниям. Ей-богу, он сумеет отстоять свое мнение не хуже любого военного, если речь пойдет о военном деле у древних римлян.

Д ж е м и. Добрый день, капитан Флюэллен.

Ф л ю э л л е н. Доброго дня и вашей чести, добрейший капитан Джемс.

Г а у э р. Ну, как дела, капитан Мак-Моррис? Вы бросили ваш подкоп? Саперы прекратили работу?

М а к-М о р р и с. Да. Скверное дело, ей-богу: работу бросили, протрубили отступление. Клянусь своей рукой и душой моего отца, скверное дело, — все бросили. Да! Спаси меня

бог, я бы в какой-нибудь час взорвал весь город. О, скверное дело, скверное дело, клянусь своей рукой! Совсем скверное.

Ф л ю э л л е н. Капитан Мак-Моррис! Умоляю вас, соблаговолите немного побеседовать со мной — как бы это сказать — о военном искусстве, о римском искусстве. Это, видите ли, будет спор и дружеская беседа, отчасти — чтобы я мог укрепить свое мнение, отчасти — для сатисфакции моего ума касательно принципов военной дисциплины; в этом все дело.

Д ж е м и. Честное слово, это будет очень хорошо, добрейшие мои капитаны. С вашего разрешения, я тоже приму участие в беседе и при случае вверну свое словцо, черт побери!

М а к-М о р р и с. Теперь не время для бесед, спаси меня бог! День горячий: тут вам и жара, и война, и король, и герцоги. Совсем не время для бесед. Город осажден. Слышите, трубы зовут нас к пролому, а мы тут болтаем и бездельничаем, истинный бог! Стыдно нам всем, спаси меня бог! — стыдно стоять без дела, клянусь моей рукой! — стыдно! Тут надо глотки резать и дело делать, а у нас ничего не сделано, спаси меня бог! Да!

Д ж е м и. Клянусь мессой, прежде чем закрою глаза на ночь, я сослужу хорошую службу или лягу костью; но, если придется умирать, я дорого продам свою жизнь — это уж как пить дать, коротко и ясно. Черт возьми я бы охотно послушал вашу беседу!

Ф л ю э л л е н. Капитан Мак-Моррис! Я — как бы это сказать, — с вашего разрешения, полагаю, что не многие из вашей нации...

Мак-Моррис. Из моей нации? Что такое моя нация? Негодяи, что ли, какие-нибудь? Ублюдки? Мерзавцы? Мошенники? Что такое моя нация? Кто смеет говорить о моей нации?

Флюэllen. Если вы, капитан Мак-Моррис, придаете моим словам — как бы это сказать — совсем другой смысл, то я, чего доброго, подумаю, что вы недостаточно любезны со мной, недостаточно меня уважаете. А ведь я ничем не хуже вас — и по части военной дисциплины, и по части происхождения, да и во всех других смыслах.

Мак-Моррис. Ну, этого я не думаю. Вот снесу вам башку, спаси меня бог!

Гауэр. Господа! Вы не поняли друг друга.

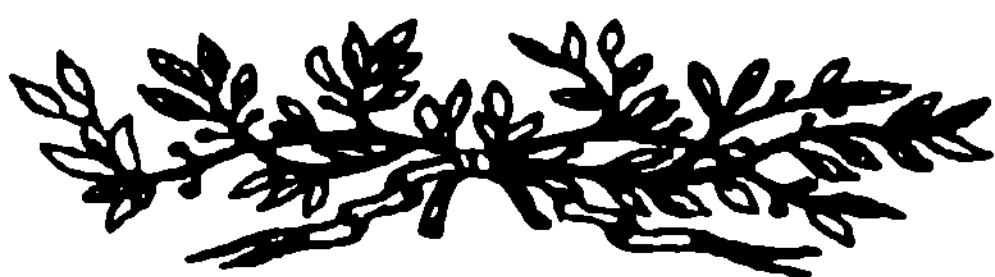
Джеми. Ах, какая ужасная ошибка!

Слышны трубы,
возвещающие о переговорах.

Гауэр. Город вызывает нас на переговоры.

Флюэllen. Капитан Мак-Моррис! При более подходящем случае — как бы это сказать — я вам докажу, что знаю военное искусство, а сейчас — довольно.

Уходят.

Там же. Перед воротами Гарфлера.

На стенах — коменданты и несколько горожан;
внизу — английское войско.
Входит король Генрих со свитой.

Ну как? На что решился комендант?
В последний раз ведем переговоры;
Поэтому на милость нашу сдайтесь
Иль в гордой жажде смерти бросьте нам
Свой вызов. Говорю вам как солдат, —
А это имя очень мне подходит, —
Начав бомбардировку вновь, не кончу,
Пока полуразрушенный Гарфлер
Не будет погребен под грудой пепла.
Замкнутся милосердия врата;
Свирепый воин, грубый,
 жесткий сердцем,
С душою необузданнее ада,
Рукой кровавой скосит, как траву,
Прекрасных ваших дев, детей цветущих.
Моя ль вина, коль ярая война
В уборе пламени, как тьмы владыка,
С лицом в крови, неистовства свершит,
Что связаны с борьбой и разрушеньем?
Моя ль вина — о нет, скорее ваша, —

Коль ваши девы в руки попадут
Горячего и буйного насилья?
Как удержать разнузданное зло,
Когда оно с горы стремится свой бег?
Ведь так же безнадежно обуздать
Солдат, воспламененных грабежом,
Как на берег призвать Левиафана.
Поэтому, о жители Гарфлера,
Свой город пожалейте, свой народ,
Пока еще подвластны мне войска,
Пока прохладный ветер

милосердья

Уносит прочь отравленные тучи
Насилия, убийства грабежа.
Иначе вы увидите тот час же,
Как, весь в крови,

от ярости слепой,

Солдат ухватит грязною рукой
За косы ваших дочерей кричащих;
Рванув отцов за бороды седые,
Им головы о стены раздробит;
Проткнет копьем детей полуодетых,
И, обезумев, матери рыданьем
Свод неба потрясут, как иудейки,
Когда младенцев Ирод избивал.
Что скажите? Вы город нам сдадите?
Иль это все вы претерпеть хотите?

К о м е н д а н т

Надеждам нашим наступил конец;
Дофин, чьей помощи просили мы,
Ответил, что пока еще не в силах
С таким сразиться войском,
чтобы нас
Освободить. Итак, король великий,
На вашу милость город мы сдаем.
Входите к нам; располагайте всем, —
Мы более не в силах защищаться.

К о р о л ь Г е н р и х

Открыть ворота! — Эксетер, мой дядя,
В Гарфлер войдите; пребывайте там
И укрепитесь против сил французских;
Всем окажите милость, добрый дядя.
Близка зима; растут в войсках болезни,
И мы вернемся временно в Кале.
Сегодня в городе гостим у вас,
А завтра в путь готовы в ранний час.

Трубы.

К о р о л ь с о с в и т о й
уходит в город.

Сцена 4¹

Комната во дворце французского короля.

Входят Е к а т е р и н а и А л и с а.

Е к а т е р и н а Alice, tu as ete en Angleterre, et tu parles bien le langage.²

А л и с а Un peu, madame.³

Е к а т е р и н а. Je te prie, m'enseigniez: il faut que j'apprenne a parler. Comment appelez-vous la main en Anglois?⁴

А л и с а. La main? elle est appelee de hand.⁵

Е к а т е р и н а. De hand. Et les doigts?⁶

А л и с а. Les doigts? ma foi, j'oublie les doigts: mais je me souviendrai. Les doigts? Je pense qu'ils sont appeles de fingers.⁷

1 Вся эта сцена написана на французском языке XVI века, значительно отличающемся от современного. (Орфография в нашем издании модернизирована.) Даем перевод ее, заключая в скобки те слова, которые написаны на английском (слегка испорченном) языке и, следовательно, заменены в нашем тексте русскими.

2 Е к а т е р и н а. Алиса, ты была в Англии и хорошо говоришь на английском языке.

3 А л и с а. Немножко, сударыня.

4 Е к а т е р и н а. Пожалуйста, научи меня; я должна научиться говорить по-английски. Как говорится по-английски — рука?

5 А л и с а. Рука? Она называется [рука].

6 Е к а т е р и н а. [Рука]. А пальцы?

7 А л и с а. Пальцы? Ах, боже мой, я забыла, как будет пальцы; но сейчас припомню. Пальцы? Кажется, это называется [пальцы]; да [пальцы]

Е к а т е р и н а. La main, de hand; les doigts, de fingres. Je pense que je suis le bon ecolier; j'ai gagne deux mots d'Anglais viteement. Comment appelez-vous les ongles? ¹

А л и с а. Les ongles? nous les appelons de nails. ²

Е к а т е р и н а. De nails. Ecoutez; dites-moi, si je parle bien: de hand, de fingres, et de nails. ³

А л и с а. C'est bien dit, madame; il est fort bon Anglois. ⁴

Е к а т е р и н а. Dites-moi l'Anglois pour le bras. ⁵

А л и с а. De arm, madame. ⁶

Е к а т е р и н а. Et le coude? ⁷

А л и с а. De elbow. ⁸

Е к а т е р и н а. De elbow. Je m'en fais la repetition de tous les mots que vous m'aves appris des a present. ⁹

1 *Е к а т е р и н а.* Рука — [рука]; пальцы — [пальцы]. Мне кажется, я хорошая ученица; я быстро выучила два английских слова. А как говорится ногти?

2 *А л и с а.* Ногти? Мы их называем [ногти].

3 *Е к а т е р и н а.* [Ногти]. Послушайте, скажите, верно ли я говорю: [рука, пальцы, ногти].

4 *А л и с а.* Очень хорошо, сударыня. Вы отлично проносите по-английски.

5 *Е к а т е р и н а.* Скажите, как будет по-английски плечо?

6 *А л и с а.* [Плечо], сударыня.

7 *Е к а т е р и н а.* А локоть?

8 *А л и с а.* [Локоть]

9 *Е к а т е р и н а.* [Лёкоть]. Я сейчас повторю все слова, которым вы меня научили.

А л и с а. Il est trop difficile, madame, comme je pense. ¹

Е к а т е р и н а. Excusez-moi, Alice; ecoutez: de hand, de fingres, de nails, de arm, de bilbow. ²

А л и с а. De elbow, madame. ³

Е к а т е р и н а. O Seigneur Dieu, je m'en oublie; de elbow. Comment ap-pelez-vous le col? ⁴

А л и с а. De neck, madame. ⁵

Е к а т е р и н а. De neck. Et le menton? ⁶

А л и с а. De chin. ⁷

Е к а т е р и н а. De sin. Le col, de nick; le menton, de sin. ⁸

А л и с а. Oui. Sauf votre honneur, en verite, vous prononcez les mots aussi droit que les natifs d'Angleterre. ⁹

1 А л и с а. Мне кажется, это слишком трудно, сударыня.

2 Е к а т е р и н а. Простите, Алиса, слушайте: [рука, пальцы, ногти, плечо, локоть].

3 А л и с а. [Локоть], сударыня.

4 Е к а т е р и н а. Ах, боже мой, я забыла. [Лёкоть]. Как вы говорите — шея?

5 А л и с а. [Шея], сударыня.

6 Е к а т е р и н а. [Чея]. А подбородок?

7 А л и с а [Подбородок].

8 Е к а т е р и н а. [Подборонок]. Чея, подборонок.

9 А л и с а. Так, с вашего разрешения вы поистине произносите эти слова так же правильно, как природные англичане.

Е к а т е р и н а. Je ne doute point d'apprendre, par la grace de Dieu, et en peu de temps.¹

А л и с а. N'avez vous pas deja oublie ce que je vous ai enseigne?²

Е к а т е р и н а. Non, je reciterai a vous promptement: de hand, de fingres, de mails...³

А л и с а. De nails, madame.⁴

Е к а т е р и н а. De nails, de arm, de ilbow.⁵

А л и с а. Sauf votre honneur, de elbow.⁶

Е к а т е р и н а. Ainsi dis-je; de elbow, de nick, et de sin. Comment ap-pelez-vous le pied et la robe?⁷

А л и с а. De foot, madame, et de coun.⁸

Е к а т е р и н а. De foot, et de coun? O Seigneur Dieu! Ce sont mots de son mauvais, corruptible, gros et impudique, et non pour les dames d'honneur d'user: je ne voudrais prononcer ces mots devant les seigneurs de France pour tout le monde. Foh! de

1 Е к а т е р и н а. Я не сомневаюсь, что с божьей помощью быстро научусь.

2 А л и с а. Вы еще не забыли, мадам, чему я вас научила?

3 Е к а т е р и н а. Нет; я вам быстро все повторю: [рука, пальцы, ногти]...

4 А л и с а. [Ногти], сударыня.

5 Е к а т е р и н а. [Ногти, рука, лёкоть].

6 А л и с а. С вашего разрешения, [локоть].

7 Е к а т е р и н а. Я и говорю: [локоть, шея, подборонки]. Как будет — нога и платье?

8 А л и с а. [Нога], сударыня, и [платье]

foot et de coun! Neanmoins, je reciterai une autre fois ma lecon ensemble: de hand, de fingres, de nails, de arm, de elbow, de nick, de sin, de foot, de coun.¹

А л и с а. Excellent, madame!²

Е к а т е р и н а. C'est assez pour une fois; allons nous a diner.³

Уходят.

Сцена 5

Там же. Другая комната во дворце.

Входят французский король,
герцог Бурбонский, коннетабль Франции
и другие.

Французский король

Сомнений нет: он Сомму перешел.

-
- 1 *Е к а т е р и н а* [Нога] и [платье]! Ах, боже мой! Это дурные, порочные, грубые и неприличные слова, они не годятся для благородных дам; я ни за что на свете не желала бы их произнести в присутствии французских сеньоров. А все-таки приходится. [нога] и [платье]. Я еще раз повторю все подряд: [рука, пальцы, ногти, плечо, локоть, чья, подборонки, нога, платье].

Смущение Екатерины в предпоследней ее реплике объясняется тем, что английским словам *foot* и *gown* созвучны французские слова, имеющие непристойный смысл. (Прим. ред.)

- 2 *А л и с а* Превосходно, сударыня.

- 3 *Е к а т е р и н а*. Довольно на один раз; пойдем обедать.

К о н н е т а б л ь

И, коль теперь мы не сразимся с ним,
Во Франции не жить нам, государь;
Покинем всё и варварам-пришельцам
Мы виноградники свои уступим.

Д о ф и н

О Dieu vivant!¹ Возможно ли побегам,
Рожденным сладострастьем
наших предков,
Росткам, привитым к дикому стволу,
Подняться так внезапно к облакам,
Глумясь над их самих родившим стеблем?

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Норманны! Всё норманнские ублюдки!
Mort de ma vie!² Коль мы его
не сможем
Остановить, я герцогство продам
И ферму грязную себе куплю
На острове зубчатом Альбиона.

1 Клянусь богом живым! (Франц.)

2 Клянусь жизнью! (Франц.)

К о н н е т а б л ь

Dieu de batailles!¹ Откуда пыл у них?
Их край туманен, холоден, угрюм,
И солнце бледное, сурово хмурясь,
Плоды их убивает. Разве может

Герцог Бурбонский и герцог Бургундский

Отвар из ячменя, для кляч пригодный,
Их ледяную кровь разгорячить?
А наша кровь, согретая вином,

1 Клянусь богом сражений! (Франц.)

Холодной станет? Ради нашей чести,
Не будем мы сосульками на кровле
Висеть, меж тем как тот народ холодный
Горячим потом нам кропит поля,
Что лишь бедны отвагою владельцев.

Д о ф и н

Клянусь я честью!
Все дамы говорят, смеясь над нами,
Что пыл у нас погас, что им придется
Отдать тела английской молодежи,
Чтоб Францию бойцами населить.

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Шлют к англичанам нас — учить их танцам:
Летучим вольтам, сладостным курантам, —
И говорят, что наша сила в пятках:
Мы мастера лишь бегать от врага.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Где наш герольд Монжуа? Послать его,
Пусть вызовом приветствует врагов. —
Воспряньте, принцы, и спешите в бой!
Острей меча пусть будет ваша доблесть.
Шарль Делабре, французский коннетабль,
Вы, герцоги Бурбонский и Беррийский,
Брабантский, Орлеанский, Алансонский,

Бургундский, Барский; Водемон, Рамбюр,
Жак Шатильон, Бомон, Фуа, Фоконбер,
Гранпре, Русси, Лестраль и Бусико, —
Вы, герцоги, и принцы, и бароны,
Во имя ваших ленов — стыд наш смойте.
Английский Гарри рвется в глубь страны,
Гарфлера кровью обагрив знамена.
Вы на врага обрушьтесь, как лавина,
Что низвергают снеговые Альпы
С высот на дно подвластных им долин.
Ударьте разом, — сил у вас довольно, —
И привезите пленником в Руан
Его в повозке.

К о н н е т а б л ь

Это будет славно!
Но жалко мне, что рать его мала,
Изнурена болезнями, походом.
Уверен я: при виде наших войск
Сорвется сердце Гарри в бездну страха,
И вместо подвигов он выкуп даст.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Поторопитесь, коннетабль, Монжуа.
Пусть Генриху он скажет мы желаем
Узнать, какой он нам предложит выкуп. —
Дофин, останетесь в Руане вы.

Д о ф и н

О нет! Мой государь, я умоляю...

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Терпение. Останетесь вы с нами, —
Вы, коннетабль и принцы, все в поход!
Пускай скорей победы весть придет.

Уходят.

Сцена 6

Английский лагерь в Пикардии.

Входят с разных сторон Г а у э р и Ф л ю э л л е н.

Г а у э р. Ну как дела, капитан Флюэллен? Откуда вы? С моста?

Ф л ю э л л е н. Уверяю вас, на мосту делаются славные дела.

Г а у э р. Что, герцог Эксетер невредим?

Ф л ю э л л е н. Герцог Эксетер настоящий герой, прямо Агамемнон. Этого человека я люблю и уважаю от всей души, от всего сердца; это мой священный долг: всю жизнь буду его любить изо всех сил. Слава богу, он пока целехонек, он защищает мост весьма доблестно, с отличным знанием военного дела. Там на мосту есть один прапорщик-лейтенант, — по совести скажу, мне думается, он храбр, как Марк Антоний; его никто на свете не уважает, а я сам видел, как храбро он нес службу.

Г а у э р. Как его зовут?

Ф л ю э л л е н. Его зовут прапорщик Пистоль.

Г а у э р. Я его не знаю.

Входит П и с т о л ь.

Ф л ю э л л е н. Вот он.

П и с т о л ь

Ну, капитан, мне милость окажи!

Ведь герцог Эксетер с тобой любезен.

Ф л ю э л л е н. Да, слава богу; признаться я заслужил его расположение.

П и с т о л ь

Бардольф, солдат отважный, крепкий сердцем
И редкой храбрости, — судьбой жестокой
И прихотью Фортуны колеса,
Слепой богини,
Стоящей на бегущем вечно камне...

Ф л ю э л л е н. С вашего разрешения, прапорщик Пистоль, Фортуну изображают слепой, с повязкой на глазах, чтобы показать, что она слепая; затем ее изображают на колесе, чтобы показать вам — и в этом заключается мораль, — какой у нее нрав: она неустойчива, непостоянна, ненадежна и вечно меняется; она стоит — как бы это сказать — ногами на круглом камне, и камень тот катится себе и катится. По

правде говоря, поэт превосходно описывает Фортуну. Какая здесь прекрасная мораль!

П и с т о л ь

Фортуна Бардольфу — суровый враг:
Распятие похитил он — и будет
Повешен. Злая смерть!
Пусть вешают собак, не человека;
Веревка пусть ему не сдавит глотку.
Но Эксетер обрек его на смерть
За пустяковину.
Замолви перед герцогом словечко —
И пусть Бардольфа жизненную нить
Не перервет грошовая веревка.
Проси его. Я отплачу тебе.

Ф л ю э л л е н. Прапорщик Пистоль, я вас отчасти понимаю.

П и с т о л ь

Итак, возрадуйся.

Ф л ю э л л е н. Тут, право, нечему радоваться, прапорщик. Будь он мне даже — как бы это сказать — родной брат, я бы ни слова не сказал, если бы герцог отправил его на виселицу. Дисциплина прежде всего.

П и с т о л ь

Умри, проклятый! Фигу получай!

Ф л ю э л л е н. Хорошо.

П и с т о л ь

Испанскую!

(Уходит.)

Ф л ю э л л е н. Прекрасно.

Г а у э р. Это отъявленный плут и негодяй. Теперь я его припоминаю: сводник и карманник.

Ф л ю э л л е н. Уверяю вас, на мосту он говорил такие славные слова, что прямо душа радовалась. Ладно же; это отлично, что он сказал мне. Честное слово, я это ему припомню при случае.

Г а у э р. Конечно же, это болван, мошенник и шут, который время от времени отправляется на войну, чтобы, вернувшись в Лондон, красоваться в солдатской форме. Такие молодцы знают наизусть имена всех полководцев и отлично расскажут вам, какие где творились дела, что делалось в таком-то редуте, в таком-то проломе, в таком-то прикрытии; кто отличился, кто был убит, кто разжалован, какие позиции защищал неприятель; они все это изложат вам как нельзя лучше, пересыпая свою речь военными выражениями и новомодными клятвами. Представьте себе, какое впечатление производят борода, подстриженная на манер генеральской, и боевые лохмотья на одурманенные элем головы, среди пеня-

щихся стаканов! Вы должны научиться распознавать этих проходимцев, позорящих наш век, не то можете здорово попасть впросак.

Ф л ю э л л е н. Вот что я вам скажу, капитан Гауэр. Я вижу, что он совсем не то, чем хотел бы казаться всему свету; и, если я найду у него какую-нибудь прореху, уж я ему выложу все, что о нем думаю.

Барабанный бой.

Слышите, король идет, а мне нужно рассказать ему насчет моста.

Под барабанный бой, с распущенными знаменами
входят король Генрих, Глостер и солдаты.

Ф л ю э л л е н. Да благословит бог ваше величество!

Король Генрих. Ну как, Флюэллен? Ты с моста, я вижу?

Ф л ю э л л е н. Да, с разрешения вашего величества. Герцог Эксетер весьма доблестно защищал мост; французы — как бы это сказать — удрали. Там были славные, смелые стычки. Противник хотел было захватить мост, но должен был отступить, и мост остался во власти герцога Эксетера. Могу сказать вашему величеству: герцог — храбрый человек.

Король Генрих. Как велики наши потери, Флюэллен?

Ф л ю э л л е н. Потери противника очень велики, очень серьезны. Ей-богу, я полагаю, что герцог не потерял ни одно-

Генрих V и его войско

го человека, если не считать некоего Бардольфа, которого должны повесить за кражу в церкви. Может быть ваше величество его знает? У него все лицо в волдырях, в прыщах, в шишках и в красных пятнах; губы у него подходят к самому носу, а нос — совсем как головня: то посинеет, то покраснеет; но теперь его носу пришел конец, и пламя его потухло.

К о р о л ь Г е н р и х. Всех таких мерзавцев надо беспощадно искоренять. Мы отдаем строжайший приказ, чтобы во время нашего похода никто ничего не брал в деревнях силой, но чтобы за все платили и чтобы никого из французов не оскорбляли и не поносили бранными словами; ибо там, где кротость и жестокость спорят о короне, выиграет тот из игроков, который более великодушен.

Сигнальные рожки. Входит М о н ж у а.

М о н ж у а

Меня по платью узнаете вы.

К о р о л ь Г е н р и х

Да, узнаю. Что от тебя узнаю?

М о н ж у а

Владыки моего решение.

К о р о л ь Г е н р и х

Открой его.

М о н ж у а. Вот что говорит мой король: “Скажи Гарри Английскому, что хотя мы и кажемся мертвыми, на самом деле мы только дремлем: благоразумие — лучший воин, чем торопливость. Скажи ему, что мы могли бы прогнать его от Гарфлера, но мы сочли за благо дать вполне созреть нашей обиде и лишь тогда отомстить за нее. Теперь настало для нас время говорить, и голос наш властен. Английский король раскается в своем безумье, увидев свою слабость, и изумится нашему долготерпению. Поэтому предложите Генриху подумать о своем выкупе, который должен быть соразмерен понесенным нами потерям, числу подданных, которых мы лишились, оскорблениям, которые мы перенесли. Если взвесить это как следует, то его ничтожество не в силах будет оплатить все это. Его казна слишком бедна, чтобы возместить наши потери; его королевство слишком малоллюдно, чтобы воздать нам за пролитую кровь, а что касается наших обид, то если бы даже он самолично встал перед нами на колени, это было бы лишь слабым и ничтожным удовлетворением. Прибавь к этому наш вызов и, наконец, скажи ему, что он обманул своих соратников, смертный приговор которым подписан”. Так говорит мой король и владыка, таково возложенное на меня поручение.

К о р о л ь Г е н р и х

Что ты посол, я знаю. Как зовешься?

Монжуа

Монжуа.

Король Генрих

Ты порученье выполнил прекрасно.
Вернись, Монжуа, и королю скажи,
Что битвы с ним пока я не ищу
И предпочел бы нынче без препятствий
В Кале вернуться. Ведь, сказать по правде, —
Хоть неразумно столько открывать
Могучему и хитрому врагу, —
Мои войска изнурены болезнью,
В числе уменьшились; остаток их
Не крепче равного числа французов.
Когда здоровы были, — знай, герольд, —
Я полагал на каждого из наших
По три француза. Но прости, господь,
Мне речь хвастливую! Французский воздух
Вдохнул в меня такой порок, — я каюсь.
Пойди и королю скажи: вот я;
Мой выкуп — эта немощная плоть.
Мои войска — мне слабая охрана.
Но с божьей помощью пойдем вперед,
Хотя бы встали и король французский
И с ним еще союзник, столь же сильный,
Нам на пути. — Вот за труды тебе.

Скажи — пускай обдумает король:
Коль нас пропустит, мы пройдем;
Коль нет,
Мы вашу почву алой вашей кровью
Окрасим. А затем, Монжуа, прощай.
Вот содержание нашего ответа:
Не ищем мы сражения теперь,
Однако избегать его не станем.
Так передай.

Скажу. Благодарю вас, государь.

Глостер

Враги на нас не нападут, надеюсь.

В руках мы божьих, брат, не в их руках.
К мосту ступайте снова. Ночь подходит.
Мы за рекою лагерь разобьем,
А завтра утром их погоним дальше.

Уходят.

Сцена 7

Французский лагерь под Азинкуром.

Входят коннетабль Франции, Рамбюр,
герцог Орлеанский, дофин
и другие.

Коннетабль. Да! Лучше моих доспехов нет на свете.
Хоть бы скорее рассвело!

Герцог Орлеанский. Доспехи у вас превосходные,
но отдайте должное и моему коню.

Коннетабль. Это лучший конь в Европе.

Герцог Орлеанский. Неужели никогда не наступит утро?

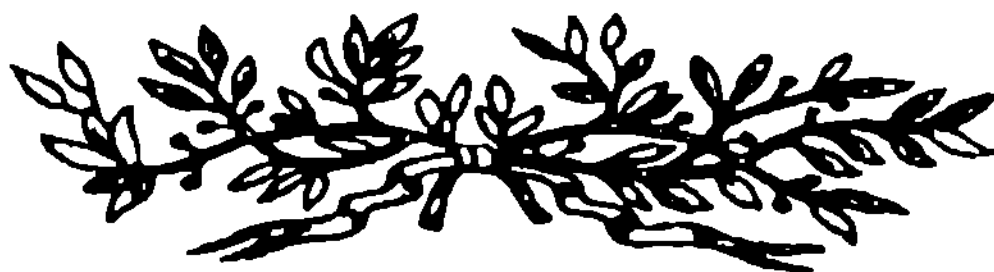
Дофин. Вы, герцог Орлеанский, и вы, великий коннетабль, толкуете о лошадях и доспехах...

Герцог Орлеанский. Вас-то не перещеголяет ни конем, ни доспехами никакой принц.

Дофин. Как тянется эта ночь! — Я не променял бы своего коня ни на какое животное о четырех копытах. Са, ха!¹ Он отскакивает от земли, словно мяч, набитый волосом: le cheval volant, Пегас, qui a les narines de feu.² Когда я скачу на нем, я парю над землей; я сокол; он несется по воздуху; земля зве-

1 Да, скажу я вам! (Франц.)

2 Летающий конь... огнедышащий. (Франц.)

ля звенит когда он заденет ее копытом. Самый скверный рог его копыт поспорит в гармонии со свирелью Гермеса.

Герцог Орлеанский. А мастью — прямо мускатный орех.

Дофин. И горяч, как имбирь. Настоящий конь Персея. Он весь — воздух и огонь, а тяжелые стихии — земля и вода — проявляются в нем, лишь когда он терпеливо стоит, готовый принять в седло всадника. Да, это конь, а все остальные лошади перед ним — клячи.

Коннетабль. В самом деле, принц, это самый лучший, самый прекрасный конь в мире.

Дофин. Он король скакунов; его ржание звучит как приказ монарха, и его осанка внушает почтение.

Герцог Орлеанский. Довольно, кузен.

Дофин. О нет! Кто не сможет воспевать моего скакуна с пробужденья жаворонка до отхода на покой ягнят, тот попросту глуп. Эта тема неисчерпаема, как море. Стань каждая песчинка красноречивым языком, всем им хватило бы разговоров о моем коне. Он достоин того, чтобы о нем размышлял король, чтобы на нем скакал король королей. Весь мир, ведомый нам и неведомый, должен был бы бросить все дела и только восхищаться им. Однажды я написал в его честь сонет, который начинается так: “ Природы чудо...”

Герцог Орлеанский. Я слышал один сонет, написанный кем-то своей возлюбленной; он начинается именно так.

Луи, герцог Орлеанский

Д о ф и н. Значит, он подражал сонету, который я написал моему скакуну, ибо моя возлюбленная — это моя лошадь.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Ваша возлюбленная хорошо вас носит.

Д о ф и н. Меня — хорошо! В этом-то и заключается совершенство хорошей и образцовой возлюбленной.

К о н н е т а б л ь. Однако, мне кажется, вчера ваша возлюбленная строптиво сбросила вас с себя.

Д о ф и н. Может быть, так же поступила с вами и ваша.

К о н н е т а б л ь. Но моя-то не была взнуздана.

Д о ф и н. О, должно быть, потому, что она у вас старая и смирная, и вы скакали на ней, как ирландский кёрн, без французских шаровар, в одних собственных штанах в обтяжку.

К о н н е т а б л ь. Вы, видно, знаете толк в верховой езде.

Д о ф и н. В таком случае я предостерегаю вас: кто так скачет без всяких предосторожностей, легко может угодить в гнилое болото. Я предпочитаю иметь возлюбленную лошадь.

К о н н е т а б л ь. А мне хочется, чтобы моя любовница была дикой лошадкой.

Д о ф и н. У моей возлюбленной, коннетабль, волосы по крайней мере свои.

К о н н е т а б л ь. Я мог бы так же этим похвастаться, если бы моей возлюбленной была свинья.

Д о ф и н. Le chien est retourne a son propre vomissement, et la truie lavée au boubier.¹ Ты ничем не брезгуешь.

К о н н е т а б л ь. Я, однако, не пользуюсь лошадыю вместо возлюбленной и пословицами, не идущими к делу.

Р а м б ю р. Скажите, почтенный коннетабль, что изображено на доспехах, которые я видел вчера вечером у вас в палатке, — звезды или солнце?

К о н н е т а б л ь. Звезды.

Д о ф и н. Боюсь, что утром немало их померкнет.

К о н н е т а б л ь. На моем небе в звездах не будет недостатка.

Д о ф и н. Возможно, потому что на нем слишком много их, и вам же будет больше чести, если их поубавится.

К о н н е т а б л ь. Так же обстоит и с вашим конем, которого вы нагрузили похвалами: он бы лучше скакал, если бы с него сбросили часть их.

Д о ф и н. А я хотел бы нагрузить на него столько похвал, сколько он заслуживает. — Ах, неужели никогда не рассветет! Завтра я проскачу целую милю, и путь мой будет усыпан головами англичан.

К о н н е т а б л ь. Ну, этого я себе не пожелаю: так, пожалуй, можно и сбиться с пути. Хоть бы скорее настало утро!

1 "Собака вернулась к своей блевотине, а вымытая свинья — к грязной луже". (Франц.)

Уж очень мне хочется схватить за уши англичан.

Р а м б ю р. Кто хочет бросить кости? Ставка — два десятка пленных англичан.

К о н н е т а б л ь. Вам придется сначала рискнуть своими костями, чтобы добыть этих пленных.

Д о ф и н. Уж полночь. Пойду вооружаться. (*Уходит.*)

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Дофин не может дожидаться утра.

Р а м б ю р. Он хочет отведать английской крови.

К о н н е т а б л ь. Мне кажется, он съест все, что убьет.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Клянусь белоснежной ручкой моей дамы, он храбрый принц!

К о н н е т а б л ь. Поклянитесь лучше ее ножкой, чтобы она могла растоптать вашу клятву.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Он поистине самый деятельный человек во Франции.

К о н н е т а б л ь. Быть деятельным — значит что-нибудь делать, а уж он всегда что-нибудь да делает.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Насколько мне известно, он никому не причинил вреда.

К о н н е т а б л ь. Он и завтра никому не причинит вреда и сохранит свою репутацию добряка.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Я знаю, что он храбр.

К о н н е т а б л ь. Мне это говорил один человек, который знает его лучше, чем вы.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Кто же это?

Коннетабль. Да он сам, черт возьми! Он еще прибавил, что ему все равно, знают об этом другие или нет.

Герцог Орлеанский. Ему в этом нет нужды; храбрость — не из скрытых его добродетелей.

Коннетабль. Клянусь честью, это не так; никто не

видел его храбрости, кроме его лакея. Его храбрость, как сокол, в колпачке: стоит снять с нее колпачок — и она мигом улетучивается.

Герцог Орлеанский. “От недруга не жди доброго слова”.

Коннетабль. Эту пословицу я покрою другой: “Дружба льстива”.

Герцог Орлеанский. А я прихлопну вашу третьей: “Отдай должное и черту”.

Коннетабль. Метко сказано! В данном случае чертом является ваш друг. А вот еще пословица — не в бровь, а прямо в глаз: “Дай дьяволу в морду”.

Герцог Орлеанский. Вы сильнее меня в пословицах; недаром говорится: “Дурак всегда стреляет быстро”.

Коннетабль. Ваша стрела не попала в цель.

Герцог Орлеанский. Уж очень цель незаметная.

Входит гонец.

Гонец. Великий коннетабль, англичане находятся всего в полутора тысячах шагов от нашей палатки.

Коннетабль. Кто мерил расстояние?

Гонец. Сеньор Гранпре.

Коннетабль. Он храбрый и весьма опытный дворянин. Ах, скорее бы рассвело! Бедняга Гарри Английский! Уж он-то, наверно, не жаждет утра, как мы.

Герцог Орлеанский. Какой жалкий глупец этот английский король! Как он зарвался со своими тупоголовыми молодцами!

Коннетабль. Если бы у англичан была хоть капля здравого смысла, они бы удрали от нас.

Герцог Орлеанский. Да, им этого не хватает. Если бы их головы были защищены броней разума, они не носили бы на них таких тяжелых шлемов.

Р а м б ю р. Их остров — родина храбрых созданий: их бульдоги необычайно воинственны.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Дурацкие псы! Они кидаются прямо в пасть русскому медведю, и он разгрызает их черепа, как гнилые яблоки. Так можно назвать храброй и блоху, которая завтракает на губе льва.

К о н н е т а б л ь. Верно-верно! Эти люди сильно смахивают на бульдогов. Они лезут напролом, оставив разум вместе с женами дома. Дайте им хороший кусок говядины да добрый меч в руки, — и они будут жрать, как волки, и драться, как дьяволы.

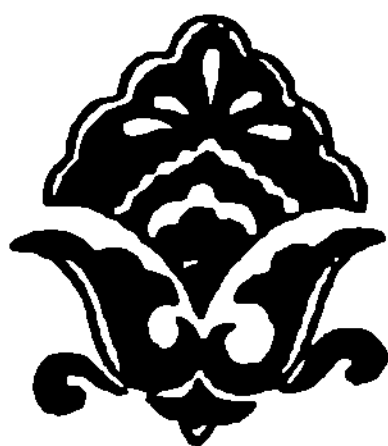
Г е р ц о г О р л е а н с к и й. Да, но сейчас эти англичане испытывают сильный недостаток в говядине.

К о н н е т а б л ь. В таком случае мы завтра убедимся, что у них аппетит только к еде, а не к драке. — Однако пора вооружаться. Идемте, надо быть наготове.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Теперь лишь два часа, а к десяти
По сотне пленных сможем нагрести.

Уходят.

АКТ IV

Пролог

Входит Х о р.

Х о р

Теперь вообразите поздний час,
Когда ползущий гул и волны мрака
Корабль вселенной буйно заливают.
От стана в стан, сквозь недра хмурой ночи,
Гуденье войска долетает глухо,
И часовые могут различить
Враждебной стражи приглушенный шепот.
Костры отвечают кострам; в огнях
Видны врагов темнеющие лица,
И конь грозит коню надменным ржаньем
Пронзая ночь глухую; а в шатрах
Хлопочут оружейники, скрепляя
На рыцарях доспехи молотком;
Растет зловещий шум приготовлений.
Запел петух, и заспанному утру

Часы на башне три часа пробили.
Своим числом гордясь,
душой спокойны,
Беспечные и наглые французы
Разыгрывают в кости англичан,
Браня тоскливую, хромую ночь,
Что, словно ведьма старая, влачится
Так медленно. Бедняги англичане,
Как жертвы, у сторожевых костров
Сидят спокойно, взвешивая в мыслях
Опасность близкую; понурый облик,
Худые щеки, рваные мундиры
Им придают в сиянии луны
Вид мрачных призраков.

Но кто увидит
Вождя высокого отрядов жалких,
Палатки обходящего и стражу,
Воскликнет тот: “Хвала ему, хвала!”
Обходит он один свои войска,
Приветствует со скромною улыбкой,
Зовет их: братья, земляки, друзья.
На царственном лице не видно страха
Пред мощной ратью, окружившей их.
Бессонная и тягостная ночь
Не согнала с его лица румянец;
Он смотрит бодро, побеждая немощь
С таким веселым, величавым видом,

Что каждый, как бы ни был он измучен,
В его глазах поддержку обретет.
Дары обильные, подобно солнцу,
Взор щедрый короля струит на всех.
Страх тает: каждый, знатный и простой,
Глядит на облик Генриха в ночи,
Начертанный рукою нашей слабой.
На поле битвы сцена перейдет,
И мы должны — о горе! — опорочить
Смешным и жалким подражаньем боя, —
Где четверо иль пятеро бойцов
Нелепо машут ржавыми мечами, —
Честь Азинкура. Все ж вообразите
Событий правду в жалкой передаче.

(Уходит.)

Сцена 1

Английский лагерь под Азинкуром.

Входят король Генрих, Бедфорд
и Глостер.

Король Генрих

Да, правда, Глостер, велика опасность:
Тем больше быть должна отвага наша. —
Брат Бедфорд, с добрым утром. — Боже правый!
Добра частица есть во всяком зле,

Лишь надо мудро извлекать ее.
Лихой сосед нас поднял спозаранку, —
Полезно это нам, а так же делу;
Притом для нас он — как бы
наша совесть

И проповедник: нас он призывает
Достойно приготовиться к кончине.
Так можем мы добыть из плевел мед,
У дьявола добру учиться можем.

Входит Э р п и н г е м.

День добрый вам, сэр Томас Эрпингем.
Милей для вашей головы седой
Подушка мягкая, чем дерн французский.

Э р п и н г е м

Нет, государь, мне любо это ложе;
Могу сказать: я сплю, как мой король.

К о р о л ь Г е н р и х

Как хорошо, когда пример нас учит
Любить невзгоды: на душе легко.
Когда же дух ободрен, без сомненья,
Все наши члены, мертвые дотолё,
Могильный сбросив сон, как змеи — кожу,
Придут в движенье бодро и легко. —
Сэр Томас, одолжи мне плащ твой. —

Братья,
Мой утренний привет вы передайте
Всем принцам в нашем стане, а затем
Просите их в моем шатре собраться.

Г л о с т е р

Исполним, государь.

Г л о с т е р и Б е д ф о р д уходят.

Э р п и н г е м

А мне быть с вами?

К о р о л ь Г е н р и х

Нет, мой добрый рыцарь;
С моими братьями пойдите к лордам;
Совет с моей душой держать я должен,
И общества другого мне не надо.

Э р п и н г е м

Храни тебя господь, отважный Гарри!

(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Спасибо, старина, на добром слове.

Входит П и с т о л ь.

П и с т о л ь

Qui va la?¹

К о р о л ь Г е н р и х
Свой.

П и с т о л ь

Скажи мне толком, кто ты: офицер?
Иль из народа низкого, простого?

К о р о л ь Г е н р и х
Я дворянин, — командую отрядом.

П и с т о л ь

Орудуеть копьем?

К о р о л ь Г е н р и х
Вот именно. А ты?

П и с т о л ь

Такой же дворянин,
как император.

1 Кто идет? (Франц.)

К о р о л ь Г е н р и х

Так, значит, ты знатнее короля.

П и с т о л ь

Король — миляга, золотое сердце,
Проворный парень и любимец славы;
Он родом знатен, кулаком силен.
Башмак его целую грязный.

Сердцем
Люблю буяна. Как тебя зовут?

К о р о л ь Г е н р и х

Гарри Le Roy.¹

П и с т о л ь

Леруа! Должно быть, корнуэлец ты?

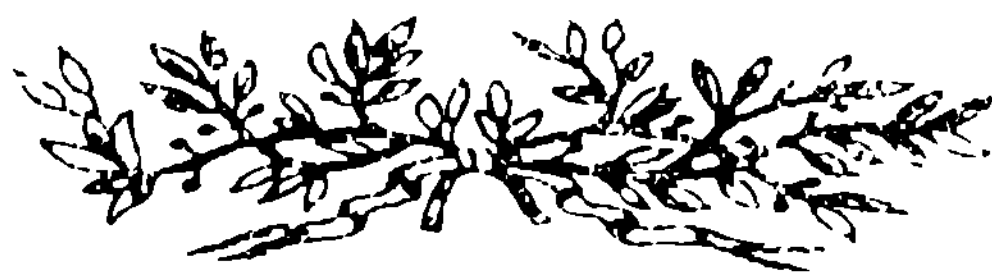
К о р о л ь Г е н р и х

Нет, я уэльсец.

П и с т о л ь

Ты знаешь Флюэллена?

1 Король (Франц.)

К о р о л ь Г е н р и х

Как же, знаю.

П и с т о л ь

Скажи ему: в Давидов день сорву я
С его башки порей.

К о р о л ь Г е н р и х. Смотри не носи в этот день кинжала
в своей шапке, не то он всадит его тебе в голову.

П и с т о л ь

Ты друг ему?

К о р о л ь Г е н р и х. Да, и к тому же родственник.

П и с т о л ь

Так фигу получай!

К о р о л ь Г е н р и х

Спасибо. Бог с тобой.

П и с т о л ь

Меня зовут Пистоль.

(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Свирепое тебе подходит имя.

Входят с разных сторон Ф л ю э л л е н и Г а у э р.

Г а у э р. Капитан Флюэллен!

Ф л ю э л л е н. Да, только, ради Христа, говорите потише. Вся вселенная негодует, когда не соблюдают добрых старых военных законов и обычаев. Если вы потрудитесь изучить войны Помпея Великого, уверяю вас, вы увидите, что в лагере Помпея никогда не было никакой болтовни и трескотни. Уверяю вас, вы увидите, что тогда все было совсем иное: и военные формальности, и правила, и поведение, и умеренность, и скромность.

Г а у э р. Да ведь неприятель-то шумит; его слышно всю ночь.

Ф л ю э л л е н. Если неприятель осел, дурак и болтливый хвастун, так разве мы должны тоже быть — как бы это сказать — ослами, дураками и хвастунами? Ну-ка, скажите по совести.

Г а у э р. Я буду говорить тише.

Ф л ю э л л е н. Прошу и умоляю вас об этом.

Г а у э р и Ф л ю э л л е н уходят.

К о р о л ь Г е н р и х

Уэльсец этот, хоть и старомоден,
Но мужествен, усерден, благороден.

Входят три солдата — Джон Бетс, Александер
Корт и Майкл Уильямс.

К о р т. Братец Джон Бетс, что это, уж не светает ли?

Б е т с. Как будто бы так; только нам нечего особенно желать, чтобы настало утро.

У и л ь я м с. Вот мы сейчас видим, как занимается день, а конца его, может быть, и не увидим. — Кто там?

К о р о л ь Г е н р и х. Свой.

У и л ь я м с. Из какого отряда?

К о р о л ь Г е н р и х. Сэра Томаса Эрпингема.

У и л ь я м с. Это старый, славный начальник и очень добрый человек. Скажи мне, пожалуйста, что он думает насчет нашего положения?

К о р о л ь Г е н р и х. Он находит его похожим на положение людей, которые после крушения выброшены на отмель и ждут, что их унесет в море первый прилив.

Б е т с. А он говорил это королю?

К о р о л ь Г е н р и х. Нет, да этого и не следовало делать. Ведь, между нами говоря, король — такой же человек, как я. Фиалка пахнет для него так же, как и для меня; небо представляется ему таким же, как и мне; все чувства у него такие же, как у всех людей. Если снять с него королевские его уборы, он окажется в наготе своей обыкновенным человеком, и, хотя его стремления взлетают выше наших, они опускаются на землю так же, как у всех нас. Значит, если у него, как и у нас, есть причины для опасений, то его страх ничем не отличается от нашего. Поэтому будем остерегаться заразить его своим страхом, ибо если он проявит страх, все войско падет духом.

Б е т с. Он может храбриться для вида сколько угодно, а все-таки я думаю, что, как ни холодна эта ночь, он предпочел бы сидеть теперь по горло в Темзе, — да и я с ним, что бы там со мной ни случилось, — только бы быть подальше отсюда.

К о р о л ь Г е н р и х. Скажу вам по совести свое мнение о короле: я думаю, что он хотел бы быть там, где он теперь, и больше нигде.

Б е т с. Если так, я хотел бы, чтобы он был здесь один; тогда его наверно бы выкупили и много бедняг осталось бы в живых.

К о р о л ь Г е н р и х. Думаю, что ты не так уж его ненавидишь и не можешь от души пожелать, чтобы он оказался здесь один, а говоришь так нарочно, чтобы узнать мнение своих товарищей. Мне думается, нигде смерть не была бы мне так желанна, как возле короля; ведь дело его правое и притязания вполне законны.

У и л ь я м с. Ну, этого нам не дано знать.

Б е т с. Да и незачем нам в это вникать. Мы знаем только, что мы подданные короля, и этого для нас достаточно. Но если бы даже его дело было неправым, повиновение королю снимает с нас всякую вину.

У и л ь я м с. Да, но если дело короля неправо, с него за это взыщется, да еще как. Ведь в судный день все ноги, руки, головы, отрубленные в сражении, соберутся вместе и возопиют: “Мы погибли там-то!”, и одни будут проклинять судьбу, другие призывать врача, третьи — своих жен, что

остались дома в нищете, четвертые горевать о невыплаченных долгах, пятые — о своих осиротевших маленьких детях. Боюсь, что мало солдат, умирающих в бою со спокойной душой; да и как солдату умирать с благочестивыми мыслями, когда у него одно кровопролитие на уме? И вот, если эти люди умрут не так, как подобает, тяжелая ответственность падет на короля, который довел их до этого; ведь ослушаться короля — значит нарушить законы и долг верности.

К о р о л ь Г е н р и х. Так, значит, по-вашему, если отец пошлет своего сына по торговым делам на корабле, а тот погибнет во грехах своих на море, то ответственность за его порочность должна пасть на его отца, который его послал? Или если хозяин пошлет куда-нибудь слугу с деньгами, а на того нападут по дороге разбойники и он умрет без покаяния, то приказ господина вы будете считать причиной гибели души слуги? Нет, это вовсе не так. Король не ответствен за смерть каждого отдельного из своих солдат, как и отец или господин не отвечают за смерть сына или слуги, потому что, отдавая им приказания, они не думали об их смерти. Вдобавок ни один король, как бы ни было безгрешно его дело, в случае если придется защищать его мечом, не может набрать войска из одних безгрешных людей. У одних может оказаться на совести преднамеренное убийство; другие, может быть, обманывали девушек, нарушая данные им клятвы; третьи пошли на войну, чтобы скрыться, как за бруствером, от суда за грабеж или насилие, которыми они успели осквернить чистое лоно мира. Но если всем этим нарушителям закона и

удалось избежать наказания у себя на родине — ибо от людей они могли скрыться, — то нет у них крыльев, чтобы улететь от бога. Война — бич божий, кара господня; и потому здесь, на королевской войне, люди несут наказание за прежние нарушения королевских законов. Там, где они боялись смерти, они спасали свою жизнь, а там, где они считают себя в безопасности, они гибнут. Итак, если они умрут без покаяния, король не будет виновен в гибели их души, как и раньше он не был виновен в проступках, за которые они отвечают теперь. Каждый подданный должен служить королю, но душа каждого принадлежит ему самому. Поэтому каждый солдат, идя на войну, подобно больному на смертном ложе, должен очистить свою совесть от малейших частиц зла. Тогда, если он умрет, — благо ему; если же не умрет, то время, потраченное им на такое приготовление, не будет для него потрачено даром, и он получит великую пользу; и кто уцелеет, тому не грех думать, что в награду за такое усердие господь сохранил ему жизнь, дабы он познал величие божие и научил других готовиться к смерти.

У и л ь я м с. Разумеется, когда помирает грешник, его грехи падают на его голову, а король за это не может отвечать.

Б е т с. Я вовсе не хочу, чтобы он отвечал за меня, и все-таки я решил храбро за него драться.

К о р о л ь Г е н р и х. Я сам слышал, как король говорил, что не хочет, чтобы за него платили выкуп.

У и л ь я м с. Ну да, он сказал это нарочно, чтобы мы лучше дрались; но когда всем нам перережут глотку, все равно его выкупят, а нам от этого лучше не будет.

К о р о л ь Г е н р и х. Если я доживу до этого, я перестану верить его королевскому слову.

У и л ь я м с. Подумаешь, испугал его! Для монарха гнев его жалкого подданного так же страшен, как выстрел из игрушечного ружья. Это все равно как если бы ты вздумал заморозить солнце, помахивая на него павлиньим пером. Он перестанет верить королевскому слову! Какой вздор!

К о р о л ь Г е н р и х. Ты слишком резок на язык; в другое время я бы этого не спустил тебе.

У и л ь я м с. Давай рассчитаемся после, если останемся в живых.

К о р о л ь Г е н р и х. Согласен.

У и л ь я м с. А как мне узнать тебя?

К о р о л ь Г е н р и х. Дай мне какой-нибудь залог — я буду носить его на шапке; и если ты осмелишься признать его, мы с тобой посчитаемся.

У и л ь я м с. Вот моя перчатка; дай мне взамен твою.

К о р о л ь Г е н р и х. Бери!

У и л ь я м с. Я буду тоже носить ее на шапке; и, если ты подойдешь ко мне завтра после битвы и скажешь: “Это моя перчатка”, — клянусь рукой, я влеплю тебе пощечину.

К о р о л ь Г е н р и х. Если я только останусь в живых, я потребую мою перчатку обратно.

У и л ь я м с. Рассказывай! Этак ты, пожалуй, и на виселицу добровольно полезешь.

К о р о л ь Г е н р и х. Я потребую ее у тебя даже в присутствии короля.

У и л ь я м с. Смотри, сдержи слово. Прощай.

Б е т с. Помиритесь вы, английские дураки! Да ну же, помиритесь! Довольно нам драки с французами; управьтесь сначала с ними.

К о р о л ь Г е н р и х. В самом деле, французы могут поставить двадцать французских крон против одной, что поколотят нас. Но англичанину не грех будет вырвать у них эти кроны, и завтра сам король примется за дело.

С о л д а т ы уходят.

Все, все — на короля! За жизнь, за душу,
За жен, и за детей, и за долги,
И за грехи — за все король в ответе!
Я должен все снести. О тяжкий долг!
Близнец величия, предмет злословья
Глупца любого, что способен видеть
Лишь горести свои! О, скольких благ,
Доступных каждому, лишен король!
А много ль радостей ему доступно —
Таких, каких бы каждый не имел,
Коль царственную пышность исключить?
Но что же ты такое, идол-пышность?
Что ты за божество, когда страдаешь

Сильнее, чем поклонники твои?
Какая польза от тебя и прибыль?
О пышность, покажи, чего ты стоишь!
Чем вызываешь в людях обожанье?
Ведь ты не более как званье, форма,
Внушающие трепет и почтение.
Тебя страшатся, а несчастней ты
Боящихся тебя.
Как часто вместо восхищенья пьешь
Ты лести яд! О, захворай величье,
И пышности вели себя лечить.
Как думаешь, погаснет жар болезни
Пред титулами, что раздуты лестью?
Поклоны низкие недуг прогонят?
Тебе послушны нищего колени,
Но не его здоровье. Сон спесивый,
Играющий покоем короля,
Король постиг тебя! Известно мне,
Что ни елей, ни скипетр, ни держава,
Ни меч, ни жезл, ни царственный венец,
Ни вышитая жемчугом порфира,
Ни титул короля высокопарный,
Ни трон его, ни роскоши прибой,
Что бьется о высокий берег жизни,
Ни эта ослепительная пышность —
Ничто не обеспечит государю
Здоровый сон, доступный бедняку.

С желудком полным, с головой порожней,
Съев горький хлеб нужды, он отдыхает,
Не ведает ночей бессонных, адских:
Поденщиком с зари и до зари
В сиянье Феба трудится, а ночью
Он спит в Элизии. С рассветом встав,
Подводит он коней Гипериону,
И так живет он день за днем весь год,
В трудах полезных двигаясь к могиле.
Когда б не пышность, этаким бедняк,
Работой дни заполнив, ночи — сном,
Во всем счастливей был бы короля.
Ничтожный раб вкушает дома мир,
И грубому уму не догадаться,
Каких забот монарху стоит отдых,
Которым наслаждается крестьянин.

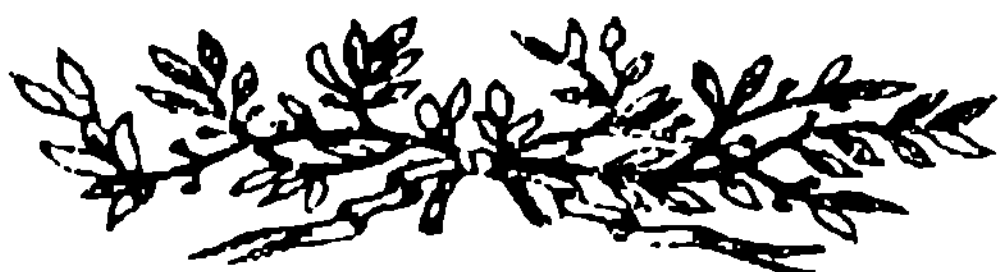
Входит Э р п и н г е м.

Э р п и н г е м

Встревожены отлучкой вашей лорды,
Вас ищут, государь.

К о р о л ь Г е н р и х

Мой добрый рыцарь,
Вели им всем собраться в мой шатер;
Я буду там скорей тебя.

Э р п и н г е м

Исполню.

(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

О бог сражений! Закали сердца,
Солдат избавь от страха и лиши
Способности считать число врагов,
Их устрашающее. На сегодня,
О, на сегодня, боже, позабудь
Про грех отца — как он добыл корону!
Прах Ричарда я царственно почтил,
И больше горьких слез над ним я пролил,
Чем крови вытекло из жил его.
Пять сотен бедняков я призреваю,
Что воздевают руки дважды в день,
Моля прощенья за кровь. Построил
Я две часовни; грустные монахи
Там поминают Ричарда. Готов я
И больше сделать, хоть ничтожно все,
Пока я не покаюсь сам в грехах,
Взывая о прощенье.

Входит Г л о с т е р.

Г л о с т е р

Мой государь!

К о р о л ь Г е н р и х

Не Глостера ли голос? —
Меня ты ищешь? Я иду с тобой. —
Там ждут меня заря, друзья и бой.

Уходят.

Сцена 2

Французский лагерь.

Входят дофин, герцог Орлеанский, Рамбюр
и другие.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Луч золотит доспехи наши. В бой!

Д о ф и н

Montez a cheval!¹ Коня! Слуга! Стремянный!

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

О, благородный пыл!

1 Садитесь на коней! (Франц.)

Д о ф и н

Via!.. Les eaux et la terre!¹

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Rien plus? L'air et le feu!²

Д о ф и н

Ciel³, мой кузен.

Входит коннетабль.

Ну что, мой коннетабль?

К о н н е т а б л ь

Вы слышите, как ржут пред боем кони?

Д о ф и н

На них вскочив,

в бока вонзите шпоры,

Чтоб кровь их брызнула

врагам в глаза,

И лихо убивайте англичан!

1 В путь! Воды и земля! (Франц.)

2 И это все? Воздух и огонь! (Франц.)

3 Небо. (Франц.)

Р а м б ю р

Коль кровью наших скакунов заплачут,
Их собственных мы не увидим слез.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Враги уже готовы к бою, пэры.

К о н н е т а б л ь

Так на коней, о принцы, на коней!
Взгляните лишь на этот сброд голодный
И обнищальный — и ваш гордый вид
У них тотчас все мужество отнимет
И превратит их в шелуху людей.
Работы мало здесь для наших рук:
В их скудных жилах еле хватит крови,
Чтобы кривые сабли обагрить,
Что обнажат французские герои
И вложат праздными в ножны; лишь дунем —
И дух отваги нашей их убьет.
Вне всякого сомнения, сеньоры,
Хватило бы обозных и крестьян,
Толпящихся в ненужной суетне
Вокруг отрядов наших, чтобы поле
Очистить от ничтожного врага;
А мы стояли б зрителями праздно

У основания этого холма.
 Но не позволит это наша честь.
 Что вам еще сказать? Нажмем слегка —
 И дело сделано! Пусть трубный гром
 Вам возвестит: в седло! — и бой начнем.
 Едва появимся на поле, страх
 Пред нами англичан повергнет в прах!

Входит Г р а н п р е.

Г р а н п р е

Что медлите, французские сеньоры?
 Дрожа за шкуру, падаль островная
 Собою пятнает утреннее поле.
 Их тряпки рваные висят плачевно,
 И ветер наш презрительно их треплет.
 Марс кажется банкротом в их толпе:
 Едва глядит сквозь ржавое забрало;
 И всадники в недвижности своей
 Походят на фигуры канделябров,
 Что держат свечи; у несчастных кляч,
 Что головы понурили свои,
 Слезятся тусклые глаза, и кожа
 Повисла складками на их боках,
 Поникли удила у бледных губ,
 Недвижные, испачканные жвачкой;
 И палачи их, наглые вороны,
 Кружа над ними, часа смерти ждут.

Нет слов, чтобы живую дать картину
Безжизненности этих войск, какую
Они собою в жизни представляют.

К о н н е т а б л ь

Они прочли молитвы; смерти ждут.

Д о ф и н

Уж не послать ли им обед и платья,
И корму для голодных лошадей,
Пред тем как бой начать?

К о н н е т а б л ь

Я стяг свой ожидаю. Но пора!
У трубача я стяг его возьму —
Он мне заменит мой. Вперед, вперед!
Высоко солнце, день нам славу шлет.

Уходят.

Сцена 3

Английский лагерь.

Входят Глостер, Бедфорд, Эксетер, Эрпингем
с английским войском, Солсбери и Уэстморленд.

Г л о с т е р

А где ж король?

Б е д ф о р д

Осматривает вражеское войско.

У э с т м о р л е н д

Их будет тысяч шестьдесят бойцов.

Э к с е т е р

Да, по пяти на одного — и свежих.

С о л с б е р и

Храни нас бог! Как силы неравны!
Прощайте, принцы: долг меня зовет.
Коль нам на этом свете не придется
Увидеться, то радостно пред смертью
Простимся мы, мой благородный Бедфорд,
Мой милый Глостер, Эксетер добрейший,
И ты, кузен, и воины! Прощайте!

Б е д ф о р д

Прощай, мой Солсбери! Желаю счастья.

Э к с е т е р

Прощай, мой добрый граф, сражайся храбро!
Хоть я напрасно это говорю:
Ты воплощение самой отваги.

С о л с б е р и уходит.

Б е д ф о р д

Он полон мужества и доброты,
Как подобает принцу.

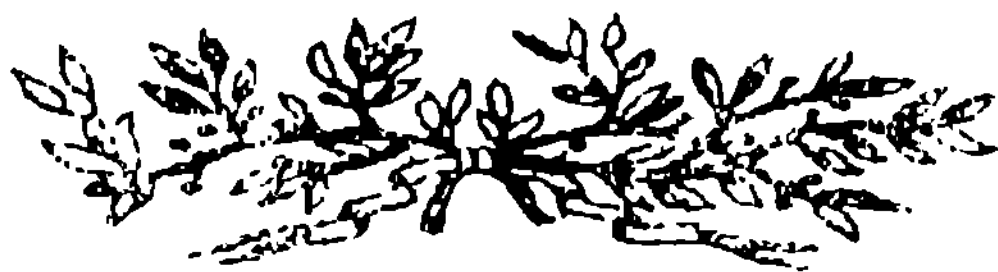
Входит король Генрих.

У э с т м о р л е н д

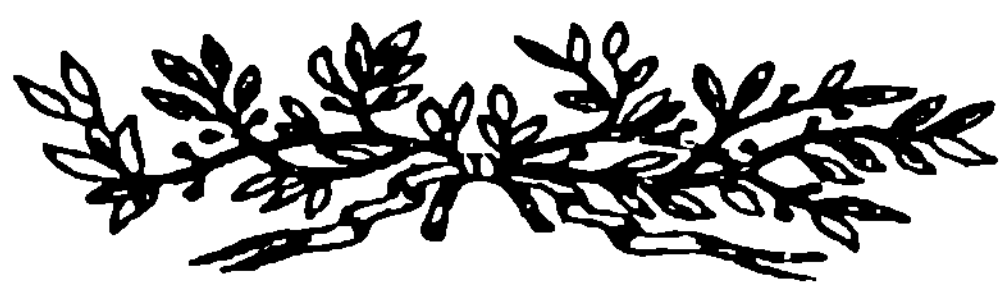
Если б нам
Хотя бы десять тысяч англичан
Из тех, что праздными теперь сидят
На родине!

К о р о л ь Г е н р и х

Кто этого желает?
Кузен мой Уэстморленд? Ну нет, кузен:
Коль суждено погибнуть нам, — довольно
Потерь для родины; а будем живы, —
Чем меньше нас, тем больше будет славы.
Да будет воля божья! Не желай
И одного еще бойца нам в помощь.
Клянусь Юпитером, не алчен я!
Мне все равно: пусть на мой счет живут;
Не жаль мне: пусть мои одежды носят;
Вполне я равнодушен к внешним благам.
Но, если грех великий — жаждать славы,
Я самый грешный из людей на свете.
Нет, не желай, кузен, еще людей нам.

Клянусь создателем, я б не хотел
 Делиться славой с лишним человеком.
 Нет, не желай подмоги, Уэстморленд,
 А лучше объяви войскам, что всякий,
 Кому охоты нет сражаться, может
 Уйти домой; получит он и пропуск
 И на дорогу кроны в кошелек.
 Я не хотел бы смерти рядом с тем,
 Кто умереть боится вместе с нами.
 Сегодня день святого Криспиана;
 Кто невредим домой вернется, тот
 Воспрянет духом, станет выше ростом
 При имени святого Криспиана.
 Кто, битву пережив, увидит старость,
 Тот каждый год в канун, собрав друзей,
 Им скажет: "Завтра праздник Криспиана",
 Рукав засучит и покажет шрамы:
 "Я получил их в Криспианов день".
 Хоть старики забывчивы, но этот
 Не позабудет подвиги свои
 В тот день; и будут наши имена
 На языке его среди слов привычных:
 Король наш Гарри, Бедфорд, Эксетер,
 Граф Уорик, Толбот, Солсбери и Глостер —
 Под звон стаканов будут поминаться.
 Старик о них расскажет повесть сыну,
 И Криспианов день забыт не будет

Отныне до скончания веков;
С ним сохранится память и о нас —
О нас, о горсточке счастливых,
братьев.

Тот, кто сегодня кровь со мной прольет,
Мне станет братом: как бы ни был низок,
Его облагородит этот день;
И проклянут свою судьбу дворяне,
Что в этот день не с нами, а в кровати:
Язык прикусят, лишь заговорит
Соратник наш в бою в Криспианов день.

Входит Солсбери.

Солсбери

Мой государь, готовьтесь бой принять:
Стоят французы в строе боевом;
Сейчас они обрушатся на нас.

Король Генрих

Коль мы готовы духом, — все готово.

Уэстморленд

Пускай погибнет тот, кто духом слаб!

Король Генрих

Кузен, подмоги больше ты не хочешь?

У э с т м о р л е н д

Будь божья воля, я вдвоем с тобою
Принять хотел бы этот славный бой!

К о р о л ь Г е н р и х

Пять тысяч воинов ты отвергаешь?
Мне это больше по душе, чем если б
Ты пожелал еще хоть одного.
Все по местам! Да будет с вами бог!

Трубы.

Входит М о н ж у а.

М о н ж у а

Еще раз прихожу узнать, король,
Не хочешь ли ты предложить нам выкуп,
Пока твое паденье не свершилось?
Ты, без сомненья, на краю пучины:
Она тебя поглотит. Коннетабль
Тебя во имя милосердия просит
Напомнить спутникам о покаянье,
Чтоб души их спокойно отлетели
С полей, где лягут жалкие тела
И будут гнить.

К о р о л ь Г е н р и х

Кем послан ты теперь?

М о н ж у а

Великим коннетаблем.

К о р о л ь Г е н р и х

Ответ мой прежний передай ему:
Сперва меня убейте, а потом
Мои продайте кости. Боже мой!
К чему так зло шутить над бедняками?
Был человек: он продал шкуру льва
Еще живого — и убит был зверем.
Не сомневаюсь, многие из нас
На родине могилу обретут,
Где бронза этот день увековечит.
А те, что кости сложат храбро здесь,
Хотя б их погребли в навозных кучах,
Получат славу; солнце их пригреет
И вознесет их доблесть к небесам,
Останки ж их отравят воздух ваш
И разнесут по Франции чуму.
Вот преимущество бойцов английских:
Они и мертвые, подобно пулям,
Что, о землю ударясь, отскочили,
Вторично свой полет возобновляют,
Неся с собою смерть и разрушение.
Я гордо коннетаблю говорю:
Для нас война — суровая работа;

В грязи одежда, позолота стерлась
От переходов тяжких и дождей;
На шлемах нет ни одного пера
(Залог того, что мы не улетим!),
И время превратило нас в нерях...
Но мессою клянусь: наш дух исправен,
И обещали мне мои солдаты,
Что к ночи будут все в одеждах новых,
Сорвав камзолы пестрые с французов,
Из строя выбитых. Коль сдержат слово
(Бог даст, случится так), я выкуп мой
Внесу вам скоро. — Не трудись, герольд,
Не приходи за выкупом напрасно:
Лишь тело будет выкупом моим;
А я отдам его в таком лишь виде,
Что вам не будет пользы от него.
Так передай пославшему тебя.

М о н ж у а

Исполню, государь. Итак, прощай.
В последний раз внимаешь ты герольду.

(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Боюсь, придешь ты снова толковать
О выкупе.

Входит герцог Йоркский.

Герцог Йоркский

О, государь, молю вас
Мне поручить передовой отряд.

Король Генрих

Бери его, мой Йорк. — Войска, вперед! —
Пошли сраженью, бог, благой исход!

Уходят.

Офицер французской армии

Сцена 4

Поле сражения. Шум битвы. Стычки.

Входят Пистоль, французский солдат
и мальчик.

Пистоль

Сдавайся, пес!

Французский солдат. Je pense que vous etes
gentilhomme de bonne qualite. ¹

Пистоль

Калите? Calmie, custure me. ²

Ты, верно, дворянин? Как звать тебя?

Ответствуй.

Французский солдат. O Seigneur Dieu! ³

Пистоль

О, сеньор Дью — наверно, дворянин.

Мои слова заметь, о сеньор Дью;

О сеньор Дью, умрешь ты от меча,

1 Я думаю, вы знатный дворянин. (Франц.)

2 Пистоль отвечает французцу бессмысленным набором звуков, искажая припев ирландской народной песни: *Coleen, oge astore*. (Девушка, сокровище мое).

3 О боже мой! (Франц.)

Коль ты, о сеньор Дью, мне не заплатишь
Изрядный выкуп.

Французский солдат. О, prenez misericorde! Ayez
pitié de moi.¹

П и с т о л ь

Питьё? Тут не помогут и червонцы.
Я вырву у тебя нутро сквозь горло
Кровавою рукой!

Французский солдат. Est-il impossible d'échapper
la force de ton bras?²

П и с т о л ь

Добра? Ах, пес!
Проклятый, разжиревший ты кабан!
Какого там добра?

Французский солдат. О pardonnez moi!³

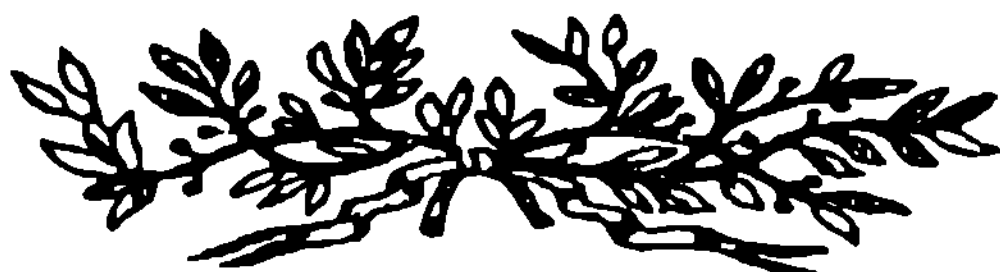
П и с т о л ь

Что ты сказал? Что предлагаешь мне?
Спроси мерзавца, мальчик, по-французски,
Как звать его.

1 О, будьте милосердны, пожалейте меня. (Франц.)

2 Неужели невозможно спастись от силы твоей руки? (Франц.)

3 О, простите меня! (Франц.)

М а л ь ч и к. Ecoutez: comment etes-vous appele? ¹

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т. Monsieur Le Fer. ²

М а л ь ч и к. Он говорит, что его зовут мистер Фер.

П и с т о л ь. Мистер Ферт? Уж я его, такого ферта, рас-
феркаю, вконец его переферю! Растолкуй ему это по-фран-
цузски.

М а л ь ч и к. Я не знаю, как будет по-французски: ферт,
расферкаю и переферю.

П и с т о л ь

Скажи: ему я перережу глотку.

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т. Que dit-il, monsieur? ³

М а л ь ч и к. Il me commande de vous dire que vous faites
vous pret; car ce soldat ici est dispose tout a cette heure de
couper votre gorge. ⁴

П и с т о л ь

Вуй, куп ла горже пермафуа, ⁵
болван;

1 Послушайте, как вас зовут? (Франц.)

2 Господин Ле Фер. (Франц.)

3 Что говорит он, государь? (Франц.)

4 Он мне велит передать вам, чтобы вы приготовились; ибо этот солдат намерен вам немедленно перерезать горло. (Франц.)

5 Да, перерезать горло, черт побери! (Франц.) (Пистоль коверкает те не-
многие слова, которые знает.)

Коль ты не дашь мне крон, прекрасных крон, —
Я искрошу тебя своим мечом!

Французский солдат. O je vous supplie, pour l'amour de Dieu, me pardonner! Je suis le gentilhomme de bonne maison: gardez ma vie, et je vous donnerai deux cent ecus.¹

П и с т о л ь

Что он сказал?

Мальчик. Он просит пощады. Он дворянин из хорошей семьи и обещает дать вам за себя выкуп в две сотни крон.

П и с т о л ь

Скажи ему: мой гнев утих, и кроны
Готов я взять.

Французский солдат. Petit monsieur, que dit-il?²

Мальчик. Encore qu'il est contre son jurement de pardonner aucun pri-sonnier, neanmoins pour les ecus que vous l'avez promis, il est content de vous donner la liberte, le franchissement.³

1 Эту реплику мальчик переводит ниже довольно точно.

2 Маленький господин, что он говорит? (Франц.)

3 То, что хотя он и поклялся не давать пощады ни одному из пленных, он все же согласен за те эку, которые вы ему обещали, отпустить вас на свободу. (Франц.)

Следующая реплика француза переведена мальчиком тоже довольно точно

Французский солдат. Sur mes genoux je vous donne mille remerciements, et je m'estime heureux que je suis tombe entre les mains d'un chevalier, je pense, le plus brave, vaillant, et tres distingue seigneur d'Angleterre.

Пистоль

Ну, поясни мне, мальчик.

Мальчик. Он на коленях благодарит вас и почитает за счастье, что попал в руки самого храброго, по его мнению, самого благородного и достойного английского рыцаря.

Пистоль

Хоть я пью кровь, но милость окажу.
Иди за мной.

Мальчик. Suivez-vous le grand capitane.¹

Пистоль и французский солдат уходят.

Никогда еще я не слыхивал такого зычного голоса от такой ничтожной душонки. Верно говорит пословица: "Пустая бочка пуще гремит". Бардольф и Ним были в десять раз храбрее этого рыкающего дьявола из старинной комедии, — которому, однако, всякий может обрезать когти деревянным кинжалом, — а все-таки их обоих повесили. Да и с ним, наверно, то же случится, если у него хватит храбрости что-

¹ Следуйте за великим полководцем. (Франц.)

нибудь стибрить. Я должен оставаться при обозе с другими слугами. Если бы только французы узнали, что обоз у нас некому стеречь, кроме мальчишек, они бы здорово у нас поживились. (*Уходит.*)

Сцена 5

Другая часть поля сражения.

Входят коннетабль, герцог Орлеанский,
герцог Бурбонский, дофин
и Рамбюр.

Коннетабль

O diable!¹

Герцог Орлеанский

O seigneur! Le jour est perdu! Tout est perdu!²

Дофин

Mort de ma vie!³ Все, все теперь погибло!
Позор и вечный стыд на шлемы наши!

1 Черт возьми! (*Франц.*)

2 О господи! Погиб день! Все погибло! (*Франц.*)

3 Черт меня побери! (*Франц.*)

О mechante fortune!¹
Зачем бежать?

Шум битвы нарастает.

К о н н е т а б л ь

Ведь сломлены ряды.

Д о ф и н

Позор навек! Скорей с собой покончим!
Не их ли мы разыгрывали в кости?

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Не у него ль мы требовали выкуп?

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Стыд! Вечный стыд для нас! Один лишь стыд!
Умрем со славой! Снова на врага!
Кто не пойдет за герцогом Бурбонским,
Пусть прочь идет и с шапкою в руках,
Как подлый сводник, охраняет дверь,
Пока лакей, гнусней моей собаки,
Его прекраснейшую дочь бесчестит.

1 О злая судьба! (Франц.)

К о н н е т а б л ь

Нам в помощь беспорядок, что сгубил нас!
Идем толпой и жизни отдадим!

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Еще нас много здесь живых на поле,
И хватит, чтобы англичан сломить;
Лишь надо нам восстановить порядок.

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Порядок к черту! Ринусь прямо в свалку!
Позор грозит нам. Жизни мне не жалко.

Уходят.

Сцена 6

Другая часть поля сражения. Шум битвы.

Входят король Генрих, Эксетер
и другие войсками.

К о р о л ь Г е н р и х

Ну, земляки, мы хорошо сражались,
Но бой еще не кончен: враг — на поле.

Э к с е т е р

Вам герцог Йоркский шлет привет, король мой.

К о р о л ь Г е н р и х

Он жив, мой дядя? Трижды видел я,
Как падал он и вновь вставал сражаясь;
От шпор до шлема был он весь в крови.

Э к с е т е р

В уборе этом он, храбрец, лежит,
Равнину утучняя; рядом с ним,
Товарищ верный по кровавым ранам,
Лежит и Сеффолк, благородный граф.
Он умер первым; Йорк, залитый кровью,
Подполз к нему, лежавшему недвижно,
И, взяв за бороду, приник устами
К зиявшим ранам на его лице
И так молил: “О, подожди, кузен!
Моя душа с твоей умчится в небо.
Повремени, друг милый! Полетим
Мы вместе ввысь, как в этой битве славно
Сражались рядом, рыцари-друзья!”
Я подошел, стал ободрять его.
Он улыбнулся, протянул мне руку
И, чуть пожав, сказал: “Мой добрый лорд,
Вы королю привет мой передайте!”
И, раненой рукою шею друга
Обняв, поцеловал его в уста!
Так, обрученный смерти, он скрепил

Святой завет любви своею кровью.
Прекрасная картина эта слезы
Из глаз моих исторгла против воли:
Мне изменило мужество на миг
И слабость матери во мне воскресла
В потоке слез.

К о р о л ь Г е н р и х

Я вас не осуждаю:
Внимая вам, могу я лишь с трудом
Сдержать туманящие взор мой слезы.

Трубят тревогу.

Но слушайте, что это за тревога?
Рассеянные силы враг собрал.
Пусть каждый пленников своих убьет!
Отдать приказ.

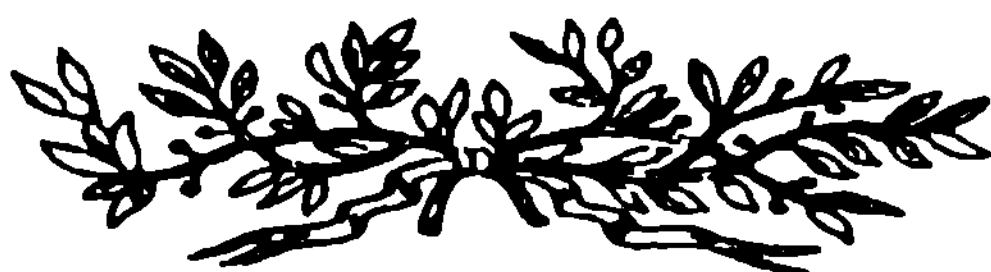
Уходят.

Сцена 7

Другая часть поля сражения.

Входят Ф л ю э л л е н и Г а у э р.

Ф л ю э л л е н. Избивать мальчишек и обоз! Это противно
всем законам войны. Более гнусного злодейства — как бы это
сказать — и придумать нельзя. Скажите по совести, разве я
не правду говорю?

Гауэр. Да, ни одного мальчика не оставили в живых! И резню эту устроили трусливые мерзавцы, бежавшие с поля битвы! Мало того, они сожгли и разграбили все, что было в королевской палатке. И король поступил вполне справедливо, приказав, чтобы каждый перерезал глотку своему пленнику. О, наш король молодец!

Флюэлен. Да, капитан Гауэр, ведь он родился в Монмуте. Скажите, как называется город, где родился Александр Большой?

Гауэр. Александр Великий?

Флюэлен. А разве не все равно — Большой или Великий? Большой, великий, могучий, огромный, великолепный — все это, в конце концов, одно и то же, только слова разные.

Гауэр. Мне кажется, Александр Великий родился в Македонии. Насколько я знаю, его отца звали Филиппом Македонским.

Флюэлен. Мне тоже кажется, что Александр родился в Македонии. Уверяю вас, капитан, если вы посмотрите на карту мира и сравните Македонию и Монмут, даю вам честное слово, вы убедитесь, что они — как бы это сказать — очень похожи по местоположению. В Македонии есть река, и в Монмуте точно так же имеется река; в Монмуте она называется Уай; но вот как называется та, другая река — у меня совсем вылетело из головы. Но все равно, они похожи друг на друга, как один палец моей руки на другой, и в обеих водятся лососи. Если вы хорошенько рассмотрите жизнь Александра,

то увидите, что жизнь Гарри Монмутского очень хорошо ей подражает: вы во всем найдете сходство. Александр, как богу и вам известно, в гневе, в ярости, в бешенстве, в исступлении, в недовольстве, в раздражении и в негодовании, а также в опьянении, напившись эля и разъярившись, — как бы это сказать, — убил своего лучшего друга Клита.

Г а у э р. Наш король в этом отношении ничуть не похож на него: он никогда не убивал своих друзей.

Ф л ю э л л е н. Не годится — как бы это сказать — перебивать мой рассказ, когда он еще не окончен. Я говорю это только фигурально, иносказательно. Подобно тому как Александр убил своего друга Клита, напившись эля, точно так же и Гарри Монмутский, в здравом уме и твердой памяти, прогнал от себя жирного рыцаря с двойным брюхом. Он был шутник, весельчак, балагур и плут; я позабыл, как его звали.

Г а у э р. Сэр Джон Фальстаф.

Ф л ю э л л е н. Да-да, именно так. Смею вас уверить, славные люди родятся в Монмуте.

Г а у э р. Вот идет его величество.

Барабанный бой.

Входят король Генрих, Уорик, Глостер, Эксетер
и другие с войском.

К о р о л ь Г е н р и х

Не гневался во Франции ни разу
Я, как сейчас. Возьми трубу, герольд:

Скачи к тем всадникам, что на холме;
Вели спуститься им, коль будут биться,
Иль пусть умчатся, не мозолят глаз.
А не хотят, — мы двинемся на них
И расшвыряем разом их, как камни,
Что из пращей метали ассирийцы.
К тому ж мы перережем глотку пленным;
Не пощадим ни одного из тех,
Кого еще возьмем. Скажи им это.

Входит М о н ж у а.

Э к с е т е р

Идет герольд французский, государь.

Г л о с т е р

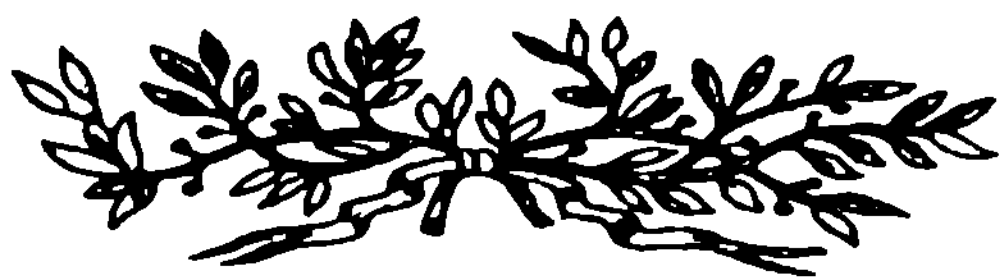
На этот раз смиренней вид его.

К о р о л ь Г е н р и х

Что значит твой приход, герольд? Ты знаешь,
Что только эти кости — выкуп мой.
Ты вновь за выкупом?

М о н ж у а

Нет, государь;
Я к вам пришел о милости просить
Позвольте обойти нам поле битвы,

Убитых сосчитать, предать земле
Дворян отдельно от простых людей.
Из наших принцев многие — о горе! —
Лежат, в крови наемников купаясь,
А черни грубые тела смочила
Кровь принцев. Раненые кони бродят,
В крови по щетки, и в смятенье диком
Подковой бьют господ своих убитых,
Вторично умерщвляя их.

Позволь же,
Король великий, поле осмотреть
И взять убитых.

К о р о л ь Г е н р и х

Но, сказать по правде,
За кем победа, я еще не знаю.
Не мало ваших всадников
я вижу,
По полю скачущих.

М о н ж у а

Победа — ваша.

К о р о л ь Г е н р и х

Не нам за то, а господу хвала! —
Как имя замку, что стоит вон там?

Монжуа

То Азинкур.

Король Генрих

Так будет зваться битва в день Криспина
Отныне битвою при Азинкуре.

Флюэллен. С разрешения вашего величества, я читал в хрониках, что ваш прославленный прадед, равно как и ваш двоюродный дед Эдуард, Черный Принц Уэльский, также одержали во Франции блистательные победы.

Король Генрих. Да, Флюэллен.

Флюэллен. Ваше величество изволили сказать истинную правду. Если ваше величество изволите помнить, уэльсцы весьма отличились в огороде, где рос порей, а потому украсили свои монмутские шапки пореем; и это, как вашему величеству известно, до сих пор считается их знаком отличия. Я надеюсь, что и ваше величество не брезгует украшать себя пореем в Давидов день.

Король Генрих

Да, я ношу его в тот славный день:
Ведь я уэльсец, добрый мой земляк.

Флюэллен. Скажу вам по правде: вся вода Уая не вымоет уэльской крови из тела вашего величества. Да благословит ее господь и да сохранит ее, пока это угодно ему и вашему величеству.

К о р о л ь Г е н р и х. Спасибо, мой земляк.

Ф л ю э л л е н. Клянусь Христом, я земляк вашего величества, и мне мало дела до того, знают ли об этом люди или нет; но я готов заявить об этом всему свету. Слава богу, мне нечего стыдиться вашего величества, пока ваше величество честный человек.

К о р о л ь Г е н р и х

Да сохранит господь меня таким! —
Герольды, с ним идите

(указывая на Монжуа)
и узнайте

Число убитых у сторон обеих. —
Позвать ко мне вон этого солдата.

(Указывает на Уильямса.)

М о н ж у а и д р у г и е у х о д я т.

Э к с е т е р. Солдат, подойди к королю.

К о р о л ь Г е н р и х. Скажи, солдат, почему у тебя на шапке перчатка?

У и л ь я м с. С разрешения вашего величества, это залог одного человека; я должен с ним драться, если только он жив.

К о р о л ь Г е н р и х. Он англичанин?

У и л ь я м с. С разрешения вашего величества, это негодяй, который вздумал прошлой ночью со мной повздорить. Я поклялся, что если он останется в живых и осмелится потре-

бовать назад свою перчатку, то я залеплю ему пощечину. Или, если я увижу свою перчатку на его шапке, — а он тоже поклялся честью солдата носить ее, если останется жив, — то мигом собою ее с его башки.

К о р о л ь Г е н р и х. Как вы думаете, капитан Флюэлен, должен этот солдат сдержать свое слово?

Ф л ю э л л е н. С разрешения вашего величества, должен; иначе он будет трус и негодяй. Говорю вам это по совести.

К о р о л ь Г е н р и х. Но ведь его противник может оказаться знатным дворянином, которому не подобает сводить счеты с человеком низкого звания.

Ф л ю э л л е н. Будь он таким же знатным дворянином, как сам дьявол, как Люцифер или Вельзевул, он все-таки должен, с разрешения вашего величества, сдержать свое слово. Если он не сдержит своей клятвы, он — как бы это сказать — заслужит репутацию самого большого подлеца и негодяя, какой когда-либо попирает божью землю своими грязными башмаками. Говорю вам это по совести, да!

К о р о л ь Г е н р и х. Смотри же, сдержи свою клятву, когда увидишь этого молодца.

У и л ь я м с. Жив не буду, если не сдержу, государь.

К о р о л ь Г е н р и х. Кто твой начальник?

У и л ь я м с. Капитан Гауэр, государь.

Ф л ю э л л е н. Гауэр — славный капитан, человек знающий и весьма начитанный в военном деле.

К о р о л ь Г е н р и х. Позови его ко мне, солдат.

У и л ь я м с. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

К о р о л ь Г е н р и х. Вот, Флюэллен, носи этот залог вместо меня на своей шапке. Когда мы в схватке с герцогом Алансонским свалились на землю, я сорвал эту перчатку с его шлема. Если кто-нибудь потребует ее обратно, значит, он друг герцога и наш враг. Когда встретишь этого человека, удержи его, если меня любишь.

Ф л ю э л л е н. Ваше величество оказывает мне самую высокую честь, какой только может пожелать сердце подданного. Хотел бы я видеть человека о двух ногах, который выразил неудовольствие по поводу этой перчатки! Очень бы мне хотелось его увидеть; дай бог, чтобы мне удалось его увидеть.

К о р о л ь Г е н р и х. Ты знаешь Гауэра?

Ф л ю э л л е н. Это мой близкий друг, с разрешения вашего величества.

К о р о л ь Г е н р и х. Отыщи его, пожалуйста, и приведи ко мне в палатку.

Ф л ю э л л е н. Слушаю. (Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Прошу вас, брат мой Глостер и лорд Уорик,
За Флюэлленом следом вы идите,
Перчатка, что ему я дал сейчас,
Ему пощечину доставить может.
Она — того солдата; должен был бы
Я сам ее носить. Иди же, Уорик.
Коль тот его ударит (а, судя

По грубости его, он сдержит слово),
Легко произойти несчастье может.
Известно мне: отважен Флюэллен,
И вспыльчив нравом, и горяч, как порох,
И оскорбление быстро возвратит.
Смотрите же, чтоб не было беды. —
Идемте, дядя Эксетер, со мною.

Уходят.

Сцена 8

Перед палаткой короля Генриха.

Входят Гауэр и Уильямс.

Уильямс. Ручаюсь вам, капитан, он хочет посвятить вас в рыцари.

Входит Флюэллен.

Флюэллен. Видно, так богу угодно, капитан. Умоляю вас, идите поскорее к королю; может статься, что вас ждут такие блага, о которых вы не смеете и мечтать.

Уильямс. Знакома ли вам эта перчатка, сэр?

Флюэллен. Знакома ли мне эта перчатка? Всякий знает, что перчатка есть перчатка.

Уильямс. Я это знаю и требую ее назад! (*Бьет его.*)

Флюэллен. Проклятье! Это самый гнусный изменник во всей вселенной, во всей Франции и во всей Англии!

Гауэр. Это еще что такое? Ах ты мерзавец!

У и л ь я м с. Что ж, я, по-вашему, должен нарушить свою клятву?

Ф л ю э л л е н. Отойдите в сторону, капитан Гауэр! Клянусь, я ему заплачу за измену ударом.

У и л ь я м с. Я вовсе не изменник.

Ф л ю э л л е н. Подавись своим враньем! Я требую именем короля, чтобы вы арестовали его: он приверженец герцога Алансонского.

Входят У о р и к и Г л о с т е р.

У о р и к. Что тут такое? Что случилось?

Ф л ю э л л е н. Лорд Уорик, здесь — благодаренье богу! — обнаружена самая чудовищная измена. Теперь — как бы это сказать — все ясно, как божий день. — А вот и его величество.

Входят король Генрих и Эксетер.

К о р о л ь Г е н р и х. Что тут такое? Что случилось?

Ф л ю э л л е н. Государь, вот подлец и изменник, который, изволите видеть, сбил с моей шапки перчатку, которую ваше величество сорвали со шлема герцога Алансонского.

У и л ь я м с. Государь, это моя перчатка; вот и пара к ней. Человек, с которым я обменялся перчаткой, сказал, что будет носить ее на своей шапке. А я поклялся, что дам ему пощечину, если он посмеет это сделать. Вот я встретил его, увидал у него на шапке мою перчатку, ну и сдержал свое слово.

Ф л ю э л л е н. Теперь ваше величество сами слышите, какой это, с разрешения ~~вашего~~ величества, гнусный, мерзкий, вшивый, паршивый негодяй. Надеюсь, ваше величество удостоверите, и засвидетельствуете, и признаете, что это перчатка герцога Алансонского, которую ~~ваше~~ величество мне дали. Скажите по совести, ведь это так?

К о р о л ь Г е н р и х. Дай мне свою перчатку, солдат. Смотри, вот пара к ней.

Тот, с кем ты обещал подраться, — я;
Ты мне порядком нагрубил, молодчик.

Ф л ю э л л е н. С разрешения вашего величества, за это должна ответить его шея, если только существуют в мире военные законы.

К о р о л ь Г е н р и х

Какое дашь мне удовлетворенье?

У и л ь я м с. Ваше величество, оскорбления наносятся в сердцах; а у меня никогда не было в сердце ничего такого, что могло бы оскорбить ~~ваше~~ величество.

К о р о л ь Г е н р и х

Но ты посмел мне нагрубить.

У и л ь я м с. Ваше величество были тогда не в истинном своем виде: я принял вас за простого солдата. Темная ночь, ваша одежда и простое обхождение обманули меня; и потому все, что ваше величество потерпели от меня в таком виде, я

прошу вас отнести на свой собственный счет, а не на мой. Ведь если бы вы и впрямь были тем, за кого я вас принял, на мне не было бы никакой вины. И потому прошу ваше величество простить меня.

К о р о л ь Г е н р и х

Вы кронами мою перчатку, дядя,
Наполните. — Бери ее солдат:
Как знак отличия, носи на шапке,
Пока я не потребую обратно. —
Дать крон ему.

(Флюэллену.)

А вы с ним помиритесь.

Ф л ю э л л е н. Клянусь ясным светом дня, у этого молодца хватит храбрости. Вот, возьми двенадцать пенсов. Прошу тебя, живи праведно и держись подальше от всяких споров и раздоров, ссор и драк — и будет тебе благо.

У и л ь я м с. Не надобно мне ваших денег.

Ф л ю э л л е н. Я даю от чистого сердца. Поверь мне, они тебе пригодятся башмаки починить. Бери, не стесняйся. Твои башмаки никуда не годятся. Это хорошая монета, не фальшивая; если хочешь могу переменить ее.

Входит а н г л и й с к и й г е р о л ь д.

К о р о л ь Г е н р и х

Подсчитаны убитые, герольд?

Герольд

Вот список павших воинов французских.

(Подает бумагу.)

Король Генрих

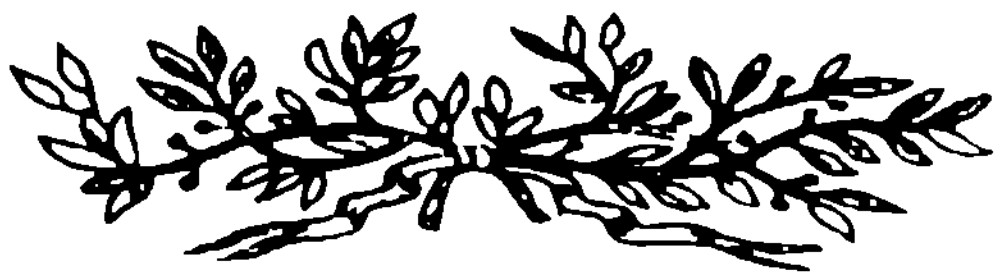
Кто взят из знатных, дядя, нами в плен?

Эксетер

Карл, герцог Орлеанский, — королю
Племянник он; Бурбонский герцог Жан,
Сир Бусико и тысяча пятьсот
Баронов, рыцарей, оруженосцев,
Не говоря о множестве солдат.

Король Генрих

Легло французов в поле десять тысяч, —
Так в списке значится, — и в том числе
Владеющих знаменами дворян
И принцев polegло сто двадцать шесть;
А рыцарей, дворян, оруженосцев
Тут восемь тысяч и четыре сотни.
Из них пятьсот вчера возведены
В сан рыцарский. Итак, из всех убитых —
Лишь тысяча шестьсот простых солдат;
Все остальные — рыцари и принцы,
Бароны, графы, видные дворяне.

Вот имена знатнейших, павших в битве:
Шарль Делабре, великий коннетабль;
Жак Шатильон, французский адмирал;
Начальник лучников сеньор Рамбюр;
Гроссмейстер Франции Гишар Дофен;
Жан, герцог Алансонский, Антуан,
Брабантский герцог (брат ему —
Бургундский),
И герцог Барский Эдуард;
из графов:
Гранпре, Русси и Фоконбер, Фуа,
Бомон и Марль, Лестраль и Водемон.
О, смерть пожала царственную жатву!
А где же список англичан убитых?

Герольд подает другую бумагу.

Граф Сеффолк, герцог Йоркский Эдуард,
Сэр Ричард Кетли, Деви Гем эсквайр;
И больше знатных нет, а прочих всех —
Лишь двадцать пять. —

Твоя десница боже,
Свершила все! Не мы, твоя десница. —
Когда случилось, чтоб в открытой схватке,
В простом бою, без хитростей военных
Такая разница была в потерях
У двух сторон? Прими, господь, победу;
Она — твоя!

Э к с е т е р

Да, это просто чудо!

К о р о л ь Г е н р и х

Пойдемте стройным шествием в селенье;

Пускай войскам объявят:

смерть тому,

Кто будет хвастаться победой нашей;

Она — господня.

Ф л ю э л л е н. С разрешения вашего величества, позволяется ли объявить число убитых?

К о р о л ь Г е н р и х

Да, капитан, но признавая тут же,

Что нам господь помог.

Ф л ю э л л е н. Да, говоря по совести, он нам сильно помог.

К о р о л ь Г е н р и х

Исполним все священные обряды:

Прослушаем “Non nobis” и “Te Deum”¹;

1 “Не нам...”, “Тебя, господи” — благодарственные церковные песнопения. (Лат.)

С молитвой мертвых предадим земле;
Потом — в Кале; потом — в свою страну.
Счастливей нас никто не вел войну.

Уходят.

АКТ V

Пролог

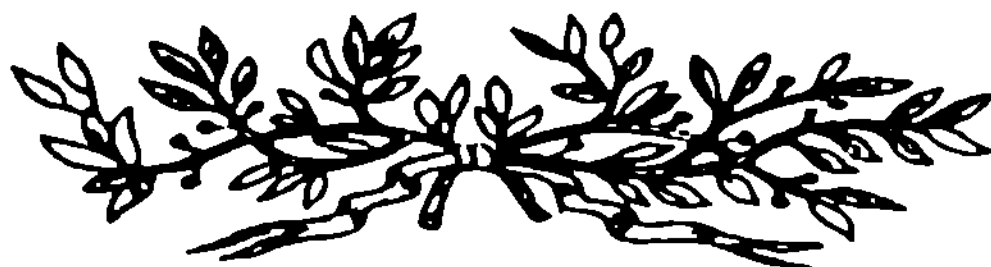
Входит Х о р.

Х о р

Пусть те из нас, кто хроник не читал,
Позволят мне помочь им, а читавших
Прошу смиренно извинить мне то,
Что время, числа и поток событий
Здесь не даны со всею правдой жизни
И широтой. — Теперь перенесем
Мы Генриха в Кале; вот он уж там...
Затем помчим его на крыльях мысли
Через пролив. Покрыт английский берег
Плотиной тел: мужчины, жены, дети;
Их крики заглушают голос моря,
Что голосу глашатая подобен,
Путь пролагающего королю.
Сойдя на берег, путь он держит в Лондон.
Так мысли скор полет, что вы теперь

Представить можете, что он в Блекхите,
Где лорды домогаются нести
Его погнутый меч и шлем измятый
Пред ним по городу. Но Гарри, чуждый
И гордости и чванства, не согласен:
Всю славу, почести и восхваленья
Он богу отдает. Теперь покажет
Вам всем прилежная работа мысли,
Как Лондон буйно извергает граждан.
Лорд-мэр и олдермены в пышных платьях,
Как римские сенаторы, идут;
За ними вслед толпой спешат плебеи
Навстречу цезарю-победоносцу.
Так было бы, хоть и в размерах меньших,
Когда бы полководец королевы
Вернулся из похода в добрый час —
И чем скорее, тем нам всем отрадней! —
Мятеж ирландский поразив мечом.
Какие толпы, город покидая,
Его встречали б! Но вполне понятно,
Что многолюдней встреча короля.
Он в Лондоне; французы умоляют,
Чтоб оставался в Англии король.
Вмешался в дело даже император,
Чтобы наладить мир. Теперь опустим
Событья, что произошли пред тем,
Как наш король во Францию вернулся.

Перенесем его туда. Поведал
Я обо всем, что в эти дни свершилось.
Простите сокращения мне и взор
Направьте вновь на Францию в упор.

(Уходит.)

Сцена 1

Франция. Английский лагерь.

Входят Ф л ю э л л е н и Г а у э р.

Г а у э р. Все это так; но почему у вас сегодня на шапке порей? Ведь Давидов день прошел.

Ф л ю э л л е н. Для всех вещей, всюду и везде, есть основания и причины. Скажу вам как другу, капитан Гауэр, что этот мерзавец, плут, оборванец, этот вшивый хвастун и нахал Пистоль, — ведь всем известно, что он — как бы это сказать — совсем пропащий человек, — так вот, он приходит вчера ко мне, приносит хлеба и соли и требует — как бы это сказать, — чтобы я съел мой порей. Это было в таком месте, где я не мог затеять с ним ссору; но я буду носить на шапке порей до тех пор, пока не встречу с ним; тут уж я наговорю ему теплых слов.

Г а у э р. Вот он идет, надувшись, как индюк.

Входит П и с т о л ь.

Ф л ю э л л е н. Я не посмотрю на то, что он надувается, как индюк. — Храни вас бог, прапорщик Пистоль! Ах вы, грязный, вшивый мерзавец! Храни вас бог!

П и с т о л ь

Ты из Бедлама? Жаждешь ты, троянец,
Чтоб я порвал тебе нить Парки? Прочь!
Меня тошнит от запаха порея.

Ф л ю э л л е н. Прошу вас от всего сердца, вшивый и паршивый негодяй, исполнить мою просьбу, желание и ходатайство: съешьте — как бы это сказать — этот порей; потому что — как бы это сказать — вы его не очень любите, и ваши вкусы, аппетит и пищеварение вас к нему не располагают. Именно поэтому я и предлагаю вам его съесть.

П и с т о л ь

Сам Кадуаладер с козами своими
Меня бы не заставил съесть его.

Ф л ю э л л е н. Вот вам коза! (*Бьет его.*) Будьте же так добры, паршивый жулик, съешьте порей.

П и с т о л ь

Троянец подлый, ты умрешь!

Ф л ю э л л е н. Вы сказали сущую правду, паршивый жулик: когда господу это будет угодно, я умру. А пока что я хочу, чтобы вы еще пожили и съели это блюдо; вот вам и приправа к нему. (*Снова бьет его.*) Вчера вы называли меня горным эсквайром, а сегодня я сделаю из вас эсквайра низин. Прошу вас, ешьте. Если вы можете издеваться над пореем, так можете и есть его.

Г а у э р. Довольно капитан: вы его совсем оглушили.

Ф л ю э л л е н. Говорю вам, я заставлю его съесть немножко моего порея или же буду колотить его по башке четыре дня подряд. — Ешьте, прошу вас: это хорошо для ваших свежих ран и разбитого петушиного гребня.

П и с т о л ь

Я должен это есть?

Ф л ю э л л е н. Ну, конечно; это вне всякого сомнения, бесспорно и ясно, как божий день.

П и с т о л ь. Клянусь этим пореем, я жестоко отомщу! Я ем, но, клянусь...

Ф л ю э л л е н. Ешьте, пожалуйста. Не хотите ли еще приправы к порею? Тут слишком мало порея, чтобы им клестся.

П и с т о л ь

Дубинку придержи; ты видишь — ем.

Ф л ю э л л е н. На здоровье, паршивый жулик! Нет, прошу вас, ничего не бросайте: шелуха полезна для вашего, расквашенного петушиного гребешка. Когда вам случится снова увидеть порей, попробуйте-ка еще раз поиздеваться над ним. Больше ничего не прибавлю.

П и с т о л ь. Хорошо.

Ф л ю э л л е н. Да, порей — хорошая вещь. Вот вам грош на лечение вашей башки.

П и с т о л ь

Мне — грош?

Ф л ю э л л е н. Именно, и вы должны его взять, а не то у меня в кармане есть еще порей, который вам придется съесть.

П и с т о л ь

Беру твой грош как мщения залог.

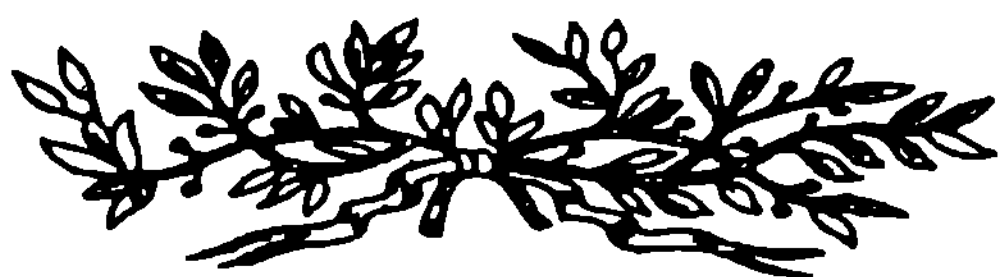
Ф л ю э л л е н. Если я вам еще что-нибудь должен, я охотно расплачусь с вами ударами дубинки. Вы сделаетесь дровяником и будете покупать у меня одни дубинки. Бог с вами; да сохранит он вас и да исцелит вашу башку.

(Уходит.)

П и с т о л ь

Я всколыхну за это целый ад!

Г а у э р. Полно, полно! Ты трус и негодяй; только корчишь из себя храбреца. Ты вздумал издеваться над старинным почтенным обычаем, над пореем, который носят как трофей в память давнишней победы, — и не сумел постоять за свои слова. Я уже два-три раза видел, как ты зубоскалил и дразнил этого достойного человека. Ты думал, что если он плохо владеет английской речью, так плохо владеет и английской дубинкой; теперь ты видишь, что ошибся. Желаю, чтобы уэльский кулак научил тебя хорошему английскому поведению. Прощай.

(Уходит.)

П и с т о л ь

Иль шлюхою моя Фортуна стала?
Узнал я, от французской хвори Нелль
В больнице умерла,
И я теперь прибежища лишен.
Я стал стареть, и выбивают честь
Дубинкой из моих усталых членов.
Ну, хорошо же! Сводником я стану
И легким на руку карманным вором.
Я в Англию сбегу и стану красть;
Кровоподтеки пластырем прикрою
И стану клясться, что обрел их в битвах.

(Уходит.)

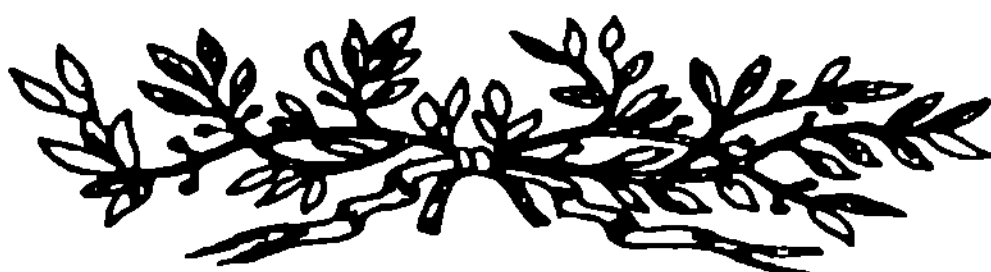
Сцена 2

Франция. Королевский дворец.

Входят в одну дверь — король Генрих, Эксетер, Бедфорд,
Глостер, Уорик, Уэстморленд и другие лорды;
в другую — французский король, королева Изабелла,
принцесса Екатерина, Алиса и другие дамы;
герцог Бургундский со свитой.

К о р о л ь Г е н р и х

Мир всем, собравшимся для примиренья!
Желаю счастья вам, наш брат король
Прелестнейшей принцессе и кузине.

И вас приветствуем, Бургундский герцог,
Сочлен и отрасль царственной семьи,
Созвавший это славное собрание!
И принцам всем и пэрам мой привет!

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Сердечно рад я видеть пред собою
Вас, брат достойный, Англии король. —
Приветствуем и всех английских принцев.

К о р о л е в а И з а б е л л а

Да будет так же счастлив, брат король,
Свидания приятного исход,
Как нам отрадно видеть ваши очи,
Которые метали до сих пор
При встречах на французов роковые,
Убийственные взоры василисков.
И мы надеемся, что эти взоры
Утратили свой яд, и в этот день
Вражда и злоба сменятся любовью.

К о р о л ь Г е н р и х

Сказать “аминь” на это мы явились.

К о р о л е в а И з а б е л л а

Примите, принцы Англии, привет мой.

Герцог Бургундский

Мой долг священный — равная любовь
К обоим вам, великим государям
Британцев и французов. Приложил я
Всю силу разума и все старанья,
Чтоб на свиданье вы сюда пришли, —
Вы этому свидетели, монархи.
Теперь, когда я выполнил задачу,
И взором царственным, лицом к лицу,

Герцог Бургундский

Вы встретились, — да будет мне, монархи,
Дозволено спросить пред всем собранием,
Какое затрудненье иль преграда
К тому, чтоб мир, истерзанный, нагой, —
Богатства, радостей, искусства пастырь —
Явил свой лик в прекраснейшем саду,
Во Франции любезной и обильной.
Увы, он слишком долго был в изгнание,
И, в груды свалены, плоды земли
От изобилья своего гниют.
Лоза, веселия источник, сохнет,
Заброшенная. Изгороди наши,
Как пленники, заросшие щетиной,
Топорщатся ветвями. Поросли
Поля бурьяном, беленой, дурманом;
А между тем ржавеет праздно плуг,
Что должен сорняки искоренить.
Луга, где прежде аромат медвяный
Струили клевер, буквица, ромашка,
Не ведают ухода и покоса;
Владеют ими лень и запустенье;
Лишь белена, крапива да лопух
На них растут: ни пользы, ни красы.
И как дичают вопреки природе,
Поля, уголья, изгороди наши, —
Так мы в своих домах и наши дети
За недостатком времени забыли

Науки, что должны служить стране.
Как дикари, живем мы, как солдаты,
О крови помышляющие, взором
Суровые, небрежные в одежде,
Ругатели, погрязшие в пороках.
Чтоб родине вернуть благообразие,
Мы собрались. Я умоляю вас
Поведать, почему не может мир
К нам возвратиться и, прогнав разруху,
Нас прежним счастьем благословить.

К о р о л ь Г е н р и х

Коль вы желаете, о герцог, мира,
Отсутствие которого влечет
Столь много зол, должны купить вы мир
Согласием на требованья наши.
По пунктам все изложены условия,
И список требований вам вручен.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Король их выслушал, но до сих пор
Не дал ответа.

К о р о л ь Г е н р и х

Вам желанный мир
Зависит, герцог, от его ответа.

Французский король

Успел я посмотреть лишь беглым взором
Условия. Не угодно ли вам выбрать
Кого-нибудь из ваших

приближенных,
Чтоб вместе с нами более подробно
Их рассмотреть? Мы обещаем вам
Дать свой прямой решительный ответ.

Король Генрих

Извольте, брат мой. — Дядя Эксетер,
Вы, брат мой Кларенс, вы,
брат Глостер, Уорик
И Хентингтон, пойдите с королем.
Даю вам полномочья утверждать,
Иль расширять, иль изменять условия,
Намеченные здесь, как ваша
мудрость

Сочтет достойным нашего величья.
Согласье мы дадим. — А вы, сестра,
Останетесь или пойдете с ними?

Королева Изабелла

Любезный брат, я с принцами пойду;
Быть может, голос женский пригодится
При обсуждении спорного вопроса.

К о р о л ь Г е н р и х

Кузину нашу вы оставьте с нами:
Она ведь — главный пункт, на первом месте
Стоящий в списке требований наших.

К о р о л е в а И з а б е л л а

Мы разрешаем ей.

В с е, к р о м е к о р о л я Г е н р и х а, Е к а т е р и н ы и А л и с ы, у х о д я т.

К о р о л ь Г е н р и х

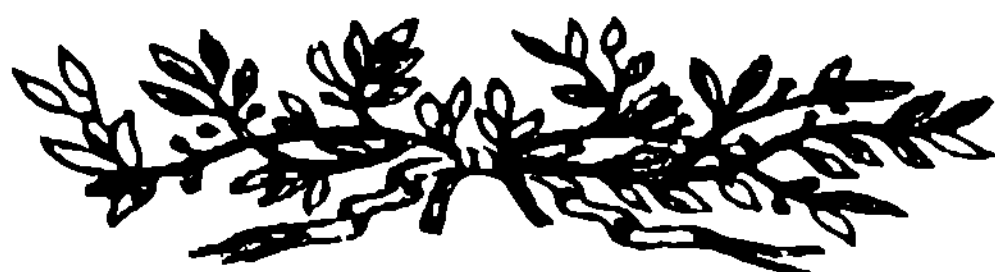
Екатерина,
Прекрасная, прекраснейшая в мире!
Не откажите научить солдата
Словам, приятным слуху нежной дамы
И в сердце зажигающим любовь.

Е к а т е р и н а. Ваше величество смеетесь на меня. Я не умею говорить английский.

К о р о л ь Г е н р и х. Прекрасная Екатерина! Если вы можете крепко полюбить меня своим французским сердцем, то скажите мне об этом на вашем ломаном английском языке — и я буду счастлив. Мил ли я вам, Кет?

Е к а т е р и н а. Pardonnez-moi¹, я не знаю, что это такое: “мил ли я вам”.

1 Простите меня. (Франц.)

К о р о л ь Г е н р и х. Вы милы, как ангел, Кет.

Е к а т е р и н а. Que dit-il? que je suis semblable a les anges? ¹

А л и с а. Oui, vraiment, sauf votre grace, ainsi dit-il. ²

К о р о л ь Г е н р и х. Да, я это сказал, милая Екатерина, и мне не приходится краснеть за свои слова.

Е к а т е р и н а. Oh bon Dieu! Les langues des hommes sont pleines de tromperies. ³

К о р о л ь Г е н р и х. Что она говорит, красавица? Что у мужчин лживый язык?

А л и с а. Oui, ⁴ что язык мужчин сильно лживый. Это есть слова принцессы.

К о р о л ь Г е н р и х (*в сторону*). Принцесса-то, пожалуй, сильнее в английском языке. (*Громко.*) Я надеюсь, Кет, тебе понятно, что я за тебя сватаюсь. Я рад, что ты не знаешь по-английски; а то, пожалуй, ты нашла бы, что я слишком уж прост для короля, — еще подумала бы, что я продал свою ферму, чтобы купить корону. Я не знаю разных любовных ухищрений, а прямо говорю: “Я вас люблю”, и если вы меня спросите, искренне ли, я отвечу — да, но если вы потребуете от меня еще излияний, то пропало мое сватовство. Отвечайте

1 Что он говорит? Что я похожа на ангелов? (*Франц.*)

2 Да, действительно, с разрешения вашей светлости, он так говорит. (*Франц.*)

3 Ах, боже мой, языки мужчин так лживы. (*Франц.*)

4 Да. (*Франц.*)

же мне поскорее. Ударим по рукам, и дело с концом. Ну, что вы мне скажете, леди?

Е к а т е р и н а. *Sauf votre honneur*,¹ я хорошо понимаю.

К о р о л ь Г е н р и х. Право, Кет, если бы вы меня заставили сочинять в вашу честь стихи или танцевать с вами, я бы пропал. Для стихов я не найду ни слов, ни размера, а в танцах не силен по части попадания в такт, хотя по части попадания в противника достаточно силен. Вот если бы можно было пленить девушку игрой в чехарду или прыжком в седло в полном вооружении, я бы — простите за хвастовство — живо допрыгался до жены. Или если бы мне пришлось ради моей любезной вступить в рукопашную или прогарцевать на коне, я бы дрался, как мясник, и сидел бы в седле цепко, как мартышка, которую ни за что не стряхнешь с седла. Но, ей-богу, Кет, я не умею томно вздыхать и красно говорить, уверяя в любви; я умею давать клятвы, которые никогда не даю без нужды, но зато и не нарушаю их даже по нужде. Можешь ты, Кет, полюбить молодца, у которого лицо такого закала, что даже солнцу глядеть на него неохота, и который если и смотрится в зеркало, то не из любви к тому, что там видит? Если можешь, так приукрась его собственным взором. Говорю с тобой попросту, по-солдатски: можешь полюбить меня, каков я есть, — так бери меня; а нет, — то если я скажу тебе, что умру, это будет правда, но если скажу, что умру от любви к тебе, — нет. А все-таки я люблю тебя от

¹ С разрешения вашей чести. (Франц.)

души. Бери себе, Кет, в мужья человека прямого и честного, без фальши; он уж, конечно, будет тебе верен, потому что не умеет увиваться за другими женщинами. А вот краснобаи, которые умеют ловко пленять женщин стишками, так же ловко и ускользают от них. Все эти говоруны — пустые врази, а стишкам их — грош цена. Стройная нога высохнет, прямая спина сгорбится, черная борода поседеет, кудрявая голова облысеет, красивое лицо покроется морщинами, блестящие глаза потускнеют; но верное сердце, Кет, оно — как солнце и луна; нет, скорее солнце, чем луна: оно всегда светит одинаково и не меняется, — оно твердо держит свой путь. Хочешь такого мужа, так бери меня; бери меня, бери солдата; бери солдата, бери короля. Ну, что ты ответишь на мою любовь? Говори, милая, и говори мило, прошу тебя.

Е к а т е р и н а. Как можно, чтобы я полюбить враг Франции?

К о р о л ь Г е н р и х. Нет, Кет, полюбить врага Франции тебе невозможно. Но, полюбив меня, ты полюбишь друга Франции. Ведь я так люблю Францию, что не хочу расставаться ни с одной ее деревушкой. Я хочу иметь ее целиком. И вот, Кет, если Франция будет моя, а я — твой, то Франция будет твоя, а ты — моя.

Е к а т е р и н а. Я не понимать, что это.

К о р о л ь Г е н р и х. Не понимаешь, Кет? Ну, так я скажу тебе по-французски, хоть и знаю, что французские слова повиснут у меня на языке, словно новобрачная на шее у мужа, — никак не стряхнешь. Je quand sur le possession de

France, et quand vous avez le possession de moi...(*Как же дальше-то? Помоги мне, святой Дионисий!*) donc votre est France et vous etes mienne.¹ Ей-богу, Кет, осилить такую речь по-французски для меня то же самое, что завоевать королевство. Никогда больше не буду уговаривать тебя по-французски: это может только рассмешить тебя.

Е к а т е р и н а. Sauf votre honneur, le Francais que vous parlez, il est meilleur que l'Anglais le quel je parle.²

К о р о л ь Г е н р и х. Нет, Кет, честное слово, это не так. Мой разговор на твоём языке и твой на моём — стоят друг друга. Но, Кет, ты ведь знаешь настолько английский язык, чтобы понять меня? Можешь ли ты меня полюбить?

Е к а т е р и н а. Я не умею это сказать.

К о р о л ь Г е н р и х. Так не сумеет ли кто-нибудь из твоих близких, Кет? Я спрошу у них. Но полно! Я знаю, что ты меня любишь, и сегодня вечером, в своей спальне, станешь расспрашивать обо мне свою подругу и, конечно, будешь бранить как раз то, что тебе больше всего во мне нравится. Но, милая Кет, будь ко мне снисходительна, главным образом потому, что очень уж крепко я тебя люблю, прекрасная моя принцесса. И если ты станешь моей, Кет, — а я верю всей душой, что так будет, — то выйдет, что я возь-

1 Когда я буду владеть Францией, а вы мною ... тогда Франция будет ваша, а вы моя. (*Франц.*)

2 С разрешения вашей чести, ваш французский язык лучше моего английского. (*Франц.*)

му тебя с боя, и ты непременно станешь матерью славных солдат. Не смастерить ли нам между днем святого Дионисия и днем святого Георга мальчишку, полуфранцуза-полуангличанина, который отправится в Константинополь и схватит турецкого султана за бороду? Хочешь? Что ты скажешь мне на это, моя прекрасная белая лилия?

Е к а т е р и н а. Я это не знать.

К о р о л ь Г е н р и х. Ну, конечно, знать об этом можно только потом. А пока что обещаю тебе, Кет, что ты со своей францу-зской стороны позаботишься о таком мальчишке, а уж с английской стороны я позабочусь об этом — даю тебе слово короля и холостяка. Ну, так что вы мне ответите, *la plus belle Katharine du monde, mon tres cher et divine deesse*.¹

Е к а т е р и н а. Ваше majeste достаточно знает *fausse* по-французски, чтобы обмануть самую *sage demoiselle*, который есть *en France*.²

К о р о л ь Г е н р и х. К черту мой ломаный французский язык! Клянусь тебе честью на самом настоящем английском языке: я люблю тебя, Кет! И хотя не могу поклясться честью, что и ты меня любишь, все же сердце мое льстит себя надеждой, что я мил тебе, несмотря на мое несчастное, неприглядное лицо. Черт побери честолюбие моего отца! Он

1 Прекраснейшая из Екатерин в мире, моя милая и божественная богиня. (Франц.)

2 Величество... фальши, притворства... благоразумную девушку..., во Франции. (Франц.)

думал только о междоусобных войнах, когда зачинал меня; потому-то я и вышел с таким угрюмым, словно железным лицом, которое пугает дам, как только я начинаю за ними ухаживать. Но, честное слово, Кет, с годами я буду все больше тебе нравиться. Меня утешает, что старость, эта плохая хранительница красоты, уже не испортит моего лица. Взяв меня теперь, ты возьмешь меня в самом худшем виде, и если теперь сможешь перенести меня, то в последствии будешь переносить меня все лучше и лучше. Так скажи же мне, прекраснейшая Екатерина, хочешь ли ты взять меня? Отбрось свою девичью стыдливость и выскажи мысли своего сердца взглядом королевы: возьми меня за руки и скажи: “Гарри Английский, я твоя”. И не успеешь ты меня осчастливить этими словами, как я воскликну: “Англия — твоя, Ирландия — твоя, Франция — твоя и Генрих Плантагенет — твой”. И если он — говорю это ему прямо в глаза — и не лучший в мире король, то во всяком случае он лучший король для своих подданных. Ну, отвечай же мне своей нескладной музыкой — потому что, если твой английский язык нескладен, голос твой — музыка. Итак, Екатерина, королева всего мира, отвечай мне на ломаном английском языке: хочешь ли ты меня взять?

Е к а т е р и н а. Да, если это угодит *le roy mon pere...*¹

К о р о л ь Г е н р и х. Это будет ему угодно, Кет. Он будет рад этому, Кет.

1 Королю, моему отцу. (Франц.)

Е к а т е р и н а. Тогда это и меня угодит.

К о р о л ь Г е н р и х. За это поцелую твою ручку и назову тебя своей королевой.

Е к а т е р и н а. Laissez, mon seigneur, laissez! Ma foi, je ne veux point que vous abaissiez votre grandeur en baisant la main d'une de votre seigneurie indigne serviteur; excusez moi, je vous supplie, mon tres puissant seigneur.¹

К о р о л ь Г е н р и х. Ну, так я поцелую тебя в губки, Кет.

Е к а т е р и н а. Les dames et demoiseless pour etre baisees devant leur noces, il n'est pas la coutume de France.²

К о р о л ь Г е н р и х. Госпожа переводчица, что она говорит?

А л и с а. Что это не есть обычай pour les дам Франции... не знаю, как по-английски baiser.³

К о р о л ь Г е н р и х. Целовать.

А л и с а Ваше величество entendre лучше que moi.⁴

К о р о л ь Г е н р и х. У французских девушек нет обычая целоваться до свадьбы? Это она хотела сказать?

1 Не надо, государь, не надо, не надо! Право же, я не хочу, чтобы вы унижали ваше величие, целуя руку вашей недостойной служанке; увольте, прошу вас, великий государь. (Франц.)

2 Не в обычае французских дам и девиц позволять себя целовать до свадьбы. (Франц.)

3 Для... целовать. (Франц.)

4 Понимать... чем я. (Франц.)

А л и с а. Our, vraiment.¹

К о р о л ь Г е н р и х. О, Кет! Ничтожные обычаи склоняются перед великими королями. Дорогая Кет, нас с тобой нельзя запереть в слабой ограде местных обычаев. Мы сами создаем обычаи, Кет, и свобода, которой мы пользуемся в силу самого положения нашего, зажимает рот всем хулителям: совсем так, как я сейчас зажму ваш ротик за то, что вы придерживаетесь строгих обычаев вашей страны и отказываете мне в поцелуе. Стерпите и уступите. (*Целует ее.*) В ваших губках, Кет, волшебная сила: в их сладком прикосновении больше красноречия, чем в языках всего Государственного Совета Франции, и они скорее убедят Гарри Английского, чем просьбы всех монархов мира. — Но вот идет ваш отец.

Входят французский король с королевой,
герцог Бургундский и другие
вельможи.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й. Бог да хранит ваше величество! Вы учите принцессу по-английски, мой царственный кузен?

К о р о л ь Г е н р и х. Я хотел бы втолковать ей, мой добрый кузен, как сильно я люблю ее, — чисто по-английски.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й. Что ж, она — плохая ученица?

¹ Да, действительно. (*Франц.*)

К о р о л ь Г е н р и х. Наш язык груб, кузен, да и сам я не слишком любезен; и потому я, не обладая ни голосом, ни сердцем льстеца, не в силах вызвать в ней духа любви в его настоящем виде.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й. Простите мне вольную шутку, которою я вам отвечу. Если вы хотите подвергнуть ее действию волшебства, вы должны очертить ее кругом. Если вы вызовете духа любви в его настоящем виде, то он предстанет пред нею нагим и слепым. Так можно ли упрекнуть девушку, на щеках которой пылает девственный румянец стыдливости, за то, что она не хочет увидеть нагого и слепого мальчика в своем собственном обнаженном и зрячем сердце? Девушке трудно подчиниться такому требованию, государь.

К о р о л ь Г е н р и х. Однако девушки подчиняются, зажмурив глаза, когда слепая любовь их принуждает.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й. В таком случае, государь, их надо извинить, раз они не видят того, что творят.

К о р о л ь Г е н р и х. Так уговорите, мой добрый герцог, вашу кузину согласиться зажмурить глаза.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й. Я подмигну ей, государь, чтобы она дала свое согласие, если только вы сумеете втолковать ей мое мнение на этот счет. Ведь девушки, воспитанные в тепле и неге, похожи на мух в Варфоломеев день: они слепы, хотя глаза у них на месте; их можно тогда ловить руками, хотя раньше они не позволяли даже взглянуть на себя.

Обручение Генриха с Екатериной. Рис. Дж.Джилберта

К о р о л ь Г е н р и х. Отсюда вывод, что я должен возложить надежды на время и дожждаться жаркого лета? В конце концов я поймаю вашу кузину, как муху, потому что она будет слепа?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й. Как и сама любовь, государь: прежде чем полюбить, надо ослепнуть.

К о р о л ь Г е н р и х. Правда; и кое-кто из вас может поблагодарить любовь за мою слепоту: я не вижу многих прекрасных французских городов из-за прекрасной французской девушки, которая встала на моем пути.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь. Нет, государь, вы их видите, но как бы в кривом зеркале: они приняли образ девушки; ибо они окружены девственными стенами, через которые еще никогда не вторгалась война.

К о р о л ь Г е н р и х. Будет Кет моей женой?

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь. Да, если вам это угодно.

К о р о л ь Г е н р и х. Я этому очень рад. В таком случае пусть девственные города, о которых вы говорите, станут ее прислужницами, и девушка, преградившая путь моим желаниям, укажет путь моей воле.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Мы приняли разумные условия.

К о р о л ь Г е н р и х

А вы что скажете, друзья мои?

Уэстморленд

Король все наши пожеланья принял:
Во-первых, дочь дает он, а затем
Все пункты принимает он всецело.

Э к с е т е р. Он не подписал только одного пункта, где ваше величество требует, чтобы французский король при всяком письменном обращении к вам по какому бы то ни было поводу именовал и титуловал вас по-французски: “Notre tres cher fils Henri, Roi d’Angleterre, Heritier de France”, а по-латыни: “Praeclarissimus filius noster Henricus, Rex Angliae, et Haeres Franciae”.¹

Французский король

Нет, не вполне отверг я это, брат;
По вашей просьбе соглашусь на это.

Король Генрих

Я вас прошу в залог любви и дружбы
Принять и этот пункт в ряду других,
А также дочь свою мне дать в супруги.

¹ Наш дрожайший сын Генрих, король Англии и наследник Франции.

Французский король

Ее берите, сын мой, и потомство
Произведите с ней, — да прекратится
Вражда давнишняя двух королевств,
Чьи берега от зависти бледнеют,
На благоденствие друг друга глядя.
Пусть нежный ваш союз в их сердце дружбу
И христианский мир произрастит;
И пусть отныне меч войны кровавый
Не разделит содружные державы.

Все

Аминь!

Король Генрих

Ну, Кет, привет тебе! Как королеву
Тебя целую на глазах у всех.

Трубы.

Королева Изабелла

Господь, премудрый устроитель браков,
Сольет сердца и страны воедино!
Как муж с женой сливаются в любви,
Так две страны соединятся в браке.
Пусть никогда раздор и злая ревность,
Тревожащие ложе добрых браков,

Не омрачают дружбы наших стран,
Чтобы расторгнуть мирный их союз.
Дружите с англичанами, французы!
Пусть бог скрепит навеки эти узы!

В с е

Аминь!

К о р о л ь Г е н р и х

Мы к свадьбе подготовимся. В тот день,
Бургундский герцог, вы мне присягнете,
А так же пэры, чтобы мир скрепить.
Кет милой клятву верности я дам,
Она же — мне. Да будет благо нам!

Трубы.

Уходят.

ЭПИЛОГ

Входит Х о р.

Х о р

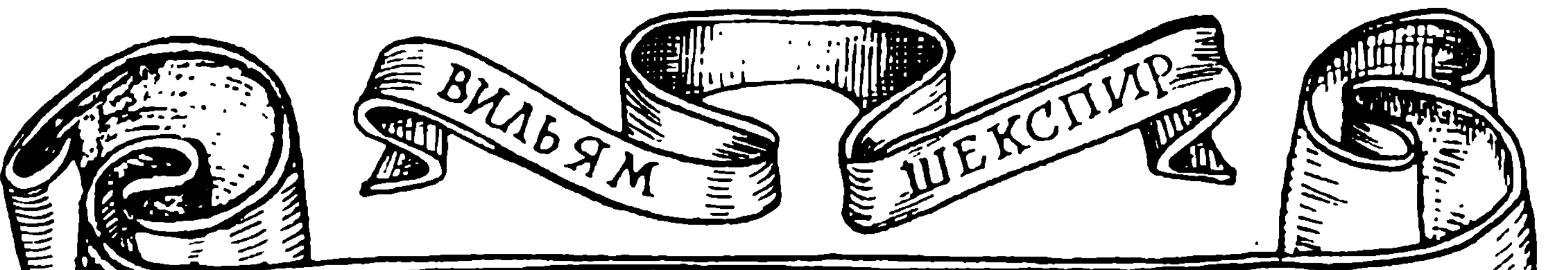
Итак, рукой неловкою своей
Наш автор завершил повествованье,
Вмеща в тесный круг — больших людей
И ослабляя подвигов сиянье.
Не долго в славе дни твои текли,

Свет Англии! Но взыскан ты судьбою:
Ты приобрел прекрасный сад земли,
И сыну он завещан был тобою.
И стал младенец Генрих королем,
И Англии и Франции владыкой.
За власть боролись многие при нем, —
Отпала Франция в разрухе дикой.
Все это представляли мы не раз;
Примите ж ныне милостиво нас.

(Уходит.)

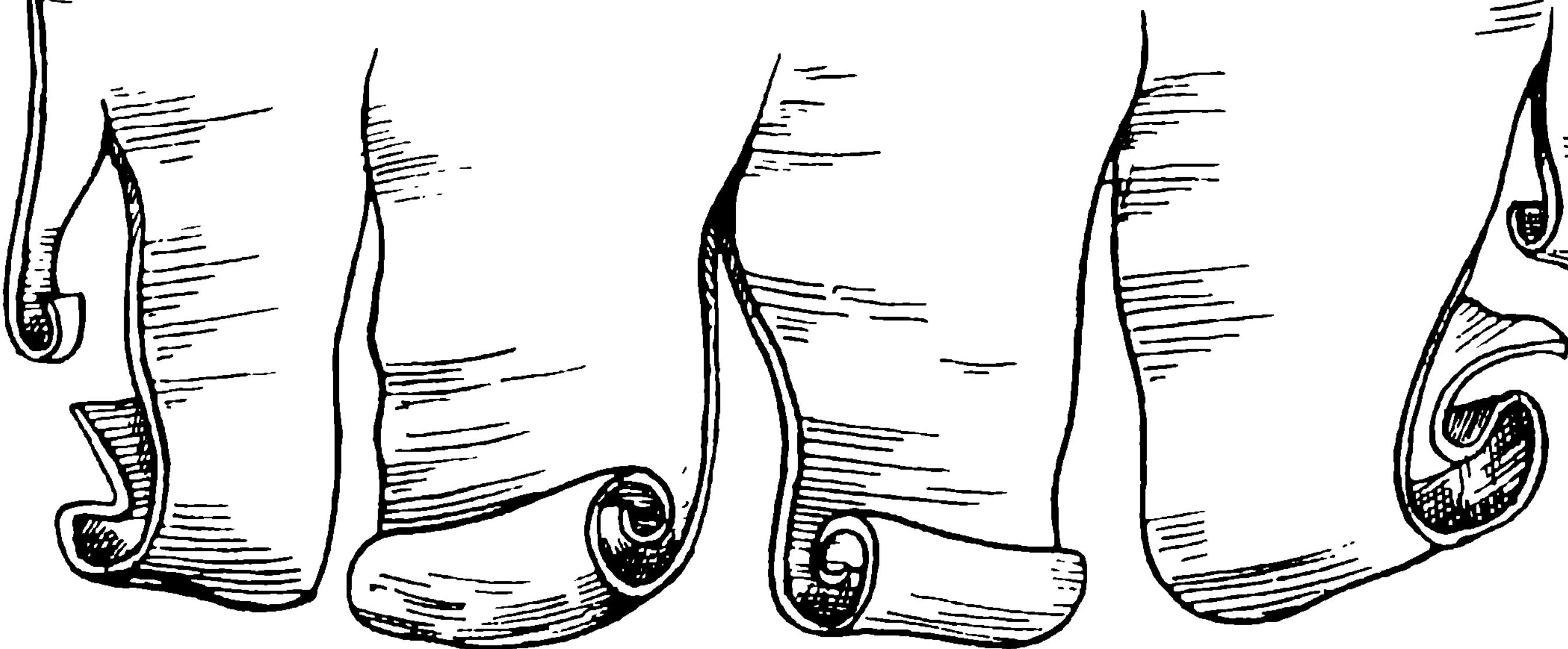

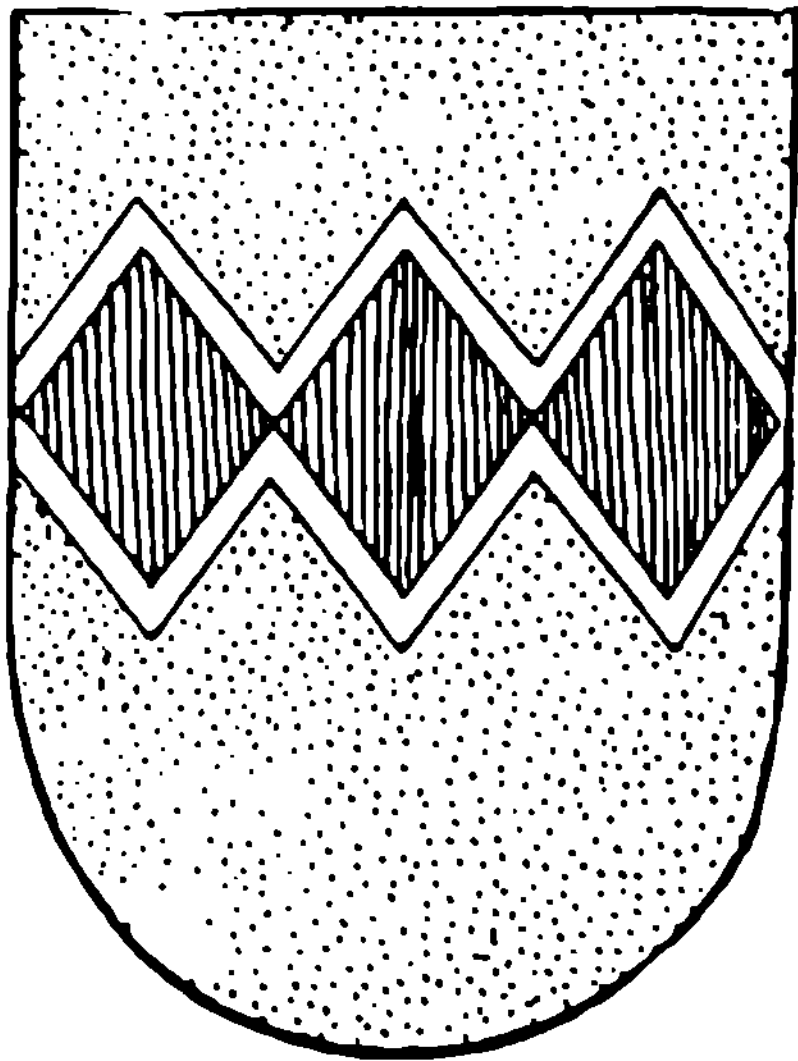
Вильям
Шекспир

Генрих VI

историческая хроника
в V актах
часть 1

Перевод Е.Бируковой

Действующие лица

К о р о л ь Г е н р и х V I.

Г е р ц о г Г л о с т е р, дядя короля, лорд-протектор.

Г е р ц о г Б е д ф о р д, дядя короля, регент Франции.

Т о м а с Б о ф о р т, герцог Эксетер, внучатный дядя короля.

Г е н р и Б о ф о р т, внучатный дядя короля, епископ Уинчестерский, затем кардинал.

Д ж о н Б о ф о р т, граф Сомерсет, затем герцог Сомерсет.

Р и ч а р д П л а н т а г е н е т, сын Ричарда, покойного графа Кембриджа, затем герцог Йоркский.

Г р а ф. У о р и к.

Г р а ф С о л с б е р и.

Г р а ф С е ф ф о л к.

Л о р д Т о л б о т, затем граф Шрусбери.

Д ж о н Т о л б о т, его сын.

Э д м у н д М о р т и м е р, граф Марч.

С э р Д ж о н Ф а с т о л ф.

С э р У и л ь я м Л ю с и.

С э р У и л ь я м Г л е н с д е л.

С э р Т о м а с Г а р г р е в.

Л о р д - м э р Л о н д о н а.

В у д в и л, комендант Тауэра.

В е р н о н, приверженец Белой розы, или Йоркского дома.

Б а с с е т, приверженец Алой розы, или Ланкастерского дома.

С т р я п ч и й.

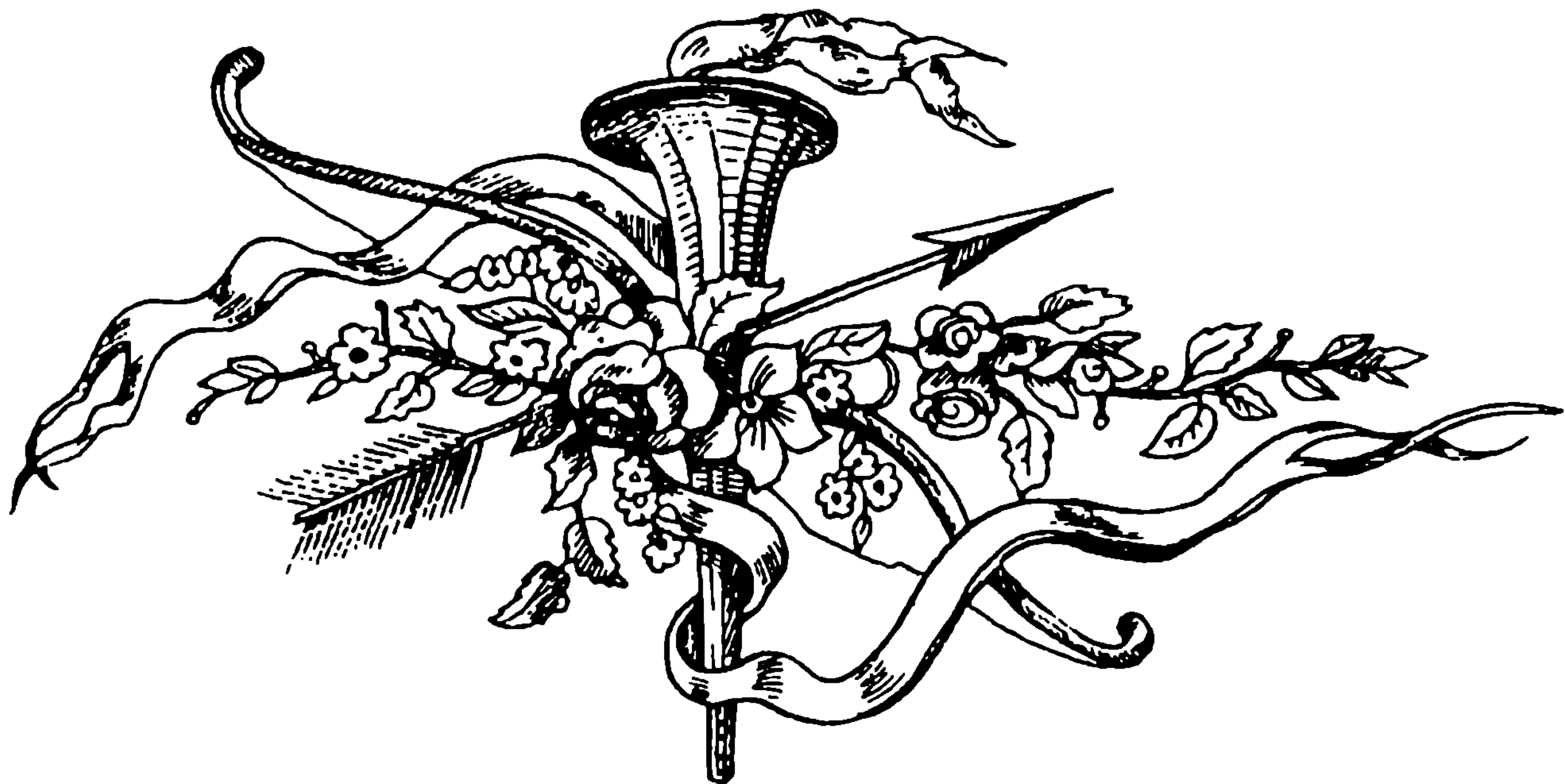
С т р а ж а Мортимера.

К а р л, дофин, затем король Французский.

Рене, герцог Анжуйский, король неаполитанский.
Алансон, герцог.
Герцог Бургундский.
Бастард Орлеанский.
Комендант Парижа.
Оружейный мастер в городе Орлеане.
Его сын.
Командующий французскими войсками в Бордо.
Французский сержант.
Привратник.
Старик пастух, отец Иоанны Девственницы.
Маргарита, дочь Рене, затем жена
короля Генриха.
Графиня Овернская.
Иоанна Девственница, обыкновенно
называемая Жанной д'Арк.

Лорды, стража Тауэра, герольды,
часовые, офицеры, послы, солдаты, гонцы и слуги;
злые духи, являющиеся Иоанне.

Место действия — частью Англия, частью Франция.

АКТ I

Сцена 1

Уэстминстерское аббатство.

Похоронный марш.

Вносят на парадном траурном ложе тело короля Генриха V.
Его окружают герцоги Бедфорд, Глостери и Эксетер,
граф Уорик, епископ Уинчестерский, герольды
и другие.

Б е д ф о р д

Померкни, день! Оденься в траур, небо!
Кометы, вестницы судьбы народов,
Взмахните косами волос хрустальных,
Бичуйте возмущившиеся звезды,
Что Генриха кончине обрekli!
Он слишком славен был, чтоб долго жить!
Наш край такого не терял монарха.

Г л о с т е р

Наш край такого короля не знал.
Он был могуч, повелевать достоин,
Его воздетый меч слепил лучами.
Объятья были шире крыл дракона,
И взор, пылавший яростным огнем,
Разил и гнал его врагов сильнее,
Чем солнце полдня,

бьющее в лицо.

Что мне еще сказать? Его деянья
Безмерно превосходят все слова:
Он руку подымал лишь для победы.

Э к с е т е р

Мы в трауре, — зачем мы не в крови?
Ведь умер Генрих, не воскреснет вновь.
Над деревянным гробом мы стоим
И чтим бесславную победу смерти
Присутствием своим,

подобно пленным,

Влекомым триумфальной колесницей.
Иль будем клясть зловещие планеты,
Что нашей славе гибель принесли?
Иль допустить, что хитрые французы
Из страха подлого прибегли к чарам
И колдовством ему наслали смерть?

Б е д ф о р д

Оставьте распрю и смиритеcь духом.
Идемте к алтарю. — Сюда, герольды! —
Мы сложим вместо золота оружие,
К чему оно, коль Генриха не стало?
Потомство, ожидай лихих годин,
Когда слезами мать младенца вскормит,
Край станет озером соленых слез,
И женщины одни оплачут мертвых.
О Генрих Пятый! Дух твой призываю!
Храни страну, оберегай от смут,
Со злыми звездами борись на небе!
Звезда твоей души славнее будет,
Чем Цезарева, ярче...

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Привет мой вам, достойнейшие лорды!
Из Франции принес я злые вести:
Потери, неудачи, пораженья.
Шампань, Гюйенну, Реймс и Орлеан,
Жизор, Париж, Пуатье мы потеряли.

Б е д ф о р д

Что ты у гроба Генриха сказал?
Потише говори, — не то, пожалуй,

Он, о таких потерях услышав,
Взломает крышку гроба и воскреснет.

Г л о с т е р

Париж утрачен? Взят у нас Руан?
Когда бы Генриха вернули к жизни,
От этой вести вновь бы умер он.

Э к с е т е р

Как потеряли их? Что за измена?

Г о н е ц

· Измены не было, — лишь недостаток
Людей и средств. По войску ходят слухи,
Что здесь на партии разбились вы.
В то время как спешить на битву надо,
О полководцах вы ведете споры:
Тот хочет долгих войн при малых тратах,
Другой помчался бы, да крыльев нет,
А третий без издержек предпочел бы
Добиться мира сладкими речами.
Проснись, проснись, английское
дворянство!

Пусть юной славы лень не омрачит.
С герба у нас все лилии сорвали,
Английский щит наполовину срублен.

Э к с е т е р

Когда б над гробом не достало слез,
Поток их вызвали б такие вести.

Б е д ф о р д

Мне — им внимать; я — Франции
правитель.

Дать панцирь мне! За Францию сражусь —
Прочь, неуместные одежды скорби!
Я раны дам французам вместо глаз,
Чтоб кровью плакали о новых бедах.

Входит второй гонец.

В т о р о й г о н е ц

Вот письма, лорды, — в них дурные вести.
Вся Франция на англичан восстала,
За исключением мелких городов.
Был в Реймсе коронован Карл, дофин,
В союзе он с Бастардом Орлеанским,
Рене, Анжуйский герцог, за него;
Спешит к нему и герцог Алансонский.

Э к с е т е р

К дофину все бегут? Он коронован?
Куда бежать от этого позора?

Г л о с т е р

Мы побежим, чтоб в грудь врага вцепиться. —
Коль медлишь, Бедфорд, ты, сражусь один.

Б е д ф о р д

Зачем во мне ты, Глостер, усомнился?
Я в мыслях уж собрал такое войско,
Которое всю Францию затопит.

Входит третий гонец.

Т р е т и й г о н е ц

О лорды! Я сейчас умножу слезы,
Что льете вы над гробом государя,
Вам рассказав о злополучной битве
Меж Толботом достойным и врагами.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Что ж? Толбот победил французов? Так ведь?

Т р е т и й г о н е ц

О, нет, в сражение Толбот был разбит.
Подробности вам расскажу сейчас.
Десятого числа наш грозный лорд,
Осаду сняв, ушел от Орлеана.
Шесть тысяч войска он имел, не больше,
Когда французов двадцать с лишним тысяч

Напали, быстро окружив его.
Он не успел своих людей построить,
Прикрыть стрелков своих рядами копий.
Лишь вырывая колья из оград,
Их беспорядочно воткнули в землю,
Чтоб конницы напор остановить.
Бой продолжался больше трех часов.
Своим мечом творил отважный Толбот
Такие чудеса, что не расскажешь:
В ад сотни душ послал. Никто не смел
Сразиться с ним. Рубил он здесь и там.
Враги кричали: "Это дьявол в латах!"
Вся рать дивилась, глядя на него.
Солдаты, увидав его отвагу,
Все закричали дружно:

"Толбот! Толбот!" —

И ринулись в пучину битвы злой.
Победа наша славно б завершилась,
Когда бы не был трусом

сэр Джон Фастолф.

Он, будучи поставлен в арьергарде,
Чтоб в нужный миг прийти

на помощь войску,

Бежал, как трус, не обнажив меча.
Тут начались смятение и резня;
Врагами были мы окружены.
Валлонец подлый, угождая Карлу,

Направил в спину Толбота копье, —
Пронзил того, кому еще не смели
Все силы Франции взглянуть в глаза.

Б е д ф о р д

Убит наш Толбот? Так убью себя —
За то, что в пышной праздности живу здесь,
Меж тем как предан, помощи лишен,
Пал славный вождь, врагами окружен.

Т р е т и й г о н е ц

О нет, он жив, хотя захвачен в плен,
С ним взяты лорды Скелс и Хенгерфорд,
А большинство в плену или убиты.

Б е д ф о р д

Лишь я один весь выкуп заплачу.
Вниз головой дофина сброшу с трона:
Венец его за друга будет выкуп.
За лорда каждого я четырех
Вельмож французских дам. —

Прощайте, лорды.

Огонь потешный стану зажигать
Во Франции, Георгия справляя.
Сберу десятитысячную рать,
И будет вся Европа трепетать.

Т р е т и й г о н е ц

Спешите же: в осаде Орлеан;
Устало и ослабло наше войско;
Граф Солсбери о подкрепление просит:
Едва он сдерживает бунт в войсках;
Их горсть, а полчищам дают отпор.

Э к с е т е р

Вы клятву дали Генриху, милорды,
Припомните: дофина уничтожить
Иль нашей власти покорить его.

Б е д ф о р д

Я помню это и прощаюсь с вами, —
К походу приготовиться я должен.

(Уходит.)

Г л о с т е р

Со всей поспешностью отправлюсь в Тауэр —
Орудья и припасы осмотреть;
Затем объявим принца королем.

Э к с е т е р

Я — в Элтем, к молодому государю;
Ведь избран я в наставники ему

И должен охранять его надежно.
(Уходит.)

Епископ Уинчестерский
У каждого свой пост, своя забота;
Лишь я один забыт и обездолен,
Но не останусь долго не у дел:
Из Элтема похищу короля
И встану у кормила корабля.
(Уходит.)

Сцена 2

Франция. Перед Орлеаном.

Фанфары.

Входит с трубами и барабанами Карл, Алансон, Рене
и войско.

Карл

Движенья Марса на земле и в небе
До сей поры еще не изучили.
Недавно Англии сиял он, ныне ж
Нам, победителям, он шлет улыбки.
Как, недостает нам городов?
Мы весело стоим под Орлеаном.
От голода, как привиденья, бледны,
Раз в месяц нас тревожат англичане.

А л а н с о н

Им худо без похлебки и без мяса:
Откармливать их надобно, как мулов,
Подвесив к мордам их мешки с овсом, —
Не то на дохлых крыс похожи станут.

Р е н е

Прогоним их. Зачем стоять у стен?
Ведь Толбот, страшный нам, захвачен в плен;
Остался лишь безумный Солсбери.
Пускай с досады он исходит желчью:
Нет у него ни денег, ни людей.

Карл

Бить, бить тревогу! Ринемся на них!
Отмстим за честь униженных французов!
Готов заранее простить врагу,
Что поразит меня, коль побегу.

Уходят.

Тревога. Стычки. Затем отбой.
Возвращаются Карл, Алансон и Рене.

А л а н с о н и Р е н е

Где это видано? Ах, что за люди! —
Псы! Труссы! Никогда б я не бежал,
Не брось они меня среди врагов.

Из иллюстраций к “Генриху VI”
английского художника Бэйама Шоу

Р е н е

Отчаянный рубака — Солсбери!
Он бьется, словно жизнь ему постыла.
Подобно львам голодным, лорды их
Бросаются на нас, как на добычу.

А л а н с о н

Историк Фруассар нам сообщает,
Что Англия Роландов, Оливье
При Эдуарде Третьем породжала.
Теперь мы убедились: это правда.
Как на подбор, Самсонов, Голиафов
Шлет против нас — один десятка стоит!
Мерзавцы тощие! Кто б мог подумать,
Что в них такая дерзость и отвага?

К а р л

Оставим город. Вот головорезы!
От голода еще свирепей стали.
Я знаю их давно: скорее стены
Зубами сгложут, чем осаду снимут.

Р е н е

Их руки, верно, тайная пружина
Заводит, чтобы били, как часы, —

Иначе бы им не сдержать напора.
Непрочь бы я оставить их в покое.

А л а н с о н

Пусть будет так.

Входит Б а с т а р д О р л е а н с к и й.

Бастард

Где наш дофин? Принес ему я вести.

К а р л

Бастарду Орлеанскому привет.

Б а с т а р д

Сдается мне, вы грустны, побледнели.
Иль поражение удручает вас?
Но не тревожьтесь: помощь вам близка.
Святую девушку я к вам привел.
Видение, ниспосланное с неба,
Велело ей избавить Орлеан
От этой изнурительной осады
И англичан из Франции прогнать.
В ней — дар пророчества, еще сильнейший,
Чем был у римских девяти сивилл:
Откроет все, что было и что будет.

Могу ли к вам ее ввести? Поверьте,
Мои слова правдивы и верны.

К а р л

Ступай за нею.

Б а с т а р д уходит.

Чтоб ее проверить,
Рене, со мною поменяйся местом;
Стой гордо, строго задавай вопросы:
Так прозорливость испытаем в ней.

(Отходит в сторону.)

Входят Ж а н н а д 'А р к и Б а с т а р д О р л е а н с к и й.

Р е н е

Красотка, ты ль сулишь нам чудеса?

Ж а н н а д 'А р к

Рене, ты ль обмануть меня задумал?
Но где дофин? — Пройди, пройди вперед!
Тебя я знаю, хоть и не видала.
Не удивляйся: все открыто мне.
Наедине поговорю с тобою. —
На время отойдите, господа.

Р е н е

Она отважно двинулась на приступ.

Ж а н н а д ' А р к

Дофин, я дочь простого пастуха.
И разум мой не искушен в науках;
Но жалкий мой удел угодно было
Владычице и небу озарить.
Однажды смирных я пасла овец,
Лучам палящим подставляя щеки,
Вдруг мать божья предо мной предстала
И, славою блистая неземной,
Велела бросить низкое призванье
И родину от бедствия спасти;
Открывшись мне во всем своем величье,
Мне обещала помощь и удачу.
Была я неприглядною и смуглой,
Она ж, лучом небесным осеня,
Красой, как видишь, облекла меня.
Какой угодно мне задай вопрос —
Тебе отвечу я без промедленья.
Коль смеешь, испытай меня в бою, —
Увидишь: я превосхожу свой пол.
Доверься мне: тебя победа ждет,
Коль рать твою в бой дева поведет.

К а р л

Твоим речам высоким я дивлюсь,
Но испытать твою хочу я доблесть.

В единоборство ты вступи со мной;
Коль победишь, — слова
твои правдивы;
Иначе не поверю ничему.

Ж а н н а д ' А р к

Готова я. Вот он, мой острый меч;
Пять лилий на клинке его видны.
На кладбище святой Екатерины,
В Турени, в грудѣ лома он был найден.

К а р л

Начнем же, с богом; не страшусь я женщин.

Ж а н н а д ' А р к

Пока жива, не побегу пред мужем.

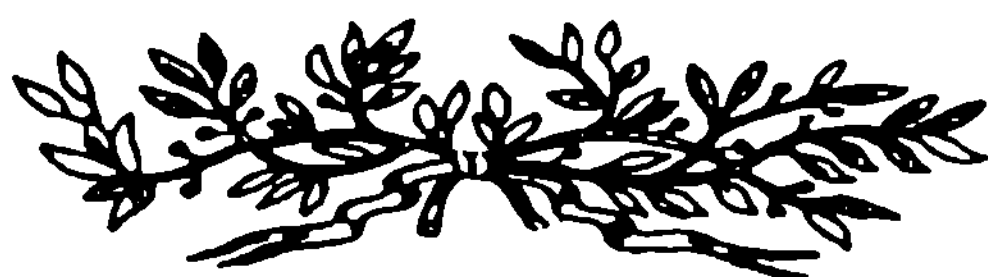
Сражаются;
Ж а н н а теснит К а р л а.

Карл

Стой! Руку опусти! Ты амазонка!
Мечом Деборы бьешься ты со мной.

Ж а н н а д ' А р к

Мне, слабой, помогает мать божья.

К а р л

Кто б ни помог тебе, ты мне поможешь.
Но я огнем желания горю:
Десницу ты и сердце покорила.
О дева, — если так тебя зовут, —
Твоим слугой я буду, не монархом.
Тебя о том дофин французский просит.

Ж а н н а д 'А р к

Должна отвергнуть я любви исканья.
Освящено с небес мое призванье;
И лишь изгнав всю вражескую рать,
Я о награде стану помышлять.

К а р л

Взгляни на своего раба нежнее.

Р е н е

Как долго с нею говорит дофин!

А л а н с о н

Он девушку узнать поближе хочет, —
Иначе б так не затянул беседу.

Р е н е

Прервать его? Не знает меры он.

А л а н с о н

Где нам его намеренья узнать?
А женщины искусны в обольщении!

Р е н е

Так как же вы решили, государь?
Сдадим врагу мы Орлеан иль нет?

Ж а н н а д ' А р к

Нет, нет, я говорю вам, маловеры!
Сражайтесь до конца! Я вам защита.

К а р л

Согласен с ней. Сражаться до конца!

Ж а н н а д ' А р к

Я избрана быть карой англичан.
Осаду вражью в эту ночь сниму я,
Настанет сразу ясная погода,
Как только я приму в войне
участье.
Земная слава — на воде круги,
Что беспрестанно ширятся, растут,
Пока в просторе водном не исчезнут.
Смерть Генриха — конец кругам
английским:

Рассеялась в них замкнутая слава.
Но я подобна дерзостной галере,
Что Цезаря с его судьбой несла.

К а р л

Не вдохновлял ли голубь Магомета?
Тебя ж орел, наверно,

вдохновляет.

Елену, мать святого Константина,
И дочерей Филиппа превзошла ты.
Звезда Венеры, павшая на землю,
Чем я могу почтить тебя достойно?

А л а н с о н

Довольно медлить нам: врага прогоним!

Р е н е

Спаси, коль можешь, дева, нашу честь;
Разбей врагов и обрети бессмертье.

К а р л

Мы испытаем тотчас. — Все за мной!
Пророков нет, коль нас она обманет.

(Уходит.)

Сцена 3

Лондон. Перед Тауэром.

Входят герцог Глостер и его слуги
в синих кафтанах.

Г л о с т е р

Пришел я осмотреть сегодня Тауэр:
Со смертью Генриха страшусь
я козней.

Но где же сторожа? Что их не видно?
Открыть ворота! Глостер вас зовет.

П е р в ы й с т о р о ж
(за сценой)

Кто это повелительно стучит?

П е р в ы й с л у г а

То прибыл благородный герцог Глостер.

Второй сторож
(за сценой)

Кто б ни был он, не впустим ни за что.

П е р в ы й с л у г а

Протектору так отвечаешь, дрянь?

Первый сторож
(за сценой)

Храни его господь, — так отвечаем.
Мы поступаем, как велели нам.

Глостер

Кто вам велел? Лишь я могу велеть.
Лишь я один — протектор над страной.
Рубить ворота! Разрешаю вам.
Иль дам я над собой скотам глумиться?

Слуги Глостера ломаются в ворота.
К воротам подходит изнутри комендант Вудвил.

Вудвил
(за сценой)

Что там за шум? Что это за измена?

Глостер

Не ваш ли слышу голос, комендант?
Открыть ворота! Глостер к вам идет.

Вудвил
(за сценой)

Терпенье, герцог. Не могу открыть:
Мне кардинал Уинчестер запретил.

Особый от него приказ имею —
Ни вас, ни ваших не впускать сюда.

Г л о с т е р

Презренный Вудвил! Иль меня он выше,
Уинчестер гордый,
дерзостный прелат,
Кого терпеть не мог покойный Генрих?
Ты враг и господу и государю.
Открой, иль вышвырну тебя я вон.

П е р в ы й с л у г а

Протектору ворота отворите!
Да торопитесь, иль взломаем их!

Входят епископ Уинчестерский и его слуги
в бурых кафтанах.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Вот как! Что это значит, дерзкий Хемфри?

Г л о с т е р

Ты, бритый поп, меня впускать не хочешь?

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Да, я. Знай это, наглый самозванец,
А не протектор короля и края!

Г л о с т е р

Прочь, заговорщик явный, уходи!
Ты замышлял погибель государя;
Распутницам грехи ты отпускаешь.
Тебя в твою же шляпу я упрячу,
Коль дерзости своей не усмиришь.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Ты отойди! Не двинусь ни на шаг.
Здесь твой Дамаск; будь Каином проклятым;
Коль хочешь, брата Авеля убей.

Г л о с т е р

Я не убью тебя, но прогоню.
В твоей одежде красной, как в пеленках,
Я унесу тебя отсюда прочь.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Посмей-ка! Начихать тебе в лицо!

Г л о с т е р

Что? Что сказал он? “Начихать в лицо!”
Эй, за мечи, — хоть здесь не место биться!
Вы, синие, на бурых! — Поп, держись!

Глостер и его слуги нападают на епископа.

Епископ Уинчестерский

Вот Глостер, враг всех добрых горожан,
 Что сеет войны, презирая мир.
 Налогами он вас обременяет,
 Религию стремится ниспровергнуть,
 Затем что он — протектор над страной.
 Он в Тауэре добыть оружие хочет
 И королем венчаться, свергнув принца.

Глостер

Я на слова ударами отвечу.

Стычка возобновляется.

Лорд-мэр

Мне остается в этой шумной свалке
 Лишь перед вами огласить приказ.—
 Сюда, глашатай, и кричи погромче.

Глашатай. “Люди всех сословий, собравшиеся нынче
 здесь с оружием в руках вопреки миру божьему и челове-
 ческому, приказываем вам именем его величества разойтись по
 домам и впредь запрещаем, под страхом смерти, носить, пус-
 кать в ход и употреблять меч, кинжал или какое-либо другое
 оружие”.

Г л о с т е р

Закона не нарушу, кардинал,
Но мы поговорим с тобой при встрече.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Ты мне поплатишься при встрече, Глостер:
Кровь сердца твоего пролью за это.

Л о р д - м э р

Я стражу позову, коль не уйдете. —
Да, кардинал надменной сатаны.

Г л о с т е р

Прощай, лорд-мэр, исполнил ты свой долг.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Проклятый Глостер, голову храни, —
Ее добыть я в скорости намерен.

Глостер и епископ Уинчестерский со своими слугами
уходят в разные стороны.

Л о р д - м э р

Пускай очистят место — и уйдем.
Как разъярились эти господа!
Я в жизнь свою не дрался никогда.

Уходят.

Сцена 4

Франция. Перед Орлеаном.

Всходят на стену оружейный мастер и его сын.

О р у ж е й н ы й м а с т е р

Ты знаешь, сын, что Орлеан в осаде;
Предместья захватили англичане.

С ы н

Увы, я знаю; сам по ним стрелял,
Хоть, к сожалению, не попадал.

О р у ж е й н ы й м а с т е р

Не промахнешься впредь, меня лишь слушай.
Я главный оружейный мастер здесь,
И отличиться чем-нибудь мне надо.
Шпионы принца сообщили мне,
Что англичане, укрепясь в предместье,
Из этой башни наблюдают тайно
За нами сквозь железную решетку
И узнают, как лучше досадить нам —
Стрельбою или приступом лихим.
Но чтобы эту устранить напасть,
На ту решетку я направил пушку
И трое суток здесь я сторожил,
Высматривая их. Теперь, сынок,

Ты сторожи: стоять нет больше сил.
Коль выследишь кого, беги сказать мне;
Меня найдешь ты в доме коменданта.

(Уходит.)

С ы н

Отец, спокоен будь, ручаюсь я,
Увидев их, тебя не потревожу.

На башню поднимаются граф Солсбери и лорд Толбот,
сэр Уильям Гленсдел, сэр Томас Гаргрев
и другие.

С о л с б е р и

Вернулся Толбот, жизнь моя и радость?
Как там в плену с тобою обращались?
Как удалось тебе освободиться?
Прошу, все Расскажи мне здесь на башне.

Т о л б о т

У Бедфорда в плену был дворянин;
Понтоном де Сантраиль храбрец тот звался.
Отпущен был я на него в обмен.
Раз обменять меня хотели на смех
На человека низшего, чем я;
Но я отверг, предпочитая смерть
Такой оценке, для меня позорной;
И наконец я выкуплен достойно.

Но ранил сердце мне изменник Фастолф:
Его убил бы голыми руками,
Когда бы он теперь попался мне.

С о л с б е р и

Но как они с тобою обходились?

Т о л б о т

С глумленьем гнусным, бранью и насмешкой.
На рыночную площадь, напоказ
Всему народу вывели меня:
“Вот, — говорили, — Франции гроза,
Вот пугало, таким ребят стращают”.
Но тут я вырвался у сторожей,
Ногтями камни выдрал из земли
И стал швырять в свидетелей позора.
Мой грозный вид их в бегство обратил;
Никто не смел приблизиться ко мне.
Не доверяли и стенам железным.
Так был велик их страх передо мной,
Что думали: могу стальные прутья
Ломать, столбы алмазные дробить.
Отборные стрелки мне были стражей;
Они за мной следили каждый миг,
И стоило подняться мне с кровати,
Готовы были сердце прострелить.

С о л с б е р и

Мне горько слышать про твои мученья;
Но будем мы отомщены достойно.
Сейчас все ужинают в Орлеане:
Всех сквозь решетку сосчитать могу;
Как враг наш укрепляется, мне видно.
Быть может, ты взглянуть захочешь сам? —
Сэр Томас Гаргрив и сэр Уильям Гленсдел,
Прошу вас, изложите ваше мнение:
Куда направить лучше жерла пушек?

Г а р г р е в

К воротам северным: там все вельможи.

Г л е н с д е л

По мне ж, на бастион, что на мосту.

Т о л б о т

Как видно, город надо взять измором
Иль перестрелкой ослаблять его.

Выстрел из города.
Солсбери и сэр Томас Гаргрив падают.

С о л с б е р и

Нас, бедных грешников, помилуй, боже!

Г а р г р е в

Меня, несчастного, помилуй, боже!

Т о л б о т

Что за беда обрушилась на нас! —
Скажи хоть слово, Солсбери, коль можешь.
Всех воинов зеркало, что с тобой?
Твой выбит глаз и вырвана щека! —
Проклятье башне и руке проклятье,
Что совершила страшное деянье!
Солсбери выиграл тринадцать битв;
Им Генрих Пятый был войне обучен.
Пока гремели барабаны, трубы,
На поле брани меч его разил. —
Ты жив еще, хоть говорить не в силах;
Один лишь глаз поднять ты можешь к небу, —
Так солнце видит мир единым оком. —
Не милуй больше никого, о небо,
Коль не помилуешь ты Солсбери!
Взять тело; похороны я устрою. —
Сэр Томас Гаргрив, жив ли ты еще?
Промолви Толботу, хоть погляди.
Утешься этой мыслью, Солсбери:
Ты не умрешь, пока...
Он улыбнулся и махнул рукою,
Как будто говоря: “Когда умру,

Ты за меня французам отомсти”.
Отмщу, Плантагенет, и, как Нерон,
На лютне стану я играть, любуясь
Горящим городом. Отныне будут
При имени моем дрожать французы.

Тревога;
гром и молния.

Что там за шум? Что за смятение в небе?
Откуда этот грохот и тревога?

Входит гонец.

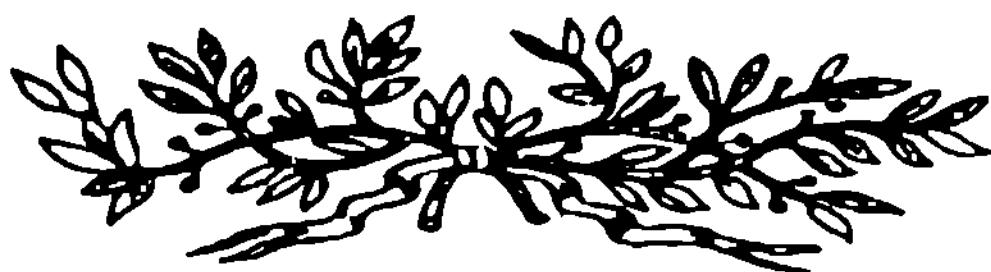
Г о н е ц

Милорд! Французы двинулись на нас.
Идет дофин, с ним Девственница Жанна,
Пророчица и новая святая.
Хотят заставить нас осаду снять.

Солсбери приподнимается и стонет.

Т о л б о т

Вот, умирая, стонет Солсбери!
Скорбит он, что не будет отомщен. —
Я буду Солсбери для вас, французы!
Дофин и дева, девка и дельфин,
Я раскрошу в грязи ваш мозг, и конь мой
Копытами растопчет вам сердца! —

В палатку Солсбери снести! Посмотрим,
На что отважатся французы-трусы.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Снова тревога.

Входит Толбот,
преследуя дофина, и уходит за ним.
Затем входит Жанна д'Арк, гоня перед собою англичан,
и уходит вслед за ними. Снова входит Толбот.

Толбот

Где сила, мужество и мощь моя?
Бежали наши — их не удержать.
Их гонит эта женщина в доспехах.

Входит Жанна д'Арк.

Вот, вот она идет. — Сражусь с тобой.
Черт иль чертовка, закляну тебя,
Я кровь тебе пущу, лихая ведьма,
И душу ты хозяину отдашь.

Жанна д'Арк

Приди. Тебя должна я посрамить.

Сражаются.

Т о л б о т

Потерпишь ли победу ада, небо?
Пусть лопнет грудь от яростной
отваги,
Пусть разорвутся сухожилия рук,
Но покараю эту потаскушку.

Снова сражаются.

Ж а н н а д ' А р к

Толбот, прощай: твой час еще не пробил.
Должна я в Орлеан везти припасы.
Лови меня. Смеюсь я над тобой.
Иди утешь голодных, помоги
Составить завещанье Солсбери.
День наш, и будет много дней таких.

Входит в город с солдатами.

Т о л б о т

Гончарным кругом голова кружится,
Где я и что со мною, не пойму.
Как Ганнибал, не силой —
страхом ведьма,
Куда захочет, гонит наше войско,
Так дымом пчел из ульев, голубей —
Зловонием из голубятен гонят.

За злость зовут нас английскими псами,
Мы ж, как щенята, с визгом удираем.

Краткая тревога.

Эй, земляки, возобновите бой
Иль с нашего герба сорвите львов!
От родины своей вы отрекитесь,
На место львов поставьте
в герб овец.

Однако не бежит овца так гнусно
От волка, конь и бык —
от леопарда,
Как вы — от покоренных прежде вами.

Шум битвы.
Новая схватка.

Пропало все. — Назад в свои окопы!
Вы все повинны в смерти Солсбери:
Никто ведь за него не отомстил.
Вступила Девственница в Орлеан,
И помешать мы ей не в силах были.
О, почему я с Солсбери не умер?
Готов лицо я спрятать со стыда.

(Уходит.)

Бой барабанов. Отступление.

Трубы.

Сцена 6

Там же.

**Всходят на стену Жанна д'Арк, Карл,
Рене, Алансон
и солдаты.**

Жанна д'Арк

**Знамена водрузите здесь на стенах:
Прогнали мы волков от Орлеана!
Так Жанна Девственница держит слово.**

Карл

Небесное создание, дочь Астреи,
За этот подвиг чем тебя почтить?
Как сад Адониса — твои обеты:
Цветут сегодня, завтра ж плод
приносят. —

Пророчицею, Франция, гордись!
Нам возвращен прекрасный Орлеан.
Счастливей дня не видела страна.

Рене

Что ж колокольного не слышно звона?
Дофин, вели потешные огни
Зажечь по городу, — пусть все ликуют
На улицах и славят божью помощь.

А л а н с о н

Вся Франция исполнится восторгом,
Услышав, как геройски мы сражались.

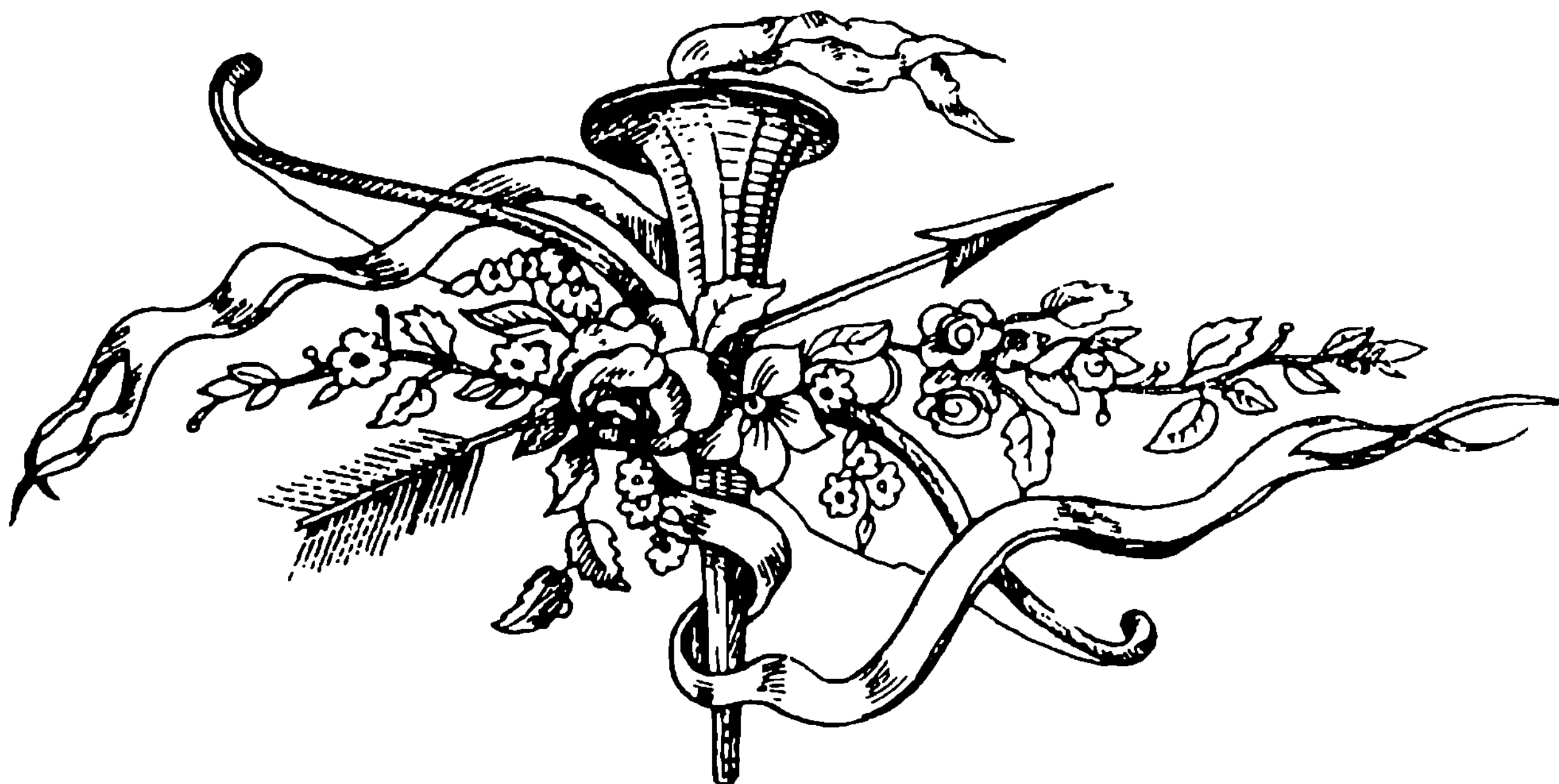
К а р л

Не мы, а Жанна славу дня стяжала;
А посему — с ней разделю венец.
Пусть все священники и все монахи
В процессиях ей воспоют хвалу.
Я пирамиду ей воздвигну выше,
Чем памятник Родопы иль Мемфисский.
Когда же не станет Девы, прах ее
Храниться будет в урне драгоценней,
Чем Дария блистательный ларец,
И в дни торжеств он будет выноситься
Пред очи королей и королев.
Не “Сен-Дени!” теперь взывать мы будем,
Святая Франция — лишь Жанна д’Арк.
На торжества идемте все со мной,
Победы день прославим золотой!

Трубы.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Перед Орлеаном.

К воротам подходят французский сержант
и двое часовых

С е р ж а н т

Все по местам и бдительными будьте.
Заслышав шум иль увидав солдат
У стен, заметным знаком сообщите
Об этом нам на двор сторожевой.

П е р в ы й ч а с о в о й

Мы все исполним.

С е р ж а н т уходит.

Бедные служаки,
Когда другие сладко спят в постелях,

Бедные служаки,
Когда другие сладко спят в постелях,
В дождь, в холод, ночью сторожить должны мы.
Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский
и войска со штурмовыми лестницами.
Барабаны бьют под сурдинку.

Английское войско

Толбот

Милорд-регент, и вы, Бургундский герцог,
Благодаря которому Артуа,
Валлонь и Пикардия с нами в дружбе, —
Французы нынче ночью спят спокойно,

Весь день пропировав, повеселившись.
Немедленно воспользуемся этим,
Чтоб расплатиться с ними за обман,
Подстроенный проклятым колдовством.

Б е д ф о р д

Трусливый враг! Он посрамил себя,
Когда, в оружии своем изверясь,
В союз вступил он с ведьмою и с адом.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Предателям подстать друзья такие.
Но кто ж та Дева, чистоту которой
Они так славят?

Т о л б о т

Говорят, девица.

Б е д ф о р д

Как, девушка? И так смела в бою?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Дай бог, чтоб мужем вскорости не стала,
Коль будет впредь под знаменем
французским, ' ,
Как начала, сражаться против нас.

Т о л б о т

Пускай хитрят и призывают духов.
Господь нам помощь. Именем его
Взберемся мы на каменные стены.

Б е д ф о р д

Иди! Мы за тобою, смелый Толбот.

Т о л б о т

Не сразу все. Я полагаю, лучше
Нам вторгнуться различными путями,
Чтоб, если не удастся одному,
Могли другие сокрушить врага.

Бедфорд

Так. Я сюда ударю.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Я — туда.

Т о л б о т

Подыметесь здесь Толбот иль умрет. —
О Солсбери, и ты, король мой Генрих,
Я нынешнею ночью покажу,
Как я вам предан, и свой долг исполню.

Англичане взбираются на стену
с криками: “Святой Георгий!”, “Толбот!”
и проникают в город.

Ч а с о в о й
(за сценой)

К оружию! Враги идут на приступ!

Ф р а н ц у з ы в одних рубашках перепрыгивают
через стену.

Входят с разных сторон полуодетые Б а с т а р д,
А л а н с о н, Р е н е.

А л а н с о н

Что это, господа? Вы не одеты?

Б а с т а р д

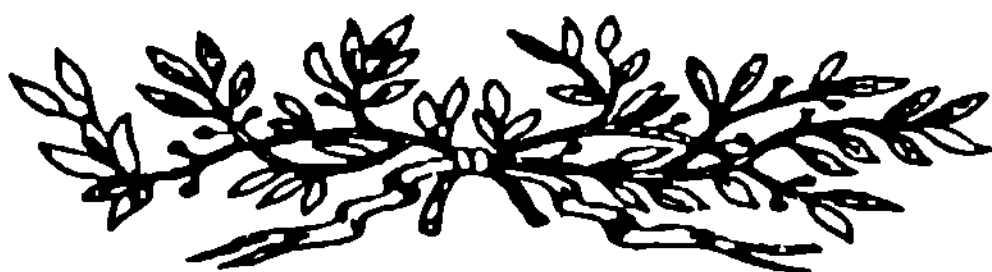
Мы рады, что и так могли удрать.

Р е н е

Проснулись мы и спрыгнули с кровати,
Тревогу услыхав у самой двери.

А л а н с о н

С тех пор, как я оружие ношу,
Не приходилось мне еще слышать
О подвиге столь дерзком и отважном.

Б а с т а р д

Мне кажется, исчадь ада — Толбот.

Р е н е

Когда не ад, им помогает небо.

А л а н с о н

Вот Карл. Дивлюсь, как мог он уцелеть.

Б а с т а р д

Ну, что ж! Ему защитой святая.

Входят К а р л и Ж а н н а д 'А р к.

К а р л

Так вот твое, обманщица, искусство?
Сначала ты, стремясь нас обольстить,
Нам подарила малую победу,
Чтоб в десять раз мы больше потеряли!

Ж а н н а д 'А р к

За что на друга гневаешься, Карл?
Могу ль всегда я быть такой же сильной?
Во время сна возможно ль побеждать?
Вы на меня вину свалить хотите.
Беспечные! Будь стража хороша,
Беде не приключиться бы неожиданной.

К а р л

Вы виноваты, герцог Алансон;
Ведь были вы начальником над стражей
И не радели о столь важном долге.

А л а н с о н

Когда бы так надежно охранялись
Участки все, как охранялся мой,
Нас не застигли бы врасплох позорно.

Б а с т а р д

Мой был надежен.

Р е н е

Также, принц, и мой.

К а р л

Что до меня, я большую часть ночи
Обхаживал и вдоль и поперек
Участок Девы и участок свой,
Сменяя непрестанно часовых.
Откуда ж вторгнуться они могли?

Ж а н н а д ' А р к

Расспрашивать, сеньоры, толку мало —
Откуда, как... Враг место отыскал,

Где караул был слаб, и вторгся там.
И нам теперь одно лишь остается —
Скорей собрать рассеянное войско
И план измыслить, как им повредить.

Тревога.

Входит английский солдат с криком: “Толбот, Толбот!”.
Все бегут, бросив свое платье.

С о л д а т

Что бросили, я смело подыму.
Крик “Толбот!” здесь мне заменяет меч.
Изрядно нагрузился я добычей,
Сражаясь только именем его.

(Уходит.)

Сцена 2

Орлеан. Внутри города.

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский,
капитаны и другие.

Б е д ф о р д

Забрезжил день, и убежала ночь,
Что смоляным плащом скрывала землю.
Трубить отбой и прекратить погоню!

Трубят отбой.

Т о л б о т

Вы тело Солсбери сюда несите
И выставьте на площади торговой —
Центр города проклятого она.
Я уплатил свой долг его душе:
За каплю каждую бесценной крови
Погибло пять французов в эту ночь.
Чтоб видели грядущие века,
Каким разгромом был он отомщен,
В их главном храме я велю воздвигнуть
Гробницу, где покоиться он будет.
Чтоб всяк читал, на ней пусть
начертают,
Как разорен был город Орлеан,
Как был герой предательский убит,
Какой грозой был он для французов.
Но удивляюсь, лорды, в бойне этой
Не встретил я ни славного дофина,
Ни воина его, достойной Жанны,
И никого из их клеветов подлых.

Б е д ф о р д

Лорд Толбот, можно думать, что они,
Лишь битва кончилась, вскочив с постелей,
С толпой вооруженною смешались
И, перепрыгнув стену, скрылись в поле.

Герцог Бургундский

Мне кажется, насколько мог увидеть
Сквозь дым и сумрачный ночной туман,
Что я спугнул дофина с этой девкой:
Рука с рукой, они бежали быстро,
Как парочка влюбленных голубков,
Что врозь не могут жить ни днем ни ночью.
Когда мы здесь порядок водворим,
Последуем за ними с нашим войском.

Входит гонец.

Гонец

Привет вам, лорды! Кто в собрание славном
Воинственный лорд Толбот, чьим деяньям
Дивится вся французская страна?

Толбот

Вот Толбот. Кто с ним хочет говорить?

Гонец

Достойная Овернская графиня,
Дивясь смиренно доблести твоей,
Тебя, высокий лорд, прибыть к ней просит
В убогий замок, где она живет,
Дабы могла хвалиться, что видала
Того, чья слава наполняет мир.

Герцог Бургундский

Ужели правда? Вижу, наши войны
Невинною становятся забавой,
Коль дамы нам свиданья назначают.
Нельзя, милорд, графине отказать.

Толбот

Коль откажу, вы больше мне не верьте.
Где красноречье тысячи мужчин
Не помогло, там женская любезность
Верх одержала. — Передай, что я
Благодарю и вскоре к ней прибуду. —
Угодно, лорды, вам со мной поехать?

Бедфорд

Нет, этого приличье не велит;
Я слышал, что непрошенные гости
Приятнее всего, когда уходят.

Толбот

Пойду один, когда нельзя иначе.
Любезность дамы испытать хочу. —
Приблизьтесь, капитан.

(Шепчет ему на ухо.)

Вам все понятно?

Капитан

О да, милорд. Надейтесь на меня.

Уходят.

Сцена 3

Овернь. Замок графини.

Входят графиня Овернская
и привратник.

Графиня

Привратник, помни, что я приказала.
Когда исполнишь, мне ключи отдай.

Привратник

Исполню все.

(Уходит.)

Графиня

Мой план готов, и если все удастся,
Не меньше подвигом своим прославлюсь,
Чем скифянка Томирис смертью Кира.
О грозном рыцаре гремит молва,
И подвиги его неисчислимы.
Хочу я слухом собственным и взором
Проверить дивные рассказы эти.

Входят гонец и Толбот.

Г о н е ц

Графиня,
Согласно вашему желанью, к вам
Лорд Толбот, приглашенный мной,
явился.

Г р а ф и н я

Привет ему. Как! Этот человек?

Г о н е ц

Он, госпожа.

Г р а ф и н я

И это — бич французов?
И это — Толбот, что так страшен всем,
Чьим именем пугает мать ребенка?
Я вижу: лжива, сказочна молва.
Я думала увидеть Геркулеса,
Второго Гектора — с лицом суровым,
Могучего и ростом и сложеньем.
А предо мной — ребенок,
карлик жалкий!
Возможно ль, чтоб морщинистый урод
Такого страху задавал французам?

Толбот и графиня Овернская
Рис. Б.Шоу

Т о л б о т

Графиня, я дерзнул вас потревожить;
Но, вижу я, вам нынче недосуг —
Так лучше я приду в другое время.

(Хочет уйти.)

Г р а ф и н я
(гонцу)

Что хочет он? Спроси, куда уходит?

Г о н е ц

Милорд, постойте. Хочет знать графиня
Причину столь внезапного ухода.

Т о л б о т

Черт побери, она не верит мне.
Уйду, чтоб доказать, что Толбот я.

Входит привратник
с ключами.

Графиня

Когда ты вправду Толбот, ты — мой пленник.

Т о л б о т

Я — пленник? Чей?

Г р а ф и н я

Мой, кровожадный лорд!

Затем и зазвала тебя в свой дом.

Давно я тень твою поработила:

Портрет твой средь моих

картин висит, —

Теперь и сам неволю испытаешь,

Я в цепи заковать велю того,

Кто столько лет опустошал наш край,

Французов убивал и слал в неволю,

Лишая нас мужей и сыновей.

Т о л б о т

Ха-ха!

Г р а ф и н я

Смеешься ты, несчастный? Будешь плакать.

Т о л б о т

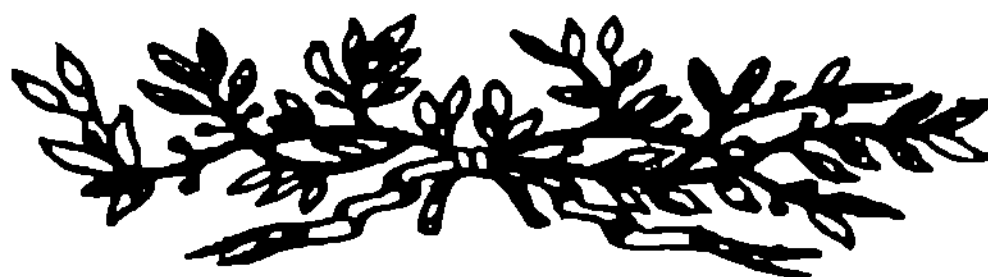
Смеюсь, графиня, над безумьем вашим:

Вы не меня, а тень мою пленили

И можете расправиться лишь с ней.

Г р а ф и н я

Как! Разве ты не Толбот?

Т о л б о т

Да, он самый.

Г р а ф и н я

Так я и сущностью твоей владею.

Т о л б о т

Нет-нет, лишь тень я самого себя.
Ошиблись: сущности моей здесь нет.
Вы видите лишь малую толику,
Ничтожную частицу человека.
Когда б мой образ целиком предстал вам,
Так ростом я огромен, так велик,
Что не вместился бы под вашей кровлей.

Г р а ф и н я

Вот славный мастер задавать загадки —
Он здесь, и в то же время нет его!
Как примирить противоречья эти?

Т о л б о т

Сейчас вам покажу.

(Трубит в рог.)

Бьют барабаны, залп орудий.
Входят солдаты.

Что скажете, графиня? Убедились,
 Что Толбот — тень лишь самого себя?
 Вот сущность — руки, мускулы и сила,
 Которой он смиряет непокорных,
 Сметает крепости и города,
 В единый миг опустошая их.

Г р а ф и н я

Прости меня, победоносный Толбот!
 Я вижу, ты своей не меньше славы
 И больше, чем по виду мне казался.
 На дерзость не прогневайся мою.
 Жалею я, что с должным уваженьем
 Не приняла тебя, каков ты есть.

Т о л б о т

Прекрасная графиня, не пугайтесь;
 Прошу вас, не судите столь превратно
 О духе Толбота, как вы ошиблись,
 По виду о его сложенье судя.
 Поступок ваш не оскорбил меня.
 Другого не прошу вознагражденья,
 Как только, чтобы вы нам

разрешили

Отведать ваших вин и вкусных блюд;
 Бойцов желудки им охотно служат.

Г р а ф и н я

От всей души. За честь я почитаю
Героя угостить в своем дому.

Уходят.

Сцена 4

Лондон. Сад Темпля.

Входят графы Сомерсет, Сеффолк и Уорик;
Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий.

П л а н т а г е н е т

Что значит, господа, молчанье ваше?
Ужель никто не вступится за правду?

С е ф ф о л к

Там, в зале Темпля, было слишком шумно;
В саду удобней будет говорить.

П л а н т а г е н е т

Признайте же, что я стою за правду,
Иль хоть скажите, прав ли Сомерсет.

С е ф ф о л к

К законам я влечения не имею:
Им воли никогда не подчинял;
Но подчинял закон своей я воле.

С о м е р с е т

Граф Уорик, рассудите нас, прошу.

У о р и к

О соколах — который выше взмыл,
О псах — который голосом звончей,
О шпагах — у которой лучше сталь,
О скакунах — который лучше в беге,
О девушках — которая красивей, —
Еще судить я мог бы кое-как;
Но в этих хитрых тонкостях закона,
Клянусь душой, я не умней вороны.

П л а н т а г е н е т

Учитывая лишь отговорка это.
Так очевидна правота моя,
Что полузрячему — и то заметна.

С о м е р с е т

Моя же так наряжена прекрасно
И так ясна, проста и непреложна,
Что и слепцу она блеснет в глаза.

П л а н т а г е н е т

Коль так упорны вы в своем молчанье,
Откройте мысль нам знаками немymi.

Пускай же тот, кто истый дворянин
И дорожит рождением своим,
Коль думает, что я стою за правду,
Сорвет здесь розу белую со мной.

С о м е р с е т

Пусть тот, кто трусости и лести чужд,
Но искренно стоять за правду хочет,
Со мною розу алую сорвет.

У о р и к

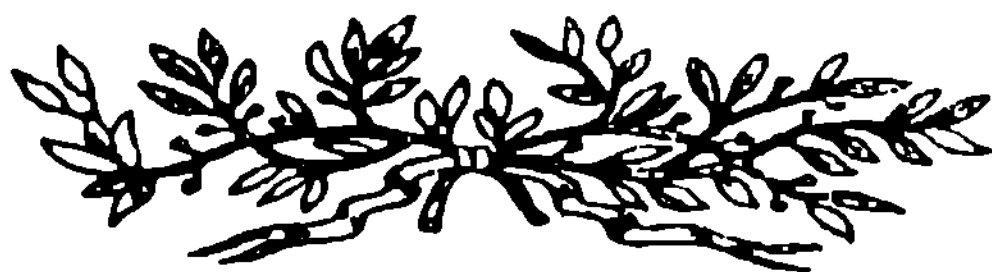
Я красок не люблю и потому,
Без всяческих прикрас
ползучей лести,
Рву розу белую с Плантагенетом.

С е ф ф о л к

Рву алую я с юным Сомерсетом
И говорю при этом, что он прав.

В е р н о н

Постойте, господа; не рвите больше,
Пока мы не условимся, что тот,
Кому вы меньше роз с кустов
сорвете,
Признать обязан правоту другого.

С о м е р с е т

Совет прекрасный, добрый мистер Вернон.
Коль получу я меньше, подчинюсь.

П л а н т а г е н е т

И я.

В е р н о н

Итак, для ясности и правды дела
Срываю белый девственный цветок,
Свой голос отдавая белой розе.

С о м е р с е т

Не уколите палец вы, срывая,
Чтоб не окрасить розу в алый цвет
И против воли мне не дать
свой голос.

В е р н о н

Коль я пролью за убежденья кровь,
Врачом мне будет убежденье всех
И там меня удержит, где стою.

С о м е р с е т

Так, так. Ну, кто еще?

Стряпчий

Когда не лгут мне знания и книги,
Грешат все ваши аргументы ложью.
Я розу белую срываю тоже.

Плантагенет

Ну, Сомерсет, где ваши аргументы?

Сомерсет

Здесь у меня в ножнах, и этот довод
Окрасит вашу розу в алый цвет.

Плантагенет

Цвет ваших щек подобен нашей розе:
От страха побледнев, вы утвердили
За мною правду.

Сомерсет

Нет, Плантагенет,
От гнева, не от страха бледен я.
Твои ж краснеют щеки от стыда,
Пытаясь нашей розе подражать.
И все ж не признаешь своей неправды!

Плантагенет

Не червь ли в вашей розе, Сомерсет?

С о м е р с е т

Прочь, прочь, достойный
Уильям Де-Ла-Пуль:
Беседовать с мужланом — много чести.

У о р и к

Клянусь, его порочишь, Сомерсет:
Ведь герцог Кларенс, Лайонел, который
Эдварда Третьего был третьим сыном,
Дед Ричарду. Таких корней глубоких
Нет у мужлана, что лишен герба.

П л а н т а г е н е т

Сейчас ему охраной это место;
Иначе трус так говорить не смел бы.

С о м е р с е т

Клянусь творцом, я повторить все это
Готов в любой из христианских стран.
Иль не был Ричард Кембридж, твой отец,
При Генрихе казнен, как злой изменник?
Иль той изменой не запятнан ты
И не изъят из древнего дворянства?
Отцовский грех живет в твоей крови;
Пока не обелишься, ты — мужлан.

П л а н т а г е н е т

Отец был осужден, но невиновен;
В измене обвинен, но не изменник;
Я это тем, кто выше Сомерсета,
Когда созреют сроки, докажу.
Тебя ж и твоего клеветы Пуля
Внесу я в книгу памяти моей,
Чтоб вас за нареканья проучить,
Смотрите же, я вас предупредил.

С о м е р с е т

Ты нас всегда готовыми найдешь.
Врагов узнаешь по цветам, — их будут
Мои друзья носить тебе назло.

П л а н т а г е н е т

Клянусь душою, бледный, гневный розан
В знак ненависти, сердца кровь сосущей,
Носить я стану и мои друзья,
Пока со мной в могиле не увянет
Иль не достигнет пышного расцвета.

С е ф ф о л к

Иди — и честолубьем подавись;
Итак, прощай — до нашей новой встречи.

(Уходит.)

С о м е р с е т
(Сеффолку)

Идем. — Прощай, честолюбивый Ричард.
(Уходит.)

П л а н т а г е н е т

Я оскорблен — и должен все терпеть!

У о р и к

Пятно, которым ваш порочат род,
Сотрется в заседании ближайшем
Парламента, что должен примирить
Уинчестера и Глостера вражду.
И если ты не будешь сделан Йорком,
Пусть Уориком меня не величают.
Меж тем я, в знак своей любви к тебе
И назло Сомерсету-гордецу,
Носить с тобою стану эту розу.
Предсказываю: нынешний раздор,
Что разгорелся здесь, в саду при Темпле, —
В борьбе меж розой алою и белой
Заставит сотни душ покинуть тело.

П л а н т а г е н е т

Я вам обязан, добрый мистер Вернон,
Что вы сорвали за меня цветок.

В е р н о н

В честь вас носить его всегда я буду.

С т р я п ч и й

И я.

П л а н т а г е н е т

Спасибо, добрый друг. —
Пойдемте все обедать. Эта ссора,
Решусь сказать, упьется кровью скоро.

Уходят.

Сцена 5

Тауэр.

М о р т и м е р а в кресле вносят два стража.

М о р т и м е р

Вы, стражи дряхлых лет моих, здесь дайте
Пред смертью Мортимеру отдохнуть.
Как после дыбы, у меня все члены
От заточенья долгого разбиты;
А смерти вестники, седые кудри,
Что средь скорбей состарились, как Нестор,
Вещают Мортимеру про конец.
Как в лампе гаснущей, в глазах иссяк

Свет жизни; скоро их покроет мрак.
Под бременем тоски согнулись плечи
И руки изможденные висят,
Как ветви мертвые лозы увядшей;
А ноги, что бессильны и недвижны
И поддержать не могут жалкий прах,
Стремление к могиле окрыляют,
Ведь мне она отраду представляет. —
Скажи мне, страж, племянник мой придет?

П е р в ы й с т р а ж

Ричард Плантагенет придет, милорд.
За ним послали в Темплъ, в его покои,
Последовал ответ, что он придет.

М о р т и м е р

Так. У меня душа спокойна будет.
Бедняга! Он обижен, как и я.
Я нахожусь в проклятом заточенье
С тех пор, как воцарился Генрих Монмут.
А до него я в битвах был велик.
С тех самых пор и Ричард опозорен,
Наследия и почестей лишен.
Но вот теперь заступница несчастных,
Судья всех правых и виновных — смерть,
Целительница всех людских печалей,
Свободу мне желанную дарит.

О, если б и его иссякли беды
И получил он все, что потерял.

Входит Р и ч а р д П л а н т а г е н е т.

П е р в ы й с т р а ж

Милорд, пришел ваш любящий племянник.

М о р т и м е р

Ричард Плантагенет, мой друг? Пришел он?

П л а н т а г е н е т

Да, славный дядя, мучимый бесславно,
Пришел ваш опозоренный племянник.

М о р т и м е р

Направьте руки мне, чтоб мог за шею
Его обнять и на его груди
Последний вздох отдать. Скажи мне,
Когда коснусь его щеки губами,
Чтоб дал ему я слабый поцелуй.
Поведай, отпрыск милый корня Йорков,
Ты о каком позоре говоришь?

П л а н т а г е н е т

Спиною старческою прислонись
К моей руке, — и, облегчив тебя,

Я расскажу о тяжести своей.
Сегодня, споря об одном предмете,
Поговорил я крупно с Сомерсетом;
Он распустил без меры свой язык
И попрекнул меня отца кончиной.
Той клеветой он мне связал язык,
Не то б я тем же отплатил ему.
Итак, прошу тебя, любезный дядя,
По чести, ради нашего родства,
Как истинный Плантагенет, поведай
Причину казни моего отца.

М о р т и м е р

Племянник мой прекрасный, та причина,
Что в юности цветущей обрекла
Меня темнице мерзкой, оказалась
Орудием гибели его.

П л а н т а г е н е т

Подробнее разъясни причину эту;
Не знаю я, и мне не догадаться.

М о р т и м е р

Скажу, коль хватит слабого дыханья
И смерть, придя, не оборвет рассказа.
Дед короля, Четвертый Генрих, сверг
Кузена Ричарда, что сыном был

Эдварда Третьего и стал законным
Наследником, как первенец его.
В его правленье северные Перси,
Решив, что Генрих — дерзостный захватчик,
Пытались возвести меня на трон.
И вот что побуждало этих лордов
Воинственных: потомства не оставил
Лишенный трона Ричард молодой;
Я был ближайшим по родству и крови,
Затем что герцог Кларенс Лайонел,
Мой дед по матери, был третьим сыном
Эдварда Третьего, а Болингброк
От Джона Ганта свой ведет исток,
Четвертого в геройском поколенье.
Заметь: в попытке смелой посадить
Законного наследника на трон
Лишились Перси жизни, я ж — свободы.
А много лет спустя, когда царил
Отцу наследовавший Генрих Пятый,
Граф Кембридж, твой отец, прямой потомок
Эдмунда Ленгли, доблестного Йорка,
Мою сестру себе в супруги взявший,
Скорбя о тяжелой участи моей,
Собрал войска, чтоб дать свободу мне
И короля законного — стране.
Но храбрый граф погиб, как и другие;

Он обезглавлен был. Так Мортимеров,
Права на трон имевших, отстранили.

П л а н т а г е н е т

Из них последний —
вы, милорд достойный.

М о р т и м е р

Да. Но ведь нет потомства у меня,
И слабый голос мой —
предвестник смерти.
Ты — мой наследник; все — в твоих руках.
Но осторожен будь в стремленье пылком.

П л а н т а г е н е т

Как важно все, что вы мне сообщили!
Но, думается, казнь отца была
Лишь деспота кровавою расправой.

М о р т и м е р

Молчи! Будь осмотрителен, племянник:
Ланкастерский основан прочно дом.
Он как гора стоит, его не сдвинуть...
Но вот, переселяется твой дядя,
Как государь с двором переезжает,
Коль жить ему наскучит в том же месте.

П л а н т а г е н е т

Я отдал бы часть юных лет своих,
Чтоб только отдалить кончину вашу.

М о р т и м е р

Жесток ты, как убийца, что наносит
Десяток ран, когда одной довольно.
Не плачь: ведь счастье не должно печалить.
Лишь погребеньем ты распорядись.
Прощай. Пусть расцветут твои надежды,
И будь удачлив в мире и войне.

(Умирает.)

П л а н т а г е н е т

Мир отлетающей душе твоей!
Паломничество ты свершил в темнице
И, как отшельник, ты свой прожил век. —
Совет его замкну в груди своей;
Что я задумал, пусть хранится в ней. —
Несите прах его. Я позабочусь,
Чтоб лучше жизни было погребенье.

С т р а ж а уходит, унося тело Мортимера.

Померк печальный факел Мортимера,
Погашенный тщеславием постыдным.
А что до оскорблений и обид,
Которые нанес мне Сомерсет,

Уверен я, что честь восстановлю.
А потому я поспешу в парламент.
Иль нашей крови право возвращу,
Иль зло себе во благо превращу.

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Лондон. Парламент. Трубы.

Входят король Генрих VI, Эксетер, Глостер,
Уорик, Сомерсет, Сеффолк,
епископ Уинчестерский, Ричард Плантагенет
и другие. Глостер пытается подать бумагу;
епископ Уинчестерский хватает ее
и разрывает.

Епископ Уинчестерский

Сюда являешься ты, Хемфри Глостер,
С обдуманном посланием, с доносом,
Измышленным усердно. Если хочешь
Со мной тягаться, обвинять меня,
Без подготовки делай это, сразу, —
И я на обвинения твои
Отвечу вмиг внезапными речами.

Г л о с т е р

Кичливый поп! Почтенье к этим стенам
Сейчас повелевает мне стерпеть,
Не то б увидел ты, как я разгневан.
Но если я в записке изложил
Все преступленья мерзкие твои,
Не думай, что тебя я оболгал
Иль не могу о том сказать открыто!
Нет, нет! Но такова твоя порочность,
Так подлы и гнусны твои проделки,
Что дети о твоей болтают спеси.
Ты самый злостный ростовщик на свете,
Мятежник по природе, миру враг,
Распутен более, чем подобает
Лицу такого звания и сана.
А что твоей измены очевидней?
Ведь ты, прелат, на Лондонском мосту
И в Тауэре убить меня пытался.
К тому ж, коль у тебя просеять мысли,
Боюсь, что и король не огражден
От злобы и коварства твоего.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й
Глостер! Тебя я презираю! — Лорды,
Благоволите выслушать ответ мой.
Коль я порочен, алчен и спесив,

Как он сказал, то почему я беден?
Иль почему подняться не стремлюсь,
Возвыситься, но верен я призванию?
А что до ссор, — кто так стоит за мир,
Как я, когда меня не задевают?
Милорды, нет, не в этом корень зла,

Герцог Глостер. Рис. неизв. художника XVI века

Не это герцога воспламенило,
А то, что хочет править он один
И никого не подпускать к монарху.

И это гром в душе его рождает
И заставляет изрыгать наветы.
Я покажу ему, что равен...

Г л о с т е р

Равен?
Ты, деда моего побочный сын?

Епископ Уинчестерский
Ах, боже мой! А ты кто, —
я спрошу, —
Как не тиран, на трон чужой воссевший?

Г л о с т е р

Поп наглый! Разве не протектор я?

Епископ Уинчестерский
А разве не прелат я божьей церкви?

Г л о с т е р

Да, как разбойник, что гнездится в замке
И грабит, маской рыцаря прикрывшись.

Епископ Уинчестерский
О нечестивый Глостер!

Г л о с т е р

Ты-то очень
Благочестив, — но саном лишь,
не жизнью.

Епископ Уинчестерский
Мне Рим — ограда.

У о р и к

Что ж, беги туда.

С о м е р с е т

Милорд, не наносите оскорблений.

У о р и к

Пусть не заносится епископ ваш!

С о м е р с е т
(Глостеру)

По мне, вам должно быть благочестивей
И уважение к сану соблюдать.

У о р и к

По мне епископ должен быть смиренней;
Прелату эти распри не к лицу.

С о м е р с е т

Да, но коль так затронут сан священный...

У о р и к

Священный, не священный — все равно.
Иль герцог не протектор короля?

П л а н т а г е н е т
(в сторону)

Плантагенет сдержать язык свой должен,
Чтоб не слышать: “Помолчи, любезный,
Не вмешивайся дерзко в речи лордов”.
А то бы, Уинчестер, тебе я задал!

К о р о л ь Г е н р и х

Прошу вас, дяди Уинчестер и Глостер
Верховные правители страны, —
Я вас прошу, коль вы не глухи к просьбам,
Соединить сердца в любви и дружбе.
Какой престолу нашему позор,
Что два таких высоких пэра в ссоре!
Поверьте мне, милорды, я могу
Сказать, хотя и очень юн годами:
Раздор гражданский — ядовитый червь,
Грызущий внутренности государства...

За сценой крики: “Бей бурые кафтаны!”

Что там за шум?

У о р и к

Ручаюсь, это бунт,
Что подняли приспешники прелата.

Снова крики: "Камней! Камней!"
Входит лорд - мэр Лондона.

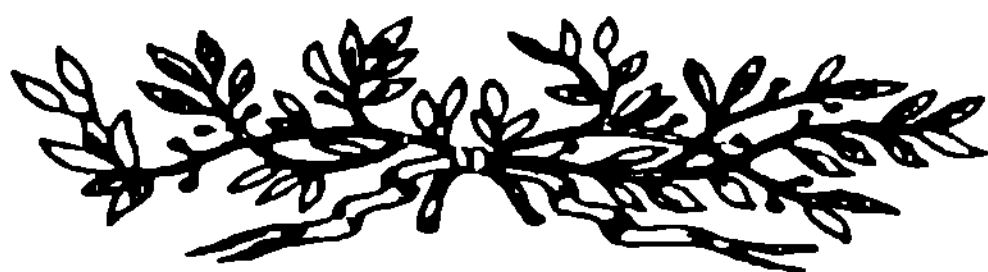
Л о р д - м э р

О лорды добрые и славный Генрих!
И город наш и нас вы пожалейте!
Протектора и Уинчестера слуги,
Хоть запретили им носить оружие,
Набив камнями свои карманы
И на два лютых стана разделясь,
Так молотят друг друга по башкам,
Что многим уж повышибли мозги,
На улице все окна перебили,
И заперли мы лавки с перепугу.

Входят, продолжая драться,
слуги Глостера и епископа Уинчестерского
с окровавленными головами.

К о р о л ь Г е н р и х

Как подданным, повелеваем вам
Остановить убийственные руки. —
Уймите, дядя Глостер, эту драку.

Первый слуга

Ну, нет! Когда вы запретите нам
Камнями драться, вцепимся зубами.

Второй слуга

А ну, посмейте! Мы вам не уступим.

Снова дерутся.

Глостер

Оставьте, слуги, яростный раздор
И прекратите незаконный бой.

Третий слуга

Мы знаем, ваша светлость — человек
Прямой и справедливый и рождением
Уступит одному лишь королю.
Мы не потерпим, чтоб такой вельможа,
Всею нашей Англии отец родной,
Был оскорблен чернильною душонкой.
В борьбе готовы все мы — жены, дети —
Погибнуть от руки твоих врагов.

Первый слуга

А коль умрем, то башмаков подметки
сражаться будут вместо нас.

Снова дерутся.

Г л о с т е р

Стой! Стой!

Коль преданы вы мне, как говорите,
Послушайтесь меня и бросьте драку.

К о р о л ь Г е н р и х

О, как раздор мне угнетает душу!
Иль вы, милорд Уинчестер, равнодушны
К моим слезам и стонам?

Не смягчитесь?

Кому быть милосердным, как не вам?
И кто теперь стремиться будет к миру,
Коль слуги церкви тешатся раздором?

У о р и к

Прелат, миритесь; уступите, герцог,
Коль не хотите яростным отказом
Страну и государя погубить.
Смотрите, сколько бед,

смертоубийств

Порождено несчастной вашей распрей!
Миритесь, коль не жаждете вы крови.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Пусть он смирится; я не уступлю.

Г л о с т е р

Мне жалость к королю велит смягчиться,
Не то бы вырвал сердце у него
Скорей, чем дал ему торжествовать.

У о р и к

Глядите, лорд-епископ, герцог Глостер
Из сердца ярость лютую изгнал;
Вот у него разгладилось чело.
Что ж смотрите так сумрачно и злобно?

Г л о с т е р

Уинчестер, вот тебе моя рука.

К о р о л ь Г е н р и х

Стыдитесь, дядя Бофорт. Ведь при мне
Учили вы, что злоба —
грех великий.

Ужель не подтвердите речь свою,
Но первый в этом тяжко провинитесь?

У о р и к

Король, прелату мягкий дан урок. —
Не стыдно вам, епископ? Уступите ж.
Ужель дитя добру учить вас будет?

Епископ Уинчестерский
(протягивая руку Глостеру)

Ну, так и быть. Любовью на любовь
Отвечу я, пожатем на пожатье.

Глостер
(в сторону)

Боюсь, что пусто в сердце у него.

(Громко.)

Смотрите же, друзья и земляки,
Вот знак, который будет
флагом мира

Для нас и всех приверженцев моих.
Свидетель бог, что я не лицемерю.

Епископ Уинчестерский
(в сторону)

Свидетель бог, что поступлю иначе.

Король Генрих

О милый дядя, добрый герцог Глостер,
Как радует меня согласие ваше!

(Слугам.)

Друзья, ступайте, не тревожьте нас,
Но дружбою сердца соедините,
Как помирились ваши господа.

Первый слуга

Готов. Я к лекарю пойду.

Второй слуга

Я тоже.

Третий слуга

А я лекарства поищу в трактире.

Лорд-мэр, слуги и другие уходят.

Уорик

Примите этот свиток, государь,
От имени Плантагенета; в нем
Мы изложили все его права.

Глостер

Так, так, лорд Уорик. — Добрый государь,
Все взвесив, вы найдете основанья
Восстановить в правах Плантагенета,
Особенно приняв в соображение
То, что я в Элтеме вам говорил.

Король Генрих

Имеют эти основанья силу.
Поэтому, милорды, нам угодно
Вернуть ему все кровные права.

У о р и к

Получит Ричард кровные права,
И тем отца обида возместится.

Епископ Уинчестерский
Того же, что и все, Уинчестер хочет.

К о р о л ь Г е н р и х

Коль будет верен нам Плантагенет,
Не только те права я дам ему,
Но и наследье дома славных Йорков,
Из недр которого исходит он.

П л а н т а г е н е т

Слуга тебе в покорности клянется
В покорной службе до скончанья дней.

К о р о л ь Г е н р и х

Так преклони же предо мной колени.
В награду за свершенный долг тебя
Мечом великих Йорков опояшу.
Встань, Ричард, истинный Плантагенет,
Встань, вновь пожалованный герцог Йоркский.

П л а н т а г е н е т

Пусть мой успех врагов твоих низвергнет!

Я совершу свой долг, и все погибнут,
Кто зло на вас замыслит, государь.

В с е

Привет тебе, могучий герцог Йорк!

С о м е р с е т
(в сторону)

Погибни ты, презренный герцог Йорк!

Г л о с т е р

Теперь пора вам, государь, отплыть
Во Францию и там короноваться.
Присутствие монарха порождает
Любовь в друзьях и подданных его
И страх наводит на его врагов.

К о р о л ь Г е н р и х

По слову Глостера король идет;
Так дружеский совет врагов сметет.

Г л о с т е р

Готовы ваши корабли к отплытью.

Трубы.

Уходят все, кроме Эксетера.

Э к с е т е р

Во Франции иль в Англии мы будем,
Неведомо, что ожидает нас.
Возникшая меж пэрами вражда
Под лживым пеплом мнимой дружбы тлеет
И вспыхнет пламенем в конце концов.
Как тело медленно гниет, покуда
Не распадутся кости, жилы, мышцы,
Так эта распря будет развиваться.
Боюсь я рокового предсказанья,
Что было у младенцев на устах,
Когда строною правил Генрих Пятый:
“Что добыл в Монмуте рожденный Генрих,
Утратит в Уиндзоре рожденный Генрих”.
Так явно это, что хотел бы я
Окончить дни до той поры злосчастной.

(Уходит.)

Сцена 2

Франция. Перед Руаном.

Входят переодетая Ж а н н а д 'А р к и четыре солдата,
одетые крестьянами, с мешками на плечах.

Ж а н н а д 'А р к

Вот города врата, врата Руана,
В которых наша хитрость брешь пробьет.

Теперь следите за своею речью;
В словах крестьянам грубым подражайте,
Что продают свое зерно на рынке.
Коль нас пропустят, как надеюсь я,
И мы найдем, что стража нерадива,
Моим друзьям я сообщу сигналом,
Что может Карл дофин идти на приступ.

Первый солдат

Не мешкая, в мешок засадим город
И станем господами над Руаном.
Ну, постучим.

Жанна д'Арк и солдаты, переодетые крестьянами

Ч а с о в о й
(за сценой.)

Qui est la?

Ж а н н а д 'А р к

Paysans, pauvres gens de France.
Крестьяне, что пришли продать зерно.

Ч а с о в о й
(открывая ворота)

Входите. Колокол звонил на рынке.

Ж а н н а д 'А р к

Теперь, Руан, падут твои твердыни!

(Входит с солдатами в город.)

Входят Карл, Бастард Орлеанский,
Алансон, Рене
и войско.

К а р л

Святой Дени пусть в хитрости поможет,
И снова будем мирно спать в Руане.

1 Кто там? — Крестьяне, бедные французы. (Франц.)

Б а с т а р д

С солдатами в Руан вошла уж Дева,
Но как она оттуда нам укажет,
Где лучше, безопасней нам вступить?

А л а н с о н

Вон там на башне факел водрузит,
И это будет означать, что место,
Где вторглась Дева, всех других слабей.

Всходит на укрепление Ж а н н а д 'А р к с пылающим
факелом в руках.

Ж а н н а д 'А р к

Смотрите, вот счастливый брачный факел,
Что с Францией Руан соединяет
И гибелью пылает для толботцев.

(Уходит.)

Б а с т а р д

Взгляни, дофин, на знак, что шлет нам друг:
На башне той пылает ярко факел.

К а р л

Пусть он горит кометою отмщенья,
Пророча гибель нашим всем врагам.

А л а н с о н

Спешим! Бывают гибельны отсрочки.
Входите и кричите все: “Дофин”!
Затем, не медля, перебейте стражу.

(Входит в город.)

Тревога.

Входит Толбот, сражаясь.

Т о л б о т

Свое коварство, Франция, оплачешь,
Коль выйдет Толбот жив из переделки.
Проклятая колдунья, злая ведьма
Свершила это дьявольское дело;
Едва избегли силы вражьей мы.

(Уходит в город.)

Шум битвы. Стычки.

Из города выносят в кресле герцога Бедфорда.
входят с ним Толбот и герцог Бургундский. Затем на стену
всходят Жанна д'Арк, Карл, Бастард, Алансон
и Рене.

Ж а н н а д ' А р к

Привет вам, рыцари! Зерна не надо ль?
Бургундский герцог попостится прежде,
Чем вновь получит по такой цене.
Оно все в спорынье. По вкусу ль вам?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Глумись, распутница, проклятый дьявол!
Тебя заставлю скоро подавиться
Твоим зерном и урожай проклясть.

К а р л

До той поры вы с голоду умрете.

Б е д ф о р д

Мы отомстим не словом, а делами.

Ж а н н а д ' А р к

Что хочешь делать, борода седая?
Со смертью биться в кресле на турнире?

Т о л б о т

Злой дух французов!

Мерзостная ведьма!

Среди толпы любовников своих
Тебе ли над сединою глумиться,
Полуживого в трусости корить?
С тобою, девка, снова я сражусь,
Не то от срама пусть погибнет Толбот.

Ж а н н а д ' А р к

Какой горячий! — Но потише, дева.

Коль громыхает Толбот, — хлынет дождь.

Англичане совещаются между собой.

Парламенту бог в помощь. Кто оратор?

Т о л б о т

Осмелюсь выйти и сразиться в поле.

Ж а н н а д 'А р к

Милорд, сочли вы нас за дураков,
Иль станем достояние свое
Испытывать мы — наше или нет?

Т о л б о т

Я говорю не этой злой Гекате,
Но, Алансон, тебе и остальным:
Согласны вы как воины сразиться?

А л а н с о н

О нет, синьор.

Т о л б о т

Сгинь ты, сеньор! Погонщики мулов!
Как мужики, засели
за стеной;
Не смеют выйти в поле, как дворяне.

Жанна д'Арк

Прочь, полководцы! Со стены уйдем.
Взор Толбота добра не предвещает. —
Храни вас бог, милорд. Мы приходили
О том лишь доложить вам, что мы здесь.

Жанна д'Арк и другие уходят со стены.

Толбот

Мы тоже скоро попадем туда
Иль на позор сменяет славу Толбот. —
Клянись, Бургундский герцог, честью рода,
Затронутой неправдами французов,
Вернуть назад Руан иль умереть.
А я клянусь иль этот город взять,
Иль умереть, — и это столь же верно,
Как то, что Генрих, государь наш, жив,
Что был отец его завоеватель,
Что в городе, изменнически взятом,
Ричарда Сердца Львиного могила.

Герцог Бургундский

С твоею клятвою моя дружна.

Толбот

Но, уходя, на Бедфорда взгляни:
Отважный герцог при смерти. — Милорд,

В другое место вас мы отнесем:
Так требуют недуг и возраст ваш.

Б е д ф о р д

Лорд Толбот, вы бесчестите меня.
Здесь буд я сидеть, у стен Руана,
И с вами разделю печаль и радость.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Отважный Бедфорд, дайте убедить вас...

Б е д ф о р д

Не в том, чтобы уйти. Читал, я помню,
Как храбрый Пендрагон, больной,
в носилках

На бой явился и разбил врагов.
Хочу ободрить я сердца солдат,
В них самого себя я обретаю.

Т о л б о т

Несокрушимый дух в груди бессильной!
Пусть будет так. Да сохранит вас небо!
Довольно слов. Теперь мы, храбрый герцог,
Сберем свою рассеянную рать
И по врагу хвастливому ударим.

Уходят все, кроме Бедфорда и его слуг.

Шум битвы. Стычки.

Входят
сэр Джон Фастолф и офицер.

Офицер

Куда вы так спешите, сэр Джон Фастолф?

Фастолф

Куда я так спешу? Спасаясь бегством.
Мне кажется, опять нас разобьют.

Офицер

Как! Толбота бросаете вы?

Фастолф

Да,
Всех Толботов на свете: жизнь дороже.

(Уходит.)

Офицер

Трусливый рыцарь! Да погибнешь ты!

(Уходит.)

Отбой. Стычки.

Из города выбегают Жанна д'Арк, Алансон,
Карли и другие.

Б е д ф о р д

Теперь, душа, спокойно отлетай,
Затем что видел я разгром французов.
Где сила и уверенность безумцев?
Те, что недавно дерзко насмехались,
Довольны, что спасают бегством жизнь.

(Умирает, его уносят в кресле.)

Шум битвы.

Входят Толбот, герцог Бургундский и другие.

Т о л б о т

Потеряно и в тот же день отбито!
Бургундский герцог, в том двойная слава.
Восхвалим небо за свою победу.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

О Толбот доблестный! Бургундский герцог
Твой образ в сердце заключил своим:
Там памятник воздвиг твоим деяньям.

Т о л б о т

Благодарю вас, герцог. Где же Дева?
Должно быть, спит ее дух-покровитель?
Где хвастовство Бастарда, дерзость Карла?
Нет никого. Руан поник главой.
Скорбя, что эти храбрецы бежали.

Мы в городе порядок водворим,
Там опытных поставим офицеров
И к королю отправимся в Париж,
Куда со свитой прибыл юный Генрих.

Герцог Бургундский
Что хочет Толбот, то и мне угодно.

Толбот

Но пред уходом вспомнить надлежит
О Бедфорде, который здесь скончался.
Мы похороним герцога в Руане.
Храбрее воина не видел свет,
Добрее сердца во дворе не встретить.
Но и король мой мощный властелин
Подвластны смерти. Всем конец один.

Уходят.

Сцена 3

Равнина близ Руана.

Входят Карл, Бастард, Алансон, Жанна д'Арк
и войско

Жанна д'Арк

Случайным не смущайтесь пораженьем;
Не огорчайтесь, что Руан отобран.

Унынье — не лекарство, горький яд,
Когда поправить дело невозможно.
Пусть Толбот бешеный теперь ликует
И, как павлин, свой распускает хвост.
Повыдергаем перья у него,
Коль ты, дофин, и все за мной пойдете.

К а р л

Ты до сих пор руководила нами;
В твоём искусстве мы не сомневались.
Несчастный случай нас не поколеблет.

Б а с т а р д

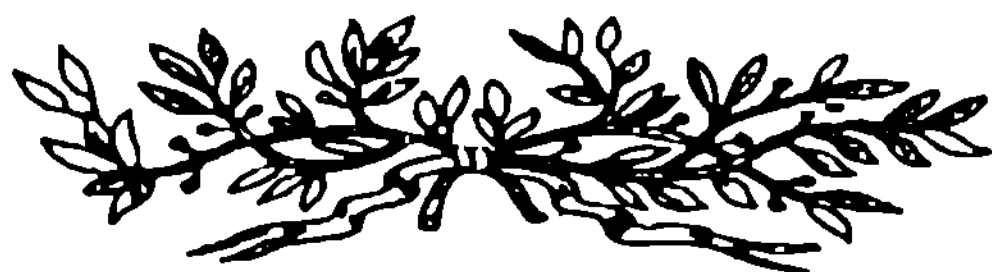
Нам хитрость новую изобрети,
И мы тебя прославим на весь мир.

А л а н с о н

Поставим статую тебе во храме,
И, как святую, будем чтить тебя,
Лишь позаботься, милая, о нас.

Ж а н н а д 'А р к

Так быть должно, как предрешает Жанна:
Медовыми речами, увещаньем
Мы герцога Бургундского побудим
Оставить Толбота и к нам примкнуть.

К а р л

Душа моя, коль это нам удастся,
Во Франции не будет больше места
Для войска Генриха, и англичане
Пред нами перестанут величаться;
Мы их прогоним из своей страны.

А л а н с о н

Из Франции изгоним их навеки,
И графства даже здесь не сохранят.

Ж а н н а д 'А р к

Увидите, как я примусь за дело,
Чтобы желанной цели нам достичь.

В отдалении слышны барабаны.

Чу! Слышите по звуку барабанов,
Что силы их направились в Париж?

Английский марш.

Входит и проходит в отдалении Толбот
со своим войском.

Вот со знаменами проходит Толбот
И все войска английские за ним.

Французский марш.

Входит герцог Бургундский
со своим войском.

Вот в арьергарде выступает герцог;
На наше счастье, он отстал

от прочих.

Трубите вызов. Будем говорить с ним.

Трубят к переговорам.

К а р л

Переговоры с герцогом Бургундским!

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Кто речь заводит с герцогом Бургундским?

Ж а н н а д 'А р к

Дофин французский Карл, твой соплеменник.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Что ты мне скажешь, Карл? Я тороплюсь.

К а р л

(Жанне д'Арк)

Ты говори; плени его речами.

Ж а н н а д 'А р к

Бургундский герцог, Франции надежда,
Помедли, выслушай твою служанку.

Герцог Бургундский

Что ж, говори, но только покороче.

Жанна д'Арк

Взгляни на плодородную страну,
Взгляни на Францию, на край богатый, —
Ее селенья все и города
Обезображены разгромом вражьем.
Как смотрит мать

на хладного младенца,
Когда глаза ему закроет смерть, —
Смотри на Франции недуг жестокий.
Взгляни на раны, роковые раны,
Что ты нанес ее груди больной.
В другую сторону направь свой меч,
Рази вредящих родине твоей,
А не того, кто ей помочь хотел бы;
И капля крови, из груди отчизны
Исторгнутая, пусть тебя печалит
Сильнее, чем озера вражьей крови.
Итак, вернись, пролей потоки слез
И смой пятно, позорящее край.

Герцог Бургундский

Речами ли меня околдовала,
Иль уступить природа мне велит?

Жанна д'Арк

К тому ж вся Франция теперь в сомненье:
Законно ли твое происхождение?
С кем ты идешь? С жестокими врагами,
Что лишь из выгоды тебя возносят!
Коль укрепится Толбот в нашем крае
И сделает тебя орудьем зла,
Кто, как не Генрих, воцарится здесь?
И будешь изгнан ты, как перебежчик,
Я лишь один пример тебе напому:
Не враг ли твой был герцог Орлеанский
И не попал ли к англичанам в плен?
Когда ж узнали, что он недруг твой,
Без выкупа его освободили
Назло тебе и всем твоим друзьям.
Ты бьешься против родины своей
Среди своих грядущих палачей.
Вернись, вернись назад,
заблудший герцог.
Тебя в объятья примет Карл с друзьями.

Герцог Бургундский

Я покорен. Возвышенною речью
Она меня сразила, как пальбой;
Чуть не принудила склонить колени.
Прости, отчизна! Земляки, простите!

От сердца дайте вас, друзья, обнять.
Вся власть моя и все солдаты — ваши. —
Прощай же, Толбот, я тебе не вверюсь.

Ж а н н а д ' А р к
(в сторону)

Вот истинный француз: то их, то наш.

К а р л

Добро пожаловать, отважный герцог!
Ты воскресил нас дружбою своей.

Б а с т а р д

И новым мужеством наполнил грудь.

А л а н с о н

Отменно Дева роль свою сыграла
И заслужила графскую корону.

К а р л

Идем соединим войска, сеньоры,
И будем думать, как вредить врагу.

Уходят.

Сцена 4

Париж. Дворец.

Входят король Генрих VI, Глостер,
епископ Уинчестерский, Йорк, Сеффолк,
Сомерсет, Уорик, Эксетер, Вернон, Бассет
и другие.

Навстречу им Толбот со своими офицерами.

Толбот

Король могучий, доблестные пэры,
Про ваш приезд во Францию узнав,
Я действия военные прервал,
Чтоб долг воздать монарху своему.
И в знак сего рукой, что вам стяжала
Полсотни крепостей, семь цитаделей,
Двенадцать городов и сверх того
До пятисот высокородных пленных,
Свой меч к стопам монаршим повергаю
И, в сердце верность крепкую храня,
Приписываю славу всех побед
Лишь господу и вам, мой повелитель.

(Преклоняет колени.)

Король Генрих

Тот самый Толбот это, дядя Глостер,
Что так давно во Франции живет?

Г л о с т е р

Да, государь, коль будет вам угодно.

К о р о л ь Г е н р и х

Приветствую вас, храбрый полководец,
Победоносный лорд! Когда был юн я, —
Хоть и теперь не стар, — отец мой, помню,
Говаривал, что не бывало ввек
Бойца отважней вас. Мы убедились
И в вашей верности, и в честной службе,
И в рвенье воинском. Все ж до сих пор
Награды не вкусили вы от нас
И благодарности не знали нашей.
Затем что вас еще мы не видали.
Так встаньте. За отменные заслуги
Мы жалуем вас графом Шрусбери.
При коронации займите место.

Трубы.

Уходят в с е, кроме Вернона и Бассета

В е р н о н

Ну, сэр, вы на море так горячились,
Пытаясь опорочить этот цвет,
Что я ношу в честь доблестного Йорка...
Дерзнете ль повторить свои слова?

Б а с с е т

Да, сэр, дерзну коль языком бесстыжим
Облаять вы посмеете опять
Достойнейшего лорда Сомерсета.

Толбот. Рис. Дж.Джилберта

В е р н о н

Чту по заслугам лорда твоего.

Б а с с е т

Что ж! Он ничуть не хуже, чем твой Йорк.

В е р н о н

Ну, нет! Вот покажу тебе сейчас.

(Ударяет его.)

Б а с с е т

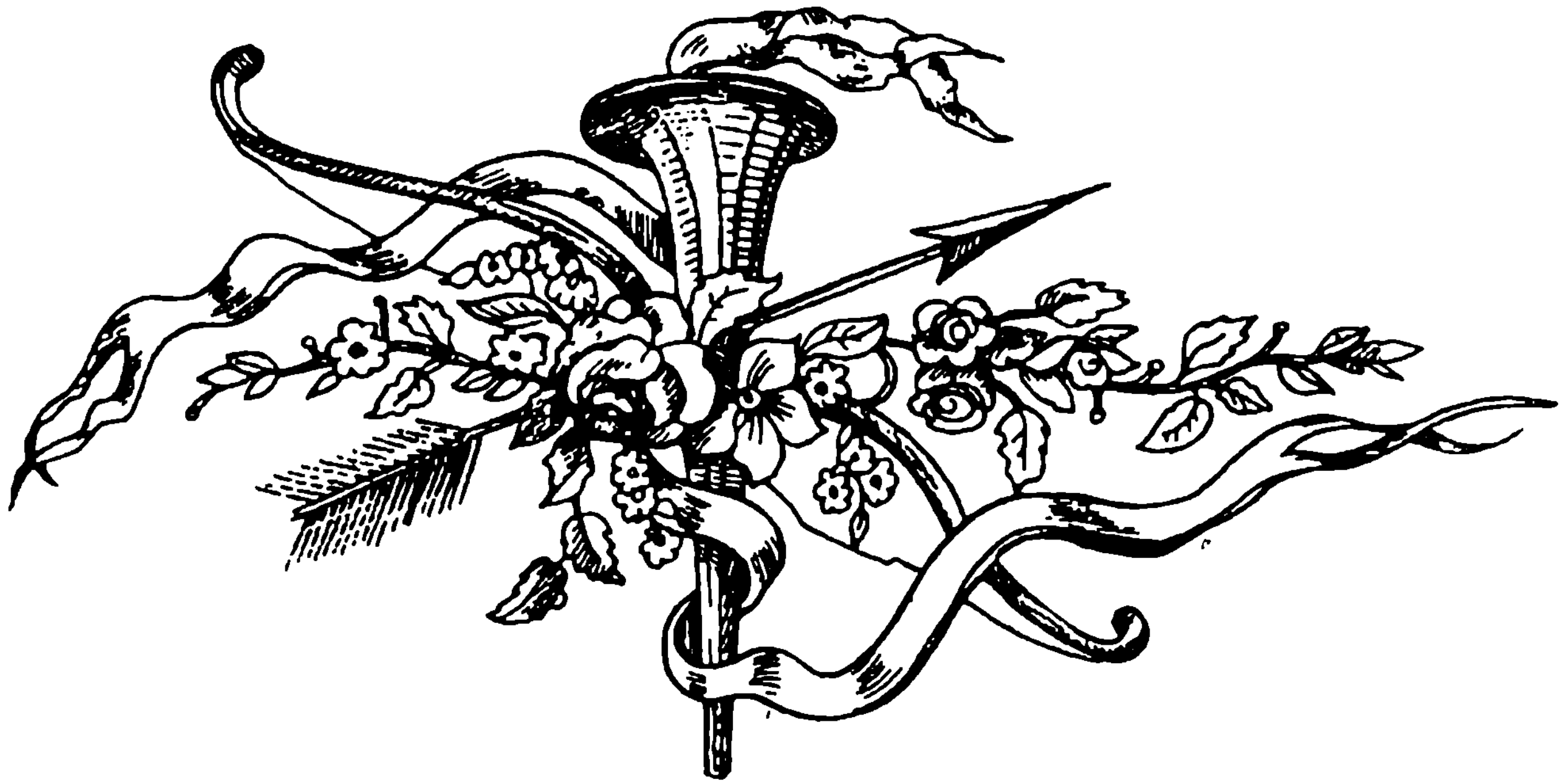
Мерзавец! Знаешь ты закон военный:
Повинен смерти обнаживший меч, —
Не то кровь сердца твоего б я пролил.
Но к королю пойду и попрошу,
Чтоб разрешение дал отмстить обиду;
Тогда с тобой сойдуся тебе на горе.

В е р н о н

Подлец! Пойду я тоже к государю,
И мы с тобою встретимся потом, —
Не терпится с тобою расквитаться!

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Париж. Тронный зал.

Входят король Генрих VI, епископ Уинчестерский,
Йорк, Сеффолк, Сомерсет, Уорик, Толбот, Эксетер,
комендант Парижа и другие.

Г л о с т е р

Корону возложите, лорд-епископ.

Епископ Уинчестерский
Храни, всевышний, Генриха Шестого.

Г л о с т е р

Клянись вы, Парижа комендант,
Что никогда другого короля
Не изберете, что у вас не будет
Других друзей, кроме его друзей,

Других врагов, за исключением тех,
Кто злоумыслит на его державу.
Так действуйте — и бог вам да поможет.

Входит сэр Джон Фастолф.

Ф а с т о л ф.

Мой государь, когда я из Кале
На вашу коронацию спешил,
Для вашей милости вручили мне
От герцога Бургундского письмо.

Т о л б о т

Позор тебе и герцогу! Я клялся,
Трусливый рыцарь, встретившись с тобой,
Сорвать Подвязку прочь с ноги презренной.

(Срывает с него орден Подвязки.)

Так сделал я, затем что недостойно
Ты в этот сан высокий возведен. —
Простите, Генрих царственный и лорды,
Трус этот в битве при Пате, когда
Со мной всего шесть тысяч войска было,
А у французов больше в десять раз,
Пред схваткою, до первого удара,
Удрал, как новичок-оруженосец.
В тот приступ больше тысячи людей
Убитыми лишились мы. Я сам

**Позор отчизны! Вот мой приговор:
Ступай отсюда прочь ты,
 бывший рыцарь;
Тебя под страхом смерти изгоняем.**

Теперь, милорд протектор, прочитайте,
Что пишет дядя наш, Бургундский герцог.

Что это значит? Слог переменял он.
Лишь коротко и просто: “Королю”.
Забыл он, что ему вы государь?
Иль означает этот краткий титул,
Что изменил он к вам расположение?
Ну что там?

“По причинам чрезвычайным,
Скорбя о бедствиях родной страны,
Тобою угнетенным сострадаю,
Я разорвал постыдный наш союз
И под знамена Карла перешел”.
Чудовищный обман! Возможно ль это?
При дружбе, клятвах верности, родстве —
Столь низкая, коварная измена?

Генрих VI и его двор. Рис. Б.Шоу

К о р о л ь Г е н р и х

Бургундский герцог, дядя мой, восстал?

Г л о с т е р

Да, государь, и вашим стал врагом.

К о р о л ь Г е н р и х

И это худшее, что есть в письме?

Г л о с т е р

Да, худшее, король, и это все.

К о р о л ь Г е н р и х

Тогда пусть с ним поговорит лорд Толбот

И кару за обман ему воздаст. —

Что скажете, милорд? Довольны вы?

Т о л б о т

Еще бы! Вы меня опередили.

Я сам хотел об этом вас просить.

К о р о л ь Г е н р и х

Собрав войска, идите на него.

Пусть видят, что не терпим мы измены

И что нельзя глумиться над друзьями.

Т о л б о т

Да, государь. От всей души желаю,
Чтоб увидали вы разгром врагов.

(Уходит.)

Входят Вернон и Бассет.

В е р н о н

Дозвольте, государь, мне с ним сразиться.

Б а с с е т

И мне дозвольте, добрый государь.

Й о р к

То мой слуга. Внемли ему, король.

С о м е р с е т

А этот мой. Будь благосклонен, Генрих.

К о р о л ь Г е н р и х

Терпенье, лорды. Дайте мне сказать. —
Что, господа, шуметь вас заставляет?
С кем биться вы хотите? И зачем?

В е р н о н

С ним, государь: он оскорбил меня.

К о р о л ь Г е н р и х

В чем оскорбление это состоит?
Скажите мне, и я отвечу вам.

Б а с с е т

Когда во Францию мы плыли морем,
Вот этот малый дерзким языком
Корил меня за розу, что ношу я;
Он говорил, что цвет ее кровавый
Напоминает, как пылали щеки
У господина моего, когда
Отверг он правду в споре о правах,
Что с Йоркским герцогом затеял он.
Сказал еще он много слов обидных.
Чтоб злую опровергнуть клевету
И господина честь восстановить,
Прошу мне разрешить с ним поединок.

В е р н о н

И я прошу о том же, государь.
Хоть он стремится выдумкою хитрой
Лоск навести на умысел свой дерзкий,
Все же — знайте, государь, — меня задел он
И первый опорочил этот знак,
Сказав, что бледность моего цветка
Обозначает слабодушье Йорка.

Й о р к

Когда вражду оставишь, Сомерсет?

С о м е р с е т

Твой лютый гнев, лорд Йорк, наружу рвется,
Хоть ты его старательно скрываешь.

К о р о л ь Г е н р и х

Бог мой! Что за безумье мозг дурманит,
Когда столь мелкой,

вздорною причиной

Такой раздор мятежный порожден!
Кузены наши, Сомерсет и Йорк,
Прошу вас, успокойтесь, помиритесь.

Й о р к

Сперва пусть битва разрешит раздор;
Потом вы, государь, нас примирите.

С о м е р с е т

Наш спор затрагивает только нас,
Так пусть меж нами будет он решен.

Й о р к

Вот мой залог. Бери же, Сомерсет.

Вернон

Пусть там решится спор, где он возник.

Бассет

Согласье дайте, благородный лорд.

Глостер

Согласье дать? Да пропади ваш спор!
Проклятье вам, надменные вассалы,
И дерзкой вашей болтовне!

Не стыдно ль
Нахальной, шумной яростью своей
Тревожить короля и нас? — А вы,
Милорды, думается мне, не правы,
Что терпите их злые пререканья.
Но что прискорбнее всего — их речи
И среди вас вот-вот зажгут вражду.
Послушайте меня и образумьтесь.

Эксетер

Миритесь. Не печальте короля.

Король Генрих

Вы, жаждущие битвы, подойдите.
Велю вам впредь, коль страшен вам мой гнев,
Оставить спор, забыть его причину. —

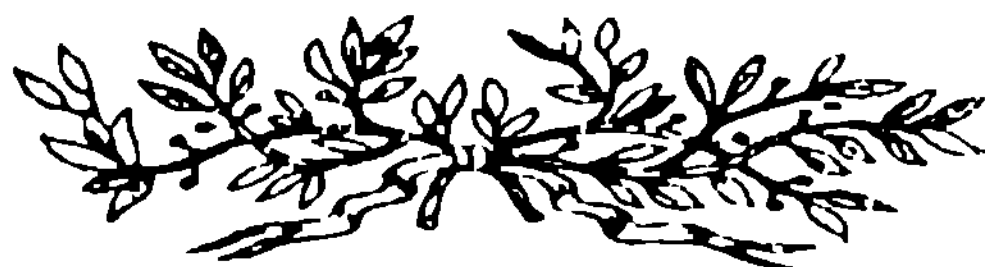

Вы ж, лорды, вспомните, что мы сейчас
В стране изменчивой, непостоянной.
Когда раздор приметят в ваших взорах,
Про наши разногласия узнают,
Сердца озлобленные подстрекнутся
К непослушанию и мятежу.
К тому ж, какой нам учинится срам,
Коль станет королям чужим известно,
Что ради прихоти пустой, забавы,
Цвет нашей знати, Генриховы пэры
Лишились Франции, подняв раздор!
О, вспомните отца завоеванья,
Мой возраст нежный и не потеряйте
Из-за безделки то, что стоит крови!
Посредником я буду в вашем споре.
Коль эту розу приколю, ужель
Даст основание это заподозрить,
Что Сомерсета Йорку предпочел я?

(Прикалывает алую розу.)

Родня мне оба, и люблю обоих.
Еще меня короной попрекните:
Король шотландский тоже, мол,
в короне?

Но вас благоразумье убедит
Скорее, чем смогу я научить вас.
А посему, как в мире мы пришли,
Так пусть пребудем мы в любви и мире.

Брат Йорк, мы вашу светлость назначаем
Наместником во Франции. — А вы,
Мой Сомерсет, своих кавалеристов
С его пехотою соедините
И, соблюдая честь отцов и верность,
Идите вместе, дружно, чтобы гнев
На головы врагов своих обрушить. —
Здесь, отдохнув, мы двинемся в Кале,
Оттуда ж в Англию, куда, надеюсь,
Пришлете скоро вы в подарок нам
Дофина, Алансона, всю их шайку.

Трубы

Уходят все, кроме Йорка, Уорика,
Эксетера и Вернона.

Уорик

Лорд Йорк, не правда ль,
наш король сегодня
Отлично роль оратора сыграл?

Йорк

Конечно. Но мне все ж не по вкусу,
Что приколот он Сомерсета знак.

Уорик

Ну, полно! Это ведь пустая прихоть.

Сцена 2

Перед Бордо.

Входит Т о л б о т под звуки труб и барабанов.

Т о л б о т

Трубач, приблизься к воротам Бордо
И вызови на стену их вождя.

Трубач трубит.

На стену всходят к о м а н д у ю щ и й ф р а н ц у з с к и м и
в о й с к а м и и д р у г и е.

Сюда зовет вас Толбот, полководец,
Что служит в битвах своему монарху.
Он вам велит: ворота отворите
И моего признайте короля.
Как подданные честь ему воздайте, —
И с беспощадным войском я уйду.
Но если мир отвергнете упрямо,
Вы навлечете гнев трех слуг моих:
То голод, острый меч и жадный пламень.
Коль сами вы отклоните их милость,
Все ваши гордые, крутые башни
В единый миг сравняются с землей.

К о м а н д у ю щ и й

Зловещий, грозный сыч, глашатай смерти,
Кровавый бич народа моего,

Жестокости твоей конец приходит!
 Лишь мертвый можешь ты проникнуть к нам.
 Узнай: мы хорошо укреплены,
 И хватит сил, чтоб выйти и сразиться.
 Коль двинешься назад, дофин с войсками
 Тебя опутает железной сетью.
 Со всех сторон расставлены отряды,
 Что бегство преградить тебе должны.
 Куда б ни бросился, ища спасенья,
 Тебя везде подстерегает смерть,
 И бледную погибель встретишь ты.
 Французов десять тысяч поклялись
 Святым причастием, что злые пушки
 Ни на одну из христианских душ,
 Кроме тебя, не станут направлять.
 Вот ты живой стоишь передо мною,
 Храбрец с несокрушимою отвагой!
 Тебе последнюю хвалу и славу
 Я воздаю сейчас, хоть ты и враг.
 Песок, что начал сыпаться в часах,
 Течения своего не завершит,
 Как взор мой, что тебя цветущим видит,
 Тебя узрит окровавленным, бледным,
 Бесчувственным, безгласным мертвецом. —
 Чу, барабан дофина! Трепещи!
 Он погребальный марш тебе играет,
 А мой тебе отходную пробьет.

Командующий и другие уходят.

Толбот

Не обманул он: слышу я врага. —
Их фланги осмотреть, кавалеристы! —
В военном оплошали мы искусстве!
Оленей наших маленькое стадо
В ограду загнано, окружено
Собак французских лающей сворой.
Отважны будем, с первого удара
Не задрожим от страха, но свирепо,
Как яростные рогачи, направим
Стальные лбы на кровожадных псов,
Врага заставив отступить бесславно.
Пусть каждый жизнь свою продаст, как я, —
Найдут, что стоят дорого олени. —
Святой Георгий, Толбот, бог и право!
Да осенит знамена наши слава!

(Уходит.)

Сцена 3

Равнина в Гасконии.

Входит Йорк с войском, к нему подходит гонец.

Йорк

Вернулись ли разведчики назад,
Следившие за армией дофина?

Г о н е ц

Милорд, они вернулись; сообщают,
Что с войском он направился в Бордо —
Сразиться с Толботом, а по дороге,
Как говорят лазутчики, к дофину
Примкнули два отряда покрупнее
И вместе с ним направились туда же.

Й о р к

Проклятье негодяю Сомерсету,
Что медлит в подкрепление мне прислать
Отряд кавалеристов для осады!
Ждет добрый Толбот помощи моей;
Меня ж дурачит мерзостный изменник,
И я не в силах славному помочь.
Господь, заступник будь ему в нужде!
Коль он падет, конец войне французской.

Входит сэр Уильям Люси.

Л ю с и

Высокий предводитель сил английских!
В такой подмоге спешной никогда
Мы не нуждались на земле французской.
Скачи на помощь Толботу скорей;
Он поясом железным опоясан
И гибелью ужасной окружен.

В Бордо, отважный герцог Йорк, в Бордо!
Иль Толбот, Франция и честь, прощайте!

Й о р к

О, если б вместо Толбота был там
Надменный Сомерсет,
 что портит дело,
Мы сберегли бы храброго бойца,
Изменника и труса потеряв.
Я чуть не плачу, гнев меня объемлет:
Мы гибнем, а предатель гнусный дремлет.

Л ю с и

О, помогите лорду в час суровый!

Й о р к

Он гибнет, — должен я нарушить слово;
Француз ликует, — мы в пучине бед.
Всему виной предатель Сомерсет.

Л ю с и

Так душу Толбота помилуй, боже,
И Джона, сына юного его!
К отцу поехал он: его я встретил.
Семь лет был Толбот с сыном разлучен, —
И вот с ним вместе смерть увидит он.

Й о р к

А, не на радость сын приедет милый, —
С ним встретится лорд Толбот у могилы.
Прочь! Задыхаюсь я, скорбя о том,
Что встретятся в час смерти сын с отцом.
Люси, прощай! Могу лишь проклинать
Того, кто не послал нам в помощь рать.
Пуатье, Блуа и Тура больше нет, —
Всего лишил нас подлый Сомерсет.

Л ю с и

Пока раздора коршун роковой
Терзает грудь высоких полководцев,
Небрежность, лень лишают нас всего,
Что нам стяжал недавно опочивший
Король, навеки славный Генрих Пятый.
Пока они враждуют меж собой,
Все гибнет — жизнь, и честь, и край родной.

(Уходит.)

Сцена 4

Другая равнина в Гаскони.

Входят Сомерсет с войском, с ним офицер Толбота.

С о м е р с е т

Теперь уж поздно, не могу послать.
Толбот и Йорк с поспешностью чрезмерной

Затеяли поход. Всех наших сил
Не хватит, чтобы вылазку отбить
Из города. Чрезмерно храбрый Толбот
Сиянье прежней славы омрачил
Бездумным, диким, вздорным предприятием.
Йорк Толбота решил на смерть послать,
Чтоб самому великим Йорком стать.

Входит сэр Уильям Люси.

О ф и ц е р

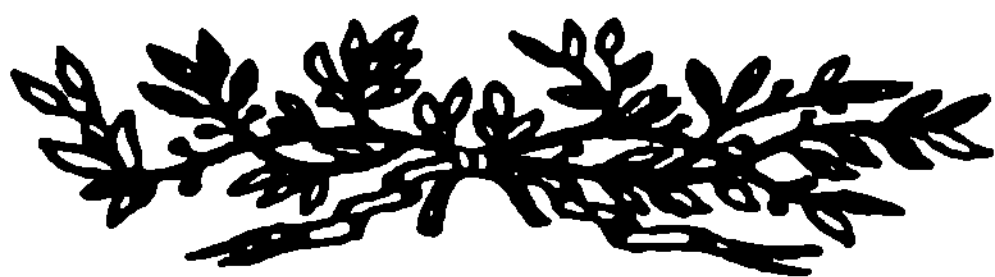
Вот и сэр Люси, что со мною послан
За помощью для гибнущих полков.

С о м е р с е т

Сэр Уильям, кем вы посланы, скажите?

Л ю с и

Кем? Толботом, что продан был и куплен.
Бедою дерзостною окружен,
Он призывает Йорка, Сомерсета,
Чтоб натиск смерти отвратить от слабых
Своих полков. Меж тем как вождь достойный
Кровавым потом истекает в битве,
Чрез силу держится, подмоги ждет,
Вы, лживая опора и надежда,
Стоите в стороне, пылая распрей.

Пусть личный ваш раздор не помешает
Послать ему готовую подмогу.
Ведь лорду знаменитому грозят
Со всех сторон враги несметной силой:
Бургундский герцог, Карл,
Бастард, Рене
И Алансон кольцом его сдавили,
И Толбот погибает из-за вас.

С о м е р с е т

Йорк подстрекнул его, — пусть он поможет.

Л ю с и

А Йорк во всем винит лишь вашу светлость,
Клянясь, что задержали вы отряды,
Предназначавшиеся для похода.

С о м е р с е т

Лжет Йорк! Он мог за конницей прислать.
Чтить и любить его я не обязан.
Унизился бы я пред ним, послав
Ему без просьбы конные отряды.

Л ю с и

Обман английский, не французов мощь,
Опутал сетью главного героя.

Он не вернется в Англию живым:
Погублен он раздором роковым.

С о м е р с е т

Я конницу пошлю без промедленья,
Через шесть часов получит подкрепление.

Л ю с и

Уж поздно: он в плену или убит.
Когда б и захотел, не мог бежать он,
А если б он и мог, не захотел бы.

С о м е р с е т

Коль умер Толбот, — так прощай, герой!

Л ю с и

Он славою покрыт, а вы — хулой.

(Уходит.)

Сцена 5

Английский лагерь близ Бордо.

Входят Толбот и Джон, его сын.

Т о л б о т

О юный Джон! Я за тобой послал,
Чтоб научить военному искусству, —

Чтоб имя Толбота в тебе воскресло,
Когда иссохшей старостью, бессильем
Прикован к ложу будет твой отец.
Но — о губительные, злые звезды! —
Приходишь ныне ты на праздник смерти,
Беды ужасной и неотразимой.
Садись на лучшего коня, мой мальчик;
Я научу тебя, как быстрым бегством
Спаستись. Иди, не медли. Бог с тобой!

Д ж о н

Я Толботом зовусь, вам сын родной —
И побегу? Коль мать моя мила вам,
Вы не позорьте имени ее.
Меня Бастардом, трусом почитая.
Все скажут: “Он не Толботом рожден,
Коль убежал, вождя покинув, он”.

Т о л б о т

Беги, чтоб за меня отмстить нещадно.

Д ж о н

Кто так бежит, тот не придет обратно.

Толбот

Оставшись, оба встретим свой конец.

Д ж о н

Я остаюсь. Бегите вы, отец.
Смерть ваша принесет ущерб несметный,
Моя ж гибель будет незаметной.
Моею смертью хвастать враг не станет,
А с вашей гибелью надежда канет.
Честь вашу не убьет побег такой,
Мою ж убьет, — нет подвигов за мной.
Про ваше бегство скажут: “Здесь расчет”, —
Меня же всякий трусом назовет.
Надежды нет на то, что буду смел,
Когда в сраженье первом оробел.
Молю вас, дайте с честью умереть;
Отрадней это мне, чем срам терпеть.

Т о л б о т

Не любишь матери, коль рвешься к гробу.

Д ж о н

Я не хочу срамить ее утробу.

Т о л б о т

Иди. Отцовской покоряйся воле.

Д ж о н

Пойду, но в битву, на врага, не с поля.

Т о л б о т

Честь твоего отца с тобой спасется.

Д ж о н

Нет, лишь позор на долю мне придется.

Т о л б о т

Ты не был славен. Срам тебе грозит ли?

Д ж о н

А вашей славе бегство повредит ли?

Т о л б о т

Мой сын, приказ отца сотрет твой стыд.

Д ж о н

Но, коль умрешь, кто это подтвердит?
Коль неизбежна смерть, бежим вдвоем.

Т о л б о т

Ну, а войска? Их смерти обречем?
Я стар и не срамился никогда.

Д ж о н

Иль юности бесчестье — не беда?
Вам от себя меня не отделить,

Как пополам себя не разделить.
Везде за вами я пойду вослед;
Коль мой отец умрет, мне жизни нет.

Т о л б о т

Тогда прощусь с тобой, сын милый Джон.
Ты в этот день угаснуть обречен.
Идем. Бок о бок мы умрем с тобой
И к небу полетим душа с душой.

Уходят.

Сцена 6

Поле сражения.

Шум битвы. Стычки.

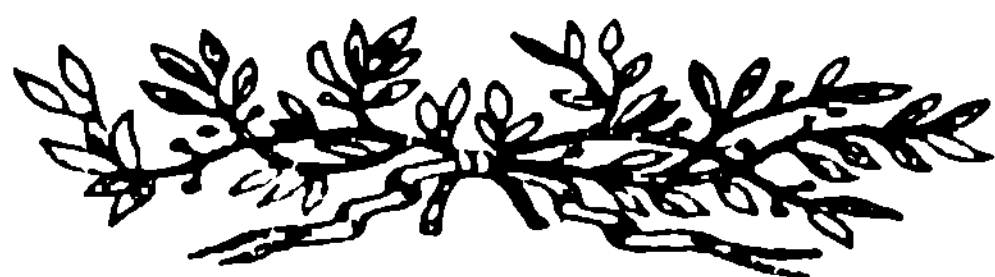
Сын Толбота окружен. Толбот его выручает.

Т о л б о т

Святой Георгий и победа! Бейтесь!
Регент нарушил данное мне слово
И нас обрек мечу врага лихого.
Где Джон? — Постой, набраться надо сил;
Тебя от смерти спас я, жизнь продлил.

Д ж о н

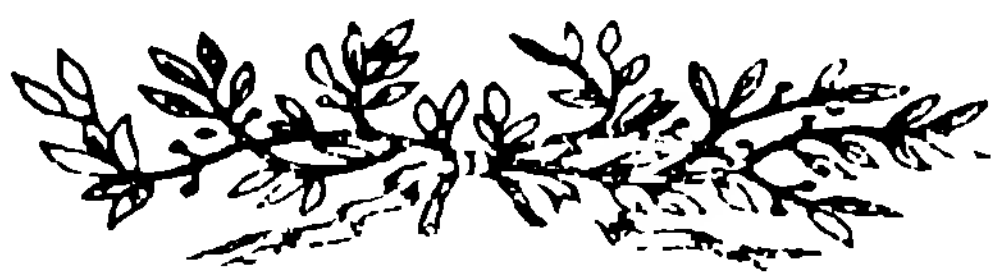
Я дважды сын твой, ты отец мне дважды!
Терял я жизнь, что ты мне дал однажды,

Но ты, назло судьбе, свой меч извлек,
Даруя дням истекшим новый срок.

Т о л б о т

Когда мечом ты искры высекал
Из шлема Карла, вдруг я воспылал
Надеждой гордой на победу. Старость
Познала юную отвагу, ярость.
Отбит Бастард, Бургундец, Алансон,
И от надменных галлов ты спасен.
Бастард, что течь заставил кровь твою,
С кем девственный ты меч скрестил в бою,
Мне вскоре встретился; я поспешил
Кровь незаконную из гнусных жил
Пролить и говорил, глумясь над ним:
“Бастард, вот пролита мечом моим
Твоя худая, мерзкая, гнилая
И низменная кровь; тебе отмщаю
За чистую кровь сына моего,
Что пролил ты”. Хотел убить его,
Но помощь к ним пришла. Скажи, мой Джон,
Как чувствуешь себя? Не утомлен?
Теперь, надеюсь, ты готов бежать,
Когда ты принял рыцарства печать?
Беги, чтоб отомстить за смерть мою.
Что значит помощь одного в бою?
Безумие, пускаясь в быстрину,

Всем доверяться одному челну!
Коль ныне не убьет французов ярость,
На завтра в гроб меня уложит старость.
Враг от меня не многим поживится,
И жизнь моя лишь на день сократится;
С тобой же юность, мать твоя, наш род,
Отмщенье, честь отчизны — все умрет.
Их ожидает гибель здесь с тобой;
Их сохранишь ты, коль покинешь бой.

Д ж о н

Мне зла не причинил Бастарда меч,
Но сердца кровь исторгла ваша речь.
О, прежде чем бесчестье наживая,
Спасая жизнь и славу убивая,
Отца покинет Джон и убежит,
Пусть будет мой трусливый конь убит!
Пусть мужиком французским стану я,
И срам и беды хлынут на меня!
Клянусь величием вашим, коль один
Я с поля убегу — я вам не сын.
Не говори о бегстве! Честь дороже!
Сын Толбота у ног отца умрет.

Т о л б о т

Так за отцом иди, Икар Злосчастный!
Я жизнью дорожу твоей прекрасной,

Сражаться будешь рядом ты с отцом
И доблестною, смертью мы умрем.

Уходят.

Сцена 7

Другая часть поля сражения.

Шум битвы. Стычка.

Входит раненый Т о л б о т, поддерживаемый с л у г о й.

Т о л б о т

Где жизнь вторая? Я своей лишен.
Где Толбот молодой? Где храбрый Джон?
Смерть горестная, плена жребий злой,
Вы мне смешны, коль здесь мой сын — герой.
Увидел он, что сломлен я борьбой,
Взмахнул мечом кровавым надо мной
И, разъярившись, как голодный лев,
Он в подвигах излил свой лютый гнев.
Когда же страж мой гневный увидал,
Что он один, что враг пред ним бежал,
Ему затмило очи исступленье,
И от меня он ринулся в сражение,
В толпу врагов, рубя что было сил,
И в этом море крови утолил
Своей души воспламененной жар, —
И доблестно погиб мой сын, Икар.

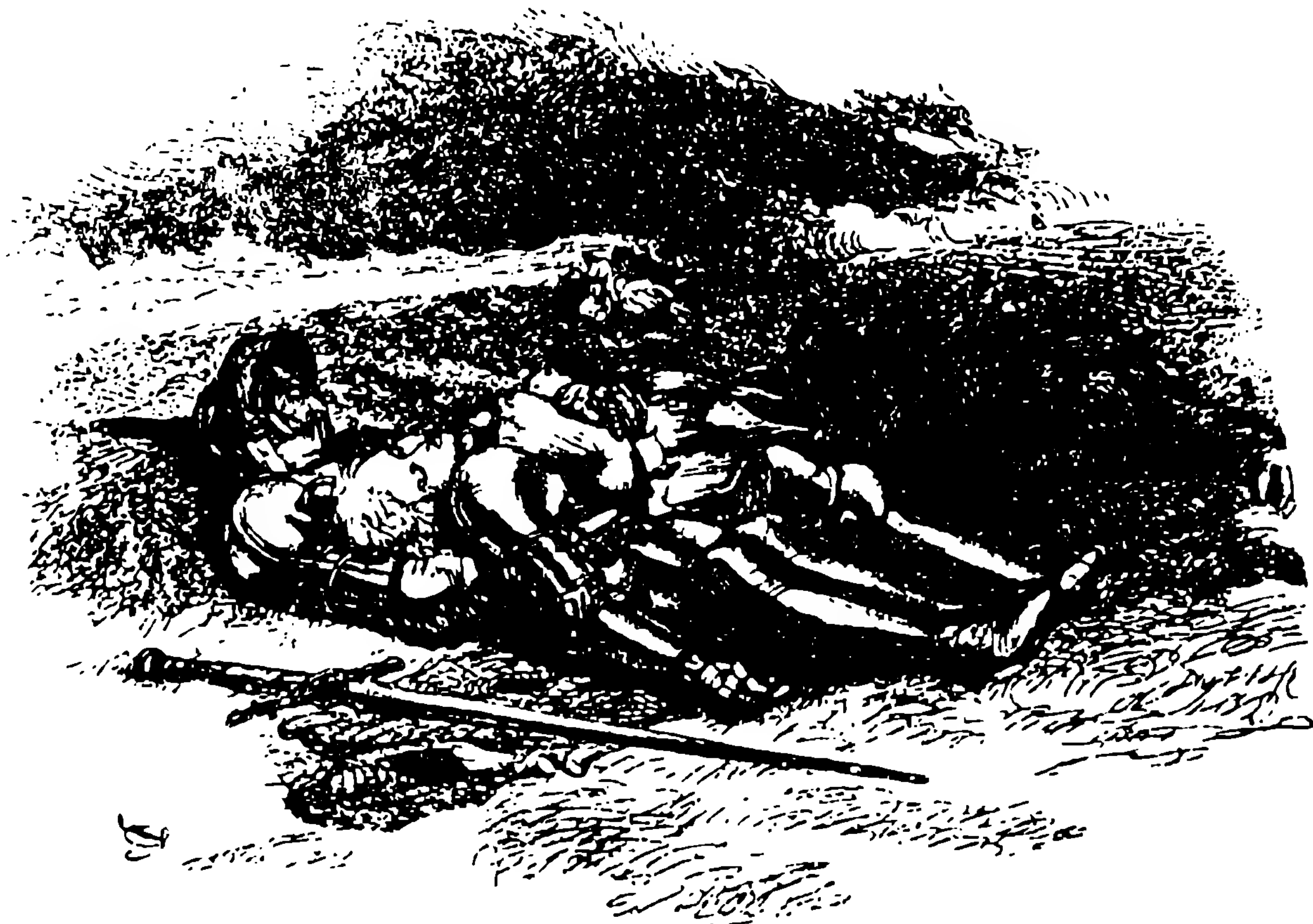
С л у г а

Милорд, вот сына вашего несут.

Входят солдаты, неся тело Джона Толбота

Т о л б о т

О смерть глумящаяся, дерзкий шут!
Избегнем мы твоих позорных уз,

Толбот-отец и Толбот-сын. Рис. Дж. Джильберта

Чтоб в вечности скрепить святой союз.
Два Толбота, мы воскресим в эфире,
Назло тебе стяжав бессмертье в мире. —

О ты, в чьих ранах смерть гнездится злая,
 Скажи отцу хоть слово, умирая.
 Вообрази, что смерть — француз, и ей
 Брось вызов речью смелою своею.
 Ты словно говоришь улыбкой слабой:
 “Будь смерть французом, нынче умерла бы”. —
 Сюда его, в объятия отца!
 Мой дух страдать не может без конца! —
 Прощайте, воины! — О сын мой милый!
 Объятия отца — твоя могила.

(Умирает.)

Солдаты и слуги,
 оставив тела Толбота и его сына, уходят.

Входят Карл, Алансон, герцог Бургундский,
 Бастард, Жанна д'Арк и французское войско.

К а р л

Приди на помощь Йорк и Сомерсет,
 Нам выпал бы сегодня день кровавый.

Б а с т а р д

Толбота львенок бился разъярен;
 Лил нашу кровь мечом презренным он.

Ж а н н а д ' А р к

Он встретился мне, и сказала я:
 “Ты будешь девой побежден, дитя!”

Он гордо поглядел и мне в ответ:
“Джон Толбот не за тем рожден на свет,
Чтоб гнусной девкой побежденным быть”, —
И ринулся французов он крошить,
Меня себе не почитая равной.

Герцог Бургундский

Да, из него бы вышел рыцарь славный.
Вот он лежит в объятиях того,
Кто на несчастье породил его.

Бастард

Рубите и кромсайте тех, что славу
Британцам дали, нам же —
стыд кровавый!

Карл

Нет! Тех, пред кем бежали столько раз,
Не станем мертвых оскорблять сейчас.

Входит

сэр Уильям Люси со свитой, перед ним
французский сержант.

Люси

Герольд, веди меня к шатру дофина,
Чтоб мне узнать, кто славу дня стяжал.

Великий маршал Генриха Шестого
В боях, что он во Франции ведет?

Ж а н н а д ' А р к

Дурацкая напыщенная речь!
Сам Турок, что полсотней царств владеет,
Таким пространным слогом не напишет.
А тот, кого так пышно величаешь,
Лежит, облеплен мухами, гниющий,
Смердящий под ногами у меня.

Л ю с и

Так Толбот умервщлен? Французов бич,
Гроза державы вашей, Немезида?
О, если б очи превратились в ядра,
Чтобы метнуть их вам, враги, в лицо!
О, если б мог вернуть его я к жизни,
На всю бы Францию навел он ужас!
Когда б его портрет остался тут,
Храбрейшего из вас он устранил бы.
Отдайте мне тела, чтоб унести их
И погребению предать с почетом.

Ж а н н а д ' А р к

Не Толбота ли дух в него вселился?
Так властно он и гордо говорит.

Тела ему отдайте, ради бога,
Они лишь воздух заражают здесь.

К а р л

Отдать ему тела.

Л ю с и

Я унесу их,
Но феникс будет пеплом их рожден,
И Францию повергнет в трепет он.

К а р л

Бери и делай с ними, что захочешь. —
Теперь в Париж. К победам путь открыт;
Всем завладеем, — Толбот ведь убит.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Лондон. Покой во дворце.
Трубы.

Входят король Генрих VI, Глостер и Эксетер.

Король Генрих

Прочли вы письма, что прислали папа,
Граф д'Арманьяк и римский император?

Глостер

Да, государь. Вот содержание их:
Ваше величество смиренно просят,
Чтоб заключен был мир благочестивый
Между державой вашей и французской.

Король Генрих

Как смотрите, милорд, на предложенье?

Г л о с т е р

Я вижу в нем единственное средство
Унять потоки христианской крови
И повсеместно мир восстановить.

К о р о л ь Г е н р и х

Вы правы, дядя. Думал я всегда,
Что неестественно и нечестиво,
Коль царствует раздор бесчеловечный
Между приверженцами той же веры.

Г л о с т е р

К тому ж, король, чтобы скорей свершить
И затянуть покрепче узел дружбы,
Граф д'Арманьяк, дофину кровно близкий
И человек с влиянием огромным,
Единственную дочь вам предлагает
В супруги, с крупным, царственным приданым.

К о р о л ь Г е н р и х

В супруги, дядя? Ах, так молод я,
И мне к лицу скорей ученье, книги,
Чем нежности игривые с любезной.
Однако пригласим сюда послов;
Ответ им дайте, как найдете нужным.

Я всякому решению буду рад,
Что к славе божьей и стране во благо.

Входят легат, два посла и епископ Уинчестерский
в кардинальском облачении.

Э к с е т е р

Как! Лорд Уинчестер уж повышен в званье
И получил он кардинальский сан?
Я вижу, оправдается теперь,
Что предсказал когда-то Генрих Пятый:
“Когда Уинчестер станет кардиналом,
Сравняет шляпу он свою с короной”.

К о р о л ь Г е н р и х

Высокие послы! Мы рассмотрели
И обсудили ваши предложенья.
Разумна и прекрасна ваша цель,
И посему решили начертать мы
Условия дружеского мира; их
Епископу Уинчестеру поручим
Во Францию немедля отвезти.

Г л о с т е р

А что до предложенья Арманьяка,
Я доложил подробно королю
О качествах возвышенных графини,

О красоте и о приданом ценном. —
Ее решил он сделать королевой.

К о р о л ь Г е н р и х

И в подтвержденье нашего согласия
Свезите ей брильянт — залог любви. —
Итак, милорд-протектор, позаботьтесь
Ее со свитою доставить в Довер;
Затем доверим их судьбу волнам.

Король Генрих со свитой, Глостер,
Эксетер и послы уходят.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й

Постойте, господин легат, сперва
Вручу вам сумму, что я обещал
Его святейшеству за сан высокий,
Которым он облек меня недавно.

Л е г а т

К услугам вашего преосвященства.

Е п и с к о п У и н ч е с т е р с к и й
(в сторону)

Теперь уж Уинчестер не покорится;
Сильнейшим пэрам не уступит он.
Ты скоро убедишься, Хемфри Глостер,
Что властью и рождением никогда ты

Не превзойдешь высокого прелата.
Уверен будь, что я тебя согну
Иль возмущеньем разорю страну.

Уходят.

Сцена 2

Франция. Равнина в Анжу.

Входят Карл, герцог Бургундский, герцог
Алансонский, Бастард, Рене, Жанна д'Арк
и войско.

К а р л

Наш дух унылый эта весть ободрит.
Как слышно, возмутились парижане;
Французская проснулась доблесть в них.

А л а н с о н

Так путь к Парижу, славный Карл, свершай;
Здесь времени напрасно не теряй.

Ж а н н а д ' А р к

Мир парижанам, если к нам примкнут, —
Не то дворцы их гордые падут.

Входит разведчик.

Р а з в е д ч и к

Успехов славному вождю желаю
И счастья вам, сподвижникам его!

К а р л

Что говорят разведчики? Скажи нам.

Р а з в е д ч и к

Английские войска, что прежде шли
Двумя отрядами, соединились
И собираются вам битву дать.

К а р л

Известье неожиданно, сеньоры;
Но приготовимся немедля к встрече.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

К нам призрак Толбота не прилетит;
Коль нет его, ничто нас не страшит.

Ж а н н а д ' А р к

Из низких чувств постыднейшее — страх,
Победе прикажи —

слетит к тебе

На зло врагу, вселенной и судьбе.

К а р л

Вперед, друзья! За Францию! В час добрый!

Уходят.

Сцена 3

Там же. Перед Анжером.

Шум битвы. Стычки

Входит Ж а н н а д 'А р к.

Ж а н н а д 'А р к

Регент теснит нас, и бегут французы.

Так помогайте, чары, амулеты

И вы, руководящие мной духи!

Явите знак событий предстоящих.

Гром.

Проворные заступники мои,

Вы, что владыке севера покорны,

Явитесь, помогите мне сейчас!

Входят з л ы е д у х и.

То, что явились так поспешно вы,

Обычное доказывает рвенье.

Вы, духи — покровители мои,

Слетевшиеся из глубин подземных,

Доставьте снова Франции победу!

Явление духов Жанне д'Арк. Рис. Дж. Джильберта

Духи безмолвно ходят вокруг нее.

О! Не томите же меня молчаньем!
Как я своею кровью вас кормила,
Готова руку отрубить свою
И вам отдать ее в залог успеха, —
Вы только помогите мне теперь.

Духи склоняют головы.

Надежды нет? Тогда отдам все тело,
Коль просьбу вы исполните мою.

Духи качают головами.

Ужель ни телом, ни кровавой жертвой
Не вымолю я помощи обычной?
Тогда возьмите душу, тело, все, —
Лишь Англии торжествовать не дайте.

Д у х и уходят.

Покинули меня! Настало время
Для Франции пернатый гордый шлем
Склонить пред Англией, главой поникнув.
Заклятья прежние мои бесплодны,
И с адом мне бороться не под силу.
Ты снова, Франция, падешь во прах.

Шум битвы.

Входят французы и англичане, сражаясь.
Жанна д'Арк вступает в единоборство с Йорком. Ее берут в плен.
Французы бегут.

Й о р к

Поймал тебя, французская красотка!
Скорей спусти заклятьем духов с цепи,
И пусть они тебе вернут свободу.
Добыча славная, — достойная и черта.
Вот ведьма хмурит брови, как Цирцея:
Мой образ, верно, хочет изменить.

Ж а н н а д 'А р к

На худший образ твой не переменишь.

Й о р к

О! Карл дофин — красавец хоть куда!
Твой прихотливый взор его лишь ценит.

Ж а н н а д 'А р к

Погибель вас возьми — тебя и Карла!
Пусть неожиданно, во время сна,
Придушат вас кровавыми руками.

Й о р к

Колдунья, ведьма гнусная, молчи!

Ж а н н а д 'А р к

Прошу тебя, дозволю мне проклинать.

Й о р к

Ты будешь клясть, злодейка, на костре.

Уходят.

Шум битвы.

Входит С е ф ф о л к, ведя за руку М а р г а р и т у.

С е ф ф о л к

Кто б ни была, ты — пленница моя.

(Смотрит на нее.)

Красавица, не убегай, не бойся!

Коснусь тебя почтительной рукой;

В знак мира вечного я эти пальцы

Целую и кладу на бок твой нежный.

Кто ты? Скажи, чтоб мне тебя почтить.

М а р г а р и т а

Кто б ни был ты, зовусь я Маргаритой,

И мой отец — Неаполя король.

С е ф ф о л к

Я граф, и Сеффоком меня зовут.

Не оскорбляйся же, природы чудо,

Что жребий твой — быть пленницей моей.

Так лебедь лебедят своих пушистых

Под сенью крыл в плену хранит любовно.

Но коль обидно быть тебе рабой,
Будь вольным другом мне. Иди домой.

Маргарита хочет уйти.

Останься! Отпустить ее нет сил:
Рука освобождает, сердце ж — нет.
Как солнце в зеркале реки играет,
В глаза бросая отраженный луч,
Так взор мой красота ее слепит.
Хотел бы я ухаживать за нею,
Но говорить не смею. Попрошу
Чернила и перо и объяснюсь ей.
Стыд, Де-Ла-Пуль! Не унижай себя.
Иль нем ты? Иль не пленница она?
Пред женщиной ужели ты робеешь?
Да, таково величье красоты,
Что поражает чувство и язык.

М а р г а р и т а

Скажи, граф Сеффолк, — если так зовешься, —
Какой мне выкуп за свободу дать?
Ведь я, как вижу, пленница твоя.

С е ф ф о л к
(в сторону)

Почем ты знаешь, что тебе откажут,
Раз ты не признавался ей в любви?

М а р г а р и т а

Что ты молчишь? Какой мне выкуп дать?

С е ф ф о л к
(в сторону)

Она прекрасна — попытаться надо,
И женщина — так можно победить.

М а р г а р и т а

Скажи, ты примешь выкуп? Да иль нет?

С е ф ф о л к
(в сторону)

Безумец! Вспомни про свою жену.
Как может быть твоею Маргарита?

М а р г а р и т а

Уйти мне лучше; он меня не слышит.

С е ф ф о л к
(в сторону)

Пропало все: легла дурная карта.

М а р г а р и т а

Несвязна речь; наверно, он помешан.

С е ф ф о л к
(в сторону)

И все ж достать возможно разрешение.

М а р г а р и т а

И все ж хочу я получить ответ.

С е ф ф о л к
(в сторону)

Добыюсь я Маргариты. Для кого же?
Для короля! Фу! Глуп я, как бревно!

М а р г а р и т а

Он говорит о бревнах: верно, плотник.

С е ф ф о л к
(в сторону)

Однако я свою исполню прихоть,
И водворится мир между двух держав.
Но все ж одна здесь трудность остается:
Отец ее — Неаполя король
И герцог Мена и Анжу, но беден,
И наша знать отвергнет этот брак.

М а р г а р и т а

Послушайте меня. Иль недосуг вам?

С е ф ф о л к
(в сторону)

Как ни сердись они, все ж будет так.
Ведь Генрих юн и быстро согласится.

(Маргарите.)
Принцесса, тайну вам хочу открыть.

М а р г а р и т а

Пусть я в плену; но он, как видно, рыцарь
И ни за что меня не оскорбит.

С е ф ф о л к

Благоволите выслушать, принцесса.

М а р г а р и т а
(в сторону)

Меня, быть может, выручат французы:
Тогда мне не нужна его любезность.

С е ф ф о л к

Принцесса милая, хочу сказать вам...

М а р г а р и т а
(в сторону)

В плену бывали женщины и прежде.

Сеффолк и Маргарита. Рис. Б.Шоу

С е ф ф о л к

Принцесса, что вы говорите там?

М а р г а р и т а

Простите, это недоразуменье...

С е ф ф о л к

Принцесса, вы сочли бы плен счастливым,
Когда бы он доставил вам корону?

М а р г а р и т а

Быть королевою в плену позорней,
Чем быть простой рабою. Государям
К лицу свобода.

С е ф ф о л к

Ты ее получишь,
Коль Генрих, Англии король, свободен.

М а р г а р и т а

Что мне за дело до его свободы?

С е ф ф о л к

Хочу тебя его супругой сделать,
Тебе дать в руки скипетр золотой,

Короной увенчать твою главу,
Коль согласишься быть моею...

М а р г а р и т а

Чем?

С е ф ф о л к

Его любовью.

М а р г а р и т а

Я недостойна стать его женою.

С е ф ф о л к

О нет, принцесса, недостойн я,
Коль сватаю красавицу ему,
А сам остаться должен в стороне.
Что скажете, принцесса? Вы согласны?

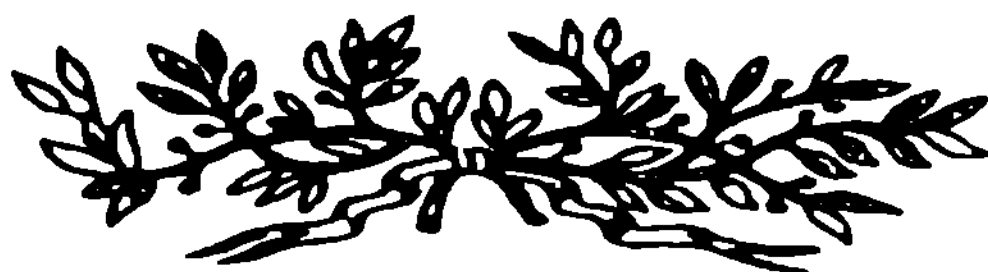
М а р г а р и т а

Когда отцу угодно, я согласна.

С е ф ф о л к

Сюда, начальники! Вперед, знамена! —
Здесь, перед замком вашего отца,
Принцесса, мы начнем переговоры.

Трубят к переговорам.

На стену всходит Р е н е.

Смотри, Рене, в плен дочь твоя взята!

Р е н е

Кем?

С е ф ф о л к

Мной.

Р е н е

Как, Сеффолк, этому помочь?
Ведь воин я и не умею плакать
И проклинять изменчивость судьбы.

С е ф ф о л к

Есть средство верное помочь,
сензор,
Согласье дай, своей же ради чести,
За моего монарха выдать дочь;
Ее для короля с трудом я добыл,
И это легкий, краткий плен ее
Подарит царственную ей свободу.

Р е н е

Ты, Сеффолк, правду говоришь?

С е ф ф о л к

Известно

Прекрасной дочери твоей, что Сеффолк
Не лжет, не притворяется, не льстит.

Р е н е

По рыцарскому слову твоему
Сойду, чтоб дать ответ на предложенье.

(Сходит со стены.)

С е ф ф о л к

Здесь подожду прихода твоего.

Трубы. Входит Р е н е.

Р е н е

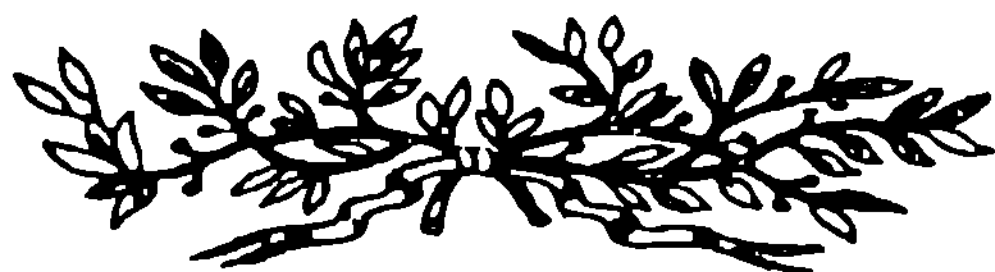
Привет тебе, граф славный, в наших землях.
Чего захочешь, требуй здесь в Анжу.

С е ф ф о л к

Благодарю, Рене. Как счастлив ты,
Имея дочь, достойную короны!
Но что ответишь мне на предложенье?

Р е н е

Коль ты ее, ничтожную, избрал
В невесты государю своему,

Я, при условии, что сохраню
Анжу и Мен, мои владенья, в мире,
Не ведая насилья и войны, —
Дочь Генриху отдам, коль он захочет.

С е ф ф о л к

Пусть это будет выкуп. Дочь прими.
А графствами твоими, я ручаюсь,
Отныне будешь мирно ты владеть.

Р е н е

Тебе, как представителю монарха,
Во имя Генриха, в знак договора,
Я руку дочери моей даю.

С е ф ф о л к

Прими ж, Рене Французский, благодарность
От короля, которому служу.

(В сторону.)

А все ж, признаться, было бы приятно
Быть за себя ходатаем сейчас.

(Громко.)

Я в Англию отправлюсь с новостями
И подготовлю заключение брака.
Итак, прощай, Рене, храни алмаз свой,
Как подобает, в золотом дворце.

С е ф ф о л к

А также поцелуй.

(Целует ее.)

М а р г а р и т а

Возьми его себе; я не дерзну
Такой пустой залог послать монарху.

Р е н е и М а р г а р и т а
уходят.

С е ф ф о л к

О если б ты была моей! Стой,
Сеффолк;
Ты не пускайся в этот лабиринт,
Где минотавры бродят и измены.
Плени монарха похвалами ей:
Припоминай все качества принцессы,
Ее красу, что превзошла искусство;
Во время плаванья об них
лишь думай,
Чтобы, склонив пред Генрихом колени,
В его душе зажечь восторг любви.

(Уходит.)

Сцена 4

Лагерь герцога Йоркского в Анжу.

Входят Йорк, Уорик и другие.

Йорк

Введите осужденную колдунью.

Входят Жанна д'Арк под стражей
и старик пастух.

Старик пастух

Ах, Жанна! Убиваешь ты отца!
Я для того ль искал тебя повсюду;
Чтоб на беду свою здесь увидеть
Твою безвременную, злую смерть?
Ах, Жанна, дочка, я умру с тобою!

Жанна д'Арк

Презренный нищий! Жалкий негодяй!
Я рождена от благородной крови.
Ты вовсе не отец мне, не родня.

Старик пастух

Тьфу! Тьфу! Ей-богу, лорды, врет она.
Я ей отец — то знает весь приход;
И мать ее жива и подтвердит,
Что первый плод она женитьбы нашей.

У о р и к

Бесстыдная! Отвергнешь ты родство?

Й о р к

Как жизнь ее была порочной, гнусной,
Такая же и смерть ей предстоит.

С т а р и к п а с т у х

Фу, Жанна! Можно ль быть такой упрямой?
Свидетель бог, ты плоть и кровь моя;
Из-за тебя я пролил слез немало.
Не отрекайся, дочка, от меня.

Ж а н н а д ' А р к

Пошел, мужик! — Подкуплен вами он:
Хотите скрыть моих венчанных предков.

С т а р и к п а с т у х

Да, за венчанье дал попу я рубль,
Когда на матери твоей женился.
Стань на колени, дитяtko мое,
И я тебя благословлю. — Не хочешь?
Будь проклят час рожденья твоего!
Хотел бы я теперь, чтоб молоко,
Которым мать твоя тебя кормила,
Крысиным ядом было, а не то —

Чтоб кровожадный волк тебя заел,
Когда пасла моих овец ты в поле!
Ты от отца, мерзавка, отреклась?
Сжечь, сжечь ее! Повесить — много чести.

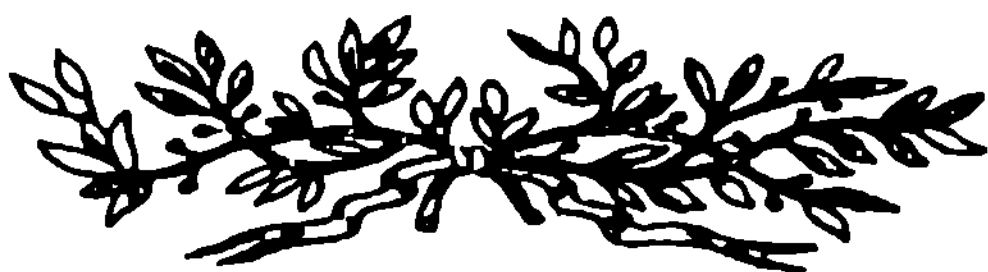
(Уходит.)

Й о р к

Убрать ее. Достаточно жила,
Своею скверной отравляя мир.

Ж а н н а д 'А р к

Кто вами осужден — сперва узнайте.
Не пастухом-мужланом рождена я,
Но род веду от крови королевской.
Я чистая избранница небес,
Озарена высокой благодатью,
Чтоб чудеса здесь на земле творить.
Я с бесами не зналась никогда.
Но вы, что похотью осквернены,
Замараны невинной кровью жертв,
Погрязли в злых пороках и разврате, —
Как сами благодати лишены,
Считаете, что можно чудеса
Творить лишь с помощью нечистой силы.
Вы в заблуждение грубом! Жанна д'Арк
Осталась девственницей с детских лет,
Чиста и непорочна даже в мыслях;

И девы кровь, пролитая жестоко,
О правой мести к небу воззовет.

Й о р к

Так, так. На казнь вести ее скорей!

У о р и к

Послушайте, раз девушка она,
Дров не жалейте, больше их кладите,
И бочки со смолою на костер
Вкатите, чтоб мученья сократить ей.

Ж а н н а д 'А р к

Ничто сердце безжалостных не тронет?
Так слабость, Жанна, им свою открой,
Что по закону даст тебе защиту. —
Беременна я, лютые убийцы!
Не умерщвляйте плод моей утробы,
Коль тащите меня на злую смерть.

Й о р к

Помилуй, бог! Беременна святая!

У о р и к

Вот чудо величайшее твое!
Иль к этому вела святая жизнь?

Й о р к

Она с дофином славно забавлялась,
Предвидел я, на что она сошлетя.

У о р и к

Ну, ладно. Не нужна нам жизнь
бастардов,
Особенно когда отец им Карл.

Ж а н н а д 'А р к

Ошиблись вы: не от него ребенок;
Был Алансон возлюбленным моим.

Й о р к

Ах, Алансон! Второй Макиавелли!
Дитя умрет, будь сотни жизней в нем:

Ж а н н а д 'А р к

Меня простите, я вас обманула:
Не Карл, не Алансон меня
пленил;
То был Рене, Неаполя король.

У о р и к

Женатый человек! Недопустимо!

Й о р к

Вот девушка! Она сама не знает,
Кого винить — так много было их.

У о р и к

Она была щедра и всем доступна.

Й о р к

И все же дева чистая она. —
Распутница! Себя и свой приплод
Ты осудила. Прочь! Мольбы напрасны.

Ж а н н а д 'А р к

Идемте ж. Но оставляю вам проклятье.
Пусть никогда отрадный

солнца свет

Не озаряет край, где вы живете,
Но тьма и сумрачные тени смерти
Покроют вас, пока в тоске и горе
Вы не затянете петлю на шее!

(Уходит под стражей.)

Й о р к

Рассыпья в прах, развейся черным пеплом,
Проклятая служительница ада!

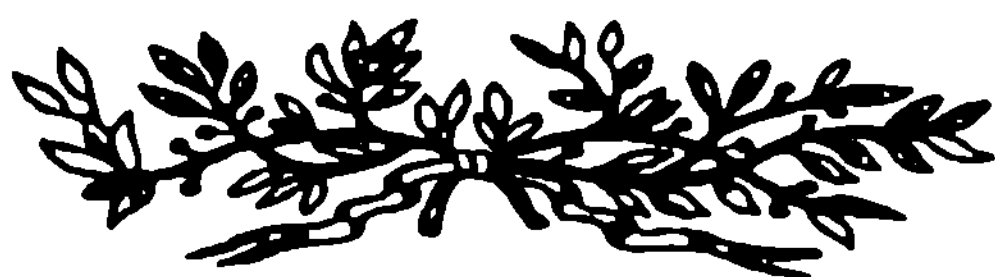
Входят
кардинал Бофорт, епископ Уинчестерский
со свитой.

К а р д и н а л

Милорд-регент, принес я полномочья
Для вашей милости от короля.
Милорды, христианские державы,
Об этих распрях пагубных скорбя,
Просили настоятельно, чтоб мы
Мир заключили с Францией надменной.
Поблизости от нас дофин со свитой:
Явился он вести переговоры.

Й о р к

Так вот к чему привел наш тяжкий труд!
Как! Потеряв так много славных пэров,
Дворян, вождей и рядовых солдат,
Погибших в этом долголетнем споре,
Отдавших жизнь за благо королевства,
Мы бабий мир постыдно заключим?
Иль мы изменой, подлостью,
коварством
Не потеряли многих городов,
Что доблестно завоевали предки? —
Ах, Уорик, Уорик! Я, скорбя, предвижу,
Что Франции лишимся мы совсем.

У о р и к

Терпенье, Йорк. Коль мир мы заключим,
То на условиях, столь для них суровых,
Что будет мало выгоды французам.

Входят Карл, Алансон, Бастард, Рене и другие.

К а р л

Поскольку это решено, милорды,
Мы перемирие провозгласим.
Явились мы, чтобы узнать от вас,
Какие ставите условия мира.

У о р и к

Ты говори, Уинчестер. Ярый гнев,
Сжав горло мне, слова не пропускает
При виде недругов, столь ненавистных.

К а р д и н а л

Карл и вы все, узнайте о решении:
Ввиду того, что Генрих согласился,
Из милосердия и сострадания,
Освободить ваш край от лютых войн
И дать вкусить вам плодоносный мир,
Вы станете вассалами его.
И если, Карл, ему ты поклянешься,
Что, подчинившись, станешь дань платить,

Поставлен будешь вице-королем
И сохранишь ты сан свой королевский.

А л а н с о н

Он станет тенью самого себя?
Коронкой жалкою чело украсит,
И, в сущности, по весу своему
Сравняется он с подданным простым?
Нелепо, безрассудно предложение!

К а р л

Известно всем, что большей половиной
Земель французских я уж завладел
И там считаюсь королем законным.
Ужель, прельстясь непокоренной частью,
Настолько отступлю от прав своих,
Чтоб всей страны стать вице-королем?
Нет, лорд-посол, я лучше сохраню
То, чем владею, нежели, погнавшись
За большим, потеряю разом все.

Й о р к

О дерзкий Карл! Иль к нам не посылал ты
Тайком посредников, чтоб мир снискать?
Едва ж дошло до соглашения дело,
Стал в стороне, пускаешься в сравненья?
Ну нет! Похищенный тобою титул

Прими как дар английского монарха,
Признав, что у тебя нет прав законных,
Иль будем войнами тебя казнить.

Р е н е

Вы, государь, упрямитесь напрасно,
К условиям договора придираясь.
Коль мы отвергнем, нет почти надежды,
Что встретите подобный случай вновь.

А л а н с о н
(*тихо, Карлу*)

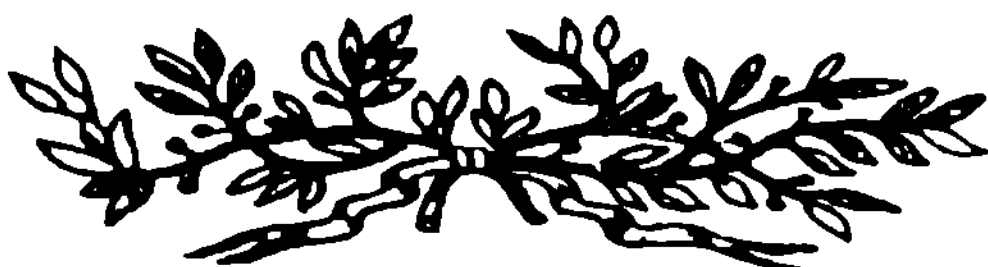
Сказать по правде, явите вы мудрость,
Спасая свой народ от истребления,
От яростной резни, что каждый день
Приносит нам ведение войны.
Примирийте лучше мирный договор:
Ведь вы всегда вольны его нарушить.

У о р и к

Что скажешь, Карл? Условия наши примешь?

К а р л

Приму;
Но только с оговоркою, что вы
На наши крепости не посягнете.

Й о р к

Так присягни монарху моему,
Как рыцарь; обещаю повиноваться
И против Англии не бунтовать.

К а р л и его с в и т а приносят присягу.

Так. Распустите же свои войска.
Свернуть знамена! Пусть замолкнут трубы.
Торжественно мы водворяем мир.

Уходят.

Сцена 5

Лондон. Покой в королевском дворце.

Входят король Генрих, разговаривая с Сеффолком,
Глостер и Эксетер.

К о р о л ь Г е н р и х

Граф благородный, вашим описанием
Прелестной Маргариты поражен я.
Ее достоинства и красота
В моей груди любовь уж зародили,
И, как порыв свирепый урагана
Порой корабль против течения гонит,
Так и меня влечет молва о ней.
Иль потерплю крушение, иль прибуду
К желанной пристани ее любви.

Сеффолк

Поверьте мне, король, рассказ мой краткий —
Лишь предисловие к ее хвале.
Всех совершенств прелестнейшей девицы, —

Англо-французский придворный костюм

Когда б имел талант их передать я, —
Хватило бы на целый том чудесный,
Способный даже хладный ум пленить.
Но главное: она не столь прекрасна
И преисполнена различных чар,
Как нежности и кротости полна,

И будет рада вам всегда служить, —
Служить, понятно, в самом чистом смысле,
Любя и чтя как своего супруга.

К о р о л ь Г е н р и х

Иного не прикажет Генрих ей. —
Итак, милорд-протектор, согласитесь,
Чтоб королевой стала Маргарита.

Г л о с т е р

Как согласиться? Это грех немалый.
Ведь вы же, государь, обручены
С другой достойной молодой девицей.
Так как же нам нарушить договор,
Не осквернив вас, государь, бесчестьем?

С е ф ф о л к

Как поступает с незаконной клятвой
Правитель; иль как рыцарь на турнире,
Сразиться клявшийся, уходит с поля,
Сочтя противника себе неравным.
Дочь графа бедного не ровня вам,
И без позора можно с ней порвать.

Г л о с т е р

Но чем, скажите, лучше Маргарита?

Ее отец не более как граф,
Хоть много пышных титулов имеет.

С е ф ф о л к

О нет, милорд; отец ее — король,
Король Неаполя, Иерусалима,
Во Франции большой имеет вес,
И с ним родство должно упрочить мир
И в подчинении держать французов.

Г л о с т е р

Но то же сделает граф Арманьяк,
Затем что близкий родственник он Карлу.

Э к с е т е р

К тому ж он даст приданое большое;
Рене ж скорее сам возьмет, чем даст.

С е ф ф о л к

Приданое? Монарха не порочьте!
Иль так он низок, беден и презренен,
Чтоб деньги предпочесть любви чистейшей?
Обогатить невесту может Генрих,
Не станет он искать ее богатств.
Жену крестьянин жалкий покупает,
Как лошадь, телку иль овцу на рынке.

Брак чересчур значительное дело, —
Не чрез ходатая его свершать.
Не та, что мы хотим, но та, что выбрал
Сам государь, должна делить с ним ложе.
И вот, милорды, раз ее он любит,
Сильнее всех других причина эта
Склоняет нас отдать ей предпочтенье.
Что брак по принуждению, как не ад,
Раздоры постоянные и ссоры?
Брак по любви блаженством наделяет
И образ мира высшего являет.
На ком жениться должен наш король
Как не на Маргарите, на принцессе?
Она и по красе и по рождению
Достойна быть супругой короля,
Вольнолюбивый дух ее и храбрость,
Столь редкие у женщин, в том порукой,
Что можно ждать от короля потомства.
Да, сын завоевателя, наш Генрих,
Завоевателей родить нам может,
Когда с девицею, столь твердой духом,
Как Маргарита, заключит он брак.
Согласье дайте, лорды, и решите,
Что королевою быть Маргарите.

К о р о л ь Г е н р и х

Я сам не знаю, благородный Сеффолк,

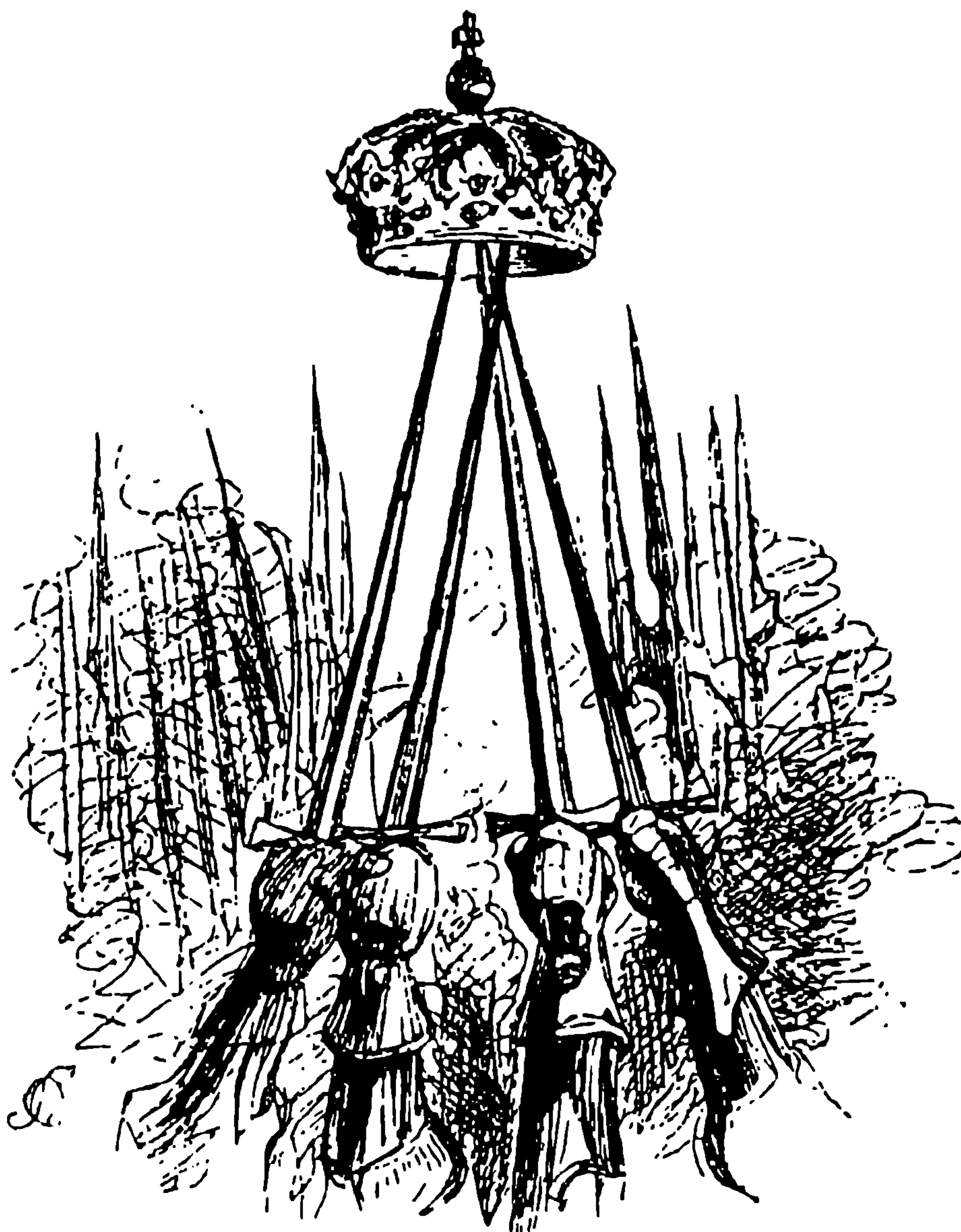

Рис. Джона Джильберта

От живости ли вашего рассказа,
Иль оттого, что юности моей
Еще не тронул пламень жгучей страсти, —
Но только чувствую в своей груди
Такой разлад, такой свирепый спор
Меж страхом и надеждою, что болен
Я от напора дум. Итак, милорд,
Во Францию поспешно отплывайте;

Примите все условия и добейтесь
 Согласия принцессы Маргариты
 К нам в Англию приплыть и на престоле
 Воссесть венчанной Генриха супругой.
 А на расходы ваши путевые
 С народа десятину соберите.
 Ступайте же. Пока вы не вернетесь,
 Терзаться буду тысячью тревог. —
 А вы не обижайтесь, добрый дядя;
 Когда вы станете меня судить
 По самому себе в былые годы,
 Я знаю, что легко вы извините
 Внезапное решение мое.
 Ведите же меня отсюда прочь;
 Я в одиночестве предамся грусти.

(Уходит.)

Г л о с т е р

Ах, опасаюсь я, что будет грусть
 Началом и концом его любви.

Г л о с т е р и Э к с е т е р уходят.

С е ф ф о л к

Вот Сеффолк победил и отплывает, —
 Как некогда плыл в Грецию Парис, —
 Надеясь также обрести любовь,
 Но встретить больше счастья, чем троянец.

Ведь Маргарита, королевой став,
Отныне будет править государем,
Я ж — ею, королем и всей страной.

(Уходит.)

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Nº 1.

Wm Shakspeare

2

William
Shakspeare

3

William
Shakspeare

4

Wm Shakspeare

5

Wm Shakspeare

Сопоставление пяти дошедших до нас
подписей Шекспира

Примечания к тексту “Генриха IV”

Часть 2

К с. 9. *Уоркуорт* — город в графстве Нортумберленд, которое служило оплотом аристократов-мятежников, возглавляемых Нортумберлендами, богатейшими землевладельцами в стране.

К с. 16. *Приам* — царь Трои (“Илиада” Гомера).

К с. 28. *Иов* — библейский праведник, образец долготерпения при всех специально насылаемых на него богом испытаниях.

К с. 43. ...*в дельфиновой комнате*. — Возможно, указание на некую реальную комнату в трактире “Кабанья голова”, в которой были, допустим, украшения с дельфинами.

К с. 51. *Сон Алтеи*. — Согласно древнегреческому мифу, Алтее (Алфее) снилось, будто ее сын умрет, как только догорят дрова в очаге. Паж имеет в виду “пылающий”, словно головешка, нос пьяницы Бардольфа: сравнение весьма натянутое, как это и видно из дальнейших разъяснений Пажы. Здесь и во многих других случаях Шекспир подчеркивает и распростра-

ненность, и приблизительность представлений о древней культуре, “возрождаемой” в его время. Образованные литераторы (каковыми являлся, например, Бен Джонсон) отмечали известную нетвердость представлений о древнем мире и у самого Шекспира.

К с. 52. ...от Яфета. — Яфет, сын Ноя, — одного из библейских праотцов рода человеческого.

К с. 59. “Когда... король Артур...” — Слова из старинной баллады “Сэр Ланселот Озерный” о легендарном короле Артуре и его рыцарях “круглого стола”.

К с. 62. Мистрис Доротея. — “Доль” — краткая форма имени Доротея.

К с. 64. ...в царство Эреба. — В греческой мифологии Эреб, сын Хаоса и Ночи, — олицетворение мрака.

Сюда, сюда... — Пистоль приводит строки из “кровавой” трагедии Джорджа Пиля “Турецкий Магомет и прекрасная гречанка Ирина”. Текст трагедии не дошел до нас.

К с. 65. Ломовые клячи, о как себя вы смеее равнять... — Пистоль снова цитирует, на этот раз из второй части трагедии Марло “Тамерлан”, при этом он начинает с монолога самого Тамерлана (“Азийские балованные клячи!”), а затем прибавляет строки из других мест той же трагедии. “Клячами” Тамерлан называет пленных царей, запряженных им в колесницу, — это полнейшее унижение противника, чего и добивается Пистоль.

Тогда толстей и жри, Калиподила. — Цитата из трагедии Пиля “Битва при Алькасаре”.

К с. 66. *Тогда дай мне уснуть навеки... о, Атропос.* — Вероятно, еще одна цитата. Атропос — третья из сестер-парок, она и обрывала нить человеческой жизни.

К с. 80. *Сцена вторая* происходит в Глостершире, неподалеку от родного графства Шекспира Варвик.

Шеллоу и Сайленс — это значит Пустой и Молчок.

К с. 81. *...служил нажом у Томаса Моубрея, герцога Норфолкского.* — Томас Моубрей, выведенный Шекспиром в “Ричарде II”, это отец лорда Моубрея, действующего в данной пьесе.

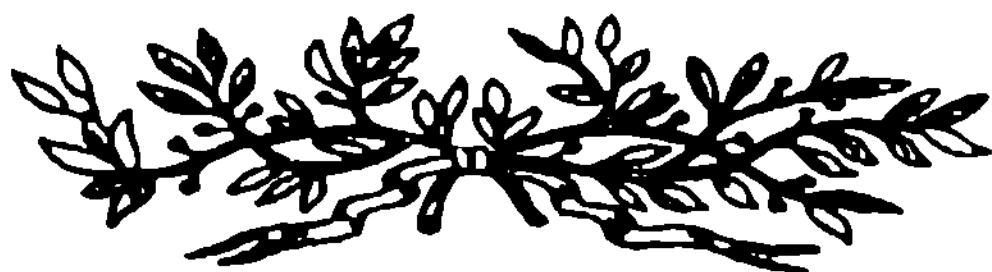
...знаменитому Скогену. — Генри Скоген — придворный поэт Генриха IV, но речь может идти и о Джоне Скогене, придворном шуте Эдуарда IV: в шекспировские времена были популярны приписываемые ему “Шутки”. Хронология в данном случае, конечно, не важна.

К с. 84. *Мистер Шуркард* — имя означает “верная карта”.

К с. 89. *В Сент-Джордже... на мельнице.* — Сент-Джордж — место воскресных гуляний неподалеку от Лондона на берегу Темзы; “мельница” — дом терпимости.

Дженни Найтуорк — Дженни Ночная работница.

К с. 92. *...играл сэра Дагонета ...о короле Артуре... ружейного стрелка.* — Дагонет — шут короля Артура; в шек-

спировские времена устраивались представления — соревнования стрелков из лука, каждому давалось имя одного из рыцарей Круглого стола.

К с. 93. *...подвиги на Торнбульстрите.* — Эта лондонская улица была известна своими притонами.

...звали корешком мандрагоры. — Считалось, что корень мандрагоры — усыпляющее средство.

К с. 98. *...нуждаемся в кровопусканье. От этого погиб король Ричард.* — Архиепископ говорит иносказательно, имея в виду, что Ричард II был низложен. По шекспировской пьесе “Ричард II” он был убит; скорее всего, его, поместив в заключение, уморили голодом.

К с. 130. *...перед смертью Эдуарда.* — Имеется в виду король Эдуард III, общий предок (дед и прадед) почти всех основных действующих лиц пьесы — из королевского окружения и оппозиции. Перед смертью Эдуард практически устранился от управления страной, тогда и вспыхнула между его детьми борьба за власть, затем продолжавшаяся не одно столетие.

К с. 163. *Пуф из Барсона* — огромного роста человек из Барсона в графстве Варвик.

...полон целой Африки чудес. — Пистоль, как видно, большой театрал, все время говорит строками из популярных пьес или же в стиле этих пьес. “Вам покажут Азию и Африку, и еще много разных государств в придачу”, — иронически

писал в ту же эпоху просвещенный поэт и прозаик, отмечая как недостатки стремительное и часто неоправданное перемещение места действия на сцене тех времен. Но была публика, вроде Пистоля, которой именно это и нравилось.

К с. 164. ...*королю Кофетуа*. — В балладе “О нищей и царе Кофетуа” рассказывалось, как легендарный царь Кофетуа увидел нищенку и женился на ней.

...и *Джон, и Скарлет*. — Маленький Джон, прозванный так в шутку великан, и Скарлет — друзья Робин Гуда.

К с. 170. ...*змея Алекто* — одна из фурий.

К с. 176. *Олдкастл... и умер мучеником*. — В оригинале буквально сказано “старый замок” — олд кастл: игра словами, поскольку в первом варианте пьесы Фальстафа так и звали Олдкастлом. Это лицо реальное: сэр Джон Олдкастл был приближенным Генриха IV и другом принца Генри, однако примкнул к религиозному, антикатолическому, ранне-протестантскому движению, его как еретика казнили. Впоследствии католики изображали Олдкастла ханжой и развратником, протестанты-пуритане — мучеником. Шекспир поначалу взял его имя для своего персонажа не только потому, что изображаемая им дружба между принцем и рыцарем в какой-то мере соответствовала фактам, но еще и потому, что в его время пуритане стали злейшими врагами театра. Увидев Олдкастла в пьесе (в первом издании), потомки подали протест, и Шекспир изменил имя персонажа, а в эпилоге второй части “Генриха IV”

подчеркнул, что Фальстаф и Олдкастл не имеют ничего общего. Фальстаф — измененное имя Фастольфа, в свою очередь реального человека, но жившего уже позднее, во времена Генриха VI (в соответствующих исторических пьесах он появляется у Шекспира под своим именем).

“Генрих V”

В конце второй части “Генриха IV” Шекспир обещал публике, что она еще раз увидит Фальстафа, а заодно и французскую принцессу Катерину (см. эпилог). Своего обещания он полностью не сдержал. Когда в 1599 году был поставлен “Генрих V”, зрители не увидели здесь своего любимца. Вместо этого из уст миссис Куикли они узнали о том, что Фальстаф умер. Эта перемена была обусловлена глубокими причинами.

Сюжет “Генриха V” не содержит ничего драматического. Шекспир, правда, мог взять из истории царствования этого короля его борьбу против восставших лоллардов. Но, поскольку это движение носило религиозный характер, он уклонился от изображения его, ибо всегда предпочитал избегать сюжетов, затрагивающих религиозные споры современников. Тогда оставалось показать воинские победы этого короля, и Шекспир положил их в основу сюжета. Как всегда, он внимательно прочитал Холиншеда и воспользовался его повествованием в качестве канвы для фабулы пьесы.

“Генрих V” — произведение странное по сочетанию несомненного мастерства и сравнительной пустоты содержания. Даже самые безоговорочные поклонники Шекспира вынуждены были признать, что это произведение стоит в ряду тех, которые меньше всего говорят о величии Шекспира.

Понять сильные и слабые стороны пьесы можно лишь в связи с конкретными условиями ее создания.

Написать эту хронику Шекспир был просто обязан. Дело было не только в обещании, данном в эпилоге второй части “Генриха IV”. Всем предшествующим развитием цикла исторических драм Шекспир как бы подводил себя к теме “Генриха V”. Он создал картины прошлого Англии, когда страну раздирали внутренние противоречия. В каждой из пьес утверждалась идея патриотического единства нации, управляемой мудрым и справедливым государем. Такое единство и такого государя надо было показать. Уже весь диптих “Генриха IV” подводил к этому. Он и был, вероятно, задуман в таком плане, однако, осуществляя замысел, Шекспир сделал открытие — создал Фальстафа и фальстафовский фон, и это так увлекло его, что уже в конце второй части он оказался перед противоречием. Оно состояло в том, что симпатии публики к юмору Фальстафа невозможно было примирить с идеей государственности, которая логически должна была завершать пьесу.

Фальстаф вырос в жизненную силу, опрокинувшую все идеологические расчеты. Поэтому, приступая к созданию “Генриха V”, Шекспир с самого начала должен был решить важный для него как художника вопрос: как быть с Фальстафом? Сохранить его означало заранее лишиться себя возможности создать пьесу, в которой во весь рост встало бы величие Генриха V как “народного” короля, каким он был в сознании масс. Поэтому Шекспир решил: Фальстаф должен умереть.

“Генрих V” — патриотическая пьеса, прославляющая монархию и монарха, воинскую доблесть англичан и оправдывающая внешние завоевания. Это со всей ясностью выражено в произведении, драматические эффекты которого рассчитаны так, как это мог сделать только мастер ранга Шекспира. Мы не найдем здесь почти никаких следов всепроникающего шекспировского гуманизма. Нет никаких оснований подвергать в данном случае сомнению авторство Шекспира (на это не решались даже самые отчаянные дезинтеграторы шекспировского текста), и нам остается лишь присоединиться к тем критикам, которые считают это произведение выполненным по “социальному” заказу.

Ни в одной пьесе Шекспира нет столь откровенной риторики, как в “Генрихе V”. Каждое действие наполнено звучными тирадами персонажей, особенно самого Генриха V, наиболее красноречивого из всех действующих лиц. Любопытно отметить, что эта самая, казалось бы, воинственная из всех

пьес Шекспира непосредственного изображения битв не содержит.

Пьеса имеет лишь одного героя. Все остальные персонажи, как ни живо обрисованы некоторые из них, составляют лишь фон для Генриха V. В этом смысле можно было показать, что принцип композиции хроники повторяет структуру “Тамерлана” Марло. Но лишь в схеме эти произведения могут быть сопоставлены. В тональности, характере героя и идейном смысле концепции Марло и Шекспира не только различны, но и противоположны. Тамерлан знает только одно оправдание — свое желание. Этого ему достаточно, чтобы притязать на обладание всем миром. Генрих V исходит из законности. Вспомним хотя бы, как он ищет обоснования своим притязаниям на французской территории в наследственном праве. Если Тамерлан одержим личной страстью к завоеваниям, то Генрих V исходит из интересов страны. Так, во всяком случае, он думает сам.

Но не только Тамерлану, — Генрих V противостоит всем героям-индивидуалистам английской драмы эпохи Возрождения, в том числе и героям, выведенным самим Шекспиром, — Ричарду II, Ричарду III, даже самому отцу — Генриху IV. В образе Генриха V Шекспир стремился показать идеального короля и образец подлинного народного героя. Нужно сразу же сказать, что Генрих V в этой пьесе имеет мало общего с принцем Генрихом, каким он выведен в “Ген-

рихе IV". Он, несомненно, выдающаяся личность, но лично-го в нем осталось мало. В себе самом он видит только короля, никаких личных стремлений и интересов у него не осталось. Правда, он обладает индивидуальностью, и она сказывается в его поведении — то в гневе, то в сомнениях, то в шутках. Но Генрих-человек всегда подчинен Генриху-королю.

Он не политик — в том смысле, в каком это слово употреблялось Шекспиром. Быть политиком — значит хитрить, притворяться, лицемерить, и таким "политиком" был отец Генриха V, хитростью и силой добившийся престола. Генрих V — человек прямой. В нем нет ни капли макиавеллизма. Свои цели он объявляет открыто и идет к ним прямой дорогой. Таков он в государственных делах, на войне и в личных отношениях. Он без лицемерия — наоборот, с горячностью — заявляет французам, что хочет получить их земли, принадлежащие ему по праву. Военачальника осажденного Гарфлера он предупреждает, что, если крепость не сдастся, пощады никому не будет. Наконец, руки французской принцессы он добивается без всяких галантностей, просто объявляя ей о своем желании взять ее в жены.

Прямой и горячий, он может простить вину, как прощает он человека, поносившего его личность, но он беспощаден даже к прежним друзьям, когда они замышляют убить его (II, 2), потому что усматривает в этом преступление против государственной власти.

Полнее всего личность Генриха V раскрывается в ночной сцене — накануне битвы при Азинкуре. Генрих V понимает, что судьба его и государства зависит от простых людей, составляющих армию. Он беседует с ними переодетый, стараясь понять их настроения и вселить в них бодрость, сознание долга перед страной. Демократизм Генриха V искренний, он проистекает из ясного понимания того, что сила государства покоится на преданности подданных. Он знает язык простых людей, понимает их мысли и вместе с тем сознает свой долг, состоящий в том, чтобы быть руководителем, направляющим их поступки на благо страны. Подлинным пафосом проникнута его знаменитая речь перед боем в которой он взывает к лучшим чувствам воинов — их национальной гордости, патриотизму, чести и достоинству.

Шекспир вложил много старания и мастерства как в построение действия, так и в характеристику образа Генриха V. Мастерства, умения здесь, бесспорно, много. Только мало сердца. Генрих V оставляет нас холодными. Возможно, что для публики шекспировского театра этот образ был иным. Мы не исключаем, что пьеса могла зажигать современников чувством патриотизма. Она несомненно была злободневным произведением и отвечала настроениям времени. Может быть, даже это была не только пьеса широкого патриотического звучания, но и драматический документ более узкого политического значения — прославление завоева-

тельной по-литики британской короны в Ирландии и восхваление полководца, выполнявшего эту отнюдь не благородную миссию, Эссекса. Бесспорно, что этой хронике недостает обычной ше-кспировской глубины, не только той, какой он достиг в великих трагедиях, а хотя бы той, которая уже явственна в про-изведениях второй половины 1590-х годов — “Ромео и Джу-льетте”, “Ричарде II”, “Генрихе IV”

А. Аникст.

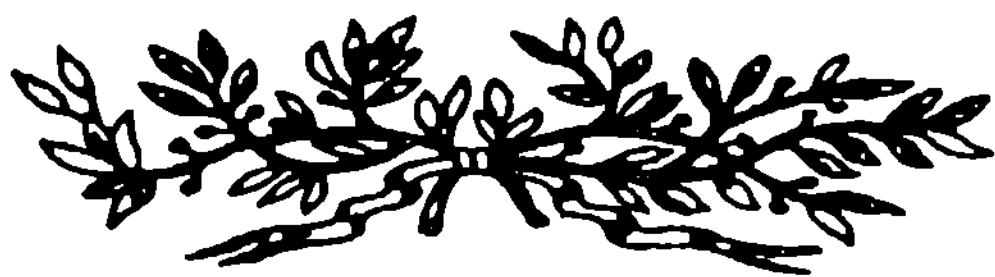
Примечания к тексту “Генриха V”

К с. 181. *И вместит ли помост петуший — Франции поля?* — Сцены некоторых лондонских театров были переделаны из сцен для петушиных боев.

Вместит ли круг из дерева... — Здание театра “Глобус” первоначально имело круглую форму.

К с. 191. *Салический закон.* — имеется в виду одно из положений Салической правды, древнейшего свода законов у франков, некогда владевших Францией.

К с. 192. *Притязаньям вашим преградой служит лишь один закон...* — Вся аргументация архиепископа целиком заимствована Шекспиром из “Хроник” Холиншеда. На самой деле притязания Генриха V на французскую корону, даже если допустить наследование по женской линии, были юридически неосновательны, так как такого рода права могли иметь только

Мортимеры (см. генеалогическую таблицу) в качестве потомков старшего внука Изабеллы Французской, жены английского короля Эдуарда II и матери Эдуарда III.

Фарамонд — легендарный основатель династии меровингов; его имя в достоверных хрониках не упоминается.

К с. 194. *Людовику Десятому...* — На самом деле — Людовику IX (Шекспир повторяет здесь ошибку, сделанную Холиншедом).

К с. 195. *Книга Числ* — одна из книг Библии.

К с. 206. ...*Меркурьи наши, окрылив пяты.* — На дошедших до нас изображениях Меркурия, быстролетного вестника богов, он представлен с крылышками у пяток.

К с. 207. ... *Чтоб вам от нашей пьесы тошно стало.* — Шуточный намек на морскую болезнь.

К с. 209. *Ну как дела, хозяин Пистоль?* — Пистоль стал “хозяином” с тех пор, как женился на хозяйке трактира Куикли.

...*страшное убийство и кровосмешение.* — Хозяйка говорит “кровосмешение” вместо “кровопролитие”.

К с. 210. *Палить я мастер; вот нажму курок, — и вылетит огонь.* — Намек на имя Пистоля: pistol значит “пистолет”.

Барбазон — имя одного из дьяволов.

К с. 211. *О критский пес!* — Крит славился своими лютыми охотничьими псами.

К с. 212. *Крессида* — гречанка, неверная возлюбленная троянского царевича Троила. Ее имя стало синонимом “распутницы” (см. пьесу Шекспира “Троил и Крессида”).

К с. 214. *Нобль* — старинная золотая монета.

К с. 221. *Хемптон* — сокращенная форма вместо Саутемптон.

К с. 224. ...*поскорее мое намеренье осуществить*. — В хронике Холиншеда сообщается, что граф Кембриджский стремился к низложению Генриха V в пользу Мортимера.

К с. 226. ...*позволь мне проводить тебя до Стенса*. — Местечко Стенс было конечным пунктом первого перегона по дороге из Лондона в Саутемптон.

...*в лоне Артуровом*. — Хозяйка хочет сказать: “в лоне Авраамовом”. Артур — легендарный король древних бриттов. Авраам — библейский персонаж, считавшийся одним из “патриархов”, то есть родоначальников племен.

К с. 227. ...*скончался он... как раз с наступлением отлива*. — По старинному поверью, люди умирают, когда начинается отлив.

К с. 228. *Но ведь он был ревматик...* — Хозяйка говорит *rheumatic* (ревматик) вместо *lunatic* (безумный).

К с. 231. *Брут Старший* — древнеримский герой, который долгое время притворялся слабоумным, чтобы вернее осуществить свой план свержения царя-тирана Тарквиния Гордого.

К с. 232. ...*проигранную битву при Креси...* — Битва эта произошла в 1346 году.

К с. 240. *Гарфлер* — небольшой приморский город поблизости от Гавра: в старину был крупным портом.

К с. 243. *Прошу тебя, капрал...* — Небрежность Шекспира: выше, в сцене II, 1 Бардольф назван лейтенантом.

Но щит и меч... О, если б было мне дано... — отрывки из не дошедших до нас английских песен.

К с. 257. *Всё норманнские ублюдки!* — Намек на происхождение английского королевского дома от нормандского герцога Вильгельма Завоевателя (XI в.), который был незаконнорожденным.

К с. 269. *Вот за труды тебе.* — Существовал обычай одаривать послов даже вражеских государств, приносивших дурные или оскорбительные вести.

К с. 270. *Благодарю вас, государь.* — Благодарность эта относится к щедрому дару.

К с. 272. *Самый скверный рог его копыт...* — Рог — двусмысленно: как роговая ткань и как музыкальный инструмент. “Самый скверный” — потому, что разные части копыт состоят из вещества разного качества.

...поспорит в гармонии со свирелью Гермеса. — Пастушеский бог Гермес умел искусно играть на свирели.

Весь мир, ведомый нам и неведомый... — Неведомый мир — еще неоткрытые земли.

К с. 276. *Мне кажется, он съест все, что убьет.* — Коннетабль хочет сказать, что дофин умеет убивать только дичь, а не людей.

К с. 282. *...каждый, знатный и простой, глядит на облик Генриха в ночи, начертанный рукою нашей слабой.* — Поэтический паралогизм: солдаты, по ходу пьесы глядящие на Генриха, сливаются со зрителями, которых драматург приглашает посмотреть на выведенный им на сцене образ короля.

К с. 287. *...в Давидов день сорву я с его башки порей.* — В битве при Креси (происходившей в день св. Давида), в которой Эдуард III разбил наголову французов, отряд уэльцев отличился в стычке, имевшей место в огороде, засеянном пореем. В память об этом уэльцы в день св. Давида стали украшать свои шапки пореем, сделавшимся своего рода их национальной эмблемой.

К с. 294. *...вырвать у них эти кроны.* — В подлиннике игра слов: “*crown*” корона (монета) и макушка головы.

К с. 296. *Гиперион* — одно из наименований Феба — Апполона.

К с. 297. *Прах Ричарда я царственно почтил.* — Тело Ричарда II, погребенное без всяких почестей в Ленгли (в Херифордшире), Генрих V велел торжественно перенести в Уэстминстерское аббатство.

К с. 301. *...падаль островная собой пятнает утреннее поле. Их тряпки рваные висят плачевно...* — Предвосхищая

события, Гранпре говорит об англичанах уже как о трупах, об английских знаменах — как о рваных тряпках.

К с. 303. *И ты, кузен...* — Солсбери обращается к Уэстморленду.

К с. 305. *Криспин и Криспиан* — два брата, празднование памяти которых приходилось на один и тот же день (25 октября).

К с. 321. ...*ведь он родился в Монмуте*. — Монмут находится в Уэльсе, на родине Флюэллена.

К с. 338. ...*когда бы полководец королевы вернулся из похода в добрый час... мятеж ирландский поразив мечом*. — Намек на экспедицию Эссекса, предпринятую летом 1599 года с целью подавления восстания в Ирландии.

Вмешался в дело даже император... — Германский император Сигизмунд пытался, хоть и безуспешно, выступить посредником между Англией и Францией.

К с. 340. *Кадуаладер, или, точнее, Кадуаладр*, — последний уэльский король. Его именем названа гора в Уэльсе, славившаяся обилием коз.

Вчера вы назвали меня горным эсквайром... — Насмешки над пустынными горами Уэльса были обычными в устах англичан.

К с. 344. *Убийственные взоры василисков*. — В подлиннике “роковые ядра смертоносных василисков”, с двойным значением слова “*basilisk*”: василиск — сказочное чудовище,

убивающее будто бы одним своим взглядом, и василиск — старинный тип пушек.

“Генрих VI”

Перед нами, по всей вероятности, самые первые произведения Шекспира. Уже с конца XVIII века исследователи сходятся в том, что из всех пьес, составляющих шекспировский канон, три драмы, изображающие события царствования Генриха VI, были написаны ранее других. Но созданы они не в той последовательности, которая соответствует хронологии представленных в них событий. Сначала возникла вторая часть (1590), затем третья (1591) и, наконец, та пьеса, которая стала первой частью (1592) трилогии. Лишь в самое последнее время стали выдвигать предположение, что первая часть была написана до второй и третьей.

Вопрос о последовательности написания частей трилогии упирается в другой вопрос: был ли у Шекспира с самого начала замысел создания цикла исторических пьес, или трилогия сформировалась как бы сама собой? На это трудно ответить, ибо столь же вероятны оба предположения. Конечно, соблазнительно поверить в то, что всеобъемлющий ум Шекспира уже с самого начала строил план серии пьес, охватывающих большой и важный период истории Англии. Но не менее естественно предположить, что, начиная драматургическую деятельность, он сначала выбрал одну тему, затем, убе-

дившись в успехе, развил ее и довел свой цикл пьес сначала до объема трилогии, а затем и тетралогии (включая “Ричарда III”, непосредственно примыкающего к третьей части “Генриха VI”).

Для публики шекспировского театра каждая из составляющих трилогию пьес существовала как самостоятельное драматическое произведение, и они ставились порознь. Более тесно связаны друг с другом вторая и третья пьесы, первая же стоит от них особняком, хотя сюжетные нити, связывающие их, протянуты между всеми частями цикла вплоть до “Ричарда III”.

Начало драматургической деятельности Шекспира совпадает с периодом подъема национального самосознания английского народа. Этот подъем был обусловлен и тем, что завершился процесс формирования английской национальной монархии, и тем, что государство должно было отстаивать себя в борьбе против феодально-католической реакции, пытавшейся, главным образом извне, навязать реставрацию старых порядков. Разгром “Непобедимой Армады” (1588), посланной с этой целью испанским королем Филиппом II к берегам Англии, необычайно стимулировал национальные патриотические чувства народа.

Но Шекспир сознавал не только этот факт. Он видел не только центростремительные, но и центробежные силы, действовавшие в обществе, не только стремление к прочному

государственному единству, но и тенденции, враждебные ему. Национальное и государственное единство было проблематичным. Пережитки старых сословных антагонизмов переплетались с нарождающимися новыми классовыми противоречиями. Стяжательские стремления всякого рода — и прежние династические, фамильные, основанные на феодальных привилегиях, и новые, покоившиеся на богатстве или личных притязаниях — превращали общество в арену непрерывной и ожесточенной борьбы.

Такова картина, предстающая перед нами в трилогии “Генрих VI”. Раздоры, смуты и войны сотрясают страну. Здесь нет законов и царит одно лишь право сильного. В этой анархии и заключается суть трагедии, переживаемой Англией. Основная идея трилогии, как и всех остальных пьес Шекспира из истории Англии, — идея необходимости национального единства, которое может быть обеспечено крепкой централизованной властью, возглавляемой королем. Именно эту позицию занимали гуманисты в борьбе против всего того, что мешало осуществлению их идеалов общественной гармонии. На том этапе такая позиция была прогрессивной.

Шекспир утверждает свою идею через раскрытие того зла, какое несут обществу и государству смуты и раздоры. Инстинкт подлинного драматурга подсказал ему именно такое, драматическое воплощение идеи.

Художественная форма, в которую Шекспир облек свои замыслы, была подготовлена предшествующим развитием драмы. Английский театр эпохи Возрождения уже с первых шагов создает особый жанр, получивший название пьес-хроник (chronicle plays) или исторических хроник (histories). Они представляли собой драматизированные инсценировки исторических событий. С самого начала пьесы этого типа имели ясно выраженный политический урок для современности. Особые условия делали это прошлое не столь отдаленным для зрителей шекспировского театра. Формы государственного и общественного быта феодальной эпохи еще далеко не были изжиты. Если буржуазное развитие и родило новые социальные отношения, то зачастую они еще отливались внешне в старую форму. Обуржуазившееся дворянство — достаточно показательный пример этого.

В жанровом отношении пьесы-хроники не обладали определенностью. Для многих из них было характерно эпическое построение действия. Такими были, в частности, пьесы-хроники, составившие данную трилогию. Впоследствии Шекспир сделает опыт приблизить хронику к трагедии ("Ричард III", "Ричард II"), однако эпичность остается законом композиции большинства его драм из истории Англии.

Главным для молодого драматурга было насытить действие событиями. Они следуют одно за другим с калейдоскопическим разнообразием. Искусство раскрытия характеров,

отличающее зрелое творчество Шекспира, еще находится здесь на примитивной стадии. Персонажи трилогии сравнительно мало индивидуализированы, характеры их односторонни, они не развиваются перед нами. Пока что их главной чертой остается лишь определенность стремлений, заключающихся в большинстве случаев в борьбе за утверждение себя, в жажде господства над другими, в мести и т.п. Но если психология шекспировских героев на этой стадии еще примитивна, то, во всяком случае, она достоверна и не поражает неестественностью, как это нередко случалось в драме на той стадии ее развития.

Уже в этих ранних пьесах сказывается важнейшая особенность шекспировской драматургии — ее поэтичность. Речь действующих лиц изобилует яркими метафорами, красочными сравнениями, ибо герои Шекспира, как и сам он, мыслят образами. Однако пьесы трилогии, как и вся ранняя драматургия Шекспира, характеризуются в стилевом отношении тем, что все ресурсы образной речи лишь украшают ее, но еще не связаны столь органически с характером, поступками и драматической идеей произведения, как это будет у зрелого Шекспира. Вместе с тем уже здесь мы встречаемся со специфическим шекспировским умением чеканить выразительные поэтические определения, придающие афористичность языку его драм.

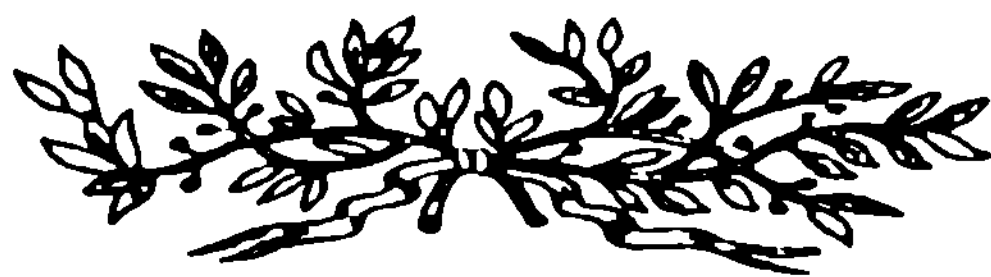

“О, как возрадовался бы доблестный Толбот, гроза французов, узнай, что, пролежав двести лет в гробу, он снова одерживает победы на сцене, а гибель его вызывает слезы на глазах по меньшей мере у десяти тысяч зрителей, которые, смотря трагедию в разное время, глядя на трагика, воплощающего его личность, воображают, что видят его самого, источающего кровь из свежих ран”, — так писал Томас Неш (1592) о впечатлении, произведенном на современников первой частью “Генриха VI”.

Действительно, король, имя которого носит пьеса, не является ее героем. В хронике вообще нет героя, вокруг которого строилось бы все действие, но Толбот является персонажем, привлекающим наибольшие симпатии.

В его лице Шекспиром представлен герой эпического типа. Толбот — рыцарь без страха и упрека, движимый любовью к родной стране, славу которой он стремится приумножить своими подвигами.

Сущность его героизма прекрасно выражена в той сцене (II, 3), когда графиня Овернская заманивает его в свой замок. Графине, торжествующей, что ей удалось поймать Толбота в ловушку и тем самым лишить англичан их главной силы, доблестный воин отвечает, что она видит не Толбота, а лишь тень его, “малую толику”, а весь он не влез бы под кровлей замка.

На трубный зов Толбота откликаются его воины, они вторгаются в замок, и рыцарь говорит графине, указывая на них: “Вот сущность — руки, мускулы и сила”.

Да, сила Толбота — в его единстве с народом страны, составляющим воинство. И в этом смысле он противопоставлен Шекспиром Жанне д’Арк.

Изображение французской национальной героини в пьесе Шекспира вызвало у многих позднейших критиков резкое осуждение. Английского драматурга обвинили в том, что слепой национализм помешал ему увидеть Жанну во всем ее героическом величии. Но упреки, предъявляемые Шекспиру, исторически неосновательны. Можно ли было требовать от него большего, чем от соотечественников Орлеанской девы, сжегших ее на костре как колдунью? И разве мог Шекспир увидеть Жанну д’Арк не такой, какой она была в сознании английского народа, воевавшего против Франции целое столетие? Такой рисовали Жанну д’Арк английские хроники, и следует удивляться другому: несмотря на все предрассудки, укоренившиеся в Англии против Жанны д’Арк, Шекспир нашел какие-то краски, чтобы сделать ее образ человеческим.

Не приходится отрицать то, что в пьесе Шекспира Толбот и Жанна д’Арк противопоставлены друг другу как два разных воплощения воинственности и героизма. Однако главный акцент в этом контрастировании героев сделан не сто-

лько на национальных, сколько на социально-этических качествах. Толбот всегда взывает к лучшим побуждениям своих соотечественников, тогда как Жанна играет на их эгоизме, тщеславии и других подобных качествах. Символически это представлено в том, что Жанна обращается за помощью к злым духам (V, 3). В этом вообще суть ее колдовства, которое служит аллегорическим выражением того, что Жанна опирается на силы зла и тьмы.

Но если Шекспир лишил французскую героиню тех достоинств, которые обессмертили ее, то он наделил ими Толбота. Этот исторически существовавший, но малопримечательный воин, ничем не отличавшийся от других английских феодалов, превращен Шекспиром в идеального народного героя. Наделив его патриотизмом, самоотверженностью, высоким сознанием долга, Шекспир противопоставил Толбота не только французской воительнице, но и английским феодалам.

Если французский лагерь представлен в пьесе как сборище хищных и себялюбивых дворян, то и англичане, за исключением Толбота и его сына, да еще слабовольного Генриха VI, выглядит не лучше. Над еще не остывшим трупом Генриха V возникает ссора лорда-протектора Хемфри Глостера с епископом Уинчестерским. В то время как они борются между собой за власть, возникает еще более страшная междоусобица: образуются партии Алой и Белой розы. Корыстные ин-

тересы феодалов берут верх над их долгом по отношению к нации и государству: Сомерсет оставляет Толбота без поддержки, и тот героически погибает в неравном бою против французов.

Достоинство, в ореоле мученичества и героизма умирает Толбот, позорной казни предадут Жанну д'Арк. Но дева, безуспешно пытавшаяся смягчить палачей и вымолить себе спасение, проклиная победителей, призывая на их головы все ужасы мрака, разрушения и смерти. И зритель шекспировского театра знал, что означало это проклятие: оно было пророчеством о кровавой междоусобице, начало которой изображено в этой пьесе.

Сцена в саду около Тауэра, когда главари враждующих королевских семейств срывают цветы, — Ланкастер красную розу, Йорк белую розу, — стала хрестоматийной. Но в истории о ней ничего нет. Это одна из тех поэтических фантазий Шекспира, удивительно угадывающего дух прошлого, придающего наглядность и выразительность тому, что в науке остается абстракцией. У Шекспира геральдическая метафора облекается художественной плотью.

Общие контуры исторических событий переданы Шекспиром в соответствии с его источниками — хрониками Холла и Холиншеда. Следя за тем, как под пером молодого драматурга эпическое повествование преобразуется в цепь эпизодов, остроконфликтных по своему характеру, мы видим

некоторые черты зарождающегося мастерства исторической драмы у Шекспира, который уже здесь, в одной из первых своих пьес, проявил дар живости и действенности в воспроизведении прошлого.

*... Печально время наше.
Задушена здесь доблесть честолубьем,
И милосердье изгнано враждою;
Повсюду злые козни и интриги;
Нет справедливости в стране родной.*

Эти слова Глостера (III, 1) выражают центральную идею второй пьесы трилогии. Внешний конфликт — война с Францией — здесь уступает место изображению внутренних смут. Вражда между династиями Ланкастеров и Йорков перерастает в междоусобную войну. Перед нами картина государства, раздираемого борьбой хищнических стремлений. Между феодальными баронами идет война не на жизнь, а на смерть. Они не брезгают никакими средствами, чтобы уничтожить соперников. Коварные интриги, злобные наветы, тайные убийства и открытые козни — все пущено в ход лордами, которые одержимы честолубием и жаждой власти.

Лишь один из всей царственной знати — “добрый герцог Хемфри” Глостер — противостоит этому разгулу хищнического индивидуализма и феодальной спеси. Подобно тому как в первой части Толбот воплощал идеал самоотверженного патриотизма, так Глостер в этой пьесе выражает идеал

бескорыстного служения государству. Одиноким среди бушующего моря кровавых интриг двора, он пользуется любовью народа, который видит в нем защитника закона и справедливости. Но Глостер все же феодал, и ему даже не приходит в голову опереться на поддержку народа ради утверждения мира и порядка, тогда как его противники готовы прибегнуть к любому средству, вплоть до использования в своих целях народа, который они презирают.

Благородство Глостера, его искреннее законопослушание раскрываются не только в контрасте с анархическим своеволием феодальных баронов, но и в сопоставлении с честолюбием его жены, мечтающей о короне. В облике герцогини Глостер нетрудно увидеть первый набросок характера, который предстанет перед нами впоследствии в леди Макбет. Здесь есть даже ведьмы-предсказательницы, правда, не столь поэтичные и символические, как в позднейшей трагедии; к тому же они возбуждают честолюбие жены, а не мужа и делают это не по велению таинственной Судьбы, а подосланные королевой, задумавшей сгубить свою надменную соперницу. Для Глостера закон выше даже его любви к жене. Узнав, что она осуждена за то, что прибегла к помощи колдовства, он признает приговор справедливым. Но честность и законопослушание ни к чему в этом мире беззакония, и Глостер погибает, став жертвой козней его врагов.

Говоря, что Глостер одинок, мы не забыли о короле Генрихе VI. Он, правда, тоже прямодушен и беззлобен, но, преданный молитвам и постам, этот набожный монарх оказывается игрушкой в руках своей властолюбивой жены Маргариты и ее любовника Сеффолка. Беда государства в том и состоит, что король — человек бессильный и не способен взять в узду непокорных баронов. Он не в состоянии воспрепятствовать гибели единственного из своих приближенных, искренно преданного ему, — Глостера.

Большая трагедия, переживаемая государством, складывается из нескольких личных трагедий, сопутствующих судьбе различных деятелей этой обширной исторической драмы. Гибнет честный Глостер, но погибает и его враг кардинал Бофорт (он же епископ Уинчестерский в первой части трилогии). Прелат умирает, не добившись удовлетворения своих честолюбивых стремлений, и на смертном ложе с уст этого служителя церкви срываются богохульственные проклятия. Погибает и властолюбивый Сеффолк. Он уже был у цели: его любила королева, а ее власть давала ему возможность вершить судьбы страны. Но нужно было устранить последнее препятствие — Глостера, и убийство доброго герцога оказалось роковым для Сеффолка. Народ потребовал искупительной жертвы за своего любимца, и Сеффолк был изгнан. Он пал бесславно от рук пиратов. Герцогиня Глостер, мечтавшая о короне и уже видевшая ее в своих снах на голо-

ве, подвергается унижительной казни. Наконец, мятежный самозванец Джек Кед, достигнув Лондона на гребне народного восстания, оказывается покинутым своими прежними соратниками и погибает жалкой смертью.

Так одного за другим — и правого и виноватого — настигает гибель, ибо в этом хаосе царит смерть. Но главным страдальцем является не кто-либо из этих гибнущих людей, а государство. Смерть большинства из них, исключая Глостера, является заслуженным возмездием за то, что свои интересы они поставили выше забот о благе страны. Даже интересы целого сословия, в глазах Шекспира, не могут быть поставлены выше общих целей и задач государства.

Как ни драматично изображение отдельных личных судеб в этой пьесе, содержащей в зародыше трагические мотивы и “Макбета” (герцогиня Глостер), и “Антония и Клеопатры” (Сеффолк и Маргарита), и некоторых других трагедий Шекспира, наибольшее значение имеет то, что Шекспир расширил поле исторической драмы, выведя на сцену народ. Уже в этой ранней пьесе Шекспира мы встречаемся с тем, что история рассматривается драматургом не только как поприще деяний выдающихся личностей, но и как арена социальной борьбы, в которой участвуют массы простых людей, составляющих непривилегированную часть общества. Уже сам по себе этот факт является лишним свидетельством авторства Шекспира, ибо он согласуется с тем раскрытием

исторического процесса, какое мы находим в зрелых и неоспариваемых произведениях драматурга. Но не только это: трактовка народа во второй части “Генриха VI”, в сущности, едина с той, которая дается Шекспиром в “Ричарде III”, “Генрихе V”, “Юлии Цезаре”, “Гамлете” и “Кориолане”.

О народе у Шекспира написано много, и много неверного, главным образом по причине неисторического подхода к этому вопросу. В частности, это относится к знаменитым сценам восстания Джека Кеда во второй части трилогии “Генрих VI”.

Шекспира упрекали в том, что он враждебно относился к народу. Проявление этого видели в показе им анархических действий толпы, ее некультурности и, как говорили, бесцельной жестокости. Сцены восстания Джека Кеда толковались как выражение аристократизма Шекспира.

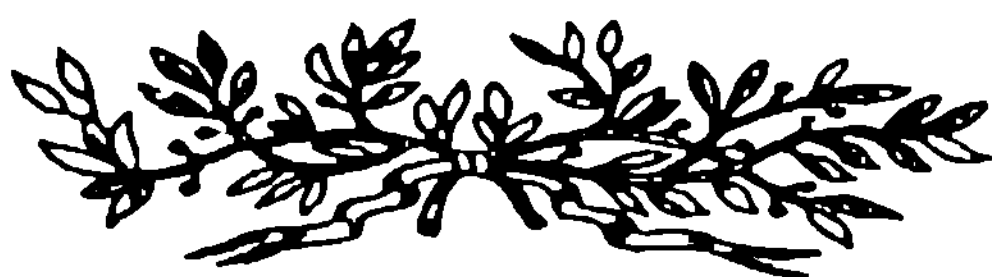
Неверно это прежде всего потому, что аристократия в данной пьесе, как и в других хрониках, предстает отнюдь не в более благоприятном освещении, чем народ. Нельзя сказать, что все эти Сеффолки, Бофорты, Сомерсеты, Йорки нравственно превосходят простых людей. И те и другие одинаково непослушны закону, стремясь к удовлетворению своих интересов. Вернее здесь подчеркнуть иное, а именно то, что Шекспир глубоко почувствовал социальные корни борьбы, происходившей в обществе. У каждого сословия есть сознание своих интересов, и именно это движет им. Подобно

тому как Шекспир точно отразил стяжательские стремления феодальных баронов, так же показал он и жажду народа удовлетворить свои первейшие материальные потребности.

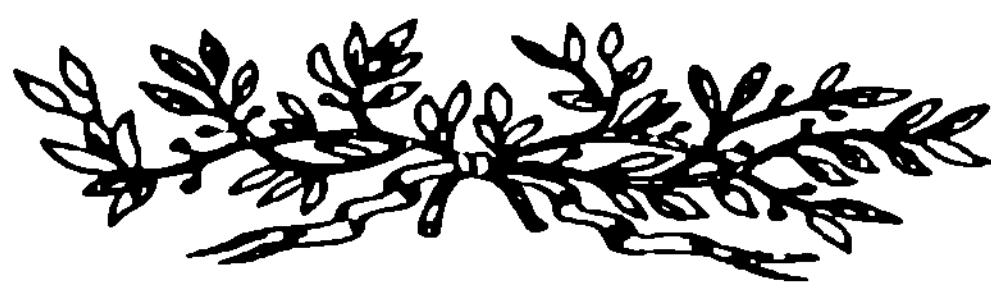
Приглядимся внимательно к народному восстанию, изображенному в пьесе. Честолюбивый Йорк, посланный своими соперниками в Ирландию для подавления мятежа, придумывает способ, чтобы вернуться в Англию. Среди своих солдат он имеет преданного человека, которому поручает поднять народный бунт. Йорк рассчитывает на то, что страх перед восставшими крестьянами побудит врагов вызвать его для усмирения бунтовщиков. Первое, что следует отметить: Йорк понимает, насколько накалилось недовольство народа феодальным режимом.

Когда Джек Кед выдает себя за графа Мортимера и заявляет о своих притязаниях на корону, среди народа находятся люди, отлично понимающие, что он самозванец, но это не мешает им последовать за Кедом. Народу безразличен повод, но ему нужен вождь и важна цель восстания. Чего желает народ, Джеку Кеду отлично известно, и он провозглашает это своей программой: “Так будьте же храбры, потому что начальник ваш храбр и клянется изменить все порядки. В Англии будут продавать семь полупенсовых булок за один пенс; кружка пива будет в десять мер, а не в три; и я объявляю государственной изменой потребление легкого пива. Все в королевстве будет общим... А когда я стану королем

— а я им стану... — денег тогда не будет вовсе; все будут пить и есть на мой счет; и я всех наряжу в одинаковую одежду, чтобы все ладили между собой, как братья, и почитали меня, как своего государя” (IV, 2). Войдя победителем в Лондон, Джек Кед провозглашает: “Отныне все будет общим” (IV, 7).

Поразительна та точность, с какой Шекспир раскрывает действительные социальные стремления народа. Создавая этот эпизод, драматург сочетал в нем черты двух народных восстаний: Джека Строу и Роберта Кета. Восстание, поднятое по наущению Йорка, было тактическим ходом этого честолюбивого феодального барона в борьбе за свои притязания на престол. Шекспир, однако, придал этому эпизоду более глубокий смысл. Если Джек Кед и действовал в интересах Йорка, то крестьяне преследовали иные цели: они в самом деле борются за свои интересы. Программа, которую излагает Джек Кед, отражает стремление крестьянских масс к социальной справедливости. В ней выражен идеал уравнительного коммунизма. Средневековые хроники Англии сохранили тексты лозунгов и прокламаций крестьянских восстаний той эпохи. То, о чем говорит Джек Кед, местами почти дословное повторение прокламации Роберта Кета, призывавшего к установлению общности имущества и примитивного равенства. Таким образом, Шекспир здесь отразил действи-

тельные стремления народа, жаждавшего замены феодальной эксплуатации строем, основанным на справедливости.

Эпизоды восстания, подавшие повод для обвинения Шекспира в антидемократизме, в действительности свидетельствуют о том, что драматург с большой реалистической правдивостью отразил характерные черты крестьянских восстаний средневековья. Естественно, что народный бунт принимал форму стихийных действий. Не менее естественна и та мстительность, которую проявили восставшие крестьяне по отношению к своим угнетателям. Шекспир это и показал. Понятно, что реакционные буржуазные критики смотрят на эти эпизоды в драме Шекспира глазами людей господствующего класса и видят в действиях мятежных крестьян только разгул анархической стихии. Мы смотрим на это глазами объективных историков, и для нас очевидно, что действия, кажущиеся незаконными, на деле выражают справедливый гнев народа.

Восставшие крестьяне вешают четецкого клерка за то, что он грамотен и умеет подписать свое имя буквами, а не “каким-нибудь знаком, как все добрые честные люди”. Ненависть восставших крестьян к грамотности понятна, ибо и она служила средством в руках эксплуататоров против народа. Податные списки, судебные повестки, несправедливые приговоры — в таком виде представала письменность перед крестьянами. Вот почему они так враждебно относятся и к

феодалской “законности”. Джек Кед выражает то, что думали крестьяне, когда он заявляет лорду Сею: “Ты поставил мировых судей, чтобы они волокли на суд бедняков по таким делам, каких им и понять не под силу. Мало того, ты сажал их в тюрьмы, а если они не умели читать — вешал их. А между тем они только потому и были достойны жизни”. И тот же Кед задает лорду Сею вопрос: “Ты едешь на лошади, покрытой попоной, ведь правда?” На недоумение знатного лорда, который не видит в этом ничего преступного, Джек Кед отвечает: “Не дело это — прикрывать свою лошадь плащом, когда люди почестнее тебя ходят в штанах и куртках” (IV, 7).

Картина народного восстания, созданная Шекспиром, передает типичные черты крестьянских волнений эпохи средневековья: протест против несправедливостей экономической и политической системы феодализма, стремление к социальному равенству, ненависть к угнетателям и их культуре, плебейские методы расправы с эксплуататорами.

Шекспир видел не только силу, но и слабость народных движений средневековья. Он показывает неустойчивость восставших крестьян, их податливость на уговоры и веру в доброту монарха. Полна глубокого трагического смысла сцена, когда Клиффорд уговаривает крестьян сложить оружие, а Джек Кед призывает их не смиряться (IV, 8). Этот эпизод напоминает знаменитую сцену на форуме в “Юлии

Цезаре". Кеду не удастся удержать крестьян. Лживая демагогия Клиффорда принимается ими за чистую монету. Он взывает к их патриотизму и соблазняет выгодами от побед над французами. Джек Кед с горечью констатирует, что толпа с удивительной легкостью переметнулась на сторону короля и лордов.

Оставшись в одиночестве, Кед пытается скрыться. Образ этого авантюриста обрисован Шекспиром весьма выразительно. Хотя в уста Кеда вложены речи, выражающие действительные нужды и стремления народа, сам он отнюдь не был искренним защитником интересов крестьян, чье недовольство использовалось им как в интересах его покровителя Йорка, так и для собственного возвышения. Теперь, когда народ его покинул, Кед бесславно погибает.

Мелкий помещик, сквайр Айден (IV, 9), персонаж эпизодический, является носителем патриархальных добродетелей, и именно он осуществляет возмездие Кеду за ту смуту, которую тот внес, подняв народ на восстание. Но этот кентский сквайр — фигура не столько реальная, сколько идеальная. Ибо мир и порядок, во имя которого он убивает Джека Кеда, в государстве не существуют. Он приносит королю отрубленную голову Кеда, наивно думая, что уничтожил источник смут в королевстве. Но тут же при нем происходит ссора сторонников Ланкастерского и Йоркского домов, а затем с катастрофической быстротой начинает развер-

тываться борьба между двумя династическими ветвями, соперничающими в своих притязаниях на престол.

Вторая часть трилогии “Генрих VI” завершается не обычным для драмы финалом — победой или примирением, — а, наоборот, взрывом вражды и ненависти между противниками, и это предвещает ту жестокую кровопролитную борьбу, которая составит содержание следующей части.

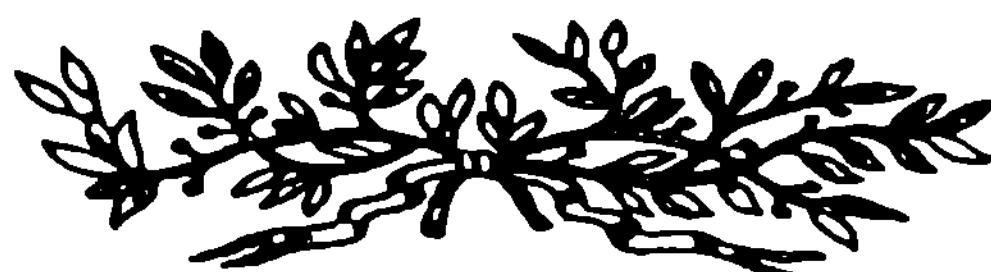
Третья часть трилогии переносит нас в самый разгар войны Алой и Белой розы. Шекспир, следуя повествованию Холла и Холиншеда, отобрал наиболее выразительные эпизоды кровавой вражды между Ланкастерским и Йоркским домами. Более чем в первой и второй частях, драматизм здесь имеет чисто внешний характер. Словесные схватки сменяются поединками на мечах, враги беспощадно сражаются друг с другом, и кровь льется потоком. Йорки и Ланкастеры как бы состязаются в жестокости, достигающей кульминации в двух эпизодах. Клиффорд убивает беззащитного юного Ретленда, а королева Маргарита, поиздевавшись сначала, приказывает Ричарда Йорка, сын которого мстит за это, убивая Генриха VI. Борьба идет с переменным успехом. Сначала Йорку удастся согнать с престола Генриха VI, затем ланкастерская партия возвращается к власти, и, наконец, уже после гибели Ричарда Йорка его сыновья одерживают победу.

В этом круговороте кровавой борьбы выделяется личность одного из феодалов — “делателя королей” Уорика. Сначала он поддерживает Белую розу, и при его содействии Ричард Йорк достигает трона, но затем обида, нанесенная ему, побуждает его стать сторонником Алой розы, и он содействует восстановлению на престоле Генриха VI. Но и сам “делатель королей” не избегает превратностей войны. Он гибнет, и с его смертью партия алой розы терпит поражение.

Уорик не единственный представитель жестокой силы феодальной знати. Почти все значительные персонажи пьесы отличаются энергией, мужеством, целеустремленностью и беспощадностью в борьбе. Таков Ричард Йорк, глава Белой розы, таковы его сыновья Эдуард и горбун Ричард, а в противоположном лагере — Клиффорд и королева Маргарита — “сердце тигра в обличье женщины”, возглавляющая партию Алой розы. Именно она, а не ее слабовольный муж Генрих VI возглавляет ланкастерский лагерь.

Король Генрих VI, как и в предыдущих частях трилогии, здесь предстает человеком набожным, миролюбивым и совершенно бессильным совладать с непокорными феодалами. Хотя он и является как бы знаменем ланкастерской партии, но его же сторонники смотрят на него как на помеху и во время одной из битв прогоняют его с поля сражения.

В отдалении от поля битвы, сидя на холме, Генрих VI предаётся размышлениям. Он мечтает о тихой, мирной жизни и жалеет, что не родился бедным пастухом (II, 5).

Идиллические размышления короля прерываются аллегорическим эпизодом. Сначала с поля битвы приходит солдат, влача за собой труп убитого врага, которого он собирается ограбить, и узнает в нем собственного отца, а затем появляется солдат, убивший в битве своего сына.

Генрих VI, с печалью вззирающий на кровопролитие, произносит слова, полные глубокого смысла. Он как бы подводит итог всему своему царствованию:

*О дни кровавые! О вид плачевный!
Когда воюют львы из-за пещер,
От их вражды бедняги-овцы терпят
(II, 5).*

Жанр хроники, взятый в целом, отличался тем, что абстрактному изображению добра и зла в средневековых моралите противопоставил конкретное изображение лиц и событий. В сцене, о которой мы говорим, Шекспир вернулся к методу аллегии, присущему моралите, для того чтобы подчеркнуть обобщающее значение эпизода. Но в остальном драматург остается на почве реальных событий, связанных с династической борьбой.

В финале хроники намечается новая тема, связывающая ее со следующей пьесой. Начинает выдвигаться фигура

сына герцога Йоркского — Ричарда Глостера, впоследствии короля Ричарда III. Ричард убивает Генриха VI, который перед смертью говорит в лицо палачу о неисчислимых бедствиях, которые тот принесет народу и стране своей жестокостью. А Ричард, пронзив мечом Генриха VI, предается мыслям о своем будущем, и в его речи звучат те же мотивы, которые мы услышим в первом монологе последней пьесы тетралогии — “Ричарде III”. Он признает, что в душе его “нет места ни жалости, ни страху, ни любви”. Природа, создав его уродом, лишила радостей любви, и у него остается одна цель в жизни — власть, к которой он пойдет, шагая через трупы собственных братьев” (II, 6).

Подлинной трагической иронией наполнен финал хроники. Старший из сыновей убитого Йорка, король Эдуард, торжествует победу: “... снова мы на английском престоле, искупленном гибелью врагов”. Белая роза победила, но один из победителей, Ричард Глостер, клянется “испортить эту жатву”. Новый король, Эдуард, призывает братьев Кларенса и Глостера поцеловать его новорожденного сына и наследника, и горбатый Ричард, прикладываясь устами к младенцу, своей будущей жертве, шепчет про себя: “Так целовал Иуда...”.

Торжество Йоркского дома мнимое. Червь междоусобицы подтачивает уже самую семью победителей. Зритель шекспировского театра знал, что мир в стране не наступил и

сше предстоит долгая кровавая борьба, прежде чем утвердятся порядок. Но перспектива замиренной, единой Англии виделась автору и зрителям уже в этой пьесе, в числе действующих лиц которой оказывается Ричмонд, будущий Генрих VII, основатель династии Тюдоров. И Генрих VI пророчит: “Красивый этот мальчик принесет благословение родной стране”. (IV, 6).

Здесь важен не этот реверанс по адресу царствующей династии, а тот гуманистический идеал внутреннего мира и государственного единства, который составляет пафос всей исторической трилогии молодого Шекспира.

А. Аникст

Примечания к тексту “Генриха VI”

Часть первая

К с. 370. *Мы в трауре, — зачем мы не в крови?* — Мстя французам, ибо Генрих V умер во время войны с Францией, хотя и не на поле битвы, а от болезни.

К с. 373. *С герба у нас все лилии сорвали...* — Лилии были изображены на гербе французских королей. После номинального присоединения при Генрихе II всей Франции к Англии лилии стали изображать также на английском гербе.

К с. 378. *Элтем* — дом, где где Генрих воспитывался до провозглашения королем.

К с. 379. *Марс* — в двояком значении: на земле — как бог войны, и в небе — как планета. Путь планеты Марс в то время еще не был изучен.

К с. 382. *Фруассар* (1338 — 1410) — известный французский хронист, историк Столетней войны.

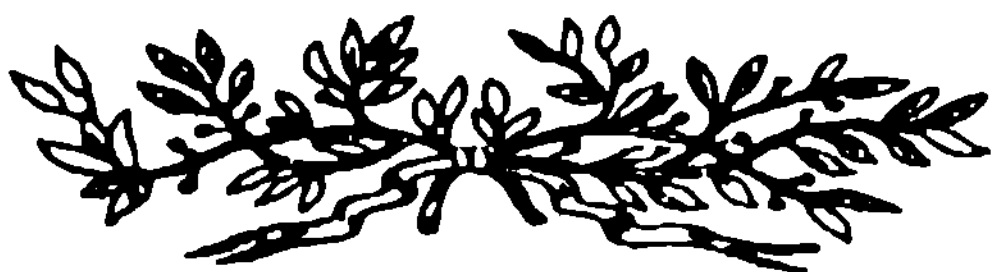
Оливье — соратник Роланда в “Песне о Роланде”, старофранцузской героической поэме (ок. 1100 г.).

Их руки, верно, тайная пружина заводит, чтобы били как часы... — Образ, подсказанный распространенным в то время типом стенных и башенных часов с фигуркой, отбивающей молотком время.

К с. 386. *Дебора* — пророчица и воительница, упоминаемая в библии.

К с. 389. *Но я подобна дерзостной галере, что Цезаря с его судьбой несла.* — Плутарх рассказывает, что однажды Юлий Цезарь, желая незаметно пробраться к своим войскам, сел на корабль, переодевшись рабом. Поднялась буря, вызвавшая среди матросов панику. Тогда Цезарь, подойдя к кормчему, открылся ему и сказал: “Друг, ты везешь Цезаря, а вместе с ним его счастье”. Матросы сразу успокоились, и корабль благополучно закончил свое плавание.

Не вдохновлял ли голубь Магомета? — Во “Всемирной истории” современника Шекспира Уолтера Роли рассказыва-

ется, что Магомет, приучив голубя клевать у него с уха пшеничные зерна, убедил арабов, что это посланец святого духа, нашептывающий ему божественное откровение.

Елена, мать римского императора Константина, сделавшего христианство государственной религией (VI в. н. э.), считалась пророчицей, так же как и “четыре дочери Филиппа”, упоминаемые в “Деяниях апостолов”.

К с. 392... в бурых кафтанах. — В бурых кафтанах ходили прислужники духовного суда. Слуги Глостера, как служители светской власти, были одеты в синие кафтаны.

Ты, бритый поп... — У католических духовных лиц выбривается кружок на темени (тонзура).

К с. 393. *Распутницам грехи ты отпускаешь...* — Одной из статей дохода епископа Уинчестерского был налог, взимавшийся с публичных домов в Саутуорке, предместье Лондона.

Тебя в твою же шляпу я упрячу. — Намек на широкополую шляпу, какие носят кардиналы.

Здесь твой Дамаск... Коль хочешь, брата Авеля убей. — По преданию, Каин убил Авеля в окрестностях Дамаска.

К с. 402. *Отмщю, Плантагенет...* — Солсбери, сын Эдуарда III, носил королевскую фамилию Плантагенет.

...гром и молния. — Очевидно, гром и молнии вызваны “чарами” Жанны д’Арк.

К с. 403. *Я кровь тебе пуцу...* — Существовало поверье, что пустивший колдунье кровь становился неподвластным ее чарам.

К с. 404. *Как Ганнибал, не силой — страхом...* — Намек на военную хитрость Ганнибала, который спасся от римлян тем, что погнал на них стадо быков с горящими ветвями на рогах.

К с. 406. *Астрей* — дочь Юпитера, богиня справедливости; согласно мифу, она в незапамятные времена покинула землю и с тех пор под именем девы сияет на небе в качестве одного из созвездий.

Как сад Адониса... — В праздник Адониса (олицетворяющего умирающую зимой и затем оживающую весной растительность) древние греки сажали в горшки или черепки с землей быстро расцветающие и так же быстро гибнущие растения.

К с. 407. *Родона* (VI в. до н. э.) — греческая куртизанка; по преданию, воздвигла в свою честь пирамиду в Египте.

Чем Дария блистательный ларец... — Среди добычи, захваченной Александром Македонским, когда он победил персидского царя Дария, был драгоценный ларец, в котором впоследствии Александр хранил список поэм Гомера.

Святая Франция — лишь Жанна д'Арк. — Патроном Франции издавна был св. Дионисий (Сен-Дени), в аббатстве которого близ Парижа находилась усыпальница французских королей.

К с. 419. *Скифянка Томирис...* — Царица скифского племени массагетов Томирис, мстя за убийство своего сына персидским царем Киром, убила Кира и погрузила его отрубленную голову в сосуд с кровью, дабы кровожадность его могла насытиться.

К с. 431. *Де-Ла-Пуль*, сокращенно Пуль — фамилия (старинного нормандского происхождения) Сеффолка.

Сейчас ему охраной это место. — Темплъ, владение рыцарей-тамплиеров (храмовников), считался священным местом, где воспрещалось всякое насилие.

К с. 436. *Генрих Монмут* — король Генрих V, получивший такое прозвание по месту своего рождения.

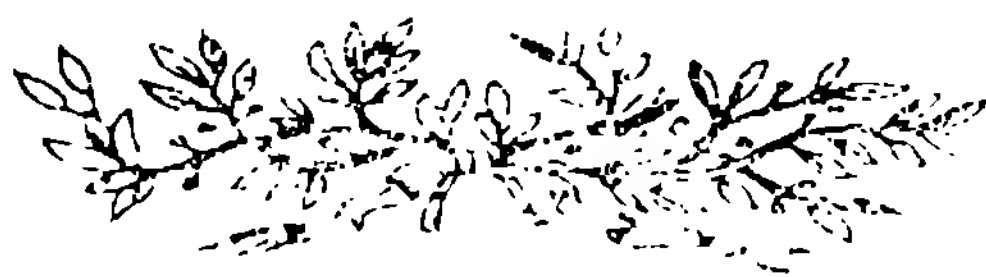
К с. 454. *Геката*, у римлян — богиня ада, в средневековых поверьях — повелительница ведьм.

К с. 463. *Синьор* — модное в то время обращение (по происхождению итальянское), употребленное здесь в насмешку.

К с. 465. *Пендрагон* — легендарный отец героя старых английских сказаний короля Артура.

К с. 467. *Дух-покровитель* — очевидно, злой дух или дьявол, который ей помогает.

К с. 476. *При коронации займите место.* — Генрих, уже короновавшийся королем Англии, говорит здесь о предстоящем ему короновании королем Франции.

К с. 476. *При коронации займите место.* — Генрих, уже короновавшийся королем Англии, говорит здесь о предстоящем ему короновании королем Франции.

К с. 478. *Повинен смерти обнаживший меч...* — Воспрещалось обнажать оружие в тех местностях, где в данный момент пребывал король.

К с. 489. *...Король шотландский тоже, мол, в короне?* — Мысль Генриха VI, выраженная немного туманно, заключается в следующем: выбор алой розы так же мало свидетельствует о его пристрастии к Сомерсету, как и ношение короны — о симпатии к исконному врагу Англии королю Шотландии, который также носит корону.

К с. 493. *Песок, что начал сыпаться в часах, течения своего не завершит...* — То есть не пройдет и часа (обычная мера времени на песочных часах).

К с. 506. *Так за отцом иди, Икар злосчастный!* — Подобно тому как Дедал сам изготовил для своего сына Икара крылья, ставшие причиной гибели юноши, так и Толбот увлек на войну сына, которому было суждено на ней погибнуть.

К с. 507. *Смерть горестная, плена жребий злой, вы мне смешны, коль здесь мой сын — герой.* Выражение “плена жребий злой” не вполне понятно в подлиннике. Видимо, Толбот у Шекспира хочет сказать: если даже враги, прежде чем я умру, успеют захватить меня в плен, тем самым еще отягчив

мои предсмертные страдания, то и эти муки окупятся сознанием, что мой сын вел себя как герой.

К с. 511. *Алкид* — одно из наименований Геркулеса.

К с. 514. *Римский император* — этот титул, в те времена уже чисто номинальный, носил германский император.

К с. 516. *Лорд Уинчестер уж повышен в звание, и получил он кардинальский сан?* — Небрежность Шекспира, — Уинчестер уже раньше (акт 1, сцена 3) был изображен кардиналом.

К с. 520. *Вы, что владыке севера покорны...* — Главным местопребыванием злых духов считался Северный полюс.

К с. 524. *В знак мира вечного я эти пальцы целую и кладу на бок твой нежный.* — Из почтительности Сеффолк целует не ее руку, а свою и затем уже позволяет себе поддержать ее за талию.

СОДЕРЖАНИЕ

Генрих IV. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	
Часть 2	5
Генрих V. <i>Перевод Е.Бируковой</i>	175
Генрих VI. <i>Перевод Е.Бируковой</i>	
Часть 1	365
Примечания и комментарии	555

Вильям Шекспир

Полное собрание сочинений
в 14 томах

Т о м 2

Редактор *К. Поповский*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Р. Попов*
Корректор *И. Левтонова*

Подписано в печать 27.08.92. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,6. Усл. кр.-отт. 53,2. Уч.-изд. л. 19,68. Тираж 20 000 экз. Заказ 1996.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93

Шекспир Вильям

Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 2 / Художник А. Машезерская; Примеч. А. Смирнова. — М.: ТЕРРА, 1992. — 608 с.: ил.

ISBN 5-85255-194-5 (т. 2)

ISBN 5-85255-192-9

Во второй том собрания сочинений В. Шекспира включены исторические хроники «Генрих IV. Часть 2», «Генрих V», а также первая часть хроники «Генрих VI».

**Ш 4703010300-082
А30(03)-92 Подписное**

ББК 84.4(Вл)

